

Робер **М**ерль

А. ЕРМОЛАЕВ

**Библиотека
современной
фантастики**

**Робер Мерль
Разумное
животное
роман**

МОСКВА. 1969

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ТОМ

17

Robert Merle
Un animal doué de raison
Gallimard, 1967

Художник
Е. Галинский

Перевод
с французского
Н. РАЗГОВОРОВА,
Л. ТОКАРЕВА

Редколлегия:
Э. АРАБ-ОГЛЫ
И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА
И. ЕФРЕМОВ
С. ЖЕМАЙТИС
Ю. КАГАРЛИЦКИЙ
В. МИЛЮТЕНКО
А. СТРУГАЦКИЙ

От автора

Много воды утекло со времени выхода романа «Смерть — мое ремесло». Однако до сих пор я корю себя за то, что по какой-то непростительной небрежности не написал к этой книге предисловия. За всякую лень приходится расплачиваться, и за свою я расплачиваюсь особенно жестоко тогда, когда доброжелательные читатели — через пятнадцать лет после появления романа — подвергают сомнению его историческую достоверность. А ведь мне ничего не стоило на несколько мгновений остановить читателя на пороге книги и сказать ему: все — за исключением имени — подлинно в истории Рудольфа Ланга. Все факты его жизни, его карьеры. Ведь чтобы рассказать о том, как возникла фабрика смерти в Освенциме, я проделал работу историка: камень за камнем, документ за документом я ее воссоздал по архиву Нюрнбергского процесса.

В романе «Разумное животное» проблема соотношения исторической правды и вымысла тоже возникает — правда, в другом аспекте. В этом случае труднее всего определить жанр моего произведения, потому что, определив жанр, мы тем самым как бы устанавливаем те пропорции действительного и вымышленного, которые по праву интересуют читателя.

И здесь я должен признаться в своем затруднении. Я не уверен, что мне удастся дать четкое определение жанра своей книги. При таких условиях лучше всего, наверное, было бы воспользоваться рядом приблизительных определений и, раз уж я не могу точно определить этот тип произведения, хотя бы примерно сказать, что он из себя представляет или чем не является.

Читателю, который ничего не знает о дельфинологии, «Разумное животное» на первый взгляд покажется притчей о животных. Верно ли это? И да и нет. Ответ, конечно, неудовлетворительный, но зато точный и несколько не умаляющий значения того жанра, у которого есть свой золотой фонд: Сирано де Бержерак, Свифт, Мак Орлан, Карел Чапек, Оруэлл, Веркор — эти имена вызывают в памяти захватывающие произведения, где взаимоотношения человека и животного исследуются с утопической точки зрения. Чаще всего в книгах названных писателей изображается, как животные — птицы, лошади или свиньи — становятся разумными, закабаляют человека и превращают его в подобие зверя — дегенеративную, похотливую

и жестокою тварь, чей отвратительный образ Свифт вывел в йэху.

Совершенно иной замысел у Веркора. В романе «Люди или животные» он рассказывает о примате, настолько близком к человеку, что этот примат способен выучить наш язык. В книге Веркора речь идет не о покорении человека животными, а о том, как помешать человеку эксплуатировать рабочую силу обнаруженных в тропических лесах приматов, заставив трибунал признать, что тропи — так их называет Веркор — человеческие существа, а не животные. Роман становится оригинальной и волнующей попыткой найти определение человеку.

В романе Карела Чапека «Война с саламандрами» животное тоже вымышлено, однако сходство с произведением Веркора на этом кончается. Порожденная воображением Чапека саламандра — это обладающее руками морское млекопитающее из Азии, очень умное и кроткое. Ее привозят в Европу, она, акклиматизировавшись, овладевает английским языком, и человек начинает использовать массы саламандр для подводных строительных работ, причем условия труда саламандр напоминают и эксплуатацию черных рабов и концентрационные лагеря. Скромные, плодотворные, исключительно трудолюбивые, расселившиеся вдоль морских берегов саламандры, несмотря на «расистскую» дискриминацию, которой они подвергаются, постепенно улучшают свое положение, совершенствуют свои знания, строят под водой свои собственные заводы и производят свою продукцию вплоть до того дня, когда, столкнувшись с насущнейшей необходимостью расширить жизненное пространство — их число непрерывно растет, — они добывают нужные им территории, взорвав в Америке, Азии и Европе громадные участки суши, которые они заранее пробуравили и заминировали.

Плодороднейшие равнины с городами и селами низвергаются в пучину, и человек с ужасом видит, как земля уходит у него из-под ног, съезживается, подобно шагреновой коже.

Эта книга, вышедшая в 1936 году, поражает талантом и еще больше своим пророческим характером. Послевоенные колониальные войны, концентрационные лагеря, атомная бомба и, быть может, даже сверхбыстрые перемены в жизни китайского народа — все это в ней описано за восемь, девять, двадцать лет до событий. Апокалиптическая нота последней части уже возвещает разрушения войны, приближение которой Чапек чувствовал и незадолго до которой умер, тем самым лишив нацистов радости арестовать его, когда они вошли в Прагу.

В предлагаемой читателю книге я не боялся оказаться подражателем Свифта или Чапека. Мне не казалось также, что в ней я непременно должен был гнаться за новизной. Сама эпоха, в которую я живу, решила за меня и принудила создавать новое. Тридцать лет спустя после романа Чапека мне в своей книге не надо было, как ему, выдумывать разумное морское млекопитающее, способное овладеть языком людей, потому что со

времен Чапека наука ушла вперед и сегодня мы знаем, что выдуманное им животное существует: это дельфин. Даже тут Чапек оказался пророком.

Итак, моя книга тоже «роман о животных», если понимать под этим термином произведение, где исследуются взаимоотношения человека и животного, однако животное, о котором я рассказываю, существует, и его отношения с человеком описаны вполне реалистически. Следовательно, документальный тон, приданный мной повествованию, не просто искусственный стилистический прием. Под мудрым, ученым и дружеским руководством выдающихся французских цитологов Поля Бюдкера и Рене-Ги Бюеля я собрал данные по зоологии дельфина афалина, или *Tursiops truncatus*; все эти данные подлинны, они только излагаются в романической форме — до того предела, что разделяет документальное и вымышленное.

Понятно, мне следует уточнить этот предел. Дельфин способен произносить отдельные человеческие слова, понимая их смысл. В настоящий момент есть основания надеяться, что однажды он сможет перейти от слова к фразе, то есть сделает тот решающий шаг, который позволит ему в короткий срок полностью овладеть членораздельной речью.

И я этот скачок в развитии дельфина представляю в своем романе уже осуществившимся. Воображение как бы приняло эстафету фактов и спроецировало будущее в настоящее. Поэтому мой рассказ начинается 28 марта 1970 года и заканчивается в ночь с 8 на 9 января 1973 года.

Фантастический роман? Научно-фантастический? На поверхностный взгляд — да. По сути — нет. Если я и предвосхищаю события, то не на двадцать или тридцать лет, а на очень короткий срок — от трех максимум до шести лет, — и к тому же я отнюдь не уверен, что на самом деле их предвосхищаю. Даже в Соединенных Штатах всегда существует некоторая дистанция во времени между научными открытиями и их обнаружением. Тем более когда речь идет о достижениях науки, имеющих отношение к национальной обороне...

Увы, это как раз подобный случай. Очаровательного, восхитительного дельфина — животное, столь мощно вооруженное природой и тем не менее такое нежное, такое доброе, так дружески относящееся к человеку, — люди в безумии своем предполагают использовать для того, чтобы тот нес смерть и разрушение. Я старался показать в политическом контексте нашего времени все, что будут делать эти живые подводные лодки, когда благодаря членораздельной речи они станут, говоря военным языком, «оперативными».

Осуществляя свой замысел, я и не подозревал, что весьма близок к тому типу романа, который недавно возник в Соединенных Штатах и насчитывает уже ряд значительных книг. Как раз в июне 1967 года, когда уже была закончена последняя глава, я получил от Клода Жюльена несколько произведений такого рода с просьбой написать о них для газеты «Монд».

Тогда же, прочитав их, я убедился: как Журден, сам того не ведая, говорил прозой, так и я, сам того не подозревая, в течение двух лет писал «политико-фантастический роман». Ибо так зовется этот новый жанр, которому вопреки собственному желанию я целиком посвятил себя. Я подчеркиваю новый, потому что с недавних пор во Франции, неизвестно почему политический роман считают «старомодным». Модный? Устаревший? Эти понятия, признаться, мне безразличны. Я не считаю моду решающим критерием в выборе сюжета или в оценке литературного произведения.

Является ли термин «политико-фантастический роман» тем определением, какое я ищу? Не совсем. Я сознаю, что в «Разумном животном» остаются элементы, которые не укладываются в рамки политического романа в том смысле, в каком его понимают наши друзья по ту сторону Атлантики: ведь это еще и притча о животных, в духе той давней философской традиции, которая с ней связана в Европе, и сплав научной фантастики с фантастикой исторической, и анализ взаимоотношений ученого с государством, и сравнительное исследование поведения дельфинов и человека.

В итоге — роман-гибрид. Я признаюсь в этом без всякого смущения, потому что в литературе, как и в биологии, я не противник смешения кровей.

Кстати, в этой смеси нет ничего противоестественного. Таковую же смесь представляют и мои чувства к Америке. А впрочем, у кого авантюристическая политика руководителей этой великой страны не вызывает чувства тревоги за будущее планеты? Я прекрасно понимаю, что ситуации, описываемые в моем произведении, хоть они и основаны на исторических прецедентах, не всем придутся по сердцу. Пусть по крайней мере меня правильно поймут: я не намерен ничего доказывать. Эта книга не диссертация, а роман. Он ставит проблемы. Но не дает решений.

Робер Мерль.

Париж, 4 июля 1967 г.

1

— Уильям, поезжайте, пожалуйста, домой, — сказала миссис Джеймсон с той жеманной вежливостью, к которой она прибегала, обращаясь к своему шоферу (видите ли, Дороти, прислуга меня обожает, я никогда не забываю о подарках к дню рождения и всегда вежливо с ними разговариваю).

Уильям наклонил жирный, выбритый затылок. Его имя, впрочем, было не Уильям, но миссис Джеймсон для простоты называла так всех шоферов, сменившихся у нее после смерти мужа. Уильям положил на руль пухлые руки, где-то впереди послышалось приятное ворчание мотора, и кадиллак удивительно плавно, осторожно тронулся с места.

Миссис Джеймсон откинулась мощной спиной на заднее сиденье, обитое кожей табачного цвета (специальная обшивка, прекрасная английская кожа — премия при покупке машины), поправила очки, в оправе которых сверкали небольшие, но настоящие бриллианты, пристроила на коленях сумочку из крокодиловой кожи, повернула влево массивную голову. Выпятив нижнюю губу, она широко открыла серые глаза и, не говоря ни слова, уставилась на профессора Севиллу, не спеша, без всякого стеснения разглядывая его, словно неодушевленный предмет. Первое впечатление подтвердилось: темные глаза, смуглая кожа, черные как смоль волосы — похож на цыгана, такой же, наверное, волосатый, как мой бедный Джон, настоя-

щая горилла, шерсть на груди и даже на спине волосы, один из тех полнокровных южан, у которых лишь бабы на уме...

— Мистер Севилла, вы иностранец?

— Что вы, стопроцентный американец, но мой дед по отцу родился в Галисии.

— В Галисии? — переспросила она, подняв брови. Севилла взглянул на нее и вежливо улыбнулся: она — вылитая рыба меру — так же брезгливо отвисла нижняя губа, так же выпучены глупые глаза.

— Галисия, миссис Джеймсон, — это провинция в Испании.

— Как романтично, — сказала она, теребя застёжку сумочки.

Она чувствовала себя подавленной — значит, в нем действительно есть цыганская кровь. Она снова повернула голову влево и опять уставилась на Севиллу: красивые руки, темные глаза, черные, тронутые на висках сединой волосы — эти идиотки будут от него без ума, но, даст бог, вся эта лекция займет немного времени.

Она почувствовала легкую боль в правой стороне груди и с трудом подавила желание запустить под рубашку руку и нащупать, как под кожей перекачивается крохотный, величиной с орешек, комочек, который, может быть, зовется смертью. Правда, Мэрфи ее успокоил, но ведь успокаивать его профессия: «Ничего у вас нет, миссис Джеймсон, совершенный пустяк». У Мэрфи грудной голос, пронизательный взгляд, терпеливый и в то же время утомленный вид. Она склонилась вперед, закрыла глаза. Пот тек у нее по спине, и она, охваченная ужасом, словно прислушивалась к своей смерти. Прошло несколько секунд. Она съежилась, приподняла веки, стальные глаза забегали, как беспокойные зверьки, быстро оглядели сумочку из крокодиловой кожи, кожаные, табачного цвета сиденья, бритый затылок Уильяма — все было на месте. Господи, ведь это несправедливо, ведь это невозможно, чтобы миссис Джеймсон, вдова Джона Б. Джеймсона, умерла. Она вспомнила, что, умирая, Джон побледнел, взглянул на нее налитыми кровью глазами, всосал

с каким-то жутким всхлипом воздух и, мертвый, ткнулся носом в свою тарелку. Правда, Джон много пил, много курил, был похотлив. А миссис Джеймсон казалась себе воплощением совершенства: в светло-голубом, мелкими цветочками платье она восседает в горней обители, и львы смиренно возлежат у ее христианских стоп. Она подняла голову, выпятила нижнюю губу, чтобы скрыть свой двойной подбородок, затем открыла сумочку, вынула запечатанный конверт и, взяв его большим и указательным пальцами, протянула и молча подала Севилле.

— Спасибо, — поблагодарил Севилла.

Он густо покраснел, темные глаза заморгали, он подавил желание тотчас же сунуть конверт в карман и заставил себя небрежно поиграть им, словно дело шло о маловажном предмете, который он мог бы, выходя из машины, забыть на сиденье, обитом кожей табачного цвета.

— Некоторые из наших лекторов предпочитают оплату наличными, — равнодушно заметила она.

— Право же, это не имеет значения, миссис Джеймсон, — пробормотал Севилла.

Мэриен ему дорого стоила, он выплачивал ей огромные алименты. «Дорогая моя, — говорила Мэриен, показывая подруге свою новую квартиру, — просто невероятно, все эти деньги чудом свалились на меня». Но этим чудом была она сама: на суде максимум требований и максимум хитрости — ей перепал «фунт мяса» и кое-что сверх того; доверьтесь только богомолкам, так они высосут из вас последний доллар. Севилла с неприязнью смотрел на миссис Джеймсон: 100 000 долларов в год на расходы, — что она только с ними делает? Муж к шестидесяти годам умер на работе для того, чтоб она разбогатела; сократил свою жизнь ради никчемного существования жены — какая-то сплошная нелепость.

— Вы женаты? — спросила миссис Джеймсон.

— Разведен, — ответил он кратко.

— Есть дети?

— Двое.

Она неодобрительно посмотрела на затылок Уильяма.

— Не кажется ли вам, — сказала она грудным голосом, — что для детей большой удар — видеть, как расходятся родители?

— Я думаю, миссис Джеймсон, что для детей гораздо больший удар постоянно видеть нелады в семье, и удар куда более разрушительный потому, что он повторяется изо дня в день.

— Я не согласна с вами, — сказала миссис Джеймсон, одним щелчком захлопнув сумочку из крокодиловой кожи.

— Ну что ж, стало быть, мы расходимся во мнениях на этот счет, — ответил Севилла.

Уильям переменял положение рук на руле, взглянул в зеркало и с невозмутимым, ничего не выражающим лицом подумал: «Старая сука, вечно надоедает людям».

— Сколько вам лет?

Севилла повернул голову в ее сторону:

— Пятьдесят два.

Его злило, что он так послушно отвечает: из вежливости всегда позволяешь людям слишком многое, и они этим пользуются тебе же во вред.

— Мой муж, — продолжала миссис Джеймсон, — умер в пятьдесят четыре года. Он был прекрасным человеком, и мы, слава богу, составляли очень дружную пару. Я всегда тщательно соблюдала свои светские обязанности и сожалею только о том, что так мало наслаждалась обществом Джона, ведь Джон уходил на завод чуть свет, стараясь не разбудить меня, а вечером, когда он возвращался очень поздно, — всегда очень поздно, бедняжка, — меня обычно не было дома. Как у вас со здоровьем?

— Прилично, — буркнул в ответ Севилла; он держался настороженно, чувствовал себя скованно.

Миссис Джеймсон, выпятив нижнюю губу, молчала; вопрос ее был бесцельным, и ответ Севиллы ничего ей не дал. Она походила на курицу, которая выкопала клювом стекляшку и искоса рассматривает ее своим круглым глазом. Они молчали. Она полузакрыла глаза и забыла о Севилле. Это просто положенный на сиденье ее автомобиля предмет, который надо, использо-

вав, вернуть туда, откуда она его взяла. Она вздохнула: Клуб, председательство в Клубе, лекции — какие тяжкие обязанности! — а время все идет, идет, и каждый год — весна, в жизни столько весен. «Кадилак» замедлил ход, повернул направо и медленно въехал в обсаженную голубыми кипарисами аллею, гравий за скрипел под его шинами.

— Профессор, позвольте мне посоветовать вам говорить не больше сорока минут и объясняться проще.

Миссис Джеймсон указала Севилле на просторное, обитое красным бархатом кресло с подлокотниками. Он повернулся к слушательницам — сорок пар глаз впились в него, — кивнул и сел. Сиденье легко опустилось под его тяжестью, он наполовину утонул в кресле. Он попытался выпрямиться, но ему не удалось оторваться от сиденья. Он ожидал, что будет сидеть на стуле за столом, где он смог бы разложить свои бумаги. Однако ничего, даже низенького столика, не было ни перед ним, ни рядом. Он был погружен в пурпурный бархат, почти тонул в нем, и этот комфорт сковывал все его движения. Даже руки он не мог положить на подлокотники: не дотягивался до них. Тем более не могло быть и речи, чтобы держать листок бумаги на наклонной плоскости коленей. Севилла поднес руку к карману, помедлил и решил говорить без записей.

Сидя перед ним полукругом, сорок женщин самого разного возраста смотрели на него. Севилла в свой черед окинул их взглядом и улыбнулся. У него была очаровательная, открытая и юная улыбка, и он знал, что может на нее рассчитывать. Но никто не улыбнулся в ответ. Лица сидящих напротив оставались невозмутимыми. Его разглядывали без неприязни. Но и без доброжелательности. По всей очевидности, то обстоятельство, что в комнате он был единственным мужчиной, не давало ему никакого преимущества. Еще раз оглядев своих дам, Севилла почувствовал, что все это его забавляет. Ему казалось, будто он видит, как работают мозги у его слушательниц. Члены Клуба собирались раз в неделю, чтобы послушать лекцию и приоб-

щиться к мировым проблемам. По сравнению с этой возвышенной целью пол, к какому принадлежал лектор, мало что значил. Пол лектора был Клубу безразличен.

Севилла глядел, как миссис Джеймсон, стоя справа от него, зачитывала его биографию по перепечатанному на машинке листку, который она держала в руке. С ней произошла поразительная метаморфоза: она рсточала ему приторные, цветистые комплименты. Сияя всеми христианскими добродетелями, она их приписывала и ему. Она была охвачена восторженным оптимизмом. Все ей казалось превосходным и безукоризненным: Америка, штат Флорида, Клуб, великолепный город, где он возник, члены Клуба, председательница Клуба, лектор. «А мужья, — подумал Севилла, — что они делают в это время, несчастные? Деньги, чтобы их жены могли на досуге просвещаться? В конце концов почему бы и нет? Жены могли бы заняться кое-чем похуже. Этот Клуб, пожалуй, делает им честь, даже делает честь нам, как нации».

Пока миссис Джеймсон изливала любовь к ближнему, Севилла мало-помалу начал различать лица сидящих напротив женщин. Три или четыре из них были красивы: очаровательная рыжая ирландка с молочно-белой кожей и голубыми глазами; еврейка с тонкими, благородными чертами лица, очень степенная и величавая; молодая дама, вероятно, из южных штатов, у которой был нежнейший овал лица, смуглая кожа, черные глаза и какая-то плавная, соблазнительная манера опускать ресницы. Другие молодые женщины были также довольно милы и элегантны, но выглядели более резкими, более беспокойными, во всех них чувствовалось какое-то недовольство собой. Все слушательницы старше пятидесяти были на одно лицо: полные, в очках с бриллиантами в оправе и с какими-то немудрыми завивками. Взгляд Севиллы задержался на них: «Какая пустота, какая скрытая тоска! Стареть вообще не очень-то приятно, но стареть в шестьдесят или семьдесят лет без профессии, без ощущения, что ты работал, искал, развивался... А этот Клуб все-таки такое жалкое оправдание. Сегодня им рассказывают о дель-

финах, через неделю — о Марселе Прусте, через две — о Юго-Восточной Азии. Разносторонняя культура — по сорок минут в неделю. Всего понемножку, как в кафетерии».

Миссис Джеймсон — воплощение такта и благопристойности — смолкла. Мощная, с поднятой головой, она мгновенно стояла неподвижно, словно позируя скульптору для своего собственного памятника. Ей поаплодировали, она поклонилась и, опустив глаза, села на низкий мягкий пуф.

— Мы все обратились в слух, профессор, — с лукавым и задорным видом сказала она, словно только что придумала эту формулу вежливости специально для него.

Миссис Джеймсон спокойно сидела. Она повернулась спиной к членам Клуба. Она больше не держала их клещами своих серых глаз, и Севилла сразу же заметил, как взгляды некоторых слушательниц оживились, а их позы стали несколько свободнее. К своему большому облегчению Севилла почувствовал, что он интересуется их и как мужчина, еще раз дружески оглядел аудиторию и бодрым тоном начал:

— В течение нескольких лет дельфин был предметом столько статей, заявлений, предсказаний, карикатур, мультипликационных фильмов и сценариев для Голливуда, что, мне кажется, сказать вам о нем что-нибудь новое я не смогу (протестующие возгласы). Если вы полагаете, что это не так, если вы возражаете не из простой любезности (нет, нет), то я попытаюсь, как умею, подвести итог этой проблемы. Но, пожалуйста, не ждите ничего сенсационного и неизвестного. Научный поиск прогрессирует медленно, а дельфинология еще только делает первые шаги.

У нас, американцев, репутация людей, которые любят животных и страстно увлекаются их изучением. Однако бесспорно, что в течение десяти лет ни одно другое животное по разным причинам не вызывало у нас большего интереса, чем дельфин. И нет другого животного, которого бы так подробно исследовали. Военно-морское министерство Соединенных Штатов и различные государственные ведомства ежегодно расходуют

значительные суммы, финансируя работы нескольких исследовательских групп, в том числе и той, которой руковожу я. С другой стороны, различные частные фирмы, такие, как «Локхид Калифорния Компани» или «Сперри Джайроскоп Компани», тоже тратят на дельфинологию весьма солидные средства. Я не могу назвать вам абсолютно точную цифру, но ничуть не удивился бы, узнав, что общая сумма, ежегодно расходуемая частными фирмами и государственными ведомствами на дельфинологию, в настоящее время достигла пятисот миллионов долларов. (Живой интерес.)

Севилла выдержал паузу, чтобы аудитория смогла проникнуться значительностью этой суммы.

— Пятьсот миллионов долларов, — продолжал Севилла, — деньги не малые, но я убежден, что дельфин их заслуживает. Говоря проще и короче, как мне советовала ваша председательница (смех), я постараюсь вам объяснить, почему в Соединенных Штатах дельфин стал самым дорогостоящим и самым изучаемым животным.

Разрешите мне сначала в нескольких словах описать вам физиологию дельфина. Дельфин не рыба, а китообразное животное. Он дышит не жабрами, а легкими. Чтобы набрать кислорода, он всплывает на поверхность. Рыба, как и все животные, неправильно называемые холоднокровными, приспосабливается к окружающей температуре: холодная, как лед, в водах Антарктики, она теплая в Карибском море. Дельфин — теплокровное животное, а это значит, что температура его тела остается неизменной, какова бы ни была температура воды, в которой он находится; он, как и его толстый кузен кит, покрыт слоем жира, чтобы противостоять холоду. Этот жировой слой, обтянутый гладкой, похожей на резину кожей, придает его телу обтекаемую форму, позволяющую дельфину очень быстро и легко передвигаться в воде. В отличие от рыб дельфин не мечет икры. Дельфин — млекопитающее, и у него, как у всех млекопитающих, знакомый нам способ размножения (бурное оживление): спаривание, беременность, роды и выкармливание молоком малыша. Все эти процессы у дельфинов выглядят весьма живописно,

потому что происходят в воде, однако с физиологической точки зрения ничего исключительного в них нет, и я не стану вам их описывать (скрытое разочарование).

Судя по некоторым его анатомическим особенностям, в отдаленную эпоху дельфин был сухопутным животным, и море — это та среда, к которой он должен был приспосабливаться. Но приспособился он к ней великолепно. Достаточно сказать, что плавает он со скоростью, превосходящей скорость большинства рыб.

Почему ученые Соединенных Штатов так интересуются этим морским млекопитающим? Потому что оно обладает тем, что мы, люди, называем разумом. Его разум кажется нам настолько близким к нашему, что мы по аналогии можем понять поступки дельфина.

Севилла сделал маленькую паузу, посмотрел на своих слушателей и подумал, не слишком ли он увлекся.

— Все китообразные разумны, — продолжал он, — и если из всех них в качестве объекта изучения мы выбрали дельфина, то лишь потому, что он меньше и, если можно так выразиться, удобнее в работе, чем киты, кашалоты и косатки. *Tursiops truncatus*, или «дельфин с бутылочным рылом», которого мы предпочитаем всем другим, в длину достигает не больше трех метров. Длина средних экземпляров — два с половиной метра при весе в сто пятьдесят килограммов. Следовательно, его можно легко перевозить в машине или на самолете. Для него необходим водоем размером всего лишь с бассейн, и, хотя дельфин требует весьма тщательного присмотра, расходы по содержанию не разорительны: двенадцать килограммов рыбы в день.

Однако совершенно исключительную помощь при работе с дельфинами оказывает их необыкновенное дружелюбие. Оно объясняется не слабостью. Дельфин способен одним ударом своих мощных челюстей прикончить акулу среднего размера, нанеся ей удар по жабрам. Кроме того, у него два ряда очень острых клыков — всего их 88, — и он мог бы при желании откусить руку или ногу тем, кто его ловит. Но человек не помнит, чтобы дельфин когда-либо обращал свое оружие

против него. Более того, большинство домашних животных, когда им причиняют даже небольшую боль, кусаются или царапаются. Дельфин переносит боль, которую ему причиняют люди, не сопротивляясь, не огрызаясь. Можно было бы сказать, что он относится к человеку с каким-то упорным неисчерпаемым доброжелательством. Впрочем, со времен далекой древности он слывет животным, ищущим общения с нами, и особенно с детьми. В неволе он приручается с удивительной быстротой и с удовольствием принимает наши ласки.

Севилла замолчал. В глазах своих слушательниц он, казалось, уловил какое-то умиление, и, сам большой друг животных, Севилла наслаждался им и прервал свой рассказ. «Мы народ добрый», — в порыве умиления подумал он.

— Алперс, — продолжал он после паузы, — рассказывает прелестную историю о приветливом нраве дельфинов. В день нового, 1955 года в Новой Зеландии вблизи маленького пляжа Опонони появился дельфин или, точнее, дельфинка, она подплыла к купающимся и, ко всеобщему изумлению, начала с ними играть. Она оказывала очевидное предпочтение детям и позволяла им играть с собой, не проявляя никакого нетерпения. Когда ей бросали мяч, она ловила его ртом, подкидывала его очень высоко и далеко перед собой, тут же на большой скорости бросалась следом, чтобы оказаться под ним, и неизменно успевала схватить его прежде, чем он касался воды. Играла она и в игру, которую ей никто не показывал. Прижав мяч к животу, она погружалась с ним в воду и на определенной глубине отпускала его. Как только мяч выскакивал из воды, дельфинка торопилась к тому месту, где должен был оказаться мяч, и в момент, когда мяч опускался на воду, она, словно крикетным молотком, сильно ударяла по нему хвостом. Когда у нее не было мяча, она находила на дне пивную бутылку и носом балансировала ею... Короче говоря, она не удовлетворялась игрой с детьми, она их развлекала.

Нет нужды говорить о том, что слава Опо — так ее называли дети — облетела всю Новую Зеландию. Смот-

реть на нее съезжались со всех концов острова и с соседних островов. И тогда, по мнению наблюдателей, произошло любопытное явление. Приветливость животного передавалась людям. Вечерами на пляже незнакомые люди заговаривали друг с другом и оказывали друг другу услуги. Социальные и расовые барьеры пали. Опонони стала деревней дружбы.

В этот момент в несколько дремотном сознании миссис Джеймсон слово «социальный», да еще сопровождаемое словом «расовый», вызвало сигнал тревоги: она выпрямилась на своем пуфе, закусила губы, взглянула на Севиллу и строго и испуганно, словно хотела его предупредить, что он вступил на опасную почву. Но Севилла ничего не заметил. Он весь был поглощен рассказом.

— Мне хотелось бы, — продолжал он, и его черные глаза светились нежностью, — побольше рассказать вам о милых склонностях дельфинов, но тема моей лекции совсем иная. Тем не менее мне хочется подчеркнуть: я считаю для себя большим счастьем, что посвятил жизнь изучению этого великолепного животного. Дельфин — превосходный товарищ, умный, шустрый, ласковый. Хотя все вы и видели дельфинов, у меня с собой, — сказал он, вынимая из папки фото и протягивая его миссис Джеймсон, — фотография одного из моих подопечных, и я не могу отказать себе в удовольствии показать ее вам. Он играет в бассейне с моей помощницей Арлетт Лафэй (она родилась в Канаде, отсюда — французская фамилия). На фото хорошо видна линия рта. Я говорю о дельфине... (Смех.) Широкая, извилистая, с поднятыми вверх уголками. Этот особый контур рта придает дельфину вид веселого, лукаво улыбающегося человека. В самом деле, — продолжал он, пока фото переходило из рук в руки, — это впечатление, каким бы субъективным оно ни было, соответствует действительности: дельфин — самое жизнерадостное и самое игривое животное на свете.

Севилла подождал, пока к нему вернулась фотография и стихли перешептывания.

— Я сказал, что дельфин очень понятлив, и мне хотелось бы показать, на чем основано наше заключе-

ние. Первый показатель: вес мозга. Он равен в среднем 1700 граммам у дельфина, 1400 граммам — у человека, 350 граммам — у шимпанзе. Объем мозга сам по себе дает возможность предположить, что дельфин обладает большими способностями, хотя их трудно точно определить. Отношение «вес мозга к общему весу тела», которое используется некоторыми исследователями при сравнительной классификации интеллекта человека, дельфина, обезьяны и слона, сегодня, кажется, уже отвергнуто. Более убедительным представляется нам анатомическое исследование. Оно тоже целиком в пользу дельфина. Мозг дельфина, как и мозг человека, — это сложный, плотный, богатый нервными клетками мозг. Сходство с головным мозгом человека особенно поражает тем, что у дельфина значительно развиты мозжечок и кора.

Севила сделал паузу. «Мозжечок», «кора» — должен ли он объяснять эти термины? Он взглянул на миссис Джеймсон, но она, обмякнув, полузакрыв глаза, казалась совершенно отрешилась от всего, и простота выражений лектора для нее уже не имела никакого значения.

— Другая причина, заставляющая верить в разумность дельфина, — продолжал Севилла, — это, бесспорно, его поведение.

Вам известно, какое множество океанариумов появилось в разных уголках Соединенных Штатов и какой успех имеют ревью с участием дельфинов. Если вы видели хоть одно такое ревью, то согласитесь со мной, что в проделываемых дельфином номерах нет и следа унылой сноровки циркового животного. В цирке животное — раб, которого наказывают, если оно плохо исполняет номер, поощряют, если исполняет хорошо; оно слепо, как автомат, повинуется только своему дрессировщику. Дельфин принимает вознаграждение потому, что видит в нем часть игры и не приемлет никакого наказания. Ему так нравится исполнять свой трюк, что он его будет проделывать с любым человеком, лишь бы ему давали правильные сигналы. И кроме того, дельфин этим забавляется, он любит работать, аплодисменты доставляют ему наслаждение. Человек, показываю-

щий ему трюки, — не дрессировщик, а друг. Например, дельфина учат ловить ртом мяч, выпрыгивать наполовину из воды и сильным движением шеи бросать мяч в баскетбольную корзину, висящую над бассейном. Как только дельфин поймет, что от него требуется, его не нужно подгонять, чтобы он повторял свои попытки. Он сам будет их повторять столько раз, сколько потребуется для исправления ошибок. Это не дрессируемое животное, а тренирующийся атлет.

Разум дельфина еще более очевиден, когда он развлекается. Вы знаете, как приятно наблюдать за играми молодых животных. Серьезность и лукавство, грация и неуклюжесть — все у них восхитительно. Но в игре дельфина есть нечто иное.

Молодой дельфин случайно замечает, что струя из крана, подающего воду в бассейн, относит перо пеликана на другой конец водоема. Чтобы схватить перо, дельфин гонится за ним. Это развлечение забавляет дельфина, он повторяет его десять, двадцать, тридцать раз. Молодая самка наблюдает за его проделками и вмешивается в игру с целью усовершенствовать ее. Она бросает перо в образуемый струей водоворот. Перо начинает кружить по краю водоворота, и до того, как его утянет в центр воронки и снесет течением, проходит две-три секунды, за которые дельфинка успевает подхватить его. Дельфин подражает ей. Вскоре они начинают играть вместе. Каждый по очереди бросает перо в водоворот, а другой в это время ждет поодаль в нескольких метрах ниже по течению, чтобы перехватить перо.

Правда, у некоторых насекомых можно наблюдать очень сложные коллективные действия, но эти действия стереотипны, не поддаются улучшению, и их отправной точкой не является инициатива какой-нибудь отдельной особи. У дельфинов один придумывает игру, другие ее улучшают, а играют в нее все. В этом проявляется разумное творчество, организация групповой игры и способность сосредоточиваться, крайне редко наблюдаемая в животном мире.

Севила выдержал паузу и в первый раз с начала лекции остановил взгляд на двух-трех замеченных им

ранее красивых лицах. «У этой девочки, — подумал он, глядя на южанку, — восхитительный овал лица». В то же мгновение южанка чуть-чуть повернула голову вправо — в этом ракурсе ее нежное лицо выглядело очень эффектно на фоне темного бархата, которым были обиты стены, — искоса бросила на Севиллу быстрый взгляд и тотчас медленно прикрыла ресницами черные глаза, словно спрятав какие-то свои тайные сокровища. Все это, несомненно, было продумано заранее: поворот головы, быстрота взгляда и это медленное опускание ресниц. «Ну и плутовка», — подумал Севилла, слегка вздрогнув от удовольствия. Пауза длилась не более секунды, однако, когда он снова заговорил, он почувствовал значительный прилив сил.

— Вы, конечно, встречали людей, которые говорят о своей собаке: «Она все понимает, только сказать не может!» Совершенно очевидно, что в этой фразе заключено явное противоречие. Потому что язык и есть проверка подлинной разумности. Попытаться определить степень разумности дельфина — значит поставить перед собой вопрос, способен ли он общаться с себе подобными.

Дельфин издает звуки не ртом, а маленьким, расположенным позади лобного выступа отверстием — дыхалом, которым он дышит: оно закрывается клапаном, когда животное погружается в воду. Органы фонации у дельфина, следовательно, отличны от наших, но зато позволяют ему произносить звуки довольно широкого диапазона.

Звуки, которые дельфин способен модулировать, многочисленны и разнообразны. Тут и скрип, очень похожий на скрип петель плохо смазанной двери, и тьяканье, и дребезжанье, и рычанье, разные свисты и, наконец, другие звуки, которые я назову неприличными (улыбки).

Проблема заключается в том, чтобы выяснить, могут ли дельфины передавать друг другу информацию с помощью звуков. Я имею в виду сложные информационные сообщения; к их числу я не отношу просьбы о помощи, с которыми раненое животное обращается к товарищам, или же в брачный период резкий взволно-

ванный призыв самцом самки в тот момент, когда та делает вид, будто удаляется от него или интересуется кем-либо другим. В последнем случае, говоря человеческим языком, с лихвой хватило бы простого ворчания. (Смех.)

Само собой разумеется, настоящий язык предполагает коммуникацию на более высоком уровне. Сегодня мы склонны полагать, что дельфины способны к такого рода коммуникации. Конечно, пока это всего лишь предположения, но сами по себе они достаточно показательны.

Вот один из опытов, на которых основываются предположения: двух дельфинов — самца и самку — разделяют сеткой, протянутой поперек бассейна. Перед каждым из них помещают табло с тремя разноцветными лампочками, а под водой, так, чтоб животные могли достать их, — три планки. Когда на табло вспыхивает зеленый свет, дельфин должен нажать рылом правую планку; если красный свет — левую; когда загорается белая лампочка — среднюю. Лампочки включают последовательно, в разном порядке, в несколько приемов, и, если дельфин удачно выполняет программу, ему дают рыбы.

Через несколько минут после того, как программа показана самке, ее показывают самцу на его половине бассейна на табло, которое находится перед ним. И вот ученые заметили, что самец опережает световые сигналы, появляющиеся на табло, и, прежде чем они зажгутся, уже нажимает соответствующие планки. Это наблюдение стало отправным пунктом новых опытов. Между дельфинами воздвигают сплошную перегородку для того, чтобы самец не мог видеть, а следовательно, «копировать» то, что самка делает раньше его. Опыт повторяется. И удивительная вещь — он дает тот же результат. Самец все время опережает вопросы. Следовательно, самец был проинформирован не зрительно, а как-то иначе.

Однако эксперимент продолжается. Перегородку, разделяющую животных, делают звуконепроницаемой, чтобы не допустить никакой звуковой коммуникации между ними. Дело в том, что было замечено: самка,

реагируя на тест, непрерывно издает звуки. Теперь самке предлагают серию световых сигналов, и она на них отвечает. Но на сей раз — и это впервые, — когда наступает очередь самца, он, прежде чем отреагировать, ждет появления сигналов на табло.

Тогда в звуконепроницаемой перегородке проделывают отверстие, которое дает нашей паре возможность переговариваться. Тесты повторяют снова, и снова самец их опережает. Таким образом, он был проинформирован именно благодаря звукам, издаваемым самкой. (Бурное оживление.) Все происходит так, как если бы самка, нажимая на разные планки, говорила мужу, который не может ее видеть: «Я нажимаю на левую планку, потом на правую, затем на среднюю и опять на правую — поскорей делай то же самое, потому что по окончании серии ты получишь рыбу...» (Смех и умиление.)

Если подобная коммуникация имеет место, а предполагать, что ее не существует, просто невозможно, если она включает столь отвлеченные понятия, как «правая сторона», «левая сторона», «середина», то ее осуществление возможно лишь с помощью настоящего языка*.

Другие исследователи занимаются собиранием различных дельфиньих звуков, специальными приборами трансформируя их в светящиеся на табло формы, которые фотографируются. Если когда-нибудь мы сумеем расшифровать эти фотопластинки с помощью экспериментов или наблюдений за поведением животных в естественных условиях, то мы, быть может, вступим на путь хотя бы элементарного познания языка дельфинов.

Второй этап — однако сейчас, по-видимому, говорить о нем крайне преждевременно — будет состоять в том, чтобы, опираясь на наше знание дельфиньего языка, преподавать дельфинам начала языка человеческого. Опыты подобного рода, очевидно, исходят из предположения, что дельфин способен имитировать человеческие звуки. Как вы знаете, такова точка зрения докто-

* Этот опыт поставил доктор Бастиан.

ра Лилли, который в настоящее время пытается научить своих дельфинов английскому языку.

Однако для того чтобы животное перешло от дельфиньего к человеческому языку, оно должно сделать такой невероятный скачок в своем развитии, что пока будет разумнее прекратить перечень всех этих «если» и отказаться продвигаться дальше по пути предположений.

Севилла замолчал, улыбаясь, оглядел присутствующих, поклонился и сказал:

— Благодарю вас за ваше любезное внимание. (Продолжительные аплодисменты.) Я готов ответить на ваши вопросы, если только вы не считаете, что я и так злоупотребил вашим временем. (Протестующие возгласы.)

Поднялась миссис Джеймсон. Светясь нежностью, являя собой воплощение такта, держа на животе толстые, унизанные кольцами пальцы, она начала низким голосом благодарить лектора. Присутствующие, все как одна, устремили на нее внимательные взгляды и сразу же перестали ее слушать.

— ...Я не сомневаюсь, — заключила миссис Джеймсон, — что все наши слушательницы признательны профессору Севилле, который сам предложил нам задавать ему вопросы. (Аплодисменты.)

Миссис Джеймсон села. Воцарилась тишина, она ничем не нарушалась, становилась тягостной. Слушательницы перешептывались, покашливали, переглядывались. Сидящая в первом ряду несколько угловатая девушка в больших роговых очках пристально разглядывала профессора Севиллу.

— Я сама подам пример, — медоточивым голосом сказала миссис Джеймсон, словно ей было невдомек, что все ждут, чтобы она первой задала вопрос. — Мистер Севилла, — продолжала она, повернув к нему лицо с отвисшей нижней губой, — вы рассказывали об океанариумах и об успехе ревью с дельфинами. Вы сказали также, что океанариумов в Соединенных Штатах много. Полагаю, это прибыльные предприятия?

— Весьма прибыльные, — ответил Севилла, и в глубине его глаз мелькнул лукавый огонек. — Мне,

например, известно, что в этом году оборот одного океанариума составил четыре миллиона долларов. Разумеется, общие расходы тоже значительны. Нужно время и терпение, чтобы подготовить программу, привлекающую публику. Публике надоело все, даже дельфины.

Угловатая девушка подняла руку, но южанка ее опередила.

— Мистер Севилла, — спросила она, кокетливо повернув к нему свое прелестное лицо и прищурив глаза, — можно ли держать дельфина в частном бассейне?

— Можно, если ваш бассейн обогревается.

— А как же быть с морской водой?

— Вы можете купить морские соли и растворить их в вашем бассейне. Все дело только в пропорциях.

— А сколько стоит дельфин?

— В Нью-Йорке тысячу двести долларов наличными.

— Да ведь это же пустяк! — воскликнула южанка, причем в ее тоне к удивлению примешивалось разочарование.

Севилла улыбнулся.

— Содержать дельфина все-таки хлопотное дело, — успокаивающе заметил он. — На мой взгляд, необходимо иметь специального человека, чтобы тот постоянно занимался дельфином. Без этого дельфин скучает и чахнет. Если только вы не купите пару.

— Это возможно?

— Конечно. Однако если у вас есть дети, то предупреждаю вас, что в брачный период дельфинов они могут оказаться свидетелями весьма откровенных зрелищ.

Миссис Джеймсон заморгала, угловатая девушка подняла руку, но южанка продолжала расспросы:

— У кого же можно купить пару дельфинов?

— У специалистов, которые их ловят.

— Не могли бы вы дать мне их адрес?

— Я... у меня нет его при себе, — солгал Севилла.

Он переменил позу и безразличным голосом продолжал: — Но если вы мне позвоните завтра утром, я вам его сообщу. Мой номер — в телефонной книге.

Южанка медленно опустила ресницы, а миссис Джеймсон сжала толстые губы. «Эта парочка сговаривается, и прямо у меня на глазах! Вот скоты! — с презрением подумала она. — Скоты, все, все...»

Дама лет пятидесяти с волосами цвета красного дерева подняла руку и спросила:

— Значит, дельфин становится домашним животным?

Севилла с симпатией посмотрел на свою собеседницу. Если даже он говорил для нее одной, он не потерял времени даром.

— Ваш вопрос очень интересен, однако, прежде чем ответить на него, следовало бы попытаться определить, что такое домашнее животное.

— Ну что ж, попытаемся, — с увлечением ответила дама. — Назовем домашним животное, которое соглашается получать пищу из рук человека.

— Ваше определение не годится, — сказал Севилла. — В природе почти все животные, включая льва, тигра, удава, принимают пищу от человека. Я бы назвал животное домашним только в том случае, если оно соглашается, чтобы люди им руководили. Именно этим домашнее животное отличается от укрощенного. Укрощенное животное поддерживает отношения с укротителем, но только с ним одним, и отношения эти не надежны, подвержены всевозможным неизбежным случайностям. Кроме того, есть различные ступени одомашнивания. Взять, к примеру, корову и быка: корова одомашнена на сто процентов, однако с быком по-прежнему очень трудно справиться. Поэтому одомашнивание, на мой взгляд, — это возможность безопасно обращаться с животным.

— Мне кажется, — сказала дама с волосами цвета красного дерева, — что под это определение подходит также и прирученное животное.

Севилла подумал.

— Прирученное животное — это всегда одна особь. Одомашнивание — приручение целого вида.

— В таком случае, — живо возразила дама, — дельфины еще не домашние животные, раз большая часть их остается дикими.

— Да, но в неволе, — сказал Севилла, с интересом глядя на нее, — все они сразу же становятся очень дружелюбными. Впрочем, — прибавил он через некоторое время, — сегодня еще можно говорить об одомашнивании дельфинов как о приручении целого животного вида, но если однажды человек и дельфин начнут общаться посредством слова, дельфинов уже нельзя будет считать животными и их отношениям с людьми необходимо будет найти новое определение.

— Быть может, уввы, это будут отношения господина к рабам.

— От всей души надеюсь, что нет, — взволнованно ответил Севилла.

Она кивнула головой и улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ и с грустью подумал: «Нет в мире ничего совершенного. Под этими крашеными волосами — отличный мозг. Какая жалость, что в головке южанки нет этого мозга. А южаночку я уже знаю как свои пять пальцев, как будто я ее создал: снобизм и гордость, инфантильность и ровно столько чувственности, сколько требуется, чтобы любить ласки. Бог мой, ну почему меня привлекает этот кусок бездушной плоти, ведь она бессмысленна, эта моя жажда, эта лихорадка, это навязчивое стремление к другому полу» (все Севиллы были католиками, каждое утро мать Севиллы с двумя сыновьями ходила к обедне; мальчики прислуживали священнику на хорах, а она в это время — колени ее мучительно ныли от долгого стояния на молитвенной скамеечке — с ненавистью молилась о спасении души своего бывшего мужа, который жил с кубинкой в Майами).

Угловатая девушка подняла руку, но ирландка ее опередила:

— Вы сказали, что вашими исследованиями интересуется военно-морское ведомство. Пригоден ли дельфин для использования в военных целях?

Севилла весь как-то неуловимо сжался, но на лице его застыла улыбка.

— Вы должны были бы задать этот вопрос, — игриво ответил он, — какому-нибудь адмиралу. (Улыбки.)

— Однако, судя по всему, — настаивала ирландка, — интерес военно-морского ведомства к дельфинам отнюдь не бескорыстен.

— Мне не известны планы военно-морского ведомства. Тут я полный профан. Я могу лишь строить предположения. Но ведь полиция использует собак, почему бы военно-морскому ведомству не использовать дельфинов? Вот все, что я могу сказать.

— После всего, что вы нам рассказали, ставить дельфинов на одну доску с собаками — значит недооценивать их.

Он взглянул на нее. У нее были голубые, как незабудки, глаза, необыкновенно ясные, невинные и непреклонные. Ее легко можно было представить в Риме при Пероне; закутанная в длинную белую одежду, она живьем сгорает на кресте, не отрекаясь от веры Христовой.

— Вы правы. От дельфинов можно ожидать других услуг. Но сказать вам, каких именно, я не могу. Это не мое дело. А строить гипотезы я не хочу.

И все таки считаю, — продолжала ирландка, — что уже теперь вы должны были бы подумать о практическом применении ваших собственных исследований, чтобы потом не сожалеть о них.

Ее слова вызвали оживление в зале, а миссис Джеймсон нахмурила брови.

Не будем преувеличивать, — махнул рукой Севилла. — Наши милые дельфины не имеют ничего общего с водородной бомбой.

Некоторые слушательницы заулыбались в ответ на слова Севиллы, но лицо ирландки оставалось серьезным, напряженным, озабоченным.

— По-моему, — сказала миссис Джеймсон, — кто-то уже давно просит слова. Мисс Андерсон?

Угловатая девушка вдрогнула, и ее большие очки сползли на кончик носа. Она поправила их невероятно длинным указательным пальцем, резким движением выпятила плоскую грудь и устремила на Севиллу свои пронизательные глаза.

— Вы говорили, — начала она серьезно и сосредоточенно, — что способ размножения у дельфинов тот

же, что и у остальных млекопитающих. Мне, однако, кажется, что все эти процессы — совокупление, роды, выкармливание — должны проходить нелегко, раз они осуществляются под водой, во взвешенном состоянии, а иногда, наверное, и при больших волнах. Вы не могли бы уточнить...

Миссис Джеймсон встала.

— Я предлагаю, — сказала она с убийственной вежливостью, — не злоупотреблять более терпением профессора Севиллы, а перейти в гостиную и выпить что-нибудь прохладительное.

2

Пустая, какая-то стерильная комната: ни журнала, ни листка бумаги; три кресла, столик с пепельницей и на покрашенных масляной краской стенах три гравюры: океанские яхты с распушенными парусами во время бури. Си смотрел на яхты с досадой. Он ощущал спазму в области желудка. Боль была не сильной, но не отпускала. Это была какая-то тяжесть, какое-то мучительное сокращение мышц. Си казалось, что, если бы он смог лечь, вытянуться, поднять ноги и расправить затекшие мышцы, боль перестала бы его терзать. Но так только казалось, она не прекращалась никогда. Впрочем, вряд ли это можно назвать настоящей болью, скорее какое-то смутное недомогание, всепроникающее, упорное, невыносимое. Он мог забыть о нем на несколько часов, если внимательно на чем-то сосредоточивался. Однако недомогание неизменно и мучительно возобновлялось даже ночью, прогоняя сон. Си совсем расклеился: нервы были обнажены, усталость теперь наступала быстрее, а силы восстанавливались медленнее. Си обессиленно откинулся на спинку кресла, закрыл глаза...

И в ту же секунду он увидел, как ему на руку упала белокурая голова Джонни. Джонни судорожно дернулся, его дрожащие губы конвульсивно втянули воз-

дух, ноги судорожно распрямились — и это был конец. Они лежали на рисовом поле, а вокруг вились тучи какой-то сиреновой мошкары, свистели пули, рвались мины.

— Отделался, — сказал позади какой-то солдат.

Пришлось ждать ночи, чтобы смогли приземлиться вертолеты. При свете фонаря санитар снимал с мертвых нагрудные бляхи, его взгляд встретился с моим — у санитаря было печальное, злое лицо. Он подкинул бляхи на ладони: «Немного осталось от десятка американцев»...

— Разрешите представиться, — послышался чей-то голос. — Дэвид Кейт Адамс. Мистер Лорример ждет вас.

Перед ним стоял человек лет сорока, высокий, худой, с продолговатым лицом, с глубоко запавшими черными глазами, с тонкими губами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Адамс, — ответил Си.

Молча они прошли по узкому, покрашенному масляной краской коридору, бесконечному, как коридор корабля. Открылась какая-то дверь.

Рад вас видеть, мистер Си, — сказал Лорример, — прошу садиться.

Вы позволите? — бодро спросил Си и, приветствуя, через письменный стол протянул Лорримеру свой портсигар. Лорример быстро взглянул на Си: румяное лицо, злые глаза, улыбка, претендующая на сердечность.

— О, у вас сигары Апман! — удивился Лорример. Сигары были набиты в портсигар очень плотно, ему не удавалось вытащить ту, которую он облюбовал.

Си улыбался, опустив веки, он острым, профессиональным взглядом окинул письменный стол. Микрофон, по-видимому, вмонтирован в резную отделку одной из ножек стола, потому что на самом столе абсолютно ничего не было: ни бумаги, ни книги, ни блокнота, ни авторучки. Не стол, а чудо изысканной наготы, как и смуглое, невозмутимо красивое, с тонкими чертами лица мистера Лорримера. Строгая элегантность, отлично сохранившаяся фигура, черные волосы с красивой се-

диной на висках, благородные морщины, нос с едва заметной горбинкой — он походил на актера. Си, протянув над столом руку, любезно улыбался Лорримеру.

— Апман, — сказал Лорример, тонкими пальцами разминая сигару. — Вы получаете их из Парижа, мистер Си?

— Может быть, это вас удивит, мистер Лорример, но я получаю их прямо из Гаваны.

— Значит, наша блокада неэффективна, — удивленно повел бровями Лорример.

— Я бы этого не сказал. Мистер Адамс, прошу вас.

— Спасибо, я не курю.

— Моя должность, — сказал Си, — изредка нуждается меня общаться с людьми, которые ездят на Кубу.

— Понятно, — ответил Лорример, и его лицо приняло непроницаемое выражение.

Си улыбался. Его румяное, пухлое лицо выражало серьезную жизнерадостность, что немало способствовало его карьере.

Спокойно и неторопливо Лорример достал из кармана перочинный ножичек и принялся точными, тщательными движениями обрезать закругленный кончик сигары. «Я, конечно, не предполагал, что он просто откусит кончик и сплюнет на ковер, но все-таки... это его священнодействие раздражает; ему чихать на меня, он не торопится, тычет мне в нос своим спобизмом. Для него существуют два способа служить США: благородный, то есть его, и недостойный, то есть мой. Держу пари, что этот мундштук из слоновой кости получен прямо из Гонконга. Ну, а зажигалка? Золотая? Смотри-ка, нет, строгая стандартная железная зажигалка, подарок какого-нибудь британского друга времен войны, типичный образчик военного сувенира и утонченной бедности». Уязвленный Си отвернулся и посмотрел в окно. Анакостия под кленами катила свои грязные мутные волны. «В конце концов эта их знаменитая река — просто дерьмо. И это их пристрастие ко всякому старью, эти позеленевшие медные пушки и в жерле одной из них — я сначала глазам своим не поверил — птичье гнездо. Прекрасный символ для этих

проклятых пацифистов. Вот чем наши пушки ударят по китайцам — ласточкиными гнездами!»

— Итак, мистер Си, — начал Лорример, затянувшись своим Апманом, — чем могу быть полезен?

— Мы решили, — ответил Си, — что пришло время и нам поинтересоваться дельфинами вообще, и не только дельфинами американскими, — вы понимаете, что я хочу сказать...

Лорример кивнул.

— И, будучи полным невеждой в этом деле, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Задавайте, — холодно согласился Лорример.

Си положил ногу на ногу: желудок его сжался. Он чувствовал, что его охватывает раздражение: «Так эта сволочь еще и осторожничает со мной». Тотчас же, словно где-то вспыхнул сигнал бедствия, в его мозгу что-то защелкнулось — злобное раздражение исчезло. Он научился до такой степени контролировать свои эмоции, что усилием воли мог устранять их в одну секунду. Он посмотрел на Лорримера, на пухлом, румянном, «онятином» лице Си сияла дружеская улыбка.

Вопрос первый: интересуются ли дельфинами в Советском Союзе?

— Конечно. Там печатают переводы наших работ.

Внимательный, любезный Си смотрел на Лорримера. «Именно таким я его и представлял: с этим бостонским выговором, изысканной интонацией, отчетливой артикуляцией — высшая фонетическая благовоспитанность».

— А в каком же состоянии их собственные исследования?

— То, что публикуется, а публикуется крайне мало, показывает, что они продвинулись не слишком далеко.

Си взглянул на Лорримера.

— Если я правильно понимаю, русские используют наши исследования, а мы их — нет.

Лорример улыбнулся. Когда он улыбался, правая сторона его верхней губы как-то оттопыривалась и выгибалась, что придавало его физиономии выражение неоспоримого превосходства.

— Все это не так страшно, как может показаться.

С дельфинами мы проводим исследования, закладывающие основы цетологии. На нынешнем этапе секретность была бы не только бесполезна, но и невыгодна.

— Почему?

— У нас в США с дельфинами работает несколько групп ученых; одни субсидируются государственными ведомствами, другие — крупными частными фирмами вроде «Локхид». Исследования не развивались бы, если бы ученые не публиковали своих работ.

— Разве нельзя распространять эти публикации только среди ученых?

— Это трудно сделать. В Соединенных Штатах сейчас много дельфинологов. Кроме того, значительное число иностранных ученых работает на нас в своих собственных странах.

Си почесал кончик носа.

— Извините, я повторяюсь, но если все исследователи, иностранные и американские, которых мы субсидируем, публикуют свои работы, а русские не публикуют своих, то русские догонят и, как знать, может быть, перегонят нас.

— Это исключено.

— Почему?

Лорример величественно поднял свою красивую голову.

— Мы — единственная в мире страна, которая в состоянии ежегодно тратить на дельфинов сотни миллионов долларов. Более того, мы единственная страна в мире, которая может содержать сто пятьдесят дельфинологов — повторяю, сто пятьдесят, — не считая субсидируемых нами дельфинологов в союзных странах.

Он помолчал, посмотрел на Си — на его красивом лице появилось выражение строгости — и, не повышая голоса, отрезал:

— Нас никогда не догонят.

— Даже если мы будем публиковать все результаты?

Лорример усмехнулся:

— В США, как и везде, должно пройти время между моментом, когда ученые добиваются результатов,

и моментом, когда эти результаты предают гласности.

— Вы меня почти успокоили.

— Я сейчас окончательно успокою вас. Вероятно, настанет день, когда, вместо того чтобы предоставлять каждой лаборатории право решать, что она может, а что не может публиковать, мы должны будем соблюдать секретность.

— Когда же это произойдет?..

— Когда результаты работ наших дельфинологов можно будет использовать практически.

Си выдержал паузу и посмотрел на Лорримера:

— Этот момент еще не настал?

— Нет.

Лорример, прежде чем ответить, помедлил какую-то долю секунды, но Си был слишком хорошо натренирован, чтобы не обратить внимания на эту его нерешительность.

— Я понимаю, — медленно сказал он, — если в один прекрасный день вы все засекретите, то секретность распространится на всех, включая и меня. Но, с другой стороны, я хотел бы быть уверен, что всегда буду получать необходимые сведения и что они всегда будут в моем распоряжении вовремя, чтобы с их помощью я мог направлять мои розыски за границей.

— Вы будете их получать, — сухо ответил Лорример.

Полузакрыв глаза, Си смотрел на Лорримера: «Красивое суровое лицо, десять заповедей словно вписаны в его черты, и все же из нас двоих настоящий аскет не он, а я: ведь он еще позволяет себе такую роскошь, как личные эмоции и моральные запросы».

— А теперь, мистер Лорример, — продолжал Си, — я хотел бы узнать некоторые подробности, которые дадут мне возможность четко определить направление моих розысков. К примеру, мне хотелось бы знать, что конкретно интересует военных в исследовании дельфинов.

Лорример улыбнулся, правая сторона его верхней губы оттопырилась, он взглянул на Адамса и отрывисто сказал:

— Кожа.

— Кожа?

Си перевел взгляд с Лорримера на Адамса и снова на Лорримера.

— В коже дельфина скрыта глубокая тайна, — с легкой насмешкой вступил в разговор Адамс.

Си посмотрел сначала на одного, потом на другого. Лорример сделал своей сигарой какой-то неопределенный жест.

— Объясните, Дэвид, — снисходительно обронил он.

— Мистер Си, что вам известно о коже дельфина? — спросил Адамс.

— Разумеется, ничего.

— А о скорости его плавания?

— Думаю, она очень велика.

— Ее измерили, мистер Си. Она может достигать тридцати узлов.

— Это замечательно.

— Это потрясающе.

— Но при чем здесь кожа? — через некоторое время спросил Си.

— Так вот, утверждают, что большая скорость, с которой плавает дельфин, объясняется свойствами его кожи. Существуют две теории: Макса Крамера...

— Макс Крамер? — оживившись, перебил его Си. — Вы сказали — Макс Крамер? Специалист по ракетам?

Адамс переглянулся с Лорримером:

— Да.

— И что же говорит Макс Крамер? — спросил Си, тут же овладев собой.

— Что на самом деле у дельфина две кожи: одна — внутренняя, облегающая жировой слой, а другая — наружная, покрывающая маленькие вертикальные канальцы, наполненные губчатым веществом, которое пропитано водой. По мнению Крамера, именно благодаря этой наружной коже дельфин плавает на таких больших скоростях. Кожа эта очень упругая, очень гладкая, крайне чувствительна к малейшему давлению, она меняет форму и образует складки, приспособляясь к турбулентным завихрениям.

Си прикрыл глаза.

— Позвольте мне прервать вас. Что вы называете турбулентными завихрениями?

— При перемещении любого тела в воде или воздухе возникают турбулентные завихрения, или, если хотите, маленькие водовороты, которые замедляют его движение. По Крамеру, наружная кожа дельфина благодаря необыкновенной эластичности устраняет эти завихрения.

— Это остроумное объяснение.

— Есть и другое. Ученые установили, что наружная кожа дельфина весьма обильно орошается множеством мелких кровеносных сосудов. При высокой скорости движения к этим сосудам резко приливает кровь, выделяя достаточно тепла, чтобы подогревать соприкасающийся с эпидермой слой воды. Именно этот подогрев и устраняет завихрения.

Адамс остановился, взглянул на Лорримера и продолжал:

— Теперь вы понимаете, мистер Си, практическое значение этих исследований?

— Нет, — ответил Си, полузакрыв глаза, — извините, не понимаю.

Адамс взглянул на Лорримера и издал смешок.

— Так вот, благодаря дельфинам, например, ученые сегодня все больше отдают себе отчет в том, что в гидродинамике имеет значение не только форма тела, но и его покрытие. Представьте, что нам удалось, наконец, разгадать тайну кожи дельфина: мы сможем промышленным способом изготавливать дельфинью кожу и обшивать ею предметы, предназначенные для перемещения в воде и воздухе. Выигрыш в скорости будет колоссальным.

— Вы хотите сказать — выигрыш в скорости ракет?

— Не только ракет, но и самолетов, подводных лодок, торпед.

Наступила тишина, потом Си спросил:

— И это все?

— Все, — ответил Адамс.

Си с видом простака посмотрел на Адамса и Лорримера.

— Вы меня разочаровали. Я думал, вы мне сообщите, что дельфины говорят по-английски.

— Мистер Си, — сказал Лорример, — не надо верить всему, что пишут журналисты.

— Следовательно, во всех этих рассказах нет ничего реального?

Лорример сделал губами движение, которое у менее воспитанного человека сочли бы гримасой.

— Поезжайте к доктору Лилли, мистер Си, он вам об этом расскажет.

Лорример взглянул на часы.

— Мне осталось задать вам только два вопроса, — с любезной улыбкой успокоил его Си.

— Прощу вас, — сказал Лорример, поднося правую руку ко рту и разглядывая потолок.

— Верно ли, что дельфин прекрасно ориентируется в воде при отсутствии видимости?

— Я об этом слышал.

Молчание. «Сволочь, — подумал Си, — он, видите ли, об этом слышал!..»

— Последний вопрос, — сказал Си. — Можно ли в самом деле приручить дельфина?

— Все зависит от того, что вы имеете в виду под словом «приручить», — вмешался Адамс.

— Ну, к примеру, если дрессировщик выпустит его в открытое море и через несколько минут позовет назад, вернется ли дельфин?

— По моим сведениям, такой опыт не проводился, — ответил Лорример.

Он поднялся.

— Извините, мистер Си, но у меня совещание, и я уже опаздываю.

Си тоже поднялся.

— Это я должен извиниться. Я отнял у вас столько драгоценного времени.

— Дэвид проводит вас, — сказал с еле уловимой улыбкой Лорример. — До свидания, мистер Си.

Дверь закрылась. Длинный, выкрашенный белой краской коридор. Адамс взял Си под руку.

— Ну что, — спросил он, повернув голову направо, — как вы находите старика?

— Немного суров.

— Вы хотите сказать — суров с вами?

— Да.

— Он суров со всеми. — И прибавил: — Говоря откровенно, он считает ваши розыски бесполезными.

Си выпрямился, уязвленный:

— Почему?

— Он вам сам об этом сказал. По его мнению, все не стоит совать нос в советскую дельфинологию. Она никогда не догонит нашей.

— Вообразите на минуту: вдруг у русских появится гений, который сделает решающий шаг в изучении дельфинов?

Адамс открыл дверь лифта, пропустил Си вперед.

— Старик вам ответил бы, что вы отстали от времени. Эпоха гениев, которые в одиночку, с каким-то кустарным оборудованием совершали сенсационные открытия, миновала. Сейчас научный прогресс требует огромных капиталовложений и больших коллективов ученых, иначе говоря — денег. Вся проблема — в количестве. Самая богатая страна неминуемо сделает и самые великие открытия.

— Вы в это верите?

— Да.

— Если бы я в это верил, мне оставалось бы сделать себе харакири.

Адамс рассмеялся.

— Ну ладно, — сказал Си, — спасибо, что проводили. Разрешите ли вы в случае, если мне потребуется какая-либо дополнительная информация, позвонить вам?

— Конечно, — ответил Адамс, слегка хлопнув его по плечу.

Едва Адамс вновь появился в кабинете, Лорример встал и пошел ему навстречу. Он сохранял свой величественный вид, но ни на лице, ни во всей его фигуре не осталось и следа той суровости, которая стесняла Си.

— Итак, — весело спросил он, — каковы его впечатления?

— Вы немного суровы. Я и мягче и сговорчивее. В следующий раз он будет иметь дело со мной. Мне очень понравился довод, которым вы пытались убедить его, что советская дельфинология не внушает вам никаких тревог, — прибавил Адамс.

— Удалось ли мне это?

— Думаю, что нет. В интуиции ему не откажешь, а о советской дельфинологии он знает больше, чем кажется.

— Вы угадали. Мне звонили из нашей разведывательной службы. Во-первых, Си не просто заурядный агент, как он это утверждает, а один из шефов научной разведки.

— Задним числом я чувствую себя весьма польщенным, — сказал Адамс с едва заметной улыбкой.

— Во-вторых, у него диплом физического факультета Йельского университета...

— И он спрашивал о турбулентных завихрениях?

— По-моему, этим он себя и выдал. Невежда притворился бы знающим.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Лорример.

Вошедший передал Лорримеру большого размера фотографию и вышел.

— Наши ребята времени зря не теряли, — сказал Лорример. — Взгляните, Дэвид.

Адамс обошел письменный стол и склонился над плечом шефа.

— Отличный снимок, — усмехнулся он.

И, помолчав, добавил:

— Из каждой поры этого румяного лица сочится ложь.

— Ну, вы преувеличиваете, — возразил Лорример. — Многие средние американцы напускают на себя этот жизнерадостный вид.

Он бросил еще не просохшее фото на стол.

— Ну вот, — вздохнул он. — Он отслеживает нас, а мы — его. Какая нелепость!

— Интересно, — сказал Адамс, — удалось ли ему что-нибудь выудить из нашего разговора?

— Не думаю. Впрочем, сейчас мы это проверим.

Лорример выдвинул ящик стола — там оказался телефон — и снял трубку.

— Включите пленку. Сначала.

Он откинулся на спинку кресла, взял фотографию и стал в нее вглядываться, склонив голову набок.

— Наш межведомственный шпионаж — сущее бедствие. Какая трата времени! Этот бедняга Си вечером дома сам подглядывает за собой в замочную скважину, чтобы знать, что же он вынимает из собственных карманов!

Адамс засмеялся. В это мгновение откуда-то из стенового шкафа, заполняя комнату, раздался голос Лорримера:

«— Апман! Вы получаете их из Парижа, мистер Си?»

— Вы удивитесь, мистер Лорример, но я получаю их прямо из Гаваны.

— Значит, наша блокада неэффективна.

— Я бы этого не сказал. Мистер Адамс, прошу вас...»

Когда пленка кончилась, Лорример поднялся.

— Итак, Дэвид, что вы думаете об этом нашем собеседовании?

Адамс улыбнулся:

— Блестящий образец поверхностного анализа...

Голый, потный, Си лежал на кровати в номере на пятнадцатом этаже отеля. Полторы тысячи совершенно одинаковых комнат; в каждой — те же большие лампы с подставками в форме огромных ананасов, те же портьеры с крупными желто-зелеными цветами, те же ванны с зеркальными дверьми — когда принимаешь душ, кажешься самому себе рыбой в аквариуме. Си обливался потом на своей металлической кровати; балки этой гигантской ночлежки тоже металлические. Ужас охватывал при одной только мысли об этом громадном улье и жалких людишках, какое-то краткое мгновение перед смертью суетящихся во всех его ячейках, терзающихся в своих конурках бессонницей, любовью, заботами о деньгах, мыслями о самоубийстве. К чему все это, боже мой, ведь это же

вопиющая бессмысленность! Си, обессиленный и вспотевший, грузно лежал на кровати. Черт побери, два раза подряд принял душ, помогло минут на пять, а потом стало еще хуже. Си потел, задыхался, холодная струя кондиционированного воздуха обдавала его еще не просохшие волосы. Он встал, выключил кондиционирование, попытался открыть окно — оно не открывалось; выхода нет — ледяной воздух или духота. В изнеможении он снова бросился на кровать; нервы его были напряжены, желудок свела мучительная судорога, скрытая, непрекращающаяся боль внутри охватила и печень. Чтобы сделать массаж, он, как в тесто, погрузил пальцы в свой вздувшийся живот. И он почувствовал себя так одиноко, что чуть было не снял трубку и не позвонил Бесси в Нью-Йорк. Это было глупо — что они сказали бы друг другу? Да и что их связывало? Немного притворства, немного слов, зато много молчания — даже ребенка не было.

«Я уже не прикасаюсь к ней, мне противны ее большие груди, ее дряблые тела. Вот была бы радость — взять пистолет и разрядить обойму в жирное брюхо этой шлюхи! Вот уж пять лет, как я перестал выплачивать страховку. После смерти я хотел бы на несколько секунд воскреснуть, чтоб только увидеть ее рожу. Она снова выйдет замуж за первого встречного кретина и наплодит других кретин. Вот для чего нужны эти мокрицы — для продолжения рода, — похвастаться им нечем». Он протянул руку — печень тотчас заняла, — взял конверт, куда был вложен текст перепечатанного с магнитофонной пленки разговора Лорримера и Адамса, который агент продолжал записывать и после того, как Си вышел из кабинета, и перечитал его. Эти типы приняли его за дурачка. Какая нелепость — чтобы побольше узнать о дельфинах, он вынужден пересечь Соединенные Штаты с востока на запад и забраться в Пойнт-Мугу. Бог мой, уже в Сайгоне все было мерзко и запутано: множество ведомств, служб и полиций. Время только и тратилось на то, чтобы пускать друг другу пыль в глаза, завидовать друг другу, сто раз делать одну и ту же работу, вместо того чтобы сосредоточить все силы на борьбе

с вьетнамцами. Русские делают промахи от избытка централизации, а мы, наоборот, мы уже не в состоянии покончить с децентрализацией, с разбазариванием средств, избытком ведомств, с манией взаимной слежки. Все мы кончим в сумасшедшем доме, от переутомления нас будут лечить электрошоком. Он снял трубку, попросил разбудить в семь утра, принял две маленькие пилюли. Теперь по ночам он глаз не может сомкнуть без пилюль. А наутро он будет чувствовать себя таким разбитым, что примет две пилюли «Нодоуз», чтобы в Пойнт-Мугу быть в форме.

«Стимулирующая пилюля — днем, успокаивающая — на ночь, — не считая вина и сигар, как настоящий наркоман, — не удивительно, что у меня болит печень. Все это кончится в маленьком ящике на дне могилы, и что же? И что же, мне плевать на все, мне совсем не хочется воскреснуть». Он вытянул руки, голова стала неподвижной, нерв в ноге перестал болеть. Он чувствовал себя лучше...

«Мы катили по флоридскому шоссе в открытом форде, справа от меня девушка, а Джонни с другой девушкой на заднем сиденье. Впрочем, кто были эти подружки, я даже не помню их имен. Все мы пьяные, я чуть потрезвее их, я сидел за рулем, хотел возвратиться невредимым на снятую нами виллу, вел очень медленно. Джонни привстал на заднем сиденье и кричал: «Постой, Билл! Я помогу тебе!» И, смеясь, как сумасшедший, загребал руками воздух. Девушка вцепилась в него, чтобы снова усадить. На вилле мы пили, пили и почти ничего не ели. Было тепло, в темно-голубом небе — похожая на апельсин луна. Джонни встал из-за стола. «К черту, — заорал он, — плевать мне на все, я раздеваюсь! И ты тоже, Билл! Взгляни на эту луну, она похожа на ягодицу!» Девушки кричали, а я смеялся, смеялся, срывая одежду. «Цивилизации конец! — орал Джонни. — Все нагишом!» Девушки, визжа, заперлись в своей комнате. Утром я проснулся в одной кровати с Джонни. На подушке рядом со мной голова Джонни, а на моей груди его рука. Я не шелохнулся. Застекленная дверь на террасу была распахнута настежь, сияло солнце, я видел

на фоне неба часть оштукатуренной белой стены; никогда раньше не замечал я, как это прекрасно — белая стена на голубом небе...»

Круглый бассейн сверкал под лучами калифорнийского солнца, и в голубой искрящейся воде Си видел, как плавает дельфин. Примерно на метровой глубине дельфин непринужденно плавал по кругу и, набирая воздух, не останавливаясь, очень изящно выгибал спину, делая это так ловко, что над водой появлялась лишь та ее часть, где расположено дыхало. В отличие от рыб его хвостовой плавник располагался не по вертикали, а по горизонтали, причем двигался не только сам плавник, но и весь тонкий мускулистый стебель хвоста. Си внимательно следил за дельфином: в сущности, горизонтальным расположением хвостового плавника и объясняется умение дельфина передвигаться по вертикали, особенно его способность выпрыгивать из воды на высоту второго этажа, как я это однажды видел в Майами. Для этого нужен только достаточно глубокий бассейн, чтобы дельфин смог принять вертикальное положение и броситься вверх с силой, необходимой для преодоления сопротивления воды. Но совершенно потряс меня во время ревью в Майами танец дельфина, когда дельфин, на три четверти высунувшись из воды, удерживается в вертикальном положении и так проходит благодаря мощным движениям хвоста из конца в конец бассейна. Совсем как человек, который пятится задом. Пожалуй, все это производит более сильное впечатление, чем делающая стойку собака или даже идущий по натянутому канату канатоходец, так как дельфина удерживают в вертикальном положении только движения хвостового плавника, что говорит о поразительной силе его мышц и столь же поразительном владении этими мышцами.

Дельфин перестал кружить, направился к Си, остановился в метре от стенки бассейна и, повернув набок свою большую голову, посмотрел на него. Это был не круглый, лишенный всякого выражения рыбий глаз,

а живой, лукавый, приветливый, полный любопытства, почти человеческий глаз.

Дельфин повернул к Си голову другой стороной, посмотрел на него вторым глазом и слегка приоткрыл рот, извилистый рисунок которого придавал ему такой вид, будто он шаловливо улыбается Си.

Прошло несколько секунд. Закончив осмотр и убедившись, что Си не намерен ни играть с ним, ни ласкать его, дельфин перевернулся, отплыл и снова начал кружить.

Ясно, что только хвостовой плавник обеспечивал ему поступательное движение. Грудные плавники, как стабилизаторы корабля, служили лишь для поворотов и поддержания равновесия. Большой спинной плавник, должно быть, играл ту же роль, что и киль на небольшом паруснике, — обеспечивал устойчивость и давал возможность быстрее делать виражи.

Дельфин плавал удивительно ловко, легко и быстро. При его перемещении в воде не возникало никаких завихрений, или, точнее, если они и обнаруживались, то не следом за ним, а едва заметной рябью на поверхности воды; это явление легко объяснялось тем, что горизонтально расположенный хвостовой плавник дельфина при движении отбрасывал воду снизу вверх. Зато в том слое воды, где плыл дельфин, никаких завихрений заметно не было. И что совсем удивительно, необходимость всплывать на поверхность, чтобы набрать воздуха, по-видимому, не замедляла скорости его движения — так плавно, так мягко выгибал он спину, выставляя над водой дыхало. Бассейн был чересчур мал для того, чтобы дельфин мог развить хотя бы десятиую долю доступной ему скорости, но, глядя на него, угадываешь, какие силы в нем таятся.

— Вы уже познакомились с Дэшем? — раздался позади Си веселый голос.

Си обернулся.

— М. Д. Морли, — представился подошедший, протягивая красную, как ветчина, руку. — Мне поручено оказать вам гостеприимство. Добро пожаловать на морскую базу Пойнт-Мугу, мистер Си, — продолжал он с насмешливой и приветливой торжествен-

ностью. — И позвольте посоветовать вам пренебречь протоколом и снять пиджак.

— С удовольствием, — согласился Си.

Сам Морли был без пиджака; круглолицый, полный, с круглыми глазами, с короткими вьющимися волосами, он казался олицетворением цветущего здоровья и отличного настроения с рекламного щита какой-нибудь известной марки пива.

— Наверное, ему скучно одному, — сказал Си, показав рукой в сторону Дэша.

— А он не один! — воскликнул Морли. — Телефон или, вернее, гидрофон связывает его с Дорис, которая находится в другом бассейне.

— Они знакомы?

— Некоторое время жили в одном бассейне. Их разлучили только в целях эксперимента: хотели записать их разговоры.

— И они разговаривают?

— Еще как! словно влюбленная парочка по телефону.

— Но откуда известно, что это настоящий разговор?

— Они никогда не говорят одновременно, а один после другого, как будто спрашивают и отвечают.

— Мистер Морли, — сказал Си, — мне помнится, что дельфины издают самые разнообразные звуки: скрипят, хрюкают, твякают...

— Да, но в разговоре они пользуются главным образом свистами. И эти свисты весьма различны по длительности, амплитуде, частоте и тембру. Возможно, что дельфиний язык — это язык свистов, — прибавил Морли, и на его круглом лице появилось выражение довольства.

— Ну что ж, давайте расшифруем его, — шутливо предложил Си, пристально глядя на Морли.

— Этим здесь и занимаются, — подхватил в том же тоне Морли. — Однако сначала необходимо классифицировать звуки.

После некоторого молчания Си сказал:

— Даже будучи оптимистом, я полагаю, что эта проблема решится не скоро.

— Конечно. Но успокойтесь, мы занимаемся не только изучением свистов. Мы проводим всесторонние исследования.

— Например?

— Например, мы стараемся научить дельфинов английским гласным, передавая эти звуки с частотой и модуляцией, которые доступны восприятию животного. Другими словами, мы дельфинизируем английский с тем, чтобы сделать его доступным для них.

— В общем, — заметил Си, — вы пытаетесь создать «дельфин-инглиш» — подобие «пиджин-инглиш», на котором говорят уроженцы островов Тихого океана. И это удастся?

— Пока еще рано говорить об этом. Но подождите, я вам сейчас кое-что покажу.

Морли наклонился, быстро подобрал три предмета, лежащие у стенки бассейна, и бросил их на середину водоема. Только когда они упали в воду, Си разглядел их: старая желтоватая шляпа типа сомбреро, красный мяч и короткая, выкрашенная голубой краской палка.

— Дэш, — позвал Морли, тихо постукивая по внутренней стенке бассейна для того, чтобы привлечь внимание дельфина.

Дэш тотчас же направился к Морли и, остановившись примерно в метре от стенки, высунул голову из воды.

— Шляпу! — кричал Морли. — Принеси шляпу!

Дэш, не раздумывая, подплыл к шляпе, нырнул, поддел ее мордой и принес Морли. Тот схватил шляпу, снова швырнул ее на середину бассейна и кричал:

— Палку! Принеси палку!

Дэш взял палку в рот, принес ее Морли, а тот сразу же снова швырнул ее на воду.

— Bravo! — крикнул он. — Принеси мяч!

— Bravo! — сказал Си. — Случается ли ему ошибаться?

— Иногда. Но я подозреваю, что он делает это нарочно. Мы тренируем внимание Дэша, учим его учиться, а также вырабатываем у него привычку к человеческим звукам. Кроме того, будет крайне интересно узнать, повторяя опыт с другими предметами,

сколько английских слов он сможет запомнить и распознать.

Морли замолчал, взглянул на часы и сказал:

— Пойдемте, мистер Си, вы действительно пришли очень кстати. Я вам покажу нечто совершенно поразительное.

Увлекая за собой Си, Морли быстро зашагал к бетонированному бассейну, отделенному от Тихого океана узкой дамбой. Два человека в черных водолазных костюмах надевали на дельфина какую-то сбрую.

— Это Билл, — сказал Морли. — Он прошел специальную тренировку. Его выучили плыть к дрессировщику, едва только тот включит под водой звонок. Вот этот инструмент, — он взял звонок из рук помощника, стоявшего рядом с лебедкой. — Как видите, звонок похож на электрический фонарик, он водонепроницаем. Когда его включают, под водой раздается дребезжание и звуковые волны распространяются очень далеко.

Билла выдрессировали так, что, заслышав эти звуки, он сразу же подплывает к дрессировщику, который держит звонок, причем неважно, находится ли дрессировщик в воде или сидит в лодке. В награду за это Билл получает рыбу...

— Меня восхищает, что он позволяет так с собой обращаться, — сказал Си. — Ему застегивают сбрую, а он и глазом не моргнет.

— Дельфин — доверчивое животное, — пояснил Морли. — Он очень хорошо к нам относится. Все наблюдатели сообщают: дельфин любит людей. Непонятно за что, — секунду помолчав, прибавил он.

Эта мысль настолько не вязалась с добродушным и оптимистическим круглым лицом Морли, что Си удивленно посмотрел на него.

— В конце концов вы их хорошо кормите и не обижаете.

Морли пожал своими полными плечами.

— Поверьте мне, мистер Си, когда они заговорят, им будет что сказать о тесноте бассейнов и одиночестве, на которое мы их обрекаем... И тогда, вы увидите, они начнут организовываться и, может быть, мы

столкнемся с забастовками и разного рода требованиями.

Си засмеялся. Потом все его внимание сосредоточилось на дрессировщиках. Они положили дельфина на какое-то подобие носилок, в которых были прорезаны два отверстия для грудных плавников. Носилки покоились на четырех высоких ножках, имеющих, как гимнастические брусья, общее основание. Дрессировщики прикрепили канат к ручкам носилок, дали знак товарищам, и дельфина начали поднимать в воздух. Затем лебедка повернулась и дельфина стали опускать в открытое море. Дрессировщики выбрались из бассейна и быстро сбежали по цементным ступеням в океан, чтобы принять животное. Вода доходила им почти до пояса.

— Вы его отпустите? — спросил Си.

— Похоже, что так, — ответил Морли, на круглом обветренном лице которого появилось выражение некой напряженности.

— В первый раз?

— Да.

Морли смотрел на дрессировщиков. Дельфин, освобожденный от носилок, находился в воде, а дрессировщики привязывали к упряжке примерно полутораметровую веревку, на конце которой был прикреплен маленький, похожий на клубок оранжевых ниток буй.

— Я вижу, что вы все-таки принимаете меры предосторожности, — заметил Си.

— Да, — кратко ответил Морли.

Дрессировщики одновременно подняли головы и взглянули на Морли. Из-за черных резиновых комбинезонов их коротко стриженные волосы казались более светлыми, а глаза — более ясными. Они стояли по бокам дельфина и, вцепившись в сбрую, крепко держали животное, которое, приоткрыв рот, тянулось в океан. «В открытом море, наверное, вкусная вода», — подумал Си.

— Отпускайте! — крикнул Морли, и лицо его искалось от волнения.

Дрессировщики разжали руки. С полсекунды дельфин не двигался, затем сделал хвостом невероятной

силы движение и рванулся, словно его катапультировали. Примерно на метровой глубине он мчался в морской простор. И секунды не прошло, как Си потерял его обтекаемое тело из вида, но буй, который дельфин тащил за собой, подпрыгивал на воде и обозначал его путь. Оранжевый цвет резко выделялся на темно-голубом фоне океана.

— Несется, как стрела, — проговорил Си.

— Он может выжать и больше, — с гордостью сказал один из дрессировщиков. — Ему мешает буй.

Морли не говорил ни слова. Буй подскакивал на водной глади, а Морли, сжав губы, встревоженно вглядывался, как с каждой секундой он удаляется все дальше.

— Этот малый рад порезвиться, — заметил Си. — На его месте и я бы потерял голову. А на вашем — начал бы беспокоиться.

Морли ничего не ответил.

— Включать? — нервно спросил один из дрессировщиков.

— Включайте, — приказал Морли.

Дрессировщик опустил звонок в воду и включил его. Прошла долгая секунда, потом оранжевый буй замедлил ход, поплыл зигзагами — казалось, он колеблется, — и повернул к берегу. Билл возвращался к земле.

— Удалось, — глухо произнес Морли.

Наступила тишина. Си, Морли и дрессировщики не отрывали глаз от оранжевого клубка. Зачарованные, они смотрели, как он подскакивал на мелкой зыби океана, пока дельфин на полной скорости возвращался к обществу людей.

Через две секунды смеющаяся, лукавая морда Билла появилась примерно в метре от дрессировщика, и тот дал ему рыбу.

— Поднимайте его, — облегченно вздохнул Морли. — На сегодня хватит.

Си взглянул на него. Морли выглядел усталым и счастливым.

— Пойдемте, — обратился он к Си. — Пригла-

шаю вас в кафетерий. Теперь я с удовольствием выпью.

— Разрешите задать вам один вопрос, — начал Си, невольно идя в ногу с Морли. — Как вы думаете, почему он вернулся? Да, почему он вернулся, а не выбрал свободу, что в конце концов было бы естественно для живущего в неволе животного? Я знаю, вы скажете, он вернулся потому, что его поведение было обусловлено звонком и рыбой. Но когда речь идет о столь разумном животном, как дельфин, подобное объяснение не совсем удовлетворяет. Билл вполне мог сообразить, что рыбы в море вдоволь и он не нуждается в вашей...

Морли серьезно посмотрел на Си.

— Я сам задаю себе этот вопрос, мистер Си. И вот мой ответ: дельфин — общественное животное, а не одиночка. В море он живет в семье, и эта семья составляет часть вполне определенной группы дельфинов, владеющей в море территорией, за пределы которой она, вероятно, никогда не заплывает, с иерархией отношений, с организацией. Представьте, что мы «потеряли» бы Билла с нескольких километров от берега. Куда бы он делся?

— Он мог бы попытаться найти другую группу.

— Это было бы не так просто. И он далеко не уверен, что уживется с ней.

— Понятно.

— А здесь, в Пойнт-Мугу, он прижился, им занимаются, его кормят, играют с ним, он нас знает.

— Вы полагаете, он вернулся потому, что у него установились с вами эмоциональные связи.

— Да, — ответил Морли. — Именно это я и имею в виду. Теперь его семья — мы.

«Из Вашингтона в Лос-Анджелес, из Лос-Анджелеса в Майами, из Майами в Сиэтл — какой абсурд, какая чудовищная трата времени, сил, денег, серого вещества только потому, что эти сволочи захотели поиграть со мной в прятки! Неделю, целую неделю бродить из конца в конец Американский материк, бро-

саться из самолета в самолет, из отеля в отель, из одного исследовательского центра в другой, для того чтобы с трудом, по крохам собрать сведения, которые они могли бы сообщить мне менее чем за час. По правде говоря, джентльмены, я всесторонне обдумал этот ваш «блестящий образец поверхностного анализа» и убедился в вашей беспредельной глупости. Ведь теперь, когда я влез в ваши дела, я не скоро вылезу из них. Я узнаю все, включая родословные ученых, имена которых вы, как вам кажется, так хитро скрыли от меня. Я буду знать их как облупленных, ваших дорогих ученых, мне не понадобится и полугода, чтобы выудить всю их подноготную. И вы, мастера поверхностного анализа, кое-что поймете, вам будет плохо, пожалеете, что на свет родились. Отныне стоит вам лишь пальцем пошевелить — мне станет известно, поднимете пресс-папье — и об этом я буду знать. Вы будете просвечены, разложены, отравлены, обработаны так, что вы и сами не почувствуете, кто тут распоряжается — вы или я».

— Мистер Си? — раздался позади чей-то голос.

Си обернулся.

— У. Д. Хагаман.

Си пожал протянутую руку.

Перед ним стоял Хагаман, высоченный, с узенькими плечами, с невероятно длинной шеей, с голубыми, тусклыми, безжизненными глазами, с вытянутым бледным лицом, таким узким, что казалось, у него всего два измерения. Едва Си отпустил руку Хагамана, как она скользнула вдоль тела, нашла за спиной левую руку, вцепилась в нее и больше не двигалась.

— Мистер Си, — с места в карьер начал Хагаман, словно, назвав свое имя и пожав руку, он тем самым исчерпал все, что с его точки зрения следовало уделять человеческим взаимоотношениям, — вам, конечно, известно, что такое сонар?

Си улыбнулся с простецким видом:

— Это, наверное, та штука на наших кораблях, что обнаруживает вражеские подлодки?

Напускать на себя простецкий вид оказалось напрасным делом. Хагаман не смотрел на него. Си

для него просто двуногое с ярлыком «Си», ничего больше.

— Точнее, — продолжал Хагаман, — это прибор, издающий под водой ультразвуки. Звуковые волны, как эхо, отражаются погруженными в воду предметами и затем регистрируются прибором. Так как скорость звука в воде известна, электронный счетчик сразу же определяет форму находящегося в воде препятствия и расстояние до него. Учтите, что этот прибор вместе с электронным счетчиком тяжел и сложен и показания его не всегда точны из-за наличия в воде рассеивающих волн, которые искажают отражение.

Сцепив руки за спиной, договаривая до конца каждую фразу, сколь бы длинной она ни была, Хагаман произносил слова без единого жеста, без малейшего движения, даже не моргая, его вытянутое неподвижное лицо, как на шесте, торчало где-то высоко на длинной шее, невыразительные глаза уставились куда-то поверх головы Си, губы едва приоткрывались, чтобы пропустить звуки. Он говорил медленно, четко, без единой запинки, словно лекцию читал. Помимо шевеления губ, можно было различить лишь движение его резко выступающего кадыка, находящегося почти на уровне глаз Си.

— Таков промышленный сонар, — сказал Хагаман.

Он сделал паузу.

— Естественный сонар дельфина, — продолжал он тем же медленным, механическим и безразличным голосом, — намного совершеннее. Весит он всего лишь несколько сот граммов, весь помещается в голове дельфина и замечательно точен.

Он снова сделал паузу, и через несколько секунд Си понял, что эта пауза не имела к нему никакого отношения. Хагаман останавливался не для того, чтобы дать Си возможность и время записать его изложение или задать вопрос. Он останавливался, чтобы переменить тему разговора. Присутствие человеческого существа по имени Си для него имело чисто отвлеченный смысл. Си был некий индивид, которому Хагамана попросили объяснить устройство сонара дельфинов: он

и объяснял. В идентичных терминах и с такими же паузами он об этом сонаре рассказывал бы любому другому слушателю.

— Но лучше все увидеть самому, — сказал Хагаман. — Пойдемте, мистер Си.

Крулый, как в Пойнт-Мугу, бассейн, яркое солнце и дельфин. У бассейна стоит человек в водонепроницаемом комбинезоне.

— Вот и Дик. Я его приучил получать рыбу при следующих условиях: в каком-либо месте барьера бассейна, всякий раз в ином, я ставлю колокольчик, который звонит, если нажимаешь на опущенную в воду рукоятку. Даю свисток. По свистку дельфин должен найти рукоятку и толкнуть ее мордой. Когда колокольчик начинает звонить, в другом месте бассейна, которое я тоже каждый раз меняю, я, держа рыбу за хвост, вертикально опускаю ее в воду. Дельфин должен ее найти. После дрессировки процент удач Дика: 100 из 100.

Хагаман сделал паузу.

— Карл, — обратился он к человеку в комбинезоне, — поставь ему присоски.

Карл переступил барьер и вошел в воду. Тотчас же, сделав два движения хвостом, Дик подплыл к нему и потерял о ноги, требуя ласки. Карл погладил его и через несколько секунд поднес присоску к правому глазу дельфина. Сделанная из белого пластика, присоска напоминала по форме набалдашник трости. Карл должен был проявить терпение и ловкость, так как Дик несколько раз отворачивал морду, прежде чем дал на время ослепить себя присосками.

Карл быстро вылез из бассейна и переставил колокольчик.

— В бассейне, — сказал Хагаман, — есть гидрофон, который воспринимает звуки дельфина и дает нам возможность слышать их на суше. Послушайте: как только я свистну, Дик приведет в действие свой сонар. Вы готовы, Карл?

Карл вынул из ведра рыбу, расположился на другой стороне бассейна и приготовился опустить ее в воду. Хагаман свистнул. Си услышал скрипучие звуки,

издаваемые через равные промежутки времени: «крак, крак, крак, крак», и ослепленный дельфин тут же направился прямо к рукоятке и толкнул ее. Колокольчик зазвенел. На другом конце бассейна Карл опустил в воду рыбу, которую он держал за хвост. Дельфин повернулся, снова послышались скрипучие звуки, и без всякого труда, ни на сантиметр не отклонившись в сторону, без всякого колебания пересек бассейн, подплыл к рыбе и схватил ее.

— Невероятно, — сказал Си. — Трудно поверить, что он не видит.

— Пойдемте к Карлу, — предложил своим невыразительным голосом Хагаман. — Сейчас мы проведем второй опыт. На этот раз Карл одновременно погрузит в воду две рыбы. Обратите внимание: они разных пород, но по длине и форме почти одинаковы.

— Пожалуй, одна чуть поуже.

— Правильно. Дик как раз любит лакомиться той, что пошире. Другую же он никогда не трогает. Внимание. Я переносу колокольчик на другое место. Даю свисток.

Услышав свисток, Дик привел в действие свой сонар, нашел и толкнул рукоятку. Колокольчик зазвенел. Карл одновременно опустил в воду две рыбины на расстоянии 20 сантиметров одна от другой. Продолжая издавать свои «крак-крак-крак», Дик подплыл прямо к той, которая ему нравилась, и проглотил ее.

— И случается ему ошибаться? — спросил Си.

— Нет.

— Быть может, он находит свою любимую рыбу по запаху?

— У китообразных нет обоняния.

— Тогда это неслыханно, — восторгался Си. — Точность его сонара просто невероятна. Он «видит» ушами.

— Точнее, — спокойным неумолимым голосом прервал его Хагаман, — он «видит» дыхалом, ушами и электронным мини-счетчиком, регистрирующим отраженные звуковые волны, которые он слышит.

Заложив руки за спину, устремив блеклые глаза куда-то сантиметров на двадцать поверх головы Си,

Хагаман стоял неподвижно и ждал. Обязанности свои он выполнил. Однако он не мешал своему гостю задавать вопросы.

— Если я правильно понимаю, — сказал Си, — природа оснастила дельфина сонаром, бесконечно превосходящим наш, и мы пытаемся проникнуть в секреты его устройства.

Хагаман подумал.

— Если иметь в виду практическую сторону дела, мне думается, можно определить цель наших исследований так, как это делаете вы.

— Но разве нельзя прямо использовать сонар дельфинов?

— Что значит — прямо?

— Например, для целей подводной разведки.

Наступило молчание, и Хагаман ответил:

— К этому аспекту проблемы я не имею никакого отношения.

ДОКЛАД СИ

кл/25621,

секретно

(Примечание Си: Я привожу эту беседу по памяти, поскольку человек, которого я называю «информатор», настойчиво просил не записывать ее на магнитофон. По той же причине информатор не был сфотографирован, и мы условились, что только один я буду знать его имя.)

Информатор. Я решил встретиться с вами сразу же после того, как мне стало известно о вашей беседе с Аталанте. Но мне было очень трудно найти вас.

Си. Я знаю. Горячо благодарю вас за ваши усилия.

Информатор. По правде говоря, мне непонятно, почему Аталанте оказался таким несговорчивым. Этих непроницаемых перегородок между ведомствами быть не должно. Тем более что все мы служим одной цели.

Си. Но верно ли, что мы служим одной цели? Разве я не прав, утверждая, что жизненная филосо-

фия кое-кого из ведомства Аталанте далеко не во всем соответствует нашей философии?

Информатор. Да, понимаю. В таком случае моя лично философия ближе к вашей.

Си. Так я и думал. И рад слышать, что вы это подтверждаете. Слишком много «голубей» и «голубков» в окружении Аталанте...

Информатор. Я тоже так думаю.

Си. Согласились бы вы в случае необходимости рассказать мне о них?

Информатор. Я установил с вами контакт не с этой целью. Я полагал, что речь у нас пойдет не о людях, с которыми я работаю, а о дельфинах.

Си. Одно другому не мешает. Дело в том, что нас весьма тревожит окружение Аталанте. Все это, быть может, гораздо серьезнее, чем вы думаете. В конце концов мы не вправе сбрасывать со счета то обстоятельство, что в ближайшем будущем может разразиться третья мировая война. В свете этой перспективы все, что вы смогли бы нам сообщить, было бы крайне ценно.

Информатор. Эту точку зрения я не учитывал. На мой взгляд, довольно подло впутывать в это дело людей, с которыми работаешь. Ведь я не могу считать их предателями только потому, что они не разделяют моих убеждений.

Си. Позвольте мне напомнить вам, что во время войны или перед самым ее началом очень трудно распознать, где начинается предательство. Разве эти люди — ваши друзья?

Информатор. Да нет!

Си. Ну, тогда мне совсем непонятны ваши колебания. Тем более что речь идет не о том, чтобы «впутывать» их. Я вас просто прошу помочь мне составить о них представление.

Информатор. А разве это не одно и то же?

Си. Нет, тут есть оттенок. Возьмите, к примеру, ближайшего помощника Аталанте. Назовем его Азюр, если хотите. Вы понимаете, кого я имею в виду?

Информатор. Да.

Си. Так вот, меня несколько беспокоит этот Азюр. Я никак не могу определить, что он собой представляет. Он мне совсем неясен. Что вы о нем думаете? К какой категории его следует отнести?

Информатор. По-моему, Азюр так, ни «голубь», ни «ястреб».

Си. Ну вот видите. Большого я от вас и не требую. Или вам кажется, что, сказав это, вы впутали Азюра?

Информатор. По правде говоря, нет.

Си. Очевидно, если я вас правильно понял, суть в том, что Азюр — оппортунист, который в конце концов всегда примкнет к победившему лагерю.

Информатор. При этом, быть может, отдавая некоторое предпочтение не нашей жизненной философии.

Си. Да. Вы правы. Совершенно правы. Вы прекрасно уловили этот оттенок. И мне очень хотелось бы применить этот наш вывод к Аталанте.

Информатор. О, Аталанте, это другой вопрос... У нас никто не знает, что думает Аталанте.

Си. Буду с вами совсем откровенен, именно по этой причине я и стремлюсь так тщательно изучить его окружение. Однако вернемся к нашим дельфинам. Могу ли я задать вам несколько вопросов?

Информатор. Как раз из-за дельфинов я и установил с вами контакт. Тут я готов максимально помочь вам.

Си. У меня, собственно, лишь один вопрос. Как люди вроде Аталанте и Азюра предполагают практически использовать дельфинов?

Информатор. Их цели ясны. На всех подводных работах по строительству или разрушению, где мы используем «людей-лягушек», было бы куда выгоднее использовать дельфинов.

Си. Почему?

Информатор. У дельфина большое преимущество перед ныряльщиком: на него не действует азотный наркоз, и, всплывая на поверхность, ему не надо переводить дух. Вам, наверное, известно, что Силэб использовал дельфина по имени Тэффи для связи меж-

ду исследователями, живущими в доме на морском дне, и кораблем на поверхности. Тэффи доставлял им газеты, письма, бутылки с пивом...

Си. Да, припоминаю. Где-то читал. Это поразительно, но вряд ли это можно назвать собственно работой. Не опасаетесь ли вы, что отсутствие у дельфина рук сильно ограничит его применение на подводных работах?

Информатор. И да и нет. Дельфин удивительно ловко орудует своим рылом. Им он нажимает рукоятки, бросает мячи, удерживает в равновесии разные предметы. Кроме того, скелет его грудного плавника — это скелет атрофированной конечности, заканчивающейся кистью, реликт того времени, когда он жил на суше. Грудные плавники в какой-то мере служат органами осязания. Может быть, удастся их «цивилизовать» и развить. Пока же придется использовать упряжь или специальные приспособления.

Си. Какие именно? Расскажите об этой упряжи. Постойте, я сейчас уточню свой вопрос: предусмотрено ли опытами пристегивать к этой упряжи мины, которые дельфин смог бы оставлять у входа в порт или даже прикреплять к корпусу корабля?

Информатор. Да. Вопрос изучается. Но об этом мне известно немногим больше, чем вам. Я только могу сказать, что некоторые дельфины уже сейчас обучены отличать, даже в темноте, свои корабли от вражеских.

Си. Каким образом?

Информатор. У своих кораблей на носу, под ватерлинией, прикреплена металлическая пластинка; она из другого металла, нежели корпус судна.

Си. И дельфины в темноте обнаруживают эту пластинку?

Информатор. Да. Даже если она выкрашена той же краской, что и корпус.

Си. Как они это делают?

Информатор. С помощью своего сонара. Между эхом, посылаемым пластинкой, и эхом, посылаемым кораблем, существует едва уловимое различие.

Си. Сногшибательно! Какую, по-вашему, роль мог

бы играть дельфин в наступательном и оборонительном боях?

Информатор. Сейчас я вам объясню наш взгляд на эти вещи: дельфин — это и подводная лодка, которую невозможно обнаружить, и обладающая разумом торпеда.

Си. Почему дельфина нельзя обнаружить?

Информатор. Во-первых, потому, что для сонаров противника дельфин — рыба. Во-вторых, если дельфин атакует даже среди белого дня, все попытки вражеских кораблей уйти от него бесполезны. Не забывайте о необыкновенной скорости дельфина. Не забывайте также о его способности мгновенно погружаться на большие глубины.

Си. Как ваше ведомство оценивает дельфинов с точки зрения тактики?

Информатор. Предположим, что нам удалось завербовать и выдрессировать многочисленные группы дельфинов и заставить их патрулировать в водах Тихого океана и Атлантики. Благодаря своим сонарам они могли бы заранее засекать флотилии вражеских атомных подводных лодок и помогали бы нам уничтожать их, расставляя на их пути мины. Они могли бы атаковать и корабли, прикрепляя к их дну бомбы. Они могли бы даже в крайнем случае доставлять атомные бомбы в порты противника. Тут, по-видимому, следует предвидеть гибель дельфинов-носителей.

Си. Учитывая продолжительность и стоимость их обучения, мне кажется, это серьезная потеря.

Информатор. Я исхожу из предположения, что мы воспитаем несколько сот таких животных. Тогда мы сможем отобрать из их числа штук двадцать дельфинов-смертников — смертники, конечно, знать об этом не будут — без особого ущерба для нашего потенциала.

Си. Все это невероятно интересно.

Информатор. Но, разумеется, столь сложное сотрудничество предполагает, что нам удастся установить с дельфинами языковое общение. Это неременное условие.

Си. Аталанте рассказывал мне о докторе Лилли.

Информатор. Доктор Лилли очень одаренный исследователь, он поставил великолепные опыты, но ему еще далеко до цели. На мой взгляд, Севилла продвинулся гораздо дальше.

Си. Севилла?

Информатор. Я дам вам его координаты. Весь успех проекта «Дельфин» действительно зависит от Севиллы.

Си. Отдает ли себе в этом отчет сам Севилла?

Информатор. Что вы, несколько! Севиллу совершенно не интересуют те перспективы использования дельфинов, о которых мы только что говорили. Он идеалист. Севиллу волнует лишь одно — осуществить межвидовое общение. Он считает, что это будет великой победой человечества.

Си. Он, случайно, не из этих...

Информатор. Нет. Мы этого не думаем. В политике он крайне невежествен. Очень далек от всего этого.

Си. Ну что ж, благодарю вас. Ваше сотрудничество для меня просто неоценимо.

Информатор. Однако я не сказал вам ничего, кроме весьма банальных вещей. У некоторых научных обозревателей вы прочтете вещи куда более сенсационные.

Си. Да, но у них надо всегда делать скидку на домыслы, воображение. У вас сам источник информации уже гарантирует ее достоверность.

Информатор. Ну что ж, рад, что мог быть вам полезен. Всегда к вашим услугам.

Си. Благодарю вас. Я действительно вам крайне признателен. Разрешите мне напомнить вам одно обстоятельство? Если вы будете так любезны и изредка вспомните о том, что меня интересует окружение Аталанте, вы нам окажете громадную услугу.

Информатор. Я подумаю об этом.

— Мистер Си? — спросила Мэгги Миллер. Двадцатидевятилетняя Мэгги — маленькая, крепкая, краснолицая — была некрасива: из уголков глаз вечно сочится какая-то беловатая слизь, на щеках — красные пятна, жидкие блеклые волосы, толстые, пухлые, розовые, вечно слюнявые губы. Плотные облегающие джинсы и ковбойка в крупную красно-зеленую клетку придавали ей вид страстный и необузданный; она выставила вперед голову, как бы защищая от недобрых людей всех своих богов — живых и мертвых: профессора Севиллу, Джеймса Дина, Боба Мэннинга, не считая богов второстепенных и преходящих. — Здравствуйте, мистер Си.

— Мой помощник Джим Фойл.

— Хэлло, мистер Фойл! Вероятно, произошло какое-то недоразумение, мистер Си? У меня записано, что ваш визит назначен на 17.30, а не (она взглянула на свои большие наручные часы из нержавеющей стали) на 15.30.

— Я просто в отчаянии, мисс Миллер.

— Ну что вы, что вы, мистер Си! К сожалению, профессор Севилла отсутствует, но его ассистентка, мисс Лафэй, даст вам все необходимые разъяснения.

Наступило молчание. Мэгги Миллер заглянула в записную книжку, попросила господина бога простить ее за ложь и с чистой, бескорыстной ненавистью подумала о миссис Фергюсон: «Ну что она понимает в профессоре, эта модница? Скажем прямо — шлюха (простите мне, господа, бранное слово). Бедный профессор, неужели эти бабы никогда не оставят его в покое. А уж эта стерва, с ее ангельским личиком и лицемерными ресницами, хуже всех, абсолютно развратная и циничная тварь. Она его увезла из лаборатории в самый разгар работы, прямо у нас из-под носа, я отлично

видела, что Арлетт тоже была вне себя. А он, взрослый идиот, позволяет вертеть собой: стоило ей моргнуть, и готово — он уже рядышком с ней в ее шикарном автомобильчике. Нечего сказать, хорош у него видик, когда он в три погибели гнется в этой коробке. Она водит его за нос, как говорит Боб Мэннинг. Слабый тиранит сильного, но в конце концов, если бы сильный был по-настоящему силен, он не позволил бы слабому тиранить себя».

— Мистер Си, я сейчас позову мисс Лафэй, она в бассейне с Иваном.

— Как вы сказали?

— Лафэй, она канадка французского происхождения, поэтому такая фамилия. Извините, я не представила вам Боба Мэннинга. Боб — наш сотрудник.

Боб — высокий, худощавый, стройный, грациозный юноша с длинными, тонкими и гибкими руками — подошел поближе. Взгляд Си задержался на нем.

— Здравствуйте, мистер Си, — с очаровательной улыбочкой сказал Боб.

Когда Мэгги вышла из сборного барака, где размещалась лаборатория, она ощутила на лице жаркие лучи солнца и морской ветер. И сразу же, как будто теплый ветер Флориды обнял и прижал ее к себе, она почувствовала себя красивой и счастливой. Она дышала полной грудью. Быстро перебирая маленькими куцыми ножками, она шла, подставив ветру грубое, обветренное и воинственное лицо.

На одном из двух пластиковых плотов, прикрепленных к борту бассейна, лежала Арлетт в купальном костюме, склонившись к дельфину Ивану и опустив руку в воду; глаза ее покраснели. Когда Мэгги подошла, Арлетт снова надела черные очки.

— Дорогая, какой ужас, профессор забыл о встрече с этим Си! Вы знаете, этот тип, наверное, какая-нибудь шишка, ведь в принципе наш опыт сверхсекретный. Я беспокоюсь, как бы он не повредил профессору. Мне совсем не нравятся его глаза — холодные, насмешливые и как-то исподтишка угрожающие, вы понимаете, что я хочу сказать. Вы могли бы его принять и рассказать о наших опытах, строя ему

глазки, хотя этот тип вовсе не из тех, кто позволит женщине окрутить себя. На меня он даже не взглянул. Я оставила их, его и помощника, с Бобом. Вы знаете Боба, он очарователен, Боб очарует и полчище гремучих змей.

— Ведите их сюда, — вздохнула Арлетт, — мне не хочется обращать на себя внимание и в купальнике являться в лабораторию.

— Понятно, — подхватила Мэгги быстрым прерывистым голосом, словно торопясь высказать то, что ей не удалось высказать за всю свою жизнь. — Вы же знаете, какие отношения у меня с Бобом Мэннингом. Боб — ребенок, без меня он пропал бы. Когда он на меня смотрит, выражение его лица напоминает мне Джеймса Динна за несколько месяцев до смерти. Бедный Джеймс, он сидел в старом кресле тети Агаты в Денвере, держа меня за руку. Вдруг он устало закрыл глаза и сказал: «Без тебя, Мэгги, я бы совсем пропал». Вы обращали внимание на глаза Боба, Арлетт? Ведь он ребенок, абсолютно беззащитный, существо необычайно уязвимое. Я вне себя, когда представляю, как жестоко обращается с ним его отец. Это отвратительно. Бедный Боб. Думаю, что в один из ближайших дней я соглашусь осчастливить его и объявлю о нашей помолвке. Ему будет приятно иметь от меня ребенка. Он мне об этом не говорит, но я чувствую. Он не может пройти мимо младенца, не улыбнувшись ему или не состроив рожицу. Конечно, — с таинственным видом продолжала она, — иметь ребенка не так-то просто. Я обо всем говорила Севилле, но он почти не слушает меня. Ему некогда, он рассеян, и потом, вы знаете, как я им восхищаюсь, но сейчас и он ведет себя как ребенок.

— Севилла, — заметила Арлетт, — достаточно взрослый, чтобы знать, что ему делать.

— Ну да, правильно, дорогая, но не забывайте, что я знаю его уже пять лет. В некоторых отношениях он просто ребенок. Не будете же вы утверждать, что он любит эту дылду. Это невозможно, ведь у нее куриные мозги, уверена, что ее мозг не весит и двухсот граммов. Профессор польщен, вот и все, или же дело про-

сто в чарах плоти, — тараторила она, выпячивая полные, красные, припухшие, словно шрам, губы.

— Да пойдите же за ними, — отвернулась Арлетт, — я хочу поскорей отвязаться от них.

— Не знаю, где она застряла, — сказал Боб Мэннинг. — Видите ли, она очень болтлива.

Его смущал тяжелый, упорный взгляд Си; ему казалось, что серо-голубые глаза Си подчиняют его себе.

— Пойду взгляну, в чем дело, — покраснел он. — Нет, спасибо, я не курю сигары.

Он вышел.

— Билл, — спросил Фойл, повернув к Си свое простодушное лицо боксера, — что это еще за магнитофон; который, не переставая, крутится?

— Не трогай его, Джим, он подключен к гидрофону, установленному в бассейне, чтобы принимать звуки, издаваемые под водой одним из дельфинов. Три недели назад я видел такой же в Пойнт-Мугу.

Си склонился над письменным столом Мэгги, придвинул ее записную книжку, взглянул и положил на место.

— Так я и думал, Джим, эта маленькая стерва соврала. Встреча была назначена ровно на 15.30. Нечего сказать, недоразумение. Севилла просто смылся. Надо будет поинтересоваться прошлым этого метека, а заодно, пока мы здесь, и его ассистенткой — девушкой с французской фамилией.

— Билл, уж не думаете ли вы, что голлисты...

— Я никому не доверяю и, как прекрасно сказал Лорример, вечером, ложась спать, из осторожности подглядываю сам за собой в замочную скважину, чтобы видеть, что же я вынимаю из карманов...

— Мисс Лафэй ждет вас у бассейна, — сказала Мэгги. — Позвольте мне дать вам совет: вы хорошо сделаете, если снова наденете шляпы и снимете куртки, тени там нет.

Арлетт встала и вдоль бассейна пошла им навстречу — загорелая маленькая фигурка на фоне солнца и

мглистой голубизны неба. Си улыбнулся ей наигранной веселой улыбкой, Фойл пожал ее теплую крепкую руку. Чувство благодарности охватило его. Он ожидал увидеть кого-нибудь вроде Мэгги, и вдруг такая прелесть — маленькая, стройная полненькая девушка: круглое с чуть вздернутым носиком личико, смуглая гладкая кожа, красивые черные глаза, живые, блестящие, выразительные, очень красивый рот, полный жизни, чувственный и великодушный взгляд. Чтобы подойти к ним, она сделала три шага, три маленьких шажка, потому что сама она была маленькой. В этом не было никакого жеманства, все ее крепкое и стройное тело так ладно держалось, вся она была такой кругленькой, нежной и гладкой, что при взгляде на нее слово «малютка» приобретало какой-то новый смысл. «Она мне нравится, — подумал Фойл. В висках у него стучало, в горле пересохло. — Боже мой, как она мне нравится! И ко всему порядочная, видно по глазам; не стерва, не хапуга, не зануда — словом, девушка, которая попадается одна из ста тысяч, и то еще если повезет. А я завтра утром буду уже в Вашингтоне».

Си весело улыбался Арлетт:

— Счастливы познакомиться с вами, мисс Лафэй. — Улыбаясь, холодными глазами он всматривался в ее лицо: «Эта обезьянка только что плакала, на щеке заметны следы слез».

— Насколько я понимаю, мисс Лафэй, — начал Си, — профессор Севилла проводит здесь весьма оригинальный эксперимент.

Арлетт взглянула на него. Он улыбался, но его глаза оставались холодными. «Этот тип, наверное, обижен тем, что имеет дело всего лишь с ассистенткой». Она сдержала слезы и любезно улыбнулась.

— В принципе он неоригинален, мистер Си. Подобный опыт уже проводился с шимпанзе, однако с дельфином его проводят впервые.

— Вы подразумеваете эксперимент Хэйзов с обезьяной Вики?

— Именно.

— Я знаю о нем только понаслышке, мисс Лафэй.

Помнится, когда вышла книга Хэйзов, я был за границей.

— Так вот, Хэйзы, как вам известно, взяли на воспитание обезьянку в возрасте двух дней и вырастили ее у себя, как ребенка.

— Героический опыт, — заметил Фойл.

— Конечно! Нетрудно представить себе, каково было Хэйзам. Портьеры, мебель, лампы, посуда — все пострадало. Но они считали, что опыт того стоит. Идея заключалась в том, чтобы воспитать Вики, как человеческое дитя, и, поскольку голосовой аппарат шимпанзе сходен с нашим, научить говорить.

— Дело, кажется, закончилось провалом.

— Скажем лучше, опыт не удался.

Си ухмыльнулся.

— В чем же, по-вашему, разница между провалом и неудавшимся опытом?

— Неудавшийся опыт может многому научить нас.

— Например?

— Для начала хотя бы тому, что шимпанзе не может произвольно произнести какой-либо звук. Она, конечно, издает отдельные звуки, но это всегда вызвано каким-нибудь раздражителем, а не внутренним побуждением. Иначе говоря, произносимые шимпанзе звуки зависят от ее воли не больше, чем инстинктивный подскок вашей ноги зависит от вас, когда врач бьет молоточком по колену. Первая задача Хэйзов состояла, следовательно, в том, чтобы научить Вики по собственному побуждению произносить какой-нибудь звук. Чтобы получать пищу, Вики должна была научиться говорить «а».

— И ей это удалось?

— Не без труда. После этого Хэйзы перешли ко второй стадии: они использовали методы, применяемые в школах, где учат говорить умственно отсталых детей. Когда Вики произносила «а», мистер Хэйз зажимал и тотчас же отпускал ее губы. Так Вики через две недели занятий стала говорить «тапа». Тогда ей было 14 месяцев. В два года она выучилась говорить «рара», в 28 месяцев «сир» в три года — произносить «ир»*.

* Сир (англ.) — чашка; ир (англ.) — встать.

— Следовательно, активный словарь Вики ограничивается четырьмя словами?

— И к тому же она не всегда пользуется ими сознательно. Для Вики эти четыре слова — «слова-просители». Когда у Хэйзов бывают гости, Вики кланится у гостей лакомства, без всякого разбора говорит «та-та» или «рара». «Сир» имеет более узкое значение, Вики употребляет это слово, прося пить. Отсюда можно сделать вывод, что шимпанзе не связывает или плохо связывает выученное слово с обозначаемым им предметом.

— А каков ее пассивный словарь?

— Хэйзы считают, что в нем примерно пятьдесят слов. Однако и в пассивном словаре связь между словом и предметом очень неустойчива. Иногда Вики безошибочно указывает на нос, уши и глаза, когда слышит соответствующие слова. Иногда ошибается. Когда мистер Хэйз говорит «глаза», она показывает на нос, и так далее. И последнее — выучивая новые слова, Вики часто забывает уже известные.

Наступила тишина. Через несколько секунд Фойл вполголоса заметил:

— Четыре слова за три года! По-моему, весьма печальный результат.

— Печальный для кого? — спросил Си, взглянув на него с еле уловимым выражением насмешки и усталости. — Для Хэйзов или Вики? Для человека или шимпанзе?

— Для обоих, — сочувственно улыбнулась Фойлу Арлетт. — Впервые в истории человек предпринял серьезную, длительную и методичную попытку установить с животным лингвистическую связь и потерпел неудачу.

— А у вас больше шансов на успех с вашим младенцем дельфином? — спросил Си, потирая печень.

— Он уже не младенец, мистер Си, а взрослый. И эксперимент еще не завершен. Но если вы разрешите, я расскажу вам все с самого начала.

— Не могли бы мы присесть? — унавшим голосом попросил Си. — По-моему, стоять на такой жаре весьма утомительно.

— Извините, мистер Си, — смутилась Арлетт. — Я должна была сама позаботиться об этом. Мэгги, побудьте, пожалуйста, с Иваном, а мы вернемся в лабораторию.

Си облегченно вздохнул, опустившись в полотняный шезлонг, на который ему указала Арлетт.

— Не хотите ли выпить чего-нибудь, мистер Си? — участливо спросила она.

— Пустяки, — сказал Си, — немного переутомился, но я действительно с удовольствием чего-нибудь выпью.

Боб, изящный и непринужденный, вмешался в разговор.

— Не беспокойтесь, Арлетт, — сказал он серебряным, как у флейты, голосом. — Я буду за хозяйку. Наверное, и мистер Фойл выпьет виски?

Фойл тоже сел в полотняный шезлонг.

— Я просто не имею права отказываться, — бодро ответил он.

Арлетт сидела перед ними. Ее смущало то, что она была в купальнике, но, с другой стороны, оставить гостей, чтобы пойти надеть шорты, казалось ей ханжеством.

— Продолжайте, пожалуйста, мисс Лафэй, — попросил Си, — я себя чувствую совсем хорошо.

— Сначала я должна сказать, что у нас два басейна, расположенных совсем рядом. В одном мы держим самца и двух, иногда трех самок. Другой, тот, который вы только что видели, дает нам возможность в случае необходимости изолировать кого-либо из наших подопечных. Ну так вот, все началось, как вы сами убедитесь, случайно: почти четыре года назад две наши самки разродились с промежутком в несколько часов. Одна умерла при родах, произведя на свет живого дельфина, а другая родила мертвого. Казалось совершенно естественным, что оставшаяся в живых самка усыновит осиротевшего дельфинчика. Ничего подобного не произошло. Она отказалась. Впрочем, такое поведение не редко и у животных других видов: его можно наблюдать у овец, которые, потеряв при родах

малыша, не соглашаются выкармливать молоком ягненка-сироту.

Арлетт замолчала. Вошел Боб, неся на подносе бутылки и стаканы. Тотчас же Си вынул из кармана маленькую коробочку и проглотил две пилюли. Арлетт заметила, что рука его слегка дрожала, когда он подносил ко рту стакан с виски. «Он принимает наркотики, — подумала она, — это очевидно».

— Именно тогда профессор Севилла, — продолжала Арлетт через некоторое время, — сам решил вырастить дельфинчика.

Для этого необходимо было изолировать детеныша во втором бассейне, чтобы самец, который как раз переживал самый разгар брачного периода, не нанес ему ран. Затем надо было брать молоко у оставшейся в живых самки и кормить им детеныша. Когда рассказываешь об этом, все кажется простым, а на самом деле возникало немало проблем. Для нас, сотрудников лаборатории, труднее всего было обеспечить наше непрерывное присутствие в воде, чтобы изолированный в бассейне дельфинчик не чувствовал себя покинутым. Мы облачались в комбинезоны «людей-лягушек» и дежурили парами. Через месяц профессор заказал два пластиковых плота, на которых могли располагаться приемные родители дельфинчика. Детеныш через гидрофон слышал голоса своей человеческой семьи, и, кроме того, его непрерывно ласкали. Иван очень спокойно отнесся к тому, что его родители переместились из воды на плот. Ночью, а иногда и днем оба плота для удобства пришвартовывались к стенке бассейна.

— Почему два плота, мисс Лафэй, — поинтересовался Си, — а не один?

— Потому что у дельфинчика обычно две матери. Родная мать, если так можно выразиться, и мать приемная, которая составляет ей компанию во время беременности, присутствует при родах, отгоняя любопытных дельфинов, а затем помогает охранять малыша от буйных самцов. Профессор Севилла попытался воспроизвести эту ситуацию: пришвартовывая плоты к стенке бассейна, мы всегда оставляли между ними

промежуток, и всякий раз, по крайней мере в первые месяцы, Иван располагался именно в этом промежутке. Когда ночью кто-либо из нас опускал руку в воду, Иван мгновенно, даже во сне, подставлял голову под пальцы своего «родителя».

— Какое милое животное, — улыбнулся Фойл, помешивая лед в своем стакане.

— Разве Иван считает вас своей семьей? — спросил Си.

К нему снова вернулся румянец, апломб и жесткий взгляд.

— Я думаю, что он всех нас считает своей семьей, а профессора Севиллу и меня, соответственно, родной и приемной матерями.

— Почему?

— Потому, что мы проводили с ним гораздо больше времени, чем другие наши сотрудники, а главное, потому, что именно мы кормили его сначала молоком из соски, потом рыбой.

— Мисс Лафэй, — сказал, улыбаясь, Фойл, — с самого начала этого интервью вы держите нас в ужасной неизвестности: вы нам так и не сказали, заговорил ли ваш дельфин...

Арлетт посмотрела на него, в ее карих глазах появились лукавые искорки. Он подумал: «Какая прекрасная улыбка у этой девушки, такая широкая, открытая, добрая!»

— Сейчас скажу, — ответила Арлетт. — Но сперва я хочу подчеркнуть одно обстоятельство: принцип эксперимента профессора Севиллы основывается на явлении, впервые обнаруженном доктором Лилли и впоследствии подтвержденном другими исследователями, — дельфин способен спонтанно подражать человеческому голосу. Непрерывно разговаривая с Иваном, окружая его с утра до вечера «звуковой семейной атмосферой», по выражению профессора Севиллы, мы могли надеяться, что он начнет подражать звукам, которыми мы его пичкали, первое время не понимая их (как лепечущий в колыбели младенец), а затем понемногу схватывая их смысл.

Арлетт выдержала паузу, окинула взглядом муж-

чин: и, едва сдерживая торжествующий смех, объявила:

— Именно так все и вышло.

— Значит, он говорит! — воскликнул Си, привстав и бросив быстрый взгляд на Фойла.

Фойл подался вперед, стиснул руками стакан и, сдерживая волнение, глухо сказал:

— Значит, вы добились успеха!

— Частично, — ответила Арлетт, подняв правую руку. — Сейчас я вам расскажу, что ограничивает наш успех. Но прежде всего я скажу вам, что именно обусловило его. Голосовые органы дельфина совсем не похожи на наши. Дельфин произносит звуки не ртом — рот ему служит только для приема пищи, — а дыхалом — дыхательным органом, к которому животное не позволяет прикасаться. Даже и мысли быть не могло, чтобы обращаться с дыхалом так, как Хэйзы манипулировали губами Вики. Впрочем, в этом не было никакой необходимости, потому что с самого начала выявилось двойное превосходство Ивана над Вики: он может сознательно произносить отдельные звуки и непроизвольно имитировать человеческий голос. Но самое поразительное достижение Ивана, мистер Си, — оно предвещает будущие успехи, хотя в настоящий момент ему нечем особо похвастать, — состоит в том, что Иван сумел установить четкую и постоянную связь между повторяемым им словом и обозначаемой этим словом вещью. Иначе говоря, Иван поднялся до специфически человеческого понятия слова-символа.

— Да ведь это поразительный скачок вперед! — изумился Фойл.

— Я тоже так думаю, — согласилась Арлетт, глаза ее оживленно блестели. — Если бы эксперимент профессора Севиллы на этом и закончился, он все равно явился бы поворотным пунктом в межвидовых отношениях.

Стало тихо. Си с ненавистью окинул взглядом тело Арлетт: «Какая все-таки мерзость — женское тело; эти большие груди, ляжки, все такое слабое, дряблое». Он прикрыл глаза: «Поворотный пункт в межвидовых отношениях» — это уж слова Севиллы, она, конечно

же, влюблена в патрона, все они хороши, на уме один секс...»

— Мисс Лафэй, — любезно спросил он, — сколько слов знает Иван?

— Сильно ли он искажает слова? — одновременно задал вопрос Фойл.

Боб Мэннинг засмеялся серебряным смехом и повернулся к Арлетт:

— Надо будет установить очередность!..

— Отвечаю на первый вопрос, — сказала Арлетт. Она мельком взглянула на Боба: «Дурачок, не понимаю, что это он так старается».

— В активном словаре Ивана примерно сорок слов.

— Так много! — удивился Фойл. — Сорок слов! В десять раз больше, чем у Вики!

— Не могли бы вы назвать некоторые из них? — спросил Си.

— Мисс Лафэй, — возразил Фойл, с досадой глядя на Си, — не ответила на мой вопрос о том, сильно ли Иван искажает слова.

Арлетт подняла руки и объявила:

— Прежде чем я отвечу на ваши вопросы, мне хочется обратить ваше внимание на одно обстоятельство: Иван уверенно обращается с самыми отвлеченными языковыми символами. Например, он умеет говорить right, left, in, out* и безошибочно их употребляет. Он пользуется глаголами go, come, listen, look, speak** и употребляет их вполне сознательно.

— В таком случае мне неясно, — удивился Си, — что же ограничивает ваш опыт...

— Сейчас скажу, — продолжала Арлетт. — И заодно отвечу мистеру Фойлу.

— Наконец-то! — обрадовался Фойл.

Арлетт улыбнулась ему:

— Начну с менее важного: как и следовало ожидать, Иван сильно дельфинизирует человеческие звуки. Голос у него резкий, гнусавый, визгливый, и понимать

* Right, left, in, out (англ.) — правая сторона, левая сторона, внутри, снаружи.

** Go, come, listen, look, speak (англ.) — уходить, приходить, слушать, смотреть, говорить.

его не всегда легко. К сожалению, кроме этих маленьких недостатков, есть нечто куда более серьезное.

Она сделала паузу, потом продолжала:

— Ивану удастся произносить только односложные слова — вот что ограничивает наш опыт. Когда мы пытаемся его научить слову из двух слогов, он запоминает лишь последний слог, безразлично, ударный или безударный. Так music* превращается в zis, Ivan — в Fa, listen — в sen. И тут мы сталкиваемся с трудностью, которая, по мнению профессора Севиллы, в настоящее время тормозит всякое продвижение вперед: Иван не умеет складывать слоги.

— Разрешите, я возьму у вас стакан, мистер Си? — осведомился Боб.

— С удовольствием, — ответил Си, адресуя ему заговорщическую улыбку, но не глядя на него.

Боб пиздюко скользнул к нему, с приветливым видом взял стакан и захватил стакан Фойла. Все это он проделал, слегка поклонившись и жеманно выгнув руку. Арлетт молчала: она была обижена тем, что ее прервали, а еще более тем, что Си сразу же не продолжил разговора, не задал нового вопроса. Боб нарочно перебил ее, чтобы понравиться Си, а Си нарочно замолчал, чтоб ее смутить.

— Мисс Лафэй, — начал Фойл, — вы сказали, что Иван не умеет складывать слоги.

— Но есть и более серьезное препятствие, мистер Фойл, — с благодарностью взглянула на него Арлетт. — Иван не умеет складывать слова. Он может сказать и понять слово give. Он способен понять и сказать fish**, но еще не может сказать give fish. Если Иван этого добьется, то, по мнению профессора, он сделает решающий шаг.

— Другими словами, — подхватил Си, — Иван заговорит, когда он перейдет от слова к фразе.

— Правильно.

Наступило молчанье.

* Musik, Ivan, listen (англ.) — музыка, Иван, слушать.

** Give, fish (англ.) — дай, рыба.

— Но ведь и то, что он научился произносить односложные слова, уже великолепное достижение, — сказал Фойл.

— Да, — подхватила Арлетт, — совершенно согласна с вами, мистер Фойл, это действительно великолепно.

Си вынул из кармана портсигар, протянул его Фойлу, который отрицательно махнул рукой, взял сигару Апман и закурил.

— Я полагаю, — заговорил он, — что Севилла кое-что предпринял, чтобы преодолеть трудность, о которой вы нам рассказали...

Его фраза могла показаться безобидным вопросом, однако он произнес ее каким-то неуловимым тоном укора по отношению к Севилле.

— Конечно, — ответила Арлетт, — и я очень хорошо помню, как это было. Однажды профессор Севилла собрал нас в лаборатории и сказал нам следующее — Боб исправит меня, если я ошибусь. «Представим, — сказал он, — что я в плену у каких-либо животных, превосходящих развитием человека, где со мной очень хорошо обращаются, я нахожусь в приятном, но охраняемом месте. Мои сторожа предлагают мне работу, которая требует громадного напряжения умственных сил. Я стараюсь ее выполнить. Разумеется, меня содержат в прекрасных условиях. У меня всевозможные удобства, отличная пища, и я окружен любовью своих сторожей. Однако я не чувствую себя вполне счастливым. Потому что я, как говорится, «единственный в своем роде». Мне не хватает спутника, вернее, спутницы. Теперь предположим, что мои благожелательные сторожа дают мне эту спутницу, что она мне нравится, что я влюбляюсь в нее. Все тогда меняется. Моя жизнь обретает новый смысл. У меня появляется мощный психический стимул, который развивает мою веру в себя, предприимчивость и творческие порывы. Не думаете ли вы, что от этой перемены в моей жизни прежде всего выиграет моя работа?».

— Bravo! — шумно зааплодировал Боб Мэннинг, искоса взглянув на Си. — Вы прекрасно повторили речь Севиллы!

Он произнес слово «речь» с еле уловимой насмешкой.

Арлетт с возмущением посмотрела на него:

— Мне казалось, что вы были согласны с этой, как вы говорите, речью.

— Но я и сейчас согласен, — сказал Боб, адресуя мистеру Си уклончивую улыбку. — Откуда вы взяли, что я не согласен?

Какой-то резкий смешок неожиданно вырвался у Си, который, казалось, очень хотел его сдержать.

— Если я правильно понимаю, — нарочито серьезно начал он, — профессор полагал, что присутствие самки помогло бы Ивану решить его языковые проблемы. В конце концов почему бы и нет? — спросил он, простодушно оглядывая присутствующих. — Почему бы не быть связи между филологией и сексуальностью?

Боб взглянул на Си так, словно он тоже подавил желание прыснуть со смеху, и с пафосом подхватил:

— Почему бы нет?

Фойл с любопытством скользнул взглядом от Боба к Си, затем его взгляд задержался на Арлетт. Фойл заметил, что Арлетт очень раздосадована, и он великодушно попросил:

— Мисс Лафэй, расскажите нам, как же закончился эксперимент.

Арлетт улыбнулась ему:

— Самым неожиданным образом... Действительно, становилось ясно, что Ивану все тяжелее переносить одиночество. Он был взволнован, возбужден, рассеян, гораздо меньше внимания уделял своим голосовым выражениям; можно даже сказать, что он ленился. Кроме того, он начал вести себя с нами, как с самкой, потому что ему случалось принимать перед нами S-образную позу, которая является характерным признаком эротического поведения дельфина во время ухаживания за самкой. Все чаще, например, он терся о нас грудными плавниками, ласкал нам головы, кусал за ноги и за руки. Его эротические действия учащались, становились резче, и дошло до того, что мы больше не осмеливались плавать с ним, боясь ранений от его

укусов — сколь бы приятными они ни были, я полагаю, для самки-дельфинки...

Фойл улыбнулся.

Си поднял сигару.

— С кем же из вас он так себя вел?

— Я отвечаю на этот вопрос, — ухмыльнулся Боб, подмигивая Си. — Первое время почти со всеми. Потом чаще всего с Арлетт.

— Я его понимаю, — заметил Фойл.

Арлетт посмотрела на Боба Мэннинга и нахмурила брови.

— Продолжайте, мисс Лафэй, — попросил Си.

— Все это и заставляло нас предполагать, что самка по имени Мина, которую мы собирались ему дать, будет принята хорошо. И действительно, все так и было. Конечно, сначала Иван вел себя несколько боязливо, когда в бассейне, который он считал своим безраздельным владением, посадили еще одно животное. Он замер и некоторое время наблюдал за ней, однако его наблюдения, должно быть, его успокоили, потому что через несколько секунд он перешел от крайней робости к самому необузданному ухаживанию. Участились ласки, прикосновения, укусы, и весь день брачный танец продолжался в каком-то невероятном темпе. Дельфины в основном совокупляются ночью или на рассвете, и мы никогда не узнаем, спарились ли Мина и Иван, но, когда наступил день, отношение нашего дельфина к своей подруге резко изменилось. Он не только уже не гонялся за ней, но самым решительным образом отвергал все ее ухаживания. Когда она подплывала к нему, он угрожающе лязгал челюстями. Потом он поворачивался к ней спиной и отплывал, сильно ударяя по воде хвостом. Мина принимала перед ним S-образную позу, но безуспешно, потому что, едва она хотела его приласкать, он начинал бить ее грудными плавниками и снова лязгал челюстями. Его отношение к бедной Мине не улучшилось и на другой день. Оно даже стало более враждебным и угрожающим. В момент, когда Мина упорно приставала к нему со своими ухаживаниями, он укусил ее за хвост, на этот раз по настоящему, — после этого она уже боялась к нему

подплывать. Когда стало ясно, что Иван не выносит общества Мины, профессор Севилла, боясь за ее жизнь, решил убрать дельфинку из этого бассейна и поместить в бассейн номер 2, где, кстати, она была сразу же принята самцом и двумя самками, которых мы там воспитываем.

— Так что же произошло? — спросил Си.

— Мы долго об этом спорили и все еще спорим, — ответила Арлетт, — но нам остается только строить разные предположения.

— Например?

— Прежде всего надо понять, что спаривание у дельфинов — акт трудный. Он требует от самки большого терпения и уступчивости. Предположим теперь, что Мина была неловкой, уплывала от него, когда следовало остановиться, и что попытки Ивана овладеть ею кончились неудачей. Из-за этого он мог испытать острое разочарование.

— И невзлюбить ее? — улыбаясь, спросил Фойл. — Она слишком долго кокетничала с ним, и он разозлился? Но это не объясняет, почему он не возобновил свои попытки на другой день.

— Я склонен думать, — заметил Си, — что раз этот опыт закончился неудачей, Иван навсегда утратил интерес к самкам.

— Дело не в этом, — улыбнулась Арлетт. — Быть может, Мина просто-напросто не та самка, которая нравится Ивану...

— По-моему, на этот раз, мисс Лафэй, вы преувеличиваете, — рассмеялся Фойл.

— Нисколько. В своих любовных привязанностях или антипатиях дельфины так же избирательны, как и мужчины.

Си раздавил окурок сигары в стоящей перед ним пепельнице.

— Значит, — спросил он, — можно было бы объяснить личной неприязнью Ивана тот факт, что Мина не пользовалась у него успехом?

— Это всего лишь гипотезы, разумеется.

— Так вы считаете, что терапия, которая должна была вынудить Ивана перейти от слова к фразе,

не была неудачей? — скрывая иронию, допытывался он.

— Не понимаю, как можно утверждать, что она потерпела неудачу, — ответила Арлетт, и в ее голосе прозвучали решительные нотки. — Нельзя делать такой вывод на основании одного опыта.

— Вы хотите сказать, что Севилла намерен начать все сначала с другой самкой?

— Он мне этого не говорил, но думаю, что да.

Си встал, взял шляпу и с улыбкой сказал:

— Ну что же, он упорен.

— Так и надо, — убежденно сказала Арлетт. — «Успех — это ряд преодоленных неудач».

— А кому принадлежит этот прелестный афоризм, мисс Лафэй? — с кислой миной осведомился Си.

— Севилле, — вполголоса сообщил Боб Мэннинг.

Си, который уже размашисто шагал к двери, оглянулся через плечо и улыбнулся ему. Арлетт пристально посмотрела на Боба Мэннинга, а когда тот поравнялся с ней, схватила его за руку и злым шепотом спросила:

— Считаете себя хитрецом? Вы все время лебезили перед этим гнусным типом. Что это нашло на вас?

Голый, весь в поту, Си присел на кровати, два раза подряд провел руками по румянному лицу, словно хотел стереть с него усталость. «Черт побери, я просто валяюсь с ног, до смерти хочу спать, кажется, я мог бы заснуть и без снотворного. Что за дурацкий рефлекс, черт возьми, какое мне до всего этого дело — принимать наркотики или нет? Они же нелепы, все эти мои ровесники, которые отказываются от табака, алкоголя, излишеств и начинают упражнять брюшной пресс. Ну и сволочи, что она им дает, эта их борьба со старостью? Рано или поздно они будут побеждены, будут умирать по кусочкам: легкое, печень, сердце, рак предстательной железы». Си хихикнул, он чувствовал себя переполненным какой-то беспредметной ненавистью, и эта ненависть придавала его мыслям пылкость, силу, быстроту, которые были ему приятны.

«Глядя на них, я умираю со смеху: гимнастика, свежий воздух, гигиена, здоровая размеренная жизнь! А по сути, что все это такое? Жалкий отступательный бой, и ничего больше, а в финале — разгром, совершенно неизбежный разгром — единственное, в чем можно быть уверенным. Жизнь или смерть, какая разница? Само слово «жизнь», какая насмешка, какой обман! Называть жизнью эти несколько жалких минут между небытием и смертью — сплошной обман, все подделано, все заранее подтасовано, а в итоге смерть. Что за ерунду они болтают об этом их «успехе в жизни»? Какая жизнь? Какой успех? В университете я тоже верил в успех. Позже, помнится, я говорил себе: ты всего лишь суперсыщик, а мог бы стать ученым, иметь лабораторию, сотрудников, вести творческую работу, как этот метек, то есть заниматься всем тем, о чем рассказывала сегодня эта сучка. Все мерзость, мерзость, в жизни никто не добивается успеха, есть одни неудачники, все люди — неудачники, потому что все умрут...

И я и Джонни... Ну что ж, пусть все они сдохнут, все, как можно скорее, пусть их сметет водородная бомба, пусть в ее огне сгорит несколько миллионов, и я заодно, в общей куче, какое это для меня имеет значение, разве я просил производить меня на свет? Единственная моя радость заключалась в том, чтобы хорошо делать свое дело. Если бы Джонни остался жив, я бы взял его на службу. Вместе мы пережили незабываемые мгновения. Как это было прекрасно — словно рыцари просыпаться утром, сапог к сапогу, шноркель к шноркелю, упиваться своей свободой, каждую минуту рискуя жизнью. Расставив ноги, Джонни стоит на залитой солнцем улице деревни, которую мы только что взяли, — широкоплечий атлет, которого, казалось, никто не сможет одолеть. «Видишь того старого хрыча, что молится перед своей лачугой? Я его разыграю в орлянку; если орел — пальцем не трону, если решка — прихлопну». Он подбрасывает монету, монета переворачивается в воздухе, сверкая на солнце, он ловит ее и с размаху накрывает ладонью. «Решка! Ему конец!» — говорит Джонни, снимая предохранитель. Ста-

рик свалился в пыль, он умер, как раздавленная ногой вошь. В это мгновение Джонни был похож на спокойного, безмятежного бога. С невозмутимым, абсолютно бесстрастным лицом он посмотрел на меня и недрогнувшим голосом сказал: «Сегодня — он, завтра — я». На другой день настал его черед...

Черт подери, теперь мне безразлично мое ремесло. Если так будет продолжаться, я уже не смогу им заниматься. Я чуть было не грохнулся в обморок перед этой потаскушкой и ее дельфином Иваном. Кстати, почему Иван? Кто еще подsunул русское имя американскому дельфину?» Желудок Си свел спазм, он лег на спину, раздвинул ноги и сильно потерял живот. Пальцы его погрузились в дряблое тело, и он подумал: «Вся эта плоть и кровь, потроха и нервы, как у животного, человек — это животное, и ничего больше, слабое, потное, вонючее животное. Этот метек, может быть, добьется своего, во всяком случае, он почти у цели, это ясно. Еще одна штука, которую Лорример от меня скрыл. Ты спрашиваешь, публикуют ли они результаты, ты спрашиваешь, «не секретно» ли это, а на кой ляд мне нужны, сэр, эти ваши «несекретные» сведения? Я не знаю, какие меры они примут, но ничто мне не мешает принять свои. И я готов держать пари на свои брелоки, что этот очаровательный мальчик согласится передавать мне сведения о Севилле».

С какой-то пропительной силой в комнате зазвонил телефон.

— Черт, — выругался Си, — только собрался заснуть.

Он снял трубку.

— Алло, Билл, это Кейт, я решил тебя побеспокоить. Только что я получил срочную телеграмму, которую перескажу в двух словах: русские категорически запретили ловлю дельфинов в своих водах. К любому рыбаку, который ранит или убьет дельфина, будут применены строгие санкции.

— Понятно, понятно, — ответил Си. — От какого числа телеграмма?

— От 12 марта.

— Спасибо, Кейт.

Он положил трубку.

Через некоторое время он встал, спать расхотелось, надел домашние туфли и принялся расхаживать взад и вперед по комнате.

4

— Этот Си приперся к нам после обеда, — сказала Мэгги. — Помнишь, он был с помощником, похожим на боксера. Во всяком случае, помощник выглядел куда симпатичнее патрона. От одного взгляда этого типа Си у меня мурашки по спине бегали.

— Помню, — ответила вытянувшаяся на раскладушке Лизбет. Она жила в комнате вместе с Мэгги. Было еще тепло, сквозь штору просвечивали лучи солнца. Лизбет была в трусах и лифчике; высокая, сильная, белокурая, атлетически сложенная, с правильными чертами лица, с широким лбом, с квадратным подбородком, она казалась очень красивым, умным и волевым парнем, который в последний момент, словно по ошибке, оказался девушкой. Даже массивная грудь ничуть не делала ее женственнее. Она приподнялась на локте и с видом занятого курильщика дымила сигаретой, пристально глядя на Мэгги голубыми глазами.

— Прекрасно помню, — повторила она. — Арлетт пошла с ними в лабораторию. На ней был новый купальник, который отлично подчеркивал ее красивую фигуру. А мы с тобой дежурили на плотях в бассейне.

— Ну вот, как раз в тот день он и порвал с ней, — затараторила Мэгги. — Вернулся он поздно, очень поздно, выглядел мрачно и сказал: «Когда мисс Фергюсон снова будет звонить, отвечайте, что меня нет». Я встала, я едва сдержалась, чтобы не разулыбаться, и спросила: «На какой срок?» Он с безразличным видом повел бровями. «Ну все-таки, — настаивала я, — надо же мне знать, временная это инструкция или по-

стоянная?» — «Сами увидите», — ответил он. И, взглянув на него, я сразу поняла, что все кончено. Представляешь, как я обрадовалась. Не знаю, что она ему сделала, но он был в бешенстве. Лишь позднее, думая над этим, я спрашивала себя, так ли уж он полезен, этот разрыв.

— Я тоже задаю себе этот вопрос, — подтвердила Лизбет.

Они переглянулись и замолчали, как будто сомневаясь, одно ли и то же они имеют в виду. Они даже перестали смотреть друг на друга. Прошло несколько секунд. Они напоминали осторожных кошек, которые, усаживаясь друг против друга, прищипывают когти, поджимают лапы и зажмуриваются.

— Того же мнения и Боб, — продолжала Мэгги. — Ты знаешь, как он проникателен, меня он понимает прежде, чем я рот открою. Просто невероятно, до какой степени мы понимаем друг друга, часто взгляда достаточно. В сущности, нам больше не нужны слова. Все это мне очень напоминает мои отношения с Джеймсом Дином. Бедняга Джеймс, я все еще вижу, как он молча сидит в старом кожаном кресле тетки Агаты в Денвере, глядя на меня своими грустными глазами. Помнишь, какие у него были трогательные глаза, в них как бы сосредоточивалась вся скорбь мира. Что касается Боба, то с ним совсем другое дело. Он такой робкий, так страшится всякого проявления чувства, что я не знаю даже, смогу ли я объявить о нашей помолвке этим летом, как намечала раньше...

— А что, — удивилась Лизбет, — он действительно?..

— Да что ты, конечно, нет, — воскликнула Мэгги, повернув к Лизбет красноватое лицо и выпятив толстые, пухлые губы, — это вовсе не в жанре Боба, он даже ни разу не пытался меня поцеловать. Он так деликатен, никогда не позволит себе грубого жеста, он весь из полутонов и нюансов. Знаешь, как-то мы вдвоем гуляли по городу и глазели на витрины. Он обмер от восторга, увидев какую-то белую в черную полоску кофточку, и сказал: «Какая прелесть, чертовски хороша, я бы очень хотел такую купить». Я расхотела

лась до колес: «Да ты что, Боб, тебе правилось бы носить эту штуковину?» Знаешь, дорогая, он вспыхнул, покраснел до ушей и, отвернувшись, пробормотал: «Да нет, что ты, я думал о тебе, я подумал, что она тебе очень бы пошла». Я просто онемела, была совершенно потрясена. Ведь он намекнул на нашу совместную жизнь в будущем, когда мы поженимся. Я так разволновалась, что взяла его руку и, не говоря ни слова, сжала ее. Но даже это было для Боба слишком. Он высвободил руку и сухо сказал: «Что с тобой, Мэгги, да ты с ума сошла, что это на тебя нашло?» Он восхитителен, ты не находишь?

— Конечно, конечно, — согласилась Лизбет, потупив глаза и разглядывая свою сигарету. Капли пота сверкали у нее на лбу. В комнате не было кондиционирования. Она затаилась ментоловой сигаретой и, вздохнув, подумала: «Теперь она опять начнет мне рассказывать о Джеймсе Дине, и снова о Севилле, и еще о Бобе. Она спятила, у нее это настоящая болезнь. Если б она не была такой доброй, я бы просто возненавидела ее. Она такая страшная, меня от нее почти тошнит, мне всегда хочется взять носовой платок и протереть ей в уголках глаз».

— Кажется, — сказала она, садясь на кровати, — я сейчас надену купальник и сбегу в бассейн окунуться.

— Иван будет к тебе приставать, — сказала Мэгги. — Знаешь, он действительно начинает вести себя неприлично, я уже не говорю об укусах и ударах хвостом. Ну конечно, он восхитителен, такой сильный, такой ласковый. Тем не менее как-то раз он взял в рот мою лодыжку. У него, ты знаешь, некоторая слабость ко мне. И больше он уже не хотел меня отпускать, я даже чуть было воды не наглоталась.

— Интересно, — перебила ее Лизбет, заводя правую руку за спину, чтобы расстегнуть лифчик, — не подготавливает ли себе Севилла еще одно разочарование, ожидая чуда от новой самки. В конце концов если сам Иван не сумеет перейти от слова к фразе, то не понимаю, в чем ему поможет «удачный брак». Это все равно, что думать, будто мужчина сразу делается

умнее оттого, что взял женщину. Вообще-то обычно бывает как раз наоборот.

— Ой, Лизбет! — воскликнула Мэгги, отводя глаза. Ей не нравилось, когда Лизбет голая расхаживала по комнате. Лизбет была совершенно лишена стыда. Переодевая лифчик, она даже не прикрывала грудь.

— Лизбет, — продолжала Мэгги, — дело совсем не в этом. Севилла никогда не говорил ничего подобного. Он сказал, что самка позволила бы Ивану обрести уверенность в себе и усилила бы его творческие порывы.

— Вот именно, — подхватила Лизбет, — это точка зрения эгоиста. И вправду можно подумать, что женщина — инструмент, который должен помогать самцу в работе после того, как послужил ему для удовольствия. Вот увидишь, теперь, когда Севилла проводит свою светскую даму, он не замедлит заняться кем-либо из нас — Арлетт, Сюзи, мной, тобой (она прибавила «тобой» потому, что Мэгги смотрела на нее), чтобы, как он выражается, усилить свои творческие порывы. Обожаю этот эвфемизм, — усмехнулась она.

— Да что ты, — возмущенно перебила ее Мэгги, ее грубое обветренное лицо пылало от негодования, — ведь это же инстинкт женщины — помогать любимому мужчине! Я бы вышла за Севиллу, — ты, наверно, знаешь, что мы едва не поженились год назад, однако он никак не мог решиться. Видишь ли, в сущности, он очень робок. И с ним тоже надо было, чтобы я все взяла в свои руки. Но ты меня знаешь, терпеть не могу выглядеть так, будто я навязываюсь кому-нибудь. Так вот, если б я согласилась стать его женой, поверь мне, Лизбет, для меня было бы большим счастьем день и ночь работать на него.

— Ты и так довольно успешно это делаешь, — заметила Лизбет, — и Арлетт тоже, а у нее нет твоей физической выносливости. Она ему позволяет эксплуатировать себя, вот в чем правда. Она меня очень беспокоит, и ты тоже, — сразу же прибавила она, — вы обе с ума сошли с вашим Севиллой. А она такая пре-

лестная, такая нежная, ее может ждать только разочарование.

— Ты ее очень любишь, ведь правда? — вдруг спросила Мэгги.

— Очень, — ответила Лизбет, и на ее честном, угловатом лице выступил легкий румянец, — она одна из самых привлекательных девушек, которых я вообще когда-либо встречала. И дело вовсе не в том, что она хорошенькая. Понимаешь, в ней есть какое-то очарование, какая-то тайна.

В дверь постучали, и голос Боба Мэннинга спросил:

— Мэгги, мне можно войти?

— Ну конечно, можно.

Он открыл дверь и застыл на пороге. Всякий раз он не просто входил в комнату, а появлялся в ней, как актер на сцене, — высокий, стройный, изящный, с темноволосой аристократической головой, с тонким с еле заметной горбинкой носом, с красивыми карими глазами под черными ресницами, с гибкими руками и длинными тонкими пальцами (он никогда не опускал руки в карманы, никогда не клал ногу на ногу, когда садился, он всегда знал все: эзотерические романы, авангардистские фильмы, модную музыку, наивнейших поэтов).

— Черт возьми, — выругалась Лизбет, тщетно пытаясь застегнуть лифчик.

— Разреши, я тебе помогу, — с прелестной улыбкой предложил Боб. Сделав два больших шага, он оказался посреди комнаты, уверенно подтянул края лифчика и застегнул их. — У тебя прелестный купальник, — сказал он, склонив голову на плечо.

— На меня, знаешь, комплименты не действуют, — ответила Лизбет.

Он секунду подождал, почти актерским жестом поднял свою красивую голову, добрую секунду стоял неподвижно, выставив бедро и небрежно оперевшись рукой о стену, и потом мелодичным, как звук флейты, голосом сказал:

— Так вот, дорогие мои, я принес вам важную новость: только что прибыла супруга, которую профессор

Севилла предназначает Ивану. Мы устраиваем ее в жилище будущего мужа, и я надеюсь, что из любви к Ивану и из уважения к его отцу Севилле вы соблаговолите присутствовать при этой церемонии. Кроме того, вот уже пять минут, как профессор весьма настойчиво требует вас к себе.

— Ты что, не мог об этом раньше сказать? — спросила Лизбет, поводя своими широкими плечами.

Нервная, встревоженная, с любопытством оглядываясь и стараясь не упустить из виду ничего из того, что происходило вокруг, дельфинка лежала на носилках. Носилки раскачивались на тросе, на котором с помощью лебедки их опускали в бассейн. Иван настойчиво застыл в другом конце бассейна на глубине примерно в метр, лишь его хвостовой плавник чуть заметно подрагивал. Голова его была поднята, и он гибким, сильным движением поворачивал ее то влево, то вправо, стараясь поочередно каждым глазом рассмотреть дельфинку. Одновременно он издавал какие-то перемежаемые паузами свисты, усиливаемые на берегу громкоговорителем. Дельфинка еще не ответила ему ни одним звуком — наверное, потому, что ее беспокоило это висячее положение и раскачивание; однако ее веки, которые почти не двигались, когда Иван молчал, вздрагивали, как только раздавались его свисты.

В белых полотняных брюках и спортивной рубашке, по-юношески стройный, с черными как смоль волосами и живыми, нетерпеливыми черными глазами Севилла стоял справа от лебедки. По обе стороны от него находились Питер и Майкл, оба выше его на целую голову. Парни, блондин Питер и шатен Майкл, были в плавках, оба атлетически сложены, загорелые, непринужденные, с коротко подстриженными волосами, с ямочками в уголках губ. Ослепительно улыбаясь, они выглядели удивительно здоровыми, ухоженными, преисполненными сознания своей ответственности.

Как только Лизбет и Мэгги появились на пороге барака — за ними высилась фигура Боба, — Севилла нетерпеливым жестом сделал им знак приблизиться.

Лизбет и Боб прибавили шагу, а Мэгги побежала, она смутно чувствовала себя виноватой оттого, что заметила рядом с парнями Сюзи и Арлетт. Все сотрудники были в сборе.

— Я собрал вас, — начал Севилла, весело глядя на них черными глазами, — потому что мне не хотелось бы повторять ошибку, которую я допустил с Миной. Помните, я был так уверен, что Мина уживется с Иваном, что даже не подумал с самого начала организовать наблюдение за парой. Последствия вам известны: мы так и не узнали, что произошло между ними ночью. Одним словом, истинная причина их разрыва осталась неизвестной. На этот раз мы будем предусмотрительнее и организуем сменное дежурство, днем и ночью. Когда стемнеет, бассейн будет освещаться рефлекторами. Я вас разбил на группы по два человека. Наблюдая за парой, один — на поверхности, другой — через иллюминатор на дне бассейна, дежурные смогут общаться по телефону и записывать свои наблюдения на магнитофон. У каждого будет кинокамера. Группа будет сменяться через два часа.

Вот расписание, — продолжал Севилла, вынимая из кармана листок. — С 18 до 20 на поверхности — Сюзи, у иллюминатора — Питер; с 20 до 22 на поверхности Майкл, у иллюминатора — Лизбет; с 22 до 24 на поверхности — Мэгги, у иллюминатора — Боб; с 0 до 2 на поверхности — Арлетт, у иллюминатора — я; с 2 до 4 на поверхности — Сюзи, у иллюминатора — Питер и так далее. Я предусмотрел дежурство до завтрашнего полудня, но, возможно, мы должны будем его продлить. Мэгги вывесит расписание на доску.

Он выдержал паузу и спросил:

— Есть какие-нибудь вопросы?

Сюзи подняла руку, и Севилла дружески взглянул на нее. Вместе с Майклом и Арлетт она принадлежала к трем лучшим людям лаборатории. Сюзи — худенькая блондинка с тем безукоризненным профилем, который иногда может свидетельствовать о снобизме и высокомерии, но у нее благодаря выражению глаз производил милое впечатление искренности.

— Я полагаю, — сказала она, — что пленки для

перезарядки кинокамер и магнитофонов заготовлены.

— Я поручил Питеру этим заняться.

— И Питер уже занялся, — подхватил Питер.

Он, улыбаясь, посмотрел на Сюзи, и она улыбнулась в ответ. Наступила тишина. Вдруг Лизбет заговорила с каким-то вызовом в голосе:

— Я обратила внимание, что каждая группа состоит из парня и девушки...

— Почему бы нет? — спросил Севилла, подняв свои густые черные брови.

— И что в общем девушку вы поставили на поверхности, а парня — у иллюминатора.

— В отношении вас это не совсем верно, Лизбет. Вас я поставил у иллюминатора.

— Однако это верно в отношении трех других девушек, — продолжала Лизбет с таким видом, словно она хотела предъявить Севилле обвинение.

Севилла взглянул на свой листок.

— Да, верно. И что же?

— Пост у иллюминатора ответственнее, чем пост на поверхности, и мне интересно знать, не продиктован ли ваш выбор антифеминистскими предрассудками.

— Что вы, нисколько, — улыбнулся Севилла. — Я и не подозревал, что во мне таится подобный предрассудок. Я должен был назначить на пост у иллюминатора парней и себя только потому, что дежурить там чуточку труднее, чем на поверхности.

— В таком случае, — допытывалась Лизбет, — почему вы назначили меня к иллюминатору?

— Помилуйте, Лизбет, вы не можете одновременно упрекать меня в том, что я плохо отношусь к женщинам, раз назначил трех девушек дежурить на поверхности, и несправедливо отношусь к вам, поставив вас к иллюминатору. Надо выбирать.

Все заулыбались, а Лизбет, ни на кого не глядя, сказала:

— В таком случае я выбрала и повторяю свой вопрос: почему единственная девушка, назначенная вами к иллюминатору, — это я?

Севилла поднял руки и с раздражением ответил:

— Да не знаю, просто случайность.

— В психологии, — поучительно заметила Лизбет, — нет случайностей, а есть лишь бессознательные побуждения.

— Ну что ж, — живо вмешалась в разговор Арлетт, — предположим, что мистер Севилла назначил вас к иллюминатору из-за бессознательного уважения к вашему физическим данным.

Все снова заулыбались. Лизбет укоризненно взглянула на Арлетт, глаза ее наполнились слезами, она отвернулась и с обиженным видом замолчала. Какое-то мгновение Севилла внимательно смотрел на нее, потом оглядел своих сотрудников и спокойно предложил:

— Если вы сами хотите изменить состав групп, то я, разумеется, даю вам полную свободу.

— Я ничего не имею против состава группы, — злобно огрызнулась Лизбет. — Мне совершенно безразлично, с кем быть: с X, Y или Z.

Она повернулась спиной к группе и уставилась на барак с таким видом, словно ей стало неинтересно все то, что должно было произойти в бассейне.

— Прежде чем мы пустим эту молодую даму в воду, — заговорил Севилла, — я хочу прибавить вот что: не думайте, что вы обязаны держаться официального и натянутого тона, раз ваши наблюдения будут записаны на магнитофон. Выражайтесь с полнейшей естественностью и свободой. Говорите абсолютно все, что хотите сказать. При всех обстоятельствах эти пленки останутся в лаборатории. И если мы из них извлечем впоследствии какие-нибудь заметки, мы сделаем все необходимые сокращения. В конце концов мы сейчас занимаемся изучением поведения дельфинов, и очень возможно, что произвольное наблюдение кого-либо из вас даст кое-что для нашего анализа. Начнем, Майкл. Пора представить Ивану его будущую супругу.

— Вы нам не назвали ее имени, — заметила Мэгги.

— А ведь в самом деле, — всплеснул руками Севилла. Он поднялся и, улыбаясь, обратился к Лизбет. — Лизбет, чтобы доказать вам, что никакого заговора против женского пола и вас не было, я прошу вас дать имя жене Ивана.

Лизбет обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Вы говорите так, — с горечью сказала она, — будто я страдаю манией преследования.

— Нисколько, — ответил Севилла. — Я не думал так истолковывать ваши слова.

— И как же вы их истолковываете? — с вызовом спросила она.

Севилла всплеснул руками:

— Да никак не истолковываю!

Стало тихо, и Мэгги энергично попросила:

— Послушай, Лизбет, не заводи все сначала. Бедное животное ждет, поторопись дать имя.

— Назовем ее Бесси, — угрюмо предложила Лизбет.

МАШИНОПИСНАЯ КОПИЯ СТЕНОГРАММЫ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ИВАНом И БЕССИ, СДЕЛАННАЯ С МАГНИТОФОННОЙ ЛЕНТЫ.

Сюзан. Говорит «верх». 18.05. Бесси с помощью лебедки опускают в воду. Иван не шевелится. Майкл входит в воду и освобождает ее грудные плавники из отверстий, проделанных в полотне носилок. Бесси разрешает это делать. Она выглядит спокойной и больше не проявляет волнения.

Питер. Говорит «дно». 18.10. Алло, Сюзан, ты меня слышишь?

Сюзан. Да.

Питер. Я отлично вижу Бесси, но где Иван? В поле моего зрения его нет.

Сюзан. Он справа от тебя, в самом углу. Не двигается. Рассматривает Бесси. (Пауза.) Сколько на твоих?

Питер. 18.11.

Сюзан. Поставлю свои часы по твоим. Слышишь свисты? Он свистит, а она отвечает.

Питер. Отсюда не слышно. Зато я очень хорошо вижу Бесси. По-моему, она меньше и короче Ивана. Она не шелохнется, только выгибает спину, чтобы набрать воздуха. Ясно, что она позволит Ивану прибли-

зиться, но сама первого шага не сделает. (Пауза.) В ее глазах светится женское коварство.

Сюз. О, Питер! (Смеется.)

Питер. 18.15. Я хотел бы, чтоб он решился. Что он делает?

Сюз. Смотрит на нее то правым, то левым глазом и свистит. (Пауза.) Он шевелится. 18.16.

Питер. Ага, я его вижу! Он проплыл в двух метрах от Бесси, обогнул и начал кружить возле нее. Она не двигается.

Сюз. Круги все уже и уже.

Питер. Проплывая перед иллюминатором, он заслоняет ее от меня. Нет, постой, нагнувшись, я могу ее видеть. Она, не двигаясь, украдкой следит за ним. (Пауза.)

Сюз. 18.20. Мне начинают надоедать эти круги. Столько условностей!

Питер. 18.22. Я ее сфотографировал. Надеюсь, будет видно, как она украдкой его разглядывает.

Сюз. Внимание! Он перестает кружить и устраивается рядом с ней, «борт к борту». Они словно два корабля, в паре стоящие на якоре. 18.25.

Питер. Бесси частично загораживает от меня своего партнера. Но я различаю за ее хвостом хвост Ивана. Его голова на одном уровне с головой Бесси?

Сюз. Да.

Питер. Значит, он явно больше ее. Я ее вижу отлично. Она моргает.

Сюз. Ты шутишь?

Питер. Нисколько. Я говорю то, что вижу: она моргает. А что делает он?

Сюз. Трется головой о ее голову. Сейчас сфотографирую. Не успела. Она уплывает.

Питер. Прекрасно вижу ее. Она удаляется от него. Иван не двигается.

Сюз. Он не двигается, но визжит. Недоволен.

Питер. Что это за взвизги?

Сюз. Короткие, резкие, пронзительные. Он зовет ее. Вид у него не слишком бодрый. Она возвращается. 18.30. Он прижимается к ней боком.

Питер. Я их прекрасно вижу. Иван почти уткнул-

ся в стекло иллюминатора. Бесси — позади него. Иван смотрит на меня. Я бы сказал, что он мне почти подмигивает! Фотографирую. Мне хотелось бы заснять это его выражение.

Сюз. Уплывают вместе.

Питер. Я их больше не вижу.

Сюз. Они плавают вдоль стенок бассейна, по часовой стрелке. 18.35.

Питер. Вижу, как они проплывают.

Сюз. Он пристроился между бортом бассейна и Бесси, наверно, для того, чтобы предохранить ее от удара о стенки. Он, должно быть, думает, что бассейн известен ей не так хорошо, как ему.

Питер. Да, по-моему, ты права. Он держится чуть впереди нее. У него такой вид, будто он защищает и ведет ее.

Сюз. Интересно, когда они кончат кружить? Выключаю магнитофон.

Питер. Я тоже.

Сюз. Говорит «верх». Питер, выключаю магнитофон.

Питер. О'кэй.

Сюз. 18.45. Они все еще кружат. Это может продлиться долго.

Питер. Они свистят?

Сюз. Да, не переставая.

Питер. В общем они «прогуливаются» и болтают. Кто-нибудь из них свистит чаще?

Сюз. Да, Иван. Она свистит совсем редко.

Питер. Вывод ясен: он заигрывает с ней, а она слушает.

Сюз. (смеется). Выключаю магнитофон.

Питер. И я.

Сюз. Говорит «верх», пускаю магнитофон, чтобы записать свой вызов. 19.45.

Питер. Тоже. Я умираю от скуки и, что уж совсем плохо, хочу есть. Они кружат час десять минут. Он все еще свистит?

Сюз. Свистит. Я выключаю магнитофон. Но ты можешь продолжать разговор со мной.

Питер. О'кэй.

Сюз. Говорит «верх». Передаю тебе Майкла. 20 часов.

Питер. Я зайду за тобой в столовую, как только придет Лизбет. Алло, Майкл, ты будешь разочарован. Они кружат уже час двадцать пять минут. Прямо стайеры какие-то, а не новобрачные...

Майкл (смеется). Ничего интересного?

Питер. Вначале было очень интересно. Особенно сближение. Вот и Лизбет. Передаю ее тебе.

Лизбет. Говорит «дно». Что нового?

Майкл. Говорит «верх». По словам Питера, они так кружат уже час двадцать пять минут.

Лизбет. Забавно. (Пауза.)

Майкл. Они милые, у них вид давних приятелей.

Лизбет. У меня от них голова кругом идет. Надеюсь, что они не будут кружить так все два часа. (Пауза.) Выключаю магнитофон.

Майкл. И я.

Лизбет. Говорит «дно». 20.25.

Майкл. Говорит «верх».

Лизбет. Иван рванулся вперед, и она его догнала.

Майкл. Наблюдение подтвердилось. Они слегка оживились. Этот круг уже не был, как вначале, неторопливой прогулочкой. (Пауза.) Небо прояснилось, луна. Совсем тепло.

Лизбет. Тебе повезло.

Майкл. Если хочешь, можем поменяться. Я встану у иллюминатора, а ты на мое место.

Лизбет. Ценю твой такт, но мне и здесь совсем неплохо.

Майкл. Говорит «верх». Алло, Лизбет, включаю магнитофон. 20.30.

Лизбет. Я тоже.

Майкл. Мне кажется, что Иван принял позу S.

Лизбет. Я ничего не видела.

Майкл. Я мог ошибиться. Это произошло очень быстро.

Лизбет. Действительно.

Майкл. Наверное, выгибание тела буквой S требует от дельфина громадного напряжения мышц.

Лизбет. Интересно, сколько секунд он может выдержать эту позу?

Майкл. Я засек время: 2,8 секунды.

Лизбет. Я его сфотографировала. Я заметила, что он прижал грудные плавники к телу.

Майкл. Я в этом не уверен. (Пауза.)

Лизбет. Они снова начинают кружиться. Останавливаю магнитофон.

Майкл. Я тоже.

Лизбет. Говорит «дно». 20.45. Ты видишь Ивана?

Майкл. Очень плохо.

Лизбет. Он устроился под Бесси, его голова на уровне ее грудных плавников.

Майкл. Я не вижу Ивана. Бесси заслоняет его от меня.

Лизбет. Майкл?

Майкл. Что?

Лизбет. Как странно! Она плавником гладит его по голове.

Майкл. Ты уверена?

Лизбет. Абсолютно. Подожди, сфотографирую. Готово!

Майкл. Ты видишь его глаза?

Лизбет. Он их закрывает. Произносит ли он какие-нибудь звуки?

Майкл. Нет, никаких. Я отошел в сторону, лег на живот, и мне удалось ее увидеть. Она ласкает его с большой нежностью. Это очень трогательно, по-моему, того гляди он начнет мурлыкать.

Лизбет. Ты становишься сентиментальным.

Майкл. Нет, но я удивлен. Признаться, я не ожидал от животных такой нежности.

Лизбет. Не вижу причин умиляться. (Пауза.) Они снова заводят свой хоровод. Выключаю магнитофон.

Майкл. И я.

Лизбет. Говорит «дно». 21.30. Я насчитала три позы S.

Майкл. Правильно. Их продолжительность: 2,4; 2,6; 3 секунды. В 21.25 он укусил ее за хвост.

Лизбет. Этого я не заметила. Внимание! Он плывет над ней.

Майкл. Нагнувшись, я их вижу, но не очень хорошо. Что он делает?

Лизбет. Все то же самое, хотя на этот раз роли переменялись. Теперь уже он ласкает ей голову плавниками.

Майкл. В их безумии есть логика.

Лизбет. Я это где-то слышала.

Майкл. Это из «Гамлета».

Лизбет. Она очень возбуждена. О, именно этого я и ожидала, она уплывает.

Майкл. Он ее преследует.

Лизбет. Новая ласка.

Майкл. Она мне показалась не совсем понятной. Что же произошло?

Лизбет. Догнав ее, он нырнул под нее, вернулся на спину и, проплывая мимо, потерял о ее тело. После чего снова принял нормальное положение.

Майкл. Ласка, по-моему, почти акробатическая.

Лизбет. Внимание, Бесси опять уплывает.

Майкл. Вероятно, для того, чтобы побудить его начать все сначала. Наклоняюсь, чтобы попытаться что-нибудь разглядеть.

Лизбет. Готово.

Майкл. На этот раз и я видел. Как изящно он переворачивается, чтоб потереться о ее тело. Очень красиво, очень гибко.

Лизбет. Я сфотографировала.

Майкл. Она опять уплывает, входит во вкус.

Лизбет. А он опять за свое.

Майкл. Похоже, ритм убыстряется. Какая энергия! Они неутомимы. Какая физическая мощь в любви дельфинов!

Лизбет. Майкл!

Майкл. Что?

Лизбет. Передаю тебе Боба.

Майкл. Уже!

Боб. Ты мне можешь коротко сказать, что у них произошло?

Майкл. Позы S, ласки, укусы, соприкосновения.

Боб. Ничего определенного?

Майкл. Ничего. Передаю тебе Мэгги. Вы пришли вовремя, это становится интересным.

Мэгги. Говорит «верх». Боб, 22.03. Мои часы точные.

Боб. Я сверил свои.

Мэгги. У меня к тебе просьба. Это очень мило со стороны Севиллы поставить и меня на дежурство. Но ведь я же не зоолог. Ты мне объяснишь, если я чего-нибудь не пойму?

Боб. Конечно.

Мэгги. Что делает Иван? Из-за волн я его почти не вижу.

Боб. Он под Бесси и кусает ей хвост. Теперь он его отпустил и взял в рот ее правый грудной плавник.

Мэгги. Мне кажется, что Бесси поворачивает в сторону шею, чтобы попытаться схватить его за хвост.

Боб. Точно. Он ее отпускает, ныряет, широко открывает рот. Смотри! Он закрывает ее рот своим ртом.

Мэгги. Я думаю, что таким манером он просто затыкает ей рот. (Смеется.)

Боб. Издаст ли он какие-нибудь звуки?

Мэгги. Самые разные: твяканье, свисты, криканье и моментами даже что-то напоминающее взрыв смеха.

Боб. Он выпускает ее, отплывает. Нет, это была хитрость; он возвращается... Он снова хватается за спинной плавник, а сейчас его отпускает и кусает ее за хвост.

Мэгги. Ей удалось сделать с ним то же самое.

Боб (смеется). Они не хотят отпускать друг друга; они вихрем кружатся в воде, как кетчеры. Ты видишь, как дерутся дельфины-самцы?

Мэгги. Нет.

Боб. У них те же захваты, только укусы настоящие. Они наносят друг другу страшные раны; через несколько минут вода краснеет от крови.

Мэгги. Я не вижу крови.

Боб. Крови нет, но, когда они проплывают близко от иллюминатора, я все-таки различаю на плавниках следы укусов.

Мэгги. Кажется, они успокаиваются. Плавают вокруг бассейна, Бесси ближе к центру.

Боб. Они восстанавливают силы после своего кетча. (Пауза.) Выключаю магнитофон.

Мэгги. Я тоже.

Боб. Говорит «дно». 22.15. Иван проскользнул под Бесси и краешком плавника ласкает ее.

Мэгги. Они вновь кусают друг друга. Разве мы снова должны описывать все эти укусы? Ведь они совершенно одинаковые.

Боб. Нет. Они опять начинают кружить. Это возврат к спокойствию. Спокойные фазы чередуются с минутами иступления. Выключаю магнитофон и выкурю сигарету.

Мэгги. Говорит «верх». 23.35. Они опять начинают волноваться.

Боб. Да, вижу. Бесси проскальзывает под Ивана. Иван останавливается. У него эрекция. Фотографирую. Ведь я впервые наблюдаю эрекцию у дельфина так отчетливо, с такого близкого расстояния.

Мэгги. Они опять начинают кружить. Может быть, она считает, что он мало за ней ухаживал?

Боб. Ну, это уж вольное толкование. Они успокоились. Я воспользуюсь этим, чтобы выключить магнитофон и сходить за сигаретами. У меня их совсем не осталось.

Мэгги. О'кей.

Боб. Говорит «дно». 23.50. Новый сеанс кетча, укусов и щипков. Описывать его мы не будем, но я засеку его продолжительность.

Мэгги. По-моему, периоды затишья гораздо продолжительнее напряженных моментов.

Боб. Конечно. Иначе бы они вымотались.

Мэгги. В некотором смысле смотреть на все это очень приятно. Они выглядят такими довольными! Кажется, будто они смеются.

Боб. Опять вольное толкование.

Мэгги. Разве они не ведут себя еще неистовее, чем только что? Разве все не идет кренделем?

Боб. По-моему, да, но это трудно измерить.

Мэгги. Какая энергия! Подумать только, что уже

полночь и что этот сеанс длится уже шесть часов! Жизнеспособность этих животных невероятна. Боб, передаю тебе Арлетт.

Арлетт. Боб? Не смогли бы вы коротко изложить мне ваши наблюдения?

Боб. Извините, я уже рассказываю о них мистеру Севилле.

Севилла. Говорит «дно». 0.03.

Арлетт. Говорит «верх». 0.03.

Севилла. «Сеанс» укусов начался в 22.45. Эрекция — в 23.50, но спаривания не произошло.

Арлетт. Начались ли у них прыжки?

Севилла. Нет, еще нет. Только ласки и укусы. (Пауза.) Издают ли они какие-нибудь звуки?

Арлетт. Множество. Непрерывно.

Севилла. Различаете ли вы у Ивана английские слова?

Арлетт. Нет, не различаю.

Севилла. Как бы вы определили эти звуки?

Арлетт. С фонетической точки зрения?

Севилла. Нет, с человеческой. По аналогии.

Арлетт. Я сказала бы, что это крики восторга. Конечно, это произвольное толкование.

Севилла. Вы знаете мою точку зрения. Нельзя априори отказываться от антропоморфистской интерпретации. Ошибочно видеть в человеке существо, по самой своей природе отличное от высших млекопитающих. Только гордыня человека, этого выскочки, заставляет его так думать. (Пауза.) 0.10. Успокаиваются. Сеанс борьбы и укусов продолжался 20 минут.

Арлетт. Какая жизнеспособность!

Севилла. Да, великолепно! Если судить с этой точки зрения, то выродился именно человек. (Пауза.) Признаться, я волнуюсь. Боюсь, ничего не выйдет.

Арлетт. Для страха нет никаких оснований. Иван покорится инстинкту.

Севилла. Не покорился же он инстинкту, когда был с Миной. Надо помнить, что Иван — дельфин, воспитанный людьми. И быть может, он уже слишком скован. Вы не представляете, как я на себя зол за то, что не организовал наблюдение, когда мы посадили к нему

Мину. Я думал, что успех обеспечен. Это была ошибка. Эротика у дельфина, вероятно, так же сложна, как и эротика у человека, теперь я убежден в этом.

Арлетт. Если мы допустили ошибку, то по крайней мере она нас кое-чему научила. Стоит ли мне вам напоминать, что «успех — это ряд преодоленных неудач»?

Севиλλα (смеется). Вы меня дразните!.. У них затишье. Выключаю магнитофон.

Арлетт. Говорит «верх». 1.05. Они начинают волноваться.

Севилла. Да, вижу. Думаю, что теперь дело пойдет.

Арлетт. Почему?

Севилла. Они подружились. В минуты затишья это заметно.

Арлетт. Они вновь приходят в неистовство.

Севилла. Да, он отплывает и бросается на нее, будто хочет удариться головой об ее голову.

Арлетт. Так же, как они убивают акул?

Севилла. Да. Но при спаривании танец смерти становится игрой. Видели? В самый последний момент он ловко увернулся и использовал весь свой пыл на то, чтобы потереться о нее всем телом.

Арлетт. Интересно, что произошло бы, если бы она одновременно увернулась в ту же сторону.

Севилла. Этого бояться нечего. Это неистовство изумительно контролируется. Смотрите! Он начинает снова.

Арлетт. Очень бурная ласка.

Севилла. Да. Просто выпад. Убийственный выпад, завершающийся лаской.

Арлетт. И какой лаской! Того гляди искры посыплются.

Севилла. Вы обратили внимание, что при соприкосновении он поворачивается на бок? По-моему, скоро начнутся прыжки.

Арлетт. Смотрите! Она тоже разгоняется и бросается ему навстречу!

Севилла. По-моему, она жаждет удвоить силу соприкосновения.

Арлетт. Или просто более активно помочь ему.

Севилла. Я сфотографировал. Когда начнутся прыжки, не забудьте о вашей камере.

Арлетт. Не забуду. Готовится новый выпад. (Она смеется.) Меня восхищает, с какой напускной ленностью они уплывают в свои углы перед новым выпадом.

Севилла. Да... Они и очень возбуждены и очень расслаблены.

Арлетт. Они снова бросаются друг к другу.

Севилла. Они буквально набрасываются друг на друга. Кончится тем, что вы увидите ваши искры...

Арлетт. Я их сфотографировала.

Севилла. Все повторяется. Они расходятся по своим углам, как боксеры.

Арлетт. Они неустойчивы! Ой, смотрите! Она выпрыгивает в воздух.

Севилла. Вижу. В момент, когда он собирался к ней прикоснуться, она ускользнула. Вскочила из воды.

Арлетт. Зачем ей это?

Севилла. Просто для разнообразия. Когда она опускается в воду, он устраивается так, чтобы быть в месте падения и потереться о нее во время ее погружения.

Арлетт. По-моему, эта ласка гораздо сильнее.

Севилла. Тем более что он-то плывет снизу вверх. Они сходятся посредине. Как в танце. Это очень красиво.

Арлетт. Мне ничего не видно из-за брызг. Бесси меня обрызгала.

Севилла. Хотите к иллюминатору? Я вас заменю наверху.

Арлетт. Нет, нет. Фотографируйте подводный танец. У вас снимки выходят лучше, чем у меня. А потом у меня перед вами одно преимущество: я слышу крики.

Севилла. Что за крики?

Арлетт. Иступленного восторга.

Севилла. Они возвращаются в свои углы.

Арлетт. Я готовлю кинокамеру. (Пауза.) Великолепно! Они оба прыгнули. Ой!

Севилла. Что случилось?

Арлетт. Окатили меня с головы до ног. С меня ручьи текут.

Севи́лла. Скорее ступайте переодеваться.

Арлетт. Нет, нет! Ни за что на свете. Вы видите их? Видите их головы? Они смеются. Хохочут от восторга. У них такой счастливый вид, что мне хочется быть на их месте.

Севи́лла. У меня мелькнула та же мысль. (Пауза.) 1.25. Уже 20 минут, как они выдерживают этот пароксизм. У них железные сердца и стальные скулы!

Арлетт. Они начинают кусаться.

Севи́лла. Приближается заключительная фаза. Обычно сразу после прыжков и самых резких соприкосновений происходит случка.

Арлетт. Они всплывают, чтобы набрать воздуха. Сейчас начнут все снова.

Севи́лла. Да.

Арлетт. На моих 1.35. Вы сделали снимки?

Севи́лла. Нет, пока нет. Хотите прийти сюда, ко мне?

Арлетт. Иду.

Севи́лла. Возьмите мой хронометр. Вы умеете им пользоваться?

Арлетт. Да. (Пауза.)

Севи́лла. Иван начинает опять. Снова частые контакты. (Пауза.) Готово. Наконец-то!

Арлетт. 1.46.

Севи́лла. Я сделал хорошие снимки. Они снова начинают плавать вокруг бассейна, счастливые и веселые. Что за животные! Я устал больше их.

Арлетт. Я тоже.

Севи́лла. И к тому же вы до нитки промокли!

Арлетт. Побегу переоденусь и приготовлю вам чашку кофе.

Севи́лла. А я пока разбуджу Питера и Сюзи.

Арлетт. Я прямо с ног валюсь. (Смеется.)

Севи́лла. Вы великолепны. Ореол волос делает вас похожей на Венеру, выходящую из пены морской... Знаете, на Венеру Боттичелли...

Арлетт. О, спасибо, спасибо! Какой милый комплимент! Одно по крайней мере у меня с ней общее: я тоже вся мокрая!

Севи́лла. Бегите переодеваться. За это время я как раз и сварю кофе. Мне очень нужна чашка кофе.

Арлетт. Мне тоже. А еще мне хочется говорить, говорить...

5

14 мая, ровно через неделю после брачной ночи Ивана и Бесси, в трех тысячах километрах от их мирного бассейна игривые и безобидные ветры бесцельно блуждали в зоне низкого давления Карибского моря на широте колумбийского города Баранкильи.

И, хотя ничто этого не предвещало, их блуждание вдруг перестало быть безобидным, они завернулись с какой-то невероятной скоростью, не по кругу, а по спирали, снизу вверх и в направлении, противоположном движению часовой стрелки, образовав в девять часов гигантскую воронку глубиной в 12 и шириной в 100 километров, достаточно мощную, чтоб вызвать на море чудовищные волны, одна из которых, высотой в 12 метров, прорвала стальную обшивку носовой части колумбийского грузового судна «Тибурон». Образовалась пробоина. «Тибурон» передал в эфир сигнал бедствия SOS, который был принят и тотчас же ретранслирован североамериканским самолетом метеорологической службы. Самолет понесся обследовать циклон. «Генри, — сказал Дикенсон, когда самолет весь затрясся и пилот направил его, чтоб набрать высоту, — предоставляю тебе честь дать имя этой крале».

— Я ее назову «Ханной», — ответил Ларский, — в память о своем первом свидании с подружкой из Кливлендской летной школы. Она, черт возьми, была складенькой девчушкой, — засмеялся он, — итальянка с глазами, как...

— Мне кажется, — перебил его Дикенсон, с облегчением выводя машину из воронки циклона, — что «Ханна» скажет пару ласковых Кубе и Кастро, а если

она только слегка ее заденет, то в таком случае тугο придется Флориде.

Было 10 часов 35 минут, циклон, названный «Ханной», скорость которого достигала уже 150 километров в час, начал «официально» существовать в эфире, особенно на радиоволнах Центральной Америки и Соединенных Штатов. Пока он продолжал мчаться в Карибском море по своей опустошительной кривой с юго-запада на северо-запад, корабли изο всех сил рвались к портам, все полеты над Мексиканским заливом отменили; на Кубе в провинции Пинар-дель-Рио была объявлена тревога; радио Майами каждый час передавало угрожающие сообщения. В 12 часов «Ханна» догнала какую-то бразильскую посудину, промышлявшую контрабандой табака на побережье Никарагуа, и, влив ей пару затрещин, пустила ко дну. В 12.50 на широте Пуэрто-Кабесас она застала врасплох какое-то мексиканское суденышко и бесследно уничтожила его вместе с экипажем из десяти человек. В 16 часов она достигла острова Козумель и потопила три рыбацких судна, возвращавшихся к мексиканскому побережью. В 18 часов она пересекла Юкатанский канал, обогнула провинцию Пинар-дель-Рио, где кубинские крестьяне уже ждали ее страшного прихода, отклонилась к северо-востоку, задела Ки-Уэст, с дикой скоростью пронеслась по Флоридскому проливу и, оставляя слева Палм-Бич, а справа — Багамские острова, умчалась куда-то в Атлантику, где как циклон перестала существовать. Было 19.30. Какой-то порыв ветра, заблудшее дитя, оторвавшееся от гигантского урагана, все-таки налетел на североамериканское побережье к северу от Палм-Бич, из озорства сорвал несколько крыш и вырвал с корнем несколько пальм; гонимые им волны затопили участок берега шириной в десять километров, проникнув в глубь суши метров на пятьдесят, и внезапно отступил, оставив после себя проливной дождь.

Было 19.40. Непроглядная тьма опустилась на дорогу. Севилла зажег фары своего старого бьюика, включил «дворник», но вода, с оглушительным шумом стучащая по крыше, заливала смотровое стекло, сплошным потоком текла по отлогой дороге. Бьюик начал сколь-

зить. Севилла затормозил, дал задний ход и, тихонько отъезжая вправо, уперся задними колесами в бетонную окантовку обочины.

— Дождь скоро пройдет, — повернулся он к Арлетт.

Он выключил мотор, включил глазок на табло, и этот крохотный огонек сразу же создал в кабине какую-то атмосферу тайны, теплоты и близости. Этот луч, направленный к полу, осветил колени Арлетт, обрисовал ее ноги под легкой полотняной юбкой, рассеянным светом озаряя ее подбородок, щеки, лоб, оставляя в тени глаза, — видны были только белки, — выхватил несколько легких завитков из черного ореола ее волос. Севилла перенес взгляд на переднее стекло, заливаемое потоками воды, словно иллюминатор стремительно рассекающего волны корабля. Он разглядел сквозь стекло, на которое обрушивались водопады, два ярких круга от фар и мчащийся по асфальту поток, грязный как река в половодье. Справа, за черным стеклом, в котором отражался профиль Арлетт, он мог различить два-три светлых пятна, силуэт одинокой пальмы, а слева и позади него была крошечная тьма, и дождь стучал по крыше бьюика подобно барабанной дробι в джунглях.

— Как вы думаете, где мы находимся? — спросил Севилла. — Я разговаривал и не обращал внимания на дорогу.

— По-моему, — ответила Арлетт тихим и далеким голосом, едва слышным в грохоте водяных смерчей, хлещущих по капоту и стеклам машины, — бунгало справа — это мотель в испанском стиле. Мы, наверное, всего в каких-нибудь пятнадцати километрах от лаборатории.

— И все-таки я правильно сделал, что остановился, — сказал Севилла. — Склон здесь достаточно крутой, нас могло бы снести в ложбину, где скопилась вода, и мотор залило бы. А кроме того, смотровое стекло совсем залито, в двадцати метрах ничего не видно.

— Но здесь очень хорошо, — сказала Арлетт, — надо просто подождать.

Он взглянул на нее. Его поразила ее необыкновенно милая и удобная поза: все ее тело было расслаблено,

спокойное лицо улыбалось, ей было так легко. По всей очевидности, она переживала сейчас, на его глазах, одно из тех мгновений полного физического блаженства, которое, быть может, и есть лучшее и самое редкое, что приносит жизнь. Ее глаза нежно светились во мраке, рот был приоткрыт, создавалось впечатление, что замедлилось даже ее дыхание, настолько она казалась погруженной в истому. Она вдыхала дождь, как растение. Он вытянул правую руку и собрал пальцами прядь ее черных волос, которые отсвечивали, как мокрые листья на тропическом солнце. Она не шевелилась. Она смотрела на него доверчивыми глазами, губы ее приоткрылись, уголки их поднялись. «Какая у нее чудесная улыбка, такая нежная, такая доверчивая, словно раскрывается все ее существо, какое-то глубокое благородство, какой-то вызов пошлости. Почему же так поздно жизнь учит нас не доверять лживым взглядам и улыбкам? Почему же я не разглядел в злых глазах Мэриен невроз, вызвавший у нее дикую ненависть ко мне, которая разрушила ее, как кислота, разъела изнутри, иссушила и опустошила? Яд этой ненависти как бы сжег ее отныне бесполезную плоть, и вся жизнь похудевшей, похожей на скелет Мэриен свелась теперь к чудовищной страсти наносить вред». Он моргнул, взгляд его прояснился, он опять увидел Арлетт. Было немного жаль разрушать ее улыбку, прикасаясь к ней губами. Он продолжал смотреть на нее, все еще держа ее великолепные волосы. Не то странно, что она будет принадлежать ему, а то, что возможность для этого появилась слишком поздно. Он убедился в своей дружбе к ней за месяцы совместной работы. Они так хорошо понимали друг друга, что это понимание скрыло от него его собственное желание. Он слушал, как потоки дождя барабанят по крыше машины. Потоп, отделял их от мира в едва освещенном теплом бьюнке — этом уютном гнездышке, тонувшем во мраке. Такое наслаждение — быть вдвоем, вдали от людей, словно в каюте яхты посреди спокойного океана, ускользнуть от укоризненных взглядов, от раздраженной зависти, прячущейся за моральными запретами, от злости кастрированных людейшек, которые сами проморгали свою жизнь. Он

прижался губами к ее губам, он наслаждался, упивался ею.

В номере мотеля все выдавало явное стремление хозяев придать своему заведению сельский вид: потолок был из искусственных балок, камин — из искусственных камней. С зажигалкой в руке Севилла наклонился, вспыхнуло пламя. Он погасил бра.

Арлетт и Севилла промокли до нитки. Они почти вплотную придвинули кровать к огню. Их одежда, с которой капала вода, была разложена на стульях, стоящих справа и слева от камина, чтобы не загоразживать потрескивающие поленья. По крыше стучал дождь, ветер, временами задувающий в окна, развеивал плотные, из красного полотна занавески, дребезжал задвижками. Севилла положил голову Арлетт себе на руку. Арлетт закрыла глаза, ее нижняя губа чуть оттопырилась, и казалось, она, охваченная глубоким спокойствием, уходит в себя. У нее был такой юный, почти детский, совсем беззащитный вид. Он прижался левой щекой к ее щеке. Руки Арлетт вцепились в одеяло, по ее черным пышным разметавшимся по подушке волосам пробежали отблески пламени, голова ее с закрытыми глазами замерла, рука, выпустив одеяло, разжалась. Севилла снова услышал, как потоки воды вдребезги разбиваются о крышу, будто разверзаются хляби небесные. Он повернулся на бок и, должно быть, на какое-то время задремал. Потом он ощутил, как она грудью прижимается к его спине, теплыми губами касается его затылка.

— Так вы тоже не спите? — спросила она.

— Нет, — ответил он, поворачиваясь к ней и вновь с удивлением видя перед собой ее нежные глаза и милую улыбку.

«Счастье так необычно, — подумал он, — когда оно рядом, перед тобой, — только руку протяни, — что в него трудно верить, когда тебе дан всего лишь миг, короткие двадцать лет, отделяющие мировые войны, первую от второй и вторую от третьей, нашей, той, что уже стучится к нам в дверь, и на этот раз действительно последней, потому что после нее больше нечего будет разрушать». Но сейчас, в по-

следнем порыве бури, он не сомневался: это было счастье, торжествующее биение жизни, бушующей, как ураганные потоки, которые хлестали по крыше, обрушиваясь на черепицу, словно волны, как удары тарана, сотрясая это хрупкое сооружение. Шпингалеты рам ходуном ходили в пазах, красные занавески, надуваемые резкими порывами ветра, взмывали, как воздушные шары, а за окнами с такой силой струилась и бушевала вода, что Севилле показалось, будто их мотель срывает с фундамента и несет над залитыми дугами вместе с плавающими бревнами, трупами животных, затопленными автомашинами, над распластанными на водной поверхности кронами королевских пальм. Только торчащие из воды крыши кабин для купальщиков указывали на пляжи. А мотель, неодолимый маленький ковчег Арлетт и Севиллы, единственный островок света и тепла в этом хаосе, все плыл и плыл в море, на простор.

— Это провал, — решительно заявила Лизбет, отодвигая тарелку. Севилла и Арлетт, поужинав, сразу же уехали, все остальные задержались в столовой. Это была единственная комната с кондиционированным воздухом. Ночь не принесла никакой прохлады, и дышать было нечем. После недолгого молчания Лизбет повторила: — Это провал.

— Надену-ка я рубашку, — сказал Питер. — Из-за этого кондиционирования я никак не могу разобрать, холодно мне или жарко.

Он вытянул свои длинные загорелые ноги и положил их на край свободного стула.

— Не понимаю, как ты можешь говорить о провале, — продолжал Питер, — прошло всего две недели, как Бесси здесь.

Боб Мэнинг встал и изящно вытянул свои длинные гибкие руки. Питер и Майкл были в шортах, из парней только он один носил даже не джинсы, а светло-голубые брюки с отутюженной складкой, все пуговицы его рубашки были застегнуты, отложной воротник а-ля Шелли широко открывал грациозную шею, его красивая темноволосая голова была слегка наклонена вправо,

тонкий пробор разделял сверкающие, скрепленные бриолином Ярдли волосы; он не потел, от него пахло лавандой, казалось, его, благоухающего и выглаженного, только что вынули из коробки.

— Я согласен с мнением Лизбет, — сказал он приятным голосом. — Давайте смотреть правде в глаза: это провал. Да и чего можно было ждать от их брака? Спасительного шока, который должен был вновь вызвать у Ивана уверенность в себе?

— И усилить его творческий порыв, — с нотой сарказма в голосе подхватила Лизбет. — Не забывай, пожалуйста, о творческом порыве. Он должен был дать Ивану возможность преодолеть решающий этап и перейти от слова к фразе. В итоге произошло как раз обратное.

— И вовсе нет, — сказала Сюзи, кладя свою полную руку на спинку стула, на котором сидел Питер.

Он повернул голову вправо и влюбленно посмотрел на нее, — какой у нее правильный, строгий, так чудесно очерченный профиль! В этом профиле — вся Сюзи с ее прямоотой, честностью; она как мать, только моложе. Питер возражал Лизбет, потому что ему не нравился ее тон, на самом же деле его поколебали ее нападки. Но если Сюзи становится на его сторону, тогда это все меняет, значит, он обязан доказать свою правоту.

— Как это — нет? — с уничтожающим презрением воскликнула Лизбет. — Чего тебе еще надо!

— Извини, что я осмеливаюсь тебе противоречить, — отпарировала Сюзи, и Питер тихонько усмехнулся, — но после случки Иван ведет себя именно так, как мы и предполагали. Он стал счастливее, подвижнее, агрессивнее...

Сюзи замолчала и взглянула на Мэгги, еще более уродливую и краснокожую, чем обычно, в платье с большими красными и желтыми цветами. Мэгги молчала, потупив глаза: странно, что она еще не бросилась в эту образовавшуюся в обороне брешь, чтобы защищать своего кумира Севиллу.

— Правильно, — возразила Лизбет, — настолько подвижным, что даже не желает больше говорить!

Сюзи, не будешь же ты отрицать, что за две недели он не сказал ни слова по-английски!

— Не преувеличивай, — вменялся Питер, — он отлично понял, что мы называем его жену Бесси, и зовет ее «Би».

— Я ни разу не слышала, чтоб он так ее называл.

— А я слышала, — сказала Сюзи, — и если бы ты заранее, раз и навсегда не внушила себе, что опыт провалился, ты тоже бы услышала.

— Допустим. Он зовет Бесси «Би». Bravo! Какой успех! Одно слово! За две недели он произнес одно слово. До прибытия Бесси, простите, Би, он каждый день употреблял сорок слов.

— Есть кое-что и посерьезнее, — заговорил Боб. — Все мы убедились в том, что теперь Иван отказывается от всякого общения, он больше не хочет играть, он даже не откликается, когда обращаются к нему по имени. А когда мы хотим войти в бассейн, хватает нас за ноги.

Все замолчали. Когда Боб говорил, в его слова всегда закрадывалась какая-то актерская нотка. От этого возникало некоторое ощущение неловкости.

— Мне кажется, что реакция Ивана — вполне нормальная реакция, — с мрачным видом сказал Майкл, который сидел, ни на кого не глядя, склонив голову на грудь.

Сюзи живо посмотрела на него. Говорили, что он похож на Питера, потому что они оба были одинакового роста, у них была одинаковая походка, одинаковые ямочки на щеках. Но Питер, если только чувствовал, что к нему хорошо относятся, всегда был переполнен энергией, ему было так же трудно предаваться грусти, как пробке погрузиться в воду. Майкл слишком о многом задумывался. Сюзи несколько раз мельком окинула его взглядом: «Просто удивительно, Майкл красивый, куда красивее Питера, тверже характером, способнее, конечно, и все-таки мне сразу же понравился Питер, ведь Питер такой искренний». Лизбет хотела что-то сказать, но Майкл продолжал, повысив голос:

— Это очень просто, следует учесть одно обстоятельство: Иван ревнует.

«А Майкл, — подумала Сюзи, — неужели и он ревнует? Но к кому, господи боже, неужели к этой дылде, похожей на чемпионку по баскетболу, грубой, черствой, невоспитанной?»

— Послушайте, — заговорил Питер, откидывая голову назад, для того чтобы потереться затылком о прохладную руку Сюзи, — есть, может быть, и иное объяснение. Я не знаю, дается ли дельфину дельфиний язык от природы или животное должно учиться говорить, как человеческий ребенок, однако разве нельзя просто предположить, что Иван вновь открывает для себя вместе с Бесси свой родной язык и это обучение поглощает все его способности, но что он рано или поздно вернется в свою человеческую семью?

— Ну и оптимизм! — фыркнула Лизбет. — Когда он к нам вернется, он, по всей вероятности, начисто забудет те сорок английских слов, которым его с таким трудом обучили.

Сюзи гордо выпрямилась и с оттенком сдержанного раздражения заметила:

— Во всяком случае, по-моему, не слишком научно строить гипотезы о будущем.

— Строить гипотезы начал Питер, — холодно возразила Лизбет.

Она вынула изо рта сигарету, расправила плечи и оглядела своих товарищей. Сюзи удивил ее упорный взгляд. Нельзя было не признать за Лизбет своеобразного таланта — в умении обвинять своих ближних.

— Разумеется, — сказала Лизбет, — каждый может иметь свое мнение. Если вы не хотите признать, что опыт не удался, — прекрасно. Никто вас не принуждает. А пока чем мы заняты? Ничем. О, я прекрасно понимаю, — добавила она дрожащим от ненависти голосом, — есть разные способы ничего не делать. Можно быть весьма занятым, даже страстно увлеченным, и все-таки ничего не делать.

Наступило ледяное молчание. «Какая стерва, — подумала Сюзи, — какая жуткая стерва! Даже Боб Мэннинг смутился. А Мэгги, почему она ничего не скажет?» И через секунду Сюзи гневно спросила:

— Ты ничего не скажешь, Мэгги?

Мэгги вздрогнула, подняла глаза и смущенно ответила:

— Мне нечего сказать.

Майкл выпрямился, оперся руками на ремень шорт и, глядя на Мэгги, продекламировал:

Он был мне другом искренним и верным,

Но Брут назвал его властолюбивым,

А Брут весьма достойный человек *.

— Браво! — воскликнул Питер.

Боб Мэннинг сел. Он как-то сразу ушел в себя. Даже его жесты, обычно такие плавные, свободные, стали как-то сдержаннее. Он ни на кого не смотрел. Он ступевался.

— Есть люди, — тем же злым и вызывающим тоном продолжала Лизбет, — которые владеют искусством всегда принимать сторону сильного. Ну что ж, не хочу их беспокоить. Но никто не помешает мне констатировать: вот уже две недели, как мы только и делаем, что смотрим, как они занимаются любовью. Я имею в виду Бесси и Ивана, — прибавила она с каким-то присвистом.

— Ой! — вырвалось у Мэгги.

Кроме этого «ой» ничего сказано не было. Боб Мэннинг, смущенный и испуганный, смотрел прямо перед собой; глаза Мэгги ничего не выражали.

— Заткнешься ты? — вдруг сдержанно спросил Майкл, в упор глядя на Лизбет. — Я по горло сыт твоей болтовней.

— Если ты думаешь, что... — поднялась Лизбет.

— Заткнись, — грубо оборвал ее Майкл. — Или я выкину тебя в бассейн.

— Я тебе охотно помогу, — подхватил Питер.

Лизбет посмотрела на того и на другого, ошибиться было невозможно: оба молодых человека горели желанием исполнить обещанное. «Она уступает, — вздрогнув от удовольствия, подумала Сюзи, — уступает, наконец-то я своими глазами увидела, как Лизбет уступает парням». Через какую-то секунду она почти жалела ее; Боб и Мэгги ее бросили, и Лизбет сидела молча,

* В. Шекспир, Юлий Цезарь.

выпрямившись, одна против всех, пытаюсь выдержать их бурное недовольство.

— Хамы все вы, — сказала она, тицетно стараясь сохранить презрительный тон.

— Ну что ты, что ты... — горько усмехнулся Майкл. Он наклонился над столом, чтобы вылить себе в стакан оставшиеся полбутылки кока-колы. — Я не хам, а всего лишь тот «цвет американской молодежи», который президент с сожалением посылает умирать на полях сражений во Вьетнаме...

Он замолчал, торжественно, словно после тоста, поднял стакан и выпил кока-колу.

— Пойду спать, — поднялась Лизбет. — Есть предел глупостям, которые я могу выслушать за вечер.

— И я, — поднялась вслед за ней Мэгги.

Лизбет пошла к двери, высокая, гибкая, сильная; Мэгги, которая нелепо семенила за ней, выглядела еще меньше и уродливее.

— Прощай, достойный Брут! — крикнул Майкл.

Он насмешливо помахал правой рукой им вслед.

«Как я могла так ошибаться! — с удивлением подумала Сюзи. — И вовсе он в нее не влюблен, он ее презирает, с ним происходит что-то другое».

— Ты рассуждаешь так, — обратился к Майклу Боб Мэннинг, — словно тебя призовут на будущий год.

— А ты, непорочный юноша, так, — ответил Майкл, — словно война в Юго-Восточной Азии через три года кончится...

Раздался звонок внутреннего телефона. Питер снял трубку и, прикрыв ладонью микрофон, сказал:

— Майкл, тебя просит Севилла.

— Майкл, не хотите ли прогуляться со мной?

— С удовольствием.

Дорога, которая умиралась в здание лаборатории, лентой вилась среди скал. Несмотря на близость моря, воздух был теплый. Огромная ярко-оранжевая луна, совсем низко висевшая над горизонтом, отбрасывала от их ног узкие длинные тени.

— Майкл, у меня к вам просьба. Но прежде, если разрешите, вопрос.

Севилла помедлил.

— Вопрос такой: случается ли вам лично, на территории лаборатории, критиковать внешнюю политику Соединенных Штатов?

Майкл остановился как вкопанный и посмотрел на Севилла.

— Я критиковал ее сегодня вечером, только что. — И как-то сухо прибавил: — Но, мне кажется, я имею право высказывать свое мнение.

— Вы не только имеете на это право, — сказал Севилла, — но это право записано в Конституции Соединенных Штатов.

Теперь, — продолжал он, — о просьбе, с которой мне хотелось бы к вам обратиться. Уточню — это просто личная просьба. Майкл, в будущем, находясь на территории лаборатории, воздерживайтесь от критических высказываний подобного рода.

— Это приказ? — напряженно спросил Майкл.

— Никким образом, этого я не могу вам приказать. Я прошу вас всего лишь о личной услуге.

Стало тихо.

— Вы хотите сказать, что слова, произнесенные мной сегодня вечером, наверное, будут переданы куда следует и что в этом случае они могут причинить вам вред?

— Они наверняка будут переданы и наверняка использованы против меня, — медленно и отчетливо выговорил Севилла.

— Непонятно почему.

— Потому что именно я взял вас на работу.

— Ясно, — ответил Майкл. — Ну что ж, признаюсь, мне довольно... Если я правильно понимаю, — спросил он изменившимся голосом, — среди нас доносчик?

Севилла молчал.

— Извините, — продолжал Майкл, — мне не следовало бы задавать вам этот вопрос. И все-таки мне очень хочется задать вам еще один вопрос.

— Я догадываюсь какой, — сказал Севилла. — На него я тоже не отвечу.

Немного помолчав, Майкл с наигранной непринужденностью заметил:

— Ну, это уже несколько сокращает наш разговор. — И прибавил: — Что же касается вашей просьбы, это дело решенное.

Севилла положил руку Майклу на плечо.

Мэриен отнимала у него сыновей день за днем, терпеливо, коварно она влиwała в них переполнявший ее яд. Постепенно ей удалось отдалить от него сыновей. «Ну что ж, — подумал Севилла, по-прежнему держа руку на плече Майкла, — почему замыкаться в рамках одной-единственной семьи? Майкл — тоже мой сын».

Майкл понял, что означало молчание Севиллы, и приободрился.

— А вы, — с тревогой спросил он, — что вы думаете о нашей азиатской политике?

— Да как вам сказать... — ответил Севилла, опустив руку. — Восторга она у меня не вызывает, но я говорю себе: ты избрал президента Соединенных Штатов, так пусть он и беспокоится о Вьетнаме. А ты беспокойся о своих дельфинах. Каждому свое.

— А если президент проводит в Азии гибельную политику?

— На мой взгляд, — подумав, сказал Севилла, — я не располагаю необходимой информацией, чтобы сделать подобный вывод. Что бы вы подумали о президенте, если бы он пожелал вмешиваться в вопросы электроники без предварительного изучения вопроса?

— Политика не так сложна, как электроника. Достаточно только внимательно читать газеты, и вам бросится в глаза множество фактов о Вьетнаме.

Майкл сунул руки в карманы, он почувствовал себя неловко. Не слишком ли далеко он зашел? Можно подумать, что он читает нотации Севилле и ставит самого себя в пример.

— Да, я знаю, — согласился Севилла, — именно это вы и делаете. И наверное, поступаете правильно. Однако у меня нет времени. Я просто не могу позволить себе роскошь интересоваться внешней политикой Соединенных Штатов.

— Даже если она приведет к третьей мировой войне?

— О, вы преувеличиваете! — воскликнул Севилла. — До нее нам еще далеко.

Майкл ничего не сказал, он совсем пал духом. «Даже такой человек, как Севилла, даже он... Да, все ни черта не стоят, — в бешенстве подумал он, — все мы страусы, вот мы кто...»

— Меня очень беспокоит Иван, — через некоторое время заговорил Севилла. — Не знаю, что делать.

Его слова вызвали у Майкла какое-то чувство иронии. Иван, все дело в Иване. Мир на краю гибели, а Севилла интересуется языком дельфинов. В то же время он был тронут: ведь именно его выбрал Севилла, чтобы поведать о своих трудностях. В этом искреннем признании, в этом доверии не было никакой рисовки. Сердцем они понимали друг друга, а в вопросах политики совсем расходились. «Как бы я хотел его убедить!» — подумал Майкл, и в нем снова вспыхнула надежда.

— Можно было бы, конечно, разлучить Ивана с Бесси, — как бы невзначай предложил Майкл, ибо чувствовал, что Севилла ждет какого-нибудь ответа.

Несколько шагов Севилла прошел молча.

— Я думал об этом. Я бы даже сказал, что такое решение напрашивается само собой. Однако, положив руку на сердце, я никак не могу на это решиться. Наверно, вы сочтете это чувство недостойным ученого, — через несколько секунд прибавил он. — Но, по-моему, это слишком жестоко.

В единственной комнате снятого ими бунгало не было установки для кондиционирования, а были два широких проема — в сторону скал и в сторону моря, — расположенных друг против друга, не застекленных, а заделанных планками из красного дерева, которые можно было устанавливать под любым углом. Голубая в крупную клетку занавеска укрывала комнату от посторонних взглядов снаружи, в чем легко было убедиться, выйдя на террасу и обойдя вокруг дома. Как ни странно, но отсутствие стекол не удовлетворило архитектора в его поисках естественной вентиляции.

Между стенами и крышей для движения воздуха оставалось открытое пространство сантиметров в сорок. Не менее дерзким было по конструкции и само бунгало. Оно высилось на бетонной плите, поддерживаемой металлическими опорами в форме буквы «н», смело переброшенной, словно мост, над расщелиной между двумя скалами. Эта плита метров примерно на двадцать возвышалась над крохотной скалистой бухточкой, куда вели вырубленные в скале ступеньки. Так как дом располагался на середине скалы, то, приезжая в бунгало на машине, надо было, свернув с дороги, оставлять машину в каком-нибудь временном укрытии и, открыв тяжелые, встроенные в две огромных скалы ворота, спускаться метров сто по крутой тропинке. Тропинка эта являлась единственным подходом к дому, и, по всей вероятности, мебель в бунгало была доставлена сверху, с помощью системы блоков и канатов. Со всех сторон бетонную плиту окружала металлическая загородка, благодаря чему создавалось впечатление, что находишься на палубе корабля.

— Когда подумаю, — заговорила Арлетт, прижавшись плечом к Севилле, — что у нас под ногами двадцать метров пустоты, мороз по коже подирает.

— Нет, нет, не говори, — сказал Севилла, — именно вид неприступной крепости и заставил меня выбрать для отдыха это бунгало. Этот вид, а также, признаться, отсутствие стекол.

— Отсутствие стекол? — с удивлением взглянула она на него. — Почему же?

— О, — рассмеялся он, — это очень важно.

Прямо над домом, над их головами парила чайка.

— Интересно, что она здесь делает, — спросил он, — совсем одна? По-моему, тут из трещины в скале идет вверх поток воздуха.

— Она просто парит, — сказала Арлетт, — должно быть, это так приятно.

Она подняла к Севилле свое печальное детское лицо; он обнял ее, у нее была какая-то чарующая манера как бы таять в объятиях.

— Может, прежде поговорим о серьезных вещах? — спросил он хрипловатым голосом.

— Почему прежде? — переспросила она, подняв брови. Переглянувшись, они рассмеялись.

Севилла ощутил, как его с необыкновенной силой переполняет счастье. В их отношениях все было наслаждением: веселье, игры, доброе согласие, безграничное доверие.

— Ты все еще чувствуешь пустоту под плитой?.. — спросил Севилла, укладывая ее в постель.

— Да, но это мне безразлично, с тобой я могла бы провалиться, пробить бетон, и мы очутились бы внизу, в воде, как Фа и Би. — Ее смех и голос смолкли, последним звуком, который слышал Севилла, был победный крик чайки. Ей удалось попасть в поток воздуха, выходящий из расщелины, и она недвижно парила над бунгалом, едва шевеля крыльями, купаясь в теплом черном ветре, видимо так же мало контролируя свой полет, как осенний лист, и издавая каждую секунду короткий пронзительный крик, напоминающий скрип морской лебедки. Когда голова Севиллы коснулась подушки, он снова его услышал. Ему часто снилось, что он парит, — такой напряженный и многократно повторяющийся сон, что, проснувшись, ему было трудно не верить в его реальность: сильный ветер, он бежит по пляжу, разбрасывает руки, сильно отталкивается от земли, без труда взлетает, рассекая воздух, только в ушах свистит, в нескольких метрах над водой он неподвижно парит, испытывая чудесное ощущение легкости и силы. Он повернул голову влево и посмотрел на Арлетт. Она лежала на кровати, как на облаке, устремив на него нежные и лукавые глаза. Он с нетерпением ждал, чтоб появилась ее улыбка; сначала у нее всегда слегка вздрагивали уголки губ, неизменно поднимающиеся вверх так, словно все ее лицо охвачено радостью, и, когда вспыхивала ее улыбка, Арлетт раскрывалась в ней вся целиком, со всей доверчивостью, со всей нежностью. Он приподнялся на локте и склонился к Арлетт.

— Еще не совсем стемнело, — сказал он, запуская руку в ее волосы, — жаль было бы не воспользоваться этим.

— Можно было бы пойти поваляться на террасе, — улынулась она.

— Нет, нет, — возразил он. — предлагаю тебе немножко размяться — спуститься к бухте. Если мы совсем перестанем ходить, то нас ждет участь кентавров: верхняя часть тела — человеческая, а нижняя — в форме бьюика.

— Было бы так жалко эту нижнюю часть, — заметила Арлетт. Севилла засмеялся. Нигде, никогда в жизни, сколько он себя помнил, он не смеялся так часто и с таким неподдельным весельем.

Бетонная плита бунгало, словно перешагивающая через трещину в скале, производила внушительное впечатление, если смотреть на нее, задрав голову, сидя в бухте на крохотном треугольнике обкатанных камней. Снизу казалось, что она не толще листа фанеры. В трех метрах от их ног угасал прибой, выплескивая на берег камешки. Если закрыть глаза, то чудилось, что в каком-то гигантском пакете перемешиваются десятки игральные кости, прежде чем все их бросит нервная рука игрока.

— Мне грустно, — сказала Арлетт, — чувствую, что-то неладно у нас в лаборатории.

— Действительно неладно, — пожав плечами, ответил Севилла. — Лизбет — оппозиция его величества, Мэгги покорно следует за ней, меня обвиняют в косности.

— Признаться, — взглянула на него Арлетт, — меня восхищает твоя снисходительность. Мне кажется, будь я на твоём месте, я их...

— Да нет, поверь мне, — перебил он, — это было бы серьезной ошибкой. Зачастую больше мудрости и настоящего мужества в том, чтобы не отвечать на нападки.

Арлетт посмотрела на него, и в глазах ее мелькнуло негодование:

— Не могу понять этих девиц.

— Все очень просто, милая, они ревнуют, хотя и не к одному и тому же лицу. — Он посмотрел на Арлетт. — Истинная проблема — Иван. Если бы я ее решил, все, что могли сделать или сказать эти идиотки, не имело бы никакого значения. К несчастью, я не нахожу решения, и хуже всего, мне не удается сосредото-

точиться. Я как Иван, — усмехнулся он, — я так счастлив, что мне больше не хочется работать. Я понимаю, с виду все очень просто: с тех пор как у Ивана появилась Бесси, он больше не разговаривает. Прекрасно, отнимем у него Бесси. Но прежде всего, — вдруг страстно сказал он, — мне противна сама мысль о том, чтобы разлучать их. С тех пор как Иван заговорил, мои отношения с ним — это уже не отношения человека с животным, а отношения личности с личностью. И потому, я просто чувствую, что это не решение. Отбери я у него Бесси, это его страшно травмирует. И что же произойдет? В лучшем случае он согласится снова выучить свои сорок слов. На этом все кончится, и дальше мы не продвинемся. Надо сделать что-то иное, но что именно, не могу представить.

Несколько секунд он сидел молча, а потом, искоса глядя на Арлетт, продолжал:

— Лизбет сказала бы, что я не усилил свой творческий порыв. — Он усмехнулся. — Однако я не согласен с такой отрицательной точкой зрения. И вообще, что она в этом смыслит, несчастная, она — из тех людей, которые всю жизнь никак не могут разобраться, к какому полу они принадлежат. Ведь по своей природе она обречена на философию жертвы. А я верю, что только счастье — и ничто другое — помогает человеку развернуться. Никто не убедит меня, будто в лишениях есть какая-то магическая доблесть.

Они рядышком сидели на гальке пляжа, прислонившись к большой округлой скале; рука Севилла обнимала Арлетт, головы их почти соприкасались, даже шум прибоя не мешал им слышать друг друга.

— Мэгги говорила что-нибудь о Бобе? — спросила Арлетт.

— Ты хочешь сказать — о том, как трудно назначить дату их помолвки, — вздохнул Севилла. — Уже пять лет я об этом слышу, меняются только ее счастливые избранники — и все, я был одним из них, Джеймс Дин тоже.

— Подумать только, — сказала Арлетт, — она так хорошо знала Джеймса Дина, меня это всегда удивляло.

Севилла засмеялся:

— В прошлом году мне пришлось проезжать Денвер. Могу заверить тебя, что Денвер (штат Колорадо) существует, карты Соединенных Штатов не врут, тетка Агата существует, я долго с ней разговаривал, старое кожаное кресло тоже существует, я его видел, даже сидел в нем, — но все остальное выдумка.

— Не может быть! — воскликнула Арлетт.

Севилла покачал головой.

— Сон наяву, всего-навсего. Несчастливая Мэгги, она страшная проблема, и тем более страшная, что она никого не интересует, — проблема некрасивой девушки. А некрасивая девушка в конце концов так же, как и любая другая, мечтает об объятиях мужчины.

Они помолчали.

— Я хотела поговорить с тобой не о ее помолвке, а об одном случае, о котором она обещала рассказать тебе. Позавчера, войдя во время завтрака в кабинет Мэгги, я застала Боба, который копался в ее бумагах. Он побледнел и две-три секунды молчал, прежде чем сказал мне, что Мэгги послала его за ножницами. Он соврал, конечно. В этом я сразу же убедилась, спросив Мэгги.

Севилла нахмурил брови.

— А мне Мэгги ничего не сказала. Впрочем, ничего нового она бы мне не сообщила. О том, какую роль играет Боб, мне стало ясно с воскресенья 15 мая. В тот день, если помнишь, мы все, кроме сторожей, уезжали из лаборатории на пикник, и я предупредил сторожей, что в наше отсутствие их навещат двое «электромонтеров»...

— Двое электромонтеров? — переспросила Арлетт.

— Знаю, — покачал головой Севилла, — все выглядит как в низкопробном шпионском фильме, столь же нелепо, как о Флинте, или столь же плохо, как о Джеймсе Бонде. К несчастью, Арлетт, милая, это правда, джеймсбондизм становится нашей повседневной жизнью. Эти специалисты обнаружили, что вся электропроводка во всех комнатах лаборатории была дублирована маленьким, едва заметным приспособлением, которое записывало все разговоры на миниатюрный магнитофон, вмонтированный в стенку за кроватью Боба.

— Но ведь это ужасно, — возмутилась Арлетт. — Это еще серьезнее, чем я думала.

— Успокойся, — сказал Севилла. — Боб не русский шпион, этот хороший американец из патриотизма согласился быть информатором мистера Си.

— Мистера Си? А чьи же «электромонтеры»? — удивилась Арлетт.

— Назовем их «голубыми», а друзей мистера Си — «зелеными», если хочешь, — сказал Севилла. — Интересно знать, — озираясь, проговорил он, — могу ли я сейчас действительно довериться камням, на которых мы сидим. Всюду мне мерещатся невидимые подслушивающие аппараты.

— И тебе смешно? — спросила Арлетт.

— А что делать? Я бы с ума сошел, если бы не относился ко всему этому как к фарсу. Так вот. «Голубые» совсем не тронули установку «зеленых», так что Боб будет по-прежнему исполнять свою роль, они только дублировали ее идентичной установкой, которая подведена в мой кабинет для того, чтобы я, со своей стороны, мог передавать «голубым» все то, что Боб передает «зеленым».

— Просто кошмар какой-то! — воскликнула Арлетт. — Мне кажется, будто я попала в мир сумасшедших.

— Однако все проще простого, — продолжал Севилла. — За нами одновременно следят два ведомства, которые, выслеживая нас, шпионят и друг за другом.

— Но это абсурд, почему же они соперничают?

— Насколько я понимаю, — улыбнулся Севилла, — внутриведомственная конкуренция — золотое правило всякого шпионажа. В любой стране никогда не бывает одной тайной полиции, их всегда несколько, а иногда даже внутри каждой полиции существуют кланы, борющиеся между собой. Полиции как змеи, — переплетаясь, они всегда кончают тем, что жалят сами себя за хвост.

Арлетт положила голову на плечо Севилле.

— Не знаю, правильно ли ты поступаешь, милый, рассказывая мне обо всем этом. Быть может, я тоже коварная русская шпионка?

— На этот счет я могу тебя успокоить, — сказал Севилла. — «Зеленые» провели расследование, кстати почти исчерпывающее, как о тебе, так и обо мне. В итоге — две удивительно подробные биографии, которые «голубым» удалось бог знает каким путем раздобыть. Твою они мне не передали.

— Весьма рада этому, — заметила Арлетт.

— Но они дали мне знать, что выводы совершенно благоприятные.

Арлетт рассмеялась.

— Не знаю, должна ли я чувствовать себя спокойнее, быть может, они ошибаются.

— Что ты! Помилуй! — с горькой иронией усмехнулся Севилла. — Они никогда не ошибаются! «Голубые» мне передали мою собственную биографию, она составлена с невероятной точностью и дотошностью. Из нее я даже о своей жизни узнал такие вещи, которые не были известны мне самому. В определенном смысле это довольно жутко, мне кажется, будто я жил нагим под оком всеведущего бога.

— А выводы? — спросила Арлетт.

Севилла поморщился:

— В целом благоприятные, но кое-что все-таки хромает. Взять, к примеру, мое происхождение. Они немало потрудились, чтобы найти моих предков, но в этом не преуспели. Вот теперь они и маются: то ли я цыган, то ли во мне есть еврейская кровь? Или, быть может, во мне течет капелька арабской крови? Или я просто добрый и порядочный галисиец, каким считал себя мой дед?

— А для них это так важно? — смеясь, спросила Арлетт.

— Наверное, важно, раз они так об этом беспокоятся. Вот еще пример дотошности моих биографов: в 1936 году — представляешь, сколько мне было лет? — я объявил студентам Колумбийского университета, что верю в свободную любовь, — а это плохо. Плохо, конечно, и то, добросовестно прибавляет биограф или биографы, что впоследствии я два раза женился.

Арлетт засмеялась.

— Но есть и кое-что похуже. Отвечая в 1955 году

одному следователю, спросившему меня, верю ли я в бессмертие души, я сказал: «Дело не в том, чтобы верить, нужно знать», — а это уж совсем худо.

Арлетт подняла голову:

— Почему?

— Из этого они заключают, что я атеист, а быть атеистом в этой стране, где каждый притворяется, будто верит в бога, значит уже быть подозреваемым в симпатиях к коммунистам. Зато в 1958 году у меня в течение трех месяцев (даты установлены с точностью до одного дня) была связь с венгерской графиней, про которую, впрочем, я не знал ни того, что она графиня, ни того, что она мадьярка, а главное — агент ЦРУ. Эта дама дала весьма обстоятельный анализ моего характера, моих вкусов, привычек, в том числе и моих любовных привычек.

— Это отвратительно, — брезгливо поморщилась Арлетт.

— Ну что ты! — успокоил ее Севилла. — Мне хорошо известно, что крупные политические деятели и ученые-атомники точно в таком же положении. Для меня все это началось, когда я заинтересовался дельфинами. Именно с этого момента параллельно велось, если можно так сказать, два исследования: я наблюдал за поведением дельфинов, а они — за моим.

Я говорю о «голубых», — продолжал Севилла, — потому что «зеленые» заинтересовались мной лишь совсем недавно, начиная с визита мистера Си. Ведь просто чудо, что «голубым» удавалось так долго прятать меня от «зеленых».

— Вернемся к мадьярке, — попросила Арлетт.

— Вернемся. Она утверждает, между прочим, что на самом деле я не атеист. Я, по ее мнению, католик, который отошел от веры, но глубоко по ней тоскует.

— А это правда? — спросила Арлетт.

— Я этого не сознаю, но это ничего не значит. Иногда мне кажется, что они знают меня лучше меня самого. Но мадьярка оказала мне величайшую услугу, когда она самым решительным образом заявила, что в политике я почти безграмотен. Вот это превосходно!

Арлетт нахмурилась.

— Для «зеленых» человек, который живо интересуется политикой, не делая политику своей профессией, тем самым уже весьма подозрителен.

— Одного не понимаю, — спросила Арлетт, — зачем «голубые» передали тебе твою биографию?

— Чтобы я в письменном виде высказал все, что я о ней думаю.

— Какая наивность! — рассмеялась Арлетт.

— Это отнюдь не наивность, милая. Их психологи найдут много интересного в моих ответах, все равно, искренними будут ответы или нет.

Они помолчали.

— Мне хотелось бы знать, есть ли разница между «голубыми» и «зелеными» в отношении к тебе.

— Есть. «Голубые» следят за мной и охраняют меня с оттенком благожелательности, «зеленые» следят за мной и охраняют меня с оттенком враждебности.

— Враждебности?

— Ну да, с точки зрения Си, вся моя вина в том, что я не WASP*; для Си я — чужак, заранее готовый на все.

— У меня голова кругом идет, — вздохнула Арлетт. — Интересно, обнаружат ли они, что по происхождению я славянка, атеистка, лишена политической невинности и занимаюсь свободной любовью с профессором Севиллой?

— О, уж это им известно, — ответил Севилла.

— Неужели? — испуганно воскликнула она. — Ты уверен? Они тебе говорили?

— Нет, помилуй, это же само собой разумеется. Я даже представляю, как они рады, ведь это им так упрощает слезку!

— А ты, — спросила Арлетт, — ты думаешь, что упрощаешь задачу этим господам, снимая для отдыха это бунгало?

— Я терплю этот шпионаж, — пояснил Севилла, —

* W A S P (сокр. англ. White Anglo Saxon Protestant) — белый англосаксонец и протестант, то есть член господствующей в обществе группы. (Прим. автора.)

принимаю его как должное. Но мне нет никакого резона облегчать им его. Более того, я опасюсь рвения «наблюдателей» с тех пор, как узнал, что ЦРУ записало на магнитофонную пленку развлечения президента Сукарно с его женами.

Арлетт спрятала лицо в ладони:

— Как мерзко!..

Севилла покачал головой:

— И кроме того, бессмысленно. Я не представляю себе Сукарно спорящим в такие минуты о мировой политике. Что касается бунгало, то я его выбрал именно из-за уединенности, недоступности...

— И не забудь, — заметила Арлетт, — из-за отсутствия стекол.

Севилла засмеялся:

— Скажу и о них. У «зеленых» есть одна штука, которая позволяет записывать с улицы происходящий в комнате разговор, усиливая вызываемые голосами собеседников колебания стекол. Да, знаю, ты скажешь, что все это очень страшно. Старого понятия частной жизни больше не существует, мы живем в стеклянной клетке, наблюдаемые, анализируемые, препарируемые с неумолимой дотошностью.

Арлетт сжала его руку:

— Не чувствуешь ли ты себя временами пленником?

Он поднял голову:

— Раньше чувствовал, но с тех пор, как ты со мной, — он замолчал и долго смотрел на нее, — моя свобода — это ты.

6

— Я вас собрал с весьма определенной целью, — холодно и сдержанно заговорил Севилла.

Он сделал паузу. Арлетт сидела справа от него, Мэгги — слева, Питер, Сюзи и Майкл — напротив, Боб и Лизбет — слева от Мэгги. Между ними — стол

с магнитофоном. Севилла окинул взглядом собеседников — оппозиция его величества сгруппировалась слева от него. «Какая нелепая ситуация, — подумал он с раздражением, — мне ничего не стоило бы по примеру многих других стать, божьей милостью, большим патроном. А я должен проявлять огромное терпение, чтобы уважать свободу слова своих сотрудников, даже тогда, когда те злоупотребляют ею».

— Прежде всего я хотел бы вам напомнить, — продолжал он, — о принятых у нас правилах полного соблюдения тайны, которые вы обязались выполнять, поступая сюда на работу. Наш проект, напоминаю, не подлежит огласке. Он субсидируется государственным ведомством, и лишь этому ведомству мы обязаны сообщать результаты наших работ. Всякое нарушение этого правила было бы серьезным уклонением от наших обязательств, как ваших, так и моих. Вы знаете, я всегда, невзирая на лица, следил за тем, чтобы среди нас царила самая широкая свобода слова и критики. Однако эта свобода кончается на пороге лаборатории. Ни о наших успехах, ни о наших неудачах не должны знать не имеющие отношения к нашему проекту лица, какие бы высокие посты они ни занимали. Повторяю, это правило должно соблюдаться неукоснительно.

Севилла замолчал, пристально оглядел присутствующих и подумал: «Цель достигнута, Боб и Мэгги подавлены угрызениями совести, Лизбет осталась в одиночестве». Ему не хотелось отказываться от своего либерализма, но он не намеревался позволять своим сотрудникам в споре слишком многое.

— Сегодня 3 июня, — продолжал он. — 6 мая, ровно три недели назад, мы поместили Бесси в бассейн номер 1. Опыт не подтвердил того, чего мы от него ждали. Тем не менее можно сказать, что уже сейчас он принес некоторые положительные результаты: во-первых, мы доказали, — а это отнюдь не было очевидным, — что детеныш-дельфин, воспитанный человеком в человеческой среде, способен в зрелом возрасте общаться и спариваться с самкой своего вида. Во-вторых, мы подтвердили, что самец, даже воспитан-

ний в полном одиночестве, остается сексуально очень разборчивым и не берет в подруги первую попавшуюся самку. В-третьих, мы убедились в способности дельфина устанавливать прочные эмоциональные связи. В настоящий момент игры медового месяца стали реже и слабее, но поведение Ивана по отношению к Бесси свидетельствует о его страстной привязанности. Именно отчасти по причине этой привязанности и ее избирательного характера его человеческая семья больше не может наладить контакт с ним. В-четвертых, весьма вероятно, что Иван и Бесси передали друг другу свои знания.

Иван, за это мы можем ручаться, приобщил Бесси ко всем своим человеческим играм — мячу, резиновому кольцу, палке. С другой стороны, — мы все же можем выдвинуть это предположение — Бесси научила Ивана дельфиньему языку. Во всяком случае, неоспоримо, что наблюдается большое — с количественной и качественной точек зрения — различие между свистами Ивана до 6 мая и теми, которые он издает сегодня. Когда мы продвинемся дальше в изучении дельфиньих свистов, сравнение двух этих категорий свистов будет представлять для исследователя величайший интерес.

Питер поднял руку, и Севилла глазами сделал ему знак, что он может говорить.

— Если я правильно понимаю, вы считаете, что свисты Ивана до 6 мая, то есть до встречи с Бесси, были чем-то вроде детского лепета, а сейчас он перешел от лепета к дельфиньему языку?

Севилла утвердительно кивнул головой.

— Именно это я и предполагаю. Бесси заменила ему мать в деле воспитания. Подчеркиваю, это только гипотеза. Но я думаю, что за три недели Иван узнал от Бесси громадное множество вещей, и для него это лишний повод отказать от всякого контакта с нами: он очень занят умственно.

— Не думаю, что полезно строить подобного рода гипотезы, — сказала Лизбет, — ведь проверить их мы не можем. В настоящее время мы даже не знаем, можно ли говорить о дельфиньем языке.

— Гипотезы строить должно, — спокойно ответил Севилла, — не надо только выдавать их за аксиомы. Ведь если бы не выдвигали гипотез, то не производили бы и экспериментов по их проверке.

Он выдержал паузу, давая Лизбет возможность ответить, но она промолчала.

— Продолжаю, — сказал Севилла. — Хотя опыт и дал кое-какие положительные результаты, на которые, очевидно, обратили внимание не все...

Он не договорил фразу.

— Не все, — подтвердила Сюзи.

Майкл, Питер, Арлетт и Боб кивнули в знак согласия. Лизбет не шелохнулась.

— Однако в одном отношении, — продолжал Севилла, — он явно не удался. Присутствие Бесси сильно изменило поведение Ивана, он стал более веселым, доверчивым и подвижным, но...

— Но это не усилило его творческого порыва, — перебила Лизбет.

Севилла взглянул на нее своими черными глазами.

— Я дам вам слово, если хотите, — сказал он убийственно вежливым тоном, — но, пожалуйста, не перебивайте меня.

— Прошу прощения, — сказала Лизбет.

— Пустяки, — ответил Севилла.

Майкл, Питер и Сюзи переглянулись.

— Но вот чего мы не предусмотрели, — продолжал Севилла, — так это полного отказа Ивана от своей человеческой семьи ради дельфинки. На мой взгляд, Иван не стал умственно пассивным, однако контакты с нами его больше не интересуют. Он просто вернулся к своим.

Сюзи подняла руку.

— Пожалуйста, Сюзи.

— Считаете ли вы, что это регрессивное явление?

— Нет, если, как я уже сказал, предположить, что существуют дельфиний язык и опыт, который передается матерью ребенку, а в нашем случае Бесси — Ивану.

Лизбет подняла руку.

— Прошу вас, Лизбет!

— Повторяю еще раз, не вижу никакой пользы в этих умозрительных построениях.

— А я вижу, — возразил Севилла. — Мы пытаемся понять, что же произошло.

— По-моему, было бы гораздо полезнее признать, что опыт не удался.

— Пока не удался, но ведь мы не ограничивали его во времени.

— Он длится уже три недели.

— Это ничего не значит. Отдельные эксперименты длятся годами.

— Меня восхищает ваше терпение.

— У вас действительно есть полная возможность им восхищаться.

Присутствующие заулыбались. Лизбет выпрямилась и спросила:

— Вы считаете, что в споре я перехожу границы?

Севилла посмотрел на нее, помолчал, чтобы придать своему ответу больше убедительности, и сказал:

— Считаю.

— А я — нет, — ответила Лизбет.

— В таком случае мы обсудим это позднее. Сейчас мы занимаемся не вашим поведением.

Молчанье. Широкоплечая, прямая Лизбет сидела, гордо подняв голову с коротко подстриженными волосами. «Просто какая-то Жанна д'Арк, — подумал Севилла, — и что хуже всего, кажется, она не прочь принудить меня сжечь ее на костре».

— Перехожу к цели нашего совещания, — сказал Севилла. — Я хочу задать вам вопрос, который вот уже три недели мучает меня и который вы тоже себе задаете. Мы потеряли контакт с Иваном. Что, по-вашему, мы должны сделать для восстановления его?

После довольно долгого молчания Боб поднял руку.

— Пожалуйста, Боб.

— Я хотел бы предложить следующее. По правде говоря, я не могу четко сформулировать свое предло-

жение, я скажу то, что пришло мне на ум. Дрессируя животное, применяют обычно систему «поощрение — наказание». Именно эта система дает человеку возможность оказывать воздействие на животное и добиваться от него желаемого результата. До сих пор мы поощряли Ивана, кормя его, лаская, дав ему Бесси. Мы использовали только поощрение. Нельзя ли теперь попробовать наказание?

— В том, что вы предлагаете, есть разумная основа, — ответил Севилла. — Но ваше предложение, грубо говоря, неосуществимо.

Он помолчал.

— Дельфина нельзя наказывать. Это животное, исполненное чувства собственного достоинства. Дельфин не приемлет наказания и сразу же порывает с вами всякие отношения. Можно даже усомниться, считает ли он рыбу, которую вы ему даете, поощрением. Например, тюленей — необыкновенных лакомок — вы заставите делать все что угодно за пищу, которую они страстно хотят. Но не дельфинов. Вуд утверждает, что видел, как дельфин целый день проделывал цирковые трюки, не принимая никакой пищи. Дельфин исполняет эти трюки либо из дружбы к вам, либо из интереса к своей работе. Рыба, которую вы ему даете, в счет не идет.

— Есть ли другие предложения? — спросил Севилла.

Наступила тишина. Потом Лизбет подняла руку.

— Прошу вас, Лизбет.

— По-моему, есть только одно решение. Надо убрать Ивана из бассейна и удалить его от Бесси.

Севилла быстро взглянул на нее.

— Вы хотите сказать, что надо убрать Бесси из бассейна и удалить ее от Ивана? Ведь все-таки нас интересует Иван.

— Да, именно это я и хотела сказать. Какая я дура, — сказала она, краснея и впервые проявляя некоторое смущение, — извините, я перепутала имена.

— Это неважно, — по-прежнему внимательно глядя на нее, сказал Севилла. — Надеюсь, вы не испытываете антипатии к бедняге Ивану?

— Конечно, нет, — ответила Лизбет, — я просто перепутала имена. Я еще не кончила, — более уверенно продолжала она. — Мое предложение — надо разлучить их, потому что их сожительство не дало желаемых результатов.

— Я думал о возможности такого решения, — медленно ответил Севилла. — Мы все о нем думали, я полагаю. Но мне оно очень не по душе. Боюсь, как бы эта разлука не вызвала у Ивана серьезного потрясения.

— Ну и что же, — с торжествующим видом заявила Лизбет, — потрясение — та цена, которую он заплатит, чтобы возобновить контакт с нами.

Севилла нахмурил брови.

— Вы хотите сказать, что такую цену мы его заставим заплатить, чтобы возобновить контакт, которого он не желает?

Впервые с начала разговора Севилла почувствовал раздражение.

— Хуже всего, — сухо заметил он, — что люди, которые советуют другим приносить жертвы, сами почти никогда их не приносят.

— Это что, личный выпад? — подняв голову, вызывающе спросила Лизбет.

Севилла нетерпеливо махнул рукой.

— Да нет, нет, это выпад против определенной концепции жертвы. И перестаньте, прошу вас, таскать хворост для вашего же собственного костра, я вовсе не намерен его разжигать.

Севилла почувствовал, что эта фраза понятна только ему, что она не могла быть понятна Лизбет. Однако, поняла Лизбет ее или нет, фраза на нее подействовала: Лизбет замолчала.

— Я хочу обратить ваше внимание на следующее, — продолжал Севилла. — Травма, которую мы нанесем Ивану, разлучив его с Бесси, может оказаться гораздо серьезнее, чем вы думаете. В 1954 году молодую дельфинку по имени Полина поймали на крючок, поранив ее при этом. Ее поместили в бассейн к взрослому самцу, который помог ей держаться на воде и очень привязался к ней. Рану лечили пенициллином,

и по крайней мере снаружи она казалась зажившей. Но спустя несколько месяцев инфекция вызвала внутренний нарыв, от которого дельфинка умерла. После ее смерти самец впал в иступленное отчаяние. Он, не переставая, кружил вокруг ее тела, отказываясь с этой минуты от всякой пищи и через три дня умер от горя. Если даже мы предположим, что Иван не дойдет до таких крайностей, трудно допустить, что он не разозлится на нас, отнявших у него Бесси, и я, признаться, плохо представляю себе, каким образом мы сможем снова установить с ним какой-либо контакт.

После некоторого молчания Севилла спросил:

— Еще предложения?

Майкл поднял руку.

— Да, Майкл.

— Я заметил, что единственная связь, существующая теперь между нами и Иваном, — это пища, которую мы ему даем. В тот момент, когда мы два раза в день даем ему рыбу, еще осуществляется какой-то недолгий контакт между ним и нами. Нельзя ли подобраться к Ивану с этой стороны?

— Прекрасно, — сказал Севилла. — Если вы решите, я уточню вашу мысль, потому что и мне приходило в голову то же самое. Допустим, что мы не дадим ему рыбу в одиннадцать часов и в конце дня в восемнадцать часов: это лишение вынудит его искать контакта и самому начать с нами разговор, хотя бы только для того, чтобы потребовать рыбы. Разумеется, мы ему дадим рыбы: она будет вознаграждением за то, что он ее попросит по-английски. Таким образом мы прибегнем к системе «наказание — поощрение», которую предлагает Боб, но в опосредствованной, скрытой форме, не травмируя животного.

Севилла помолчал и взглянул на собеседников.

— Стоит поставить этот опыт, как вы думаете?

Согласились все, кроме Лизбет. Севилла посмотрел на нее. Он решил, что она не должна оставаться обиженной.

— А как по-вашему, Лизбет?

Лизбет помолчала.

— Стоит, — наконец выговорила она с трудом. — Почему бы и нет?

Быстрым движением Севилла встал. Он взглянул на Арлетт, его лицо светилось счастьем. Впервые за три недели он действовал, и сотрудники вновь сплотились вокруг него.

— Мэгги? — послышался за дверью голос Боба. — Ты одна?

Она ответила «да» и запахнула халат, — она лежала на кровати с книгой в руке.

Боб вошел.

— Я тебе помешал?

— Ты же знаешь, что нет.

Он был в светло-серых брюках, в белых полотняных полуботинках и рубашке бледно-голубого цвета. Он уселся на кровать Лизбет, нахмутив брови, сжав колени и опустив на них судорожно сцепленные длинные тонкие пальцы.

— Мэгги, — заговорил он с таким видом, будто произносил тираду в интимно-психологической драме, — ты сказала Севилле?

— Конечно, нет. Я же тебе обещала и, между прочим, никогда в жизни так не жалела об обещанном. Ведь в первый раз я что-то скрываю от Севиллы, а мне от этого не по себе.

— Значит, — сказал он, — это Арлетт, потому что он знает, я в этом уверен. Ты сама заметила его ледяную холодность ко мне. И если бы только он, а то и Арлетт, Питер, Майкл и даже Сюзи больше не разговаривают со мной. Я стал каким-то изгоем. Но что я могу сделать? — воскликнул он, простирая свои длинные гибкие руки. — Не могу же я спросить у них — скажите, бога ради, в чем вы меня подозреваете? — они рассмеялись бы мне в лицо. Как я могу защищаться, когда я сам не знаю, в каком преступлении меня обвиняют? Все это трагически нелепо. Мэгги, ты читала «Процесс», так вот, ситуация, переживаемая сейчас мной, действительно кафкианская.

Он замолчал, безвольно уронил руки на кровать.

Изящно положив на покрывало свои точеные пальцы и опустив длинные черные ресницы, он тихо, убитым голосом произнес:

— Мэгги, мне кажется, я покончу с собой.

Он смотрел на Мэгги сквозь ресницы.

Она положила книгу на тумбочку и спокойно ответила:

— Какая глупость, тебе черт знает что лезет в голову. Никто на тебя не сердится, даже Севилла. Я знаю Севиллу лучше тебя. Если он напускает на себя суровый вид, то лишь по причине какого-либо тактического замысла. Вчера он в основном ставил целью запугать Лизбет.

Боб медленно поднял ресницы:

— К чему же тогда вся эта болтовня о секретности?

— По всей вероятности, — ответила Мэгги, — он боится, что критические замечания Лизбет станут известны за пределами лаборатории.

Дверь резко открылась, появилась Лизбет в шортах и лифчике, с купальным полотенцем в руке, с сигаретой во рту. Она захлопнула за собой дверь.

— Опять здесь! — воскликнула она, глядя на Боба. — Ну что это за парень, который вечно торчит у девушек? Уматывай, будь другом, мне надо переодеться.

— Извини, — с улыбкой сказал Боб и поднялся с постели, он во все глаза смотрел на мощные загорелые плечи Лизбет.

Мэгги с раздражением подумала: «Он такой недотрога, а от нее выслушивает все что угодно и никогда не сердится. Похоже, ему даже нравится, что эта дылда так грубо обращается с ним».

— Ну, ты убираешься? — повторила Лизбет, небрежно швырнув полотенце на свою кровать. Она раздавила в пепельнице окурки и, заведя руку за спину, растянула лифчик. Обнажились огромные, молочно-белого цвета груди. Боб побледнел, щеки его затряслись, словно он получил пощечину, он выскочил из комнаты так быстро, что показалось, будто его выбросили за дверь.

— О, Лизбет, — возмутилась Мэгги, — ты просто невозможна! Ты его совсем опарашила, он же такой стыдливый.

— Я у себя дома, — надменно заявила Лизбет, одним махом снимая шорты и трусы.

Мэгги отвернулась, ее ужасали манеры Лизбет. Лизбет голая стояла перед своей тумбочкой; она взяла сигарету и лихо ее зажгла.

— И ты тоже, — с презрением глядя на Мэгги, сказала она обвиняющим тоном, — ты ханжа, все вы лицемерны до тошноты. Так вот, знайте же, в основе вашей стыдливости — преувеличение роли секса. А я, плевать я хотела на секс, на мой или чей-либо другой. Меня это совершенно не касается, — прибавила она, выпятив подбородок. Она небрежно накинула халат и ничком бросилась на кровать.

— В конце концов, — сказала Мэгги, — не вина Боба, если он старомоден и побаивается девушек. У него нет сестры, и в двенадцать лет он потерял мать, его отец — пуританин-садист, который на него наводит ужас. Воспитан он был в пансионе, где не было ни одной женской души. Поэтому сексуально он и не развился. Боб — ребенок, я это всегда говорила.

— Ну что ж, выходи за него, — устало посоветовала Лизбет, — будешь ему мамой.

— К сожалению, — продолжала Мэгги, словно не расслышав второй части фразы, — я тебе хотела об этом сказать, Лизбет, — все снова под вопросом. Даже не знаю, смогу ли я объявить о нашей помолвке этим летом, как сначала намеревалась. У нас с ним одно серьезное разногласие, Лизбет, я должна тебе о нем рассказать. Боб во что бы то ни стало хочет детей, а я не хочу.

Лизбет перевернулась на спину, приподнялась на локте и укоризненно посмотрела на Мэгги.

— Вот тебе раз, ну и новость! Ты не хочешь детей? Почему же ты не хочешь детей?

— Сама не знаю, — смущенно ответила Мэгги, — я очень люблю детей, когда им лет восемь-десять, но мне так не нравятся малыши.

— Что за чушь, — презрительно перебила ее Лизбет, — если есть на свете самочка, которая обожает это все — похлопывать младенца по попке и возиться в его дерьме, — так это ты.

— Да нет же, уверяю тебя, — робко возразила Мэгги.

— Заткнись, — рассердилась Лизбет, — мне до смерти начинают надоедать все эти ваши случаи, меня они нисколько не интересуют.

С мрачным мальчишеским видом она затаилась сигаретой, выпустила через нос облачко дыма и замолчала, уставившись на штору.

— Я не слишком уверена, что тебя это не интересует, — с коварной мягкостью заговорила Мэгги, — мне, наоборот, кажется, что на свой лад и ты тоже способна увлечься.

— Оставь при себе свои блестящие анализы, — громко сказала Лизбет. Она отвела в сторону глаза и продолжала тише: — Извини, если я тебе нагрубила, должно быть, я немного раздражена.

Они переглянулись, сдержанно улыгнувшись друг другу и одновременно убрали свои коготки. Чья-то тень промелькнула за шторой. Лизбет вскочила.

— Что случилось? Ты меня испугала, — воскликнула Мэгги.

— Это Арлетт, — ответила Лизбет, — я жду ее, мне надо с ней поговорить.

Она вышла, хлопнув дверью.

Мэгги подложила руки под голову и снова вытянулась. «Как Лизбет может быть утомительна, бравируя своей мужеподобной наглостью! Кажется, ей упорно хочется доказать, что она — мужчина. Арлетт и я, мы обе одинаковые, маленькие и женственные. Не удивительно, что Севилла набросился на нее, когда я его отвадила». Мэгги потянулась, закрыла глаза: перед ней на кровати сидел Боб, такой элегантный, такой утонченный, — он никогда не клал ногу на ногу; он выпрямился во весь рост, высокий, изысканный, как все длинноногие мужчины; он был во фраке, в ослепительно белой манишке, темные волосы на кра-

сивой и породистой голове были набриолиненны. Он подал ей руку; ее окутывало восхитительное облако фаты, они выходили из церкви; чтобы обвенчаться с ним, она должна была переменить веру; тетя Агата, обессилев, сидела в старом кожаном денверском кресле, а она — у ее ног, пытаясь ее утешить: «Мэгги, не говори мне, что ты обвенчаешься по обрядам этих папистов». — «Мы с Бобом вместе переменяли веру, отец Donovan благословил нас. Голубоглазый, с крепкими, белыми, кривыми зубами ирландца, отец Donovan был очень добр; церковь — новая, сверкающая белизной; я появляюсь на паперти, маленькая и изящная в своей белой фате, и рядом со мной Боб, такой красивый, такой стройный, моя рука дрожит в его руке, мы страшно взволнованы, щелкают фотоаппараты, подходит Севилла, он в куртке, у него седые виски и лицо кастильского дворянина. «Мэгги, — дрожащим голосом обращается он ко мне, — желаю вам всего...» Договорить ему не удастся, губы его сжимаются, я вижу в его черных глазах слезы. В это мгновение Арлетт бросает на него взгляд и обо всем догадывается, ее лицо сразу же дурнеет и блекнет, становится старым и вульгарным, я испытываю к ней огромную жалость, сжимаю Севиллу руку и шепчу на ухо: «Амиго, если вы меня любите, подумайте о ней».

Арлетт встала.

— Садитесь, Лизбет, — указала она на стул.

Сама она с терпеливым и сдержанным видом устроилась на другом стуле метрах в двух от Лизбет. Лизбет смотрела на Арлетт, она оробела; грация ее всегда пугала. А каждый изгиб тела Арлетт обладал таким редким совершенством, она была такой маленькой и хорошенькой, что охватывало желание взять ее, как ребенка, на колени. От нее, как от ребенка, исходило очарование недоступности. Молча она смотрела на вас своими спокойными глазами, даже то, как она молчала, составляло часть ее тайны. Она была такой милой и простой, что с первого взгляда казалось, будто к ней легко подступиться. Но так только казалось.

Она словно пряталась в крепости безмолвия. Но не только это. Лизбет чувствовала, что Арлетт навсегда останется для нее недостижимой. У Лизбет возникало ощущение, будто Арлетт укрывают мощные стены, за которыми она живет со своей улыбкой, глазами и красивым телом в грубом мире мужчин.

— Арлетт, — заговорила Лизбет тихим, дрожащим голосом, — мне ужасно неприятно вмешиваться в чужие дела, но в конце концов вы знаете, как я люблю вас. Мы подруги, я должна все вам высказать. Я не выполнила бы своего долга, если бы, глядя, как вы вступаете на опасный путь, не крикнула бы вам: «Берегись!» Вы сами должны ясно отдавать себе отчет, что путь, который вы выбрали, ведет в тупик. Одно дело, если б это был какой-нибудь ваш ровесник вроде Майкла или Питера. Подумали ль вы, что он старше вас на двадцать пять лет, — когда вам будет сорок, ему будет шестьдесят пять, когда вам будет пятьдесят, ему — семьдесят пять. Это безумие, простые цифры это доказывают.

Арлетт недоуменно взглянула на нее.

— О, я хорошо знаю, вы сейчас будете приводить мне библейские примеры, скажете, что в пятьдесят лет и вы уже будете не слишком молодой и что женщина, между прочим, стареет быстрее мужчины, однако с арифметикой ничего не поделаешь. Арлетт, столь колоссальная разница в возрасте заранее обрекает эту затею на неудачу. Выслушайте меня, Арлетт, прошу вас, ведь все-таки это неприлично, он мог бы быть вашим отцом. Вы можете ответить на это, что он все-таки вам не отец, но скандальный характер вашей связи от того не меняется. Извините меня, я не ханжа, но это просто отвратительно. Нет, Арлетт, вы ни за что не убедите меня, будто вы любите мужчину его возраста, или же вы не знаете, что такое любовь. Напрасно вы улыбаетесь, Арлетт, вы не знаете любви, вы не можете ее знать. Поверьте мне, вот уже две недели, днем и ночью, я мучаюсь, из-за вас я глаз не могу сомкнуть. У меня сердце разрывается, когда я вижу, как вы зря отдаете лучшее, что у вас есть, — вашу молодость; вы себя растрачиваете — вот в чем

правда, а он играет вашей жизнью. Если бы еще речь шла о серьезном человеке, но ведь он католик, бабник, страдает комплексом сексуальной неустойчивости, его интерес к женщине длится не дольше нескольких недель. Вспомните, пожалуйста, миссис Фергюсон, как он без памяти влюбился в нее и как грубо затем порвал с ней. Несчастливая звонила каждый день. Вас ждет та же участь, Арлетт, это же ясно. Вы сами должны понимать, что для него вы всегда будете просто одной из многих. Арлетт, заклиная вас, возьмите себя в руки, откройте глаза и поймите, что для него вы всего лишь игрушка. Он сломает вас и выбросит; насладившись вашей свежестью, он будет искать себе другие игрушки, чтобы усиливать, как он выражается, свои творческие порывы. Не говорите мне, что вы уважаете этого человека, я никогда не поверю, что вы, такая изысканная девушка, можете восхищаться легкомысленным, слабым, ленивым мужчиной, даже если ему и удастся скрывать свои недостатки за броской внешностью.

Арлетт взглянула на часы, посмотрела на Лизбет и, поднимаясь, спокойно сказала:

— Уже почти восемь, извините, мне пора одеваться к ужину.

— Вы меня не слушали! — сдавленным голосом вскрикнула Лизбет.

— Наоборот, — ответила Арлетт, — я вас выслушала очень внимательно. Чтобы меня убедить, вы использовали два взаимоуничтожающих аргумента.

— Что значит «взаимоуничтожающих»?

— А то и значит, — отчетливо продолжала Арлетт, — что если я должна через несколько месяцев, даже несколько недель, быть выброшена, как сломанная игрушка, то вы, конечно, согласитесь, что проблема старости вовсе не возникнет. Если, напротив, сегодняшняя ситуация сохранится и тогда, когда мне будет пятьдесят, то о сексуальной неустойчивости и речи быть не может.

— Ах, вы уже рассуждаете как он! — воскликнула Лизбет, бросаясь из комнаты Арлетт с выражением отчаяния в глазах.

ОПЫТ 5 ИЮНЯ 1970 ГОДА

(Отчет, продиктованный профессором Севиллой)

Иван и Бесси не получили рыбы ни в 11, ни в 18 часов и на весь день подвергнуты домашнему аресту: никто не должен попадаться на глаза дельфинам. Однако с помощью заранее установленного на иллюминаторе зеркала без амальгамы наблюдение за парой продолжается, а дельфины не имеют возможности видеть наблюдателя. Причем различные издаваемые ими как под водой, так и на воздухе звуки записываются.

В полдень Иван и Бесси проявляют признаки волнения. В 12.10 Иван высовывает из воды голову и несколько раз настойчиво зовет: «Па». В 12.30 почти все его тело появляется над водой, и он, удерживаясь в этой позе сильными движениями хвоста и пятясь назад, оглядывается во все стороны, явно в надежде заметить возле бассейна кого-нибудь из сотрудников. Я в бинокль наблюдаю за ним из-за пластинчатой шторы своего кабинета. Он пять раз громко кричит: «Fish!»* В 13 часов он в той же позе снова появляется. Но, оглядевшись, без крика исчезает под водой. Несомненно, он считает, что кричать не стоит, раз никого нет.

С 11 до 13 Бесси обменивается с Иваном серией крайне оживленных свистов, но над водой ни разу не показывается. В этой супружеской паре именно на Ивана возложена обязанность общаться с людьми. Бесси настроена не враждебно, но очень сдержанно, и за три недели мы ни на шаг не продвинулись в наших стараниях сделать ее общительнее.

С 13 до 18 часов Иван и Бесси снова предаются своим привычным играм.

В 18 часов (время второй выдачи корма) беспокойство возобновляется. Трижды, в 18.11, 18.26 и 18.45, Иван, как и в первый раз, высовывается из воды, оглядывается, но ничего не говорит. В 18.52 он опять показывается над водой и очень резким, пронзительным голосом кричит: «Па!»

* Fish (англ.) — рыба.

Я решаю появиться. Он замечает меня прежде, чем я подхожу к бассейну, и кричит: «Fish!». Подхожу ближе. Вот наш разговор:

Севи́лла: Фа, что ты хочешь? *

Иван: 'ба!

Севи́лла: Послушай!

Иван: Шай!

Севи́лла: Па даст рыбу вечером.

Иван: 'ром!

Севи́лла. Да. Па даст рыбу вечером.

Иван: 'кэй (вместо о'кэй).

Тут я пытаюсь начать с ним игру. Бросаю ему мяч и прошу:

— Фа, принеси мяч!

Но он тотчас исчезает под водой и подплывает к Бесси. У него есть мое обещание, и ему этого достаточно. Зато между Бесси и Иваном происходит оживленный обмен свистами. Бесспорно, он сообщает ей, что они получают еду вечером.

С наступлением темноты я появляюсь с ведром рыбы и располагаюсь на одном из плотов. Сразу же подплывает Иван. Восторженные свисты и разные звуки. Бесси тоже подплывает, но держится поодаль, метрах в двух. Я беру рыбку и говорю:

— Фа дает рыбу Би!

Он говорит «Би», хватая рыбку и несет ее Бесси. Беру другую рыбку и показываю ему:

— Рыба для Фа!

Он повторяет «Фа», хватая и проглатывает рыбку.

Так я продолжаю, чередуя рыбку для Би и рыбку для Фа, затем нарочно ошибаюсь и даю ему подряд две рыбки. Он тут же очень энергично исправляет меня, крича «Би», и отдает рыбку Бесси.

Закончив кормление, я прошу Арлетт дать мне ее транзистор, показываю его Ивану и спрашиваю:

* Английская речь, которой пользуется профессор Севи́лла, обращаясь к Ивану, упрощена и с точки зрения грамматики не совсем правильна. (Прим. автора.) Мы даем русский перевод этой упрощенной английской речи. (Прим. переводчиков.)

— Фа хочет музыки?

(До 6 мая он, едва заведя кого-нибудь из нас с транзистором в руках, кричал «'ка!».)

Однако он отказывается от этого соблазна, погружается в воду и снова начинает играть с Бесси. Она не съела свою последнюю рыбку, и они делают вид, будто вырывают ее друг у друга. Несколько раз я его зову — безуспешно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Голодовка, как и было предусмотрено, вызвала необходимость контакта. Первый обнадёживающий вывод опыта: Иван не забыл свой английский. Он понял все мои фразы, произнес семь слов: «Па, рыба *», 'шай (вместо «послушай»), 'ром (вместо «вечером»), 'кэй (вместо «о'кэй»), Би (вместо «Бесси»), Фа (вместо «Иван»). Зато с очевидностью обнаружился факт, гораздо менее удовлетворительный. Иван сознательно ограничил контакт с нами лишь самым необходимым. Наверное, он догадался, что голодовка была своеобразным шантажом, чтобы вынудить его возобновить диалог. Если так, то он «надул» нас: он добился своей рыбы с помощью минимума слов. Может быть, нам следовало бы изменить наши умственные стереотипы в отношении Ивана, стараться обращаться с ним как с личностью и пытаться убедить его разговаривать с нами, вместо того чтобы принуждать его к этому механическими способами.

Опыт надо будет повторить для подтверждения или опровержения изложенных выше наблюдений. Но я жду от него лишь незначительных результатов.

— Не заблуждайся на этот счет, — сказал Майкл, — я отказываюсь идти на военную службу не по религиозным мотивам.

Он лежал на животе на раскаленном песке, поло-

* Рыба по-англ. fish; один слог. (Прим. переводчиков.)

жив голову на руку и повернув лицо к Питеру. Сюзи сидела по другую сторону Питера и не отрывала глаз от моря. Прибой был слабый, океан от берега до горизонта заполняли три параллельные полосы — белесая, иссиня-черная и цвета бордо. Было очень жарко, сквозь легкую светло-серую дымку сильно припекали лучи солнца. Даже в воде не возникало никакого ощущения свежести. Но так приятно было сидеть здесь, с Питером и Майком, слушать, как Майк рассказывает о своих проблемах. Через голову Питера Сюзи мельком взглянула на него: «Майк красив, он так верит во все, о чем говорит, он пылает, живет лишь ради своих идей. И по сути дела, наверное, именно поэтому я в него не влюблена, ведь я не нужна ему». Она посмотрела на огромные розовые облака, застывшие на горизонте не в горизонтальном положении, а вертикально, ярусами, словно вздутия атомного гриба: «Если Майк не ошибается, будущее не слишком успокоительно».

Питер лежал на спине между Сюзи и Майком, ладонью левой руки защищая глаза от белесого марева, а правую положив Сюзи на руку, трепетавшую под его ладонью, как теплый зверек. Он пытался прислушиваться к тому, что говорил Майкл, но время от времени поворачивал голову вправо и смотрел на Сюзи. Она сидела лицом к морю, и он видел ее красивый профиль; черты ее лица были безукоризненно правильными, и эта правильность успокаивала. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы сразу почувствовать, что она не смогла бы предать друга, лгать о своих чувствах или не сдержат слово. Всякий раз, когда он чуть настойчивее смотрел на нее, он был уверен, что их взгляды встретятся. Она совсем не похожа на других девушек, не ищет никаких выгод; она всегда все ему простит, умная и спокойная, она будет вместе с ним всегда, до последнего дня вселенской катастрофы, а она наступит не завтра. «Бедняга Майк, вечно пророчит катастрофы. А я в них абсолютно не верю. Мы слишком богаты, сильны и счастливы, чтобы объявить войну кому бы то ни было, а кто же осмелится объявить ее нам? Боже мой! — он взглянул на Сюзи и вдруг

изумился. — Она настолько меньше, легче и слабее меня, и, несмотря на это, ее ручка, накрытая моей лапой, придает мне необыкновенную уверенность».

— К тому же я не сторонник непротивления злу, — тихо сказал Майкл, нахмурив брови и задумчиво склонив на плечо черноволосую голову.

«У него вдохновенные глаза, — подумала Сюзи, — и вид архангела, всегда готового обнажить меч и пострадать за правое дело».

— Непротивленец, — продолжал Майкл, — совсем не приемлет войну, а я ее приемлю: во время второй мировой войны я бы с радостью пошел в солдаты. Тогда агрессорами были Япония и нацистская Германия.

Питер приподнялся на локте, он смотрел, как набегающая волна закруглилась, а возвратная с каким-то всхлипом откатилась по отлогому песчаному скату. Отступая, она натолкнулась на встречную волну, та вздыбилась, поглотила ее, образовала гребень и с силой обрушилась на берег, белая сверху, сине-зеленая внизу. «Он совсем спятил, старик Майк, война во Вьетнаме его доконала, он уже не может думать ни о чем другом». Питер оперся руками на бедра, небрежно вытянул длинные ноги.

— Во всяком случае, — добродушно заметил он, — перед тобой эта проблема не стоит, ты работаешь в лаборатории, субсидируемой государственным ведомством.

Помолчав немного, Майкл ответил:

— Я думаю уйти из лаборатории и открыто поставить проблему, отказавшись принять повестку.

Питер живо повернулся к нему:

— Уйти из лаборатории! Но это же глупо! Ведь мы занимаемся интереснейшими вещами!

Майкл кивнул:

— Все, что мы делаем, захватывающе интересно, но мы работаем на войну.

— На войну? — удивилась Сюзи.

Майкл взглянул на нее и улыбнулся.

— Дельфинов, — сказала Сюзи, — можно использовать в мирных целях.

Майкл покачал головой:

— Да, можно и в мирных. Сюзи, — продолжал он, — я понимаю, что ты не сопоставляла эксперименты, о которых тебе тем не менее так же хорошо известно, как и мне. В Пойнт-Мугу на дельфина надевают упряжь, после чего его тренируют: отпускают в открытое море и учат возвращаться к дрессировщикам. В Чайна-Лэйк дельфина учат отличать на корпусе корабля медную пластинку от алюминиевой. Мы же — гвоздь всей этой программы — пытаемся научить Фа говорить. Предположим, нам это удалось, к чему это приведет? К тому, что Фа отправят стажироваться сперва в Пойнт-Мугу, а потом для завершения образования в Чайна-Лэйк. После чего на него надевают упряжь, а это, Сюзи, солдатский ранец.

— И что же? — спросил Питер. — Что в этом плохого?

Майкл промолчал.

— В этом ничего плохого нет, — медленно ответил Майкл, — если война, в которой мы намереваемся их использовать, будет справедливой.

— А она таковой не будет? — с улыбкой спросил Питер. — Что же тебя заставляет так думать?

— Современное положение.

— Какое положение?

— Питер, — сказал Майкл, серьезно глядя на него, — просто невероятно, до какой степени ты невежда в современной политике! Ты все еще веришь в образ благородной Америки, побеждающей злобных нацистов и громящей японских милитаристов.

Он помолчал и, сдерживая презрение, сказал:

— Теперь агрессоры — мы. Когда я говорю «теперь», — продолжал он через некоторое время, — не понимай это буквально. Американский экспансионизм, по сути, возник в начале века; мне нет нужды напоминать тебе о наших агрессивных войнах против Мексики и Испании.

— Слушай, Майк, — раздраженно перебил его Питер, — я, может быть, не такой уж невежда, как ты думаешь, в современной политике. И я готов согласиться с тобой: вероятно, наша экспансия и в самом

деле одна из форм колонизации, но и в этом случае она, во-первых, неизбежна, а во-вторых, лучше, если это будем делать мы, чем русские или китайцы.

— Все это, — заметил Майк, — называется «политическим реализмом», и как раз во имя этого реализма Гитлер пытался покорить Европу.

— Ты сравниваешь нас с Гитлером! Ты отдаешь себе отчет в своих словах?

— Отдаю. То, что Гитлер, с его не такими уж большими возможностями, делал с откровенным цинизмом, мы, обладая колоссальными средствами, осуществляем во имя морали.

— Это неизбежно, — сказал Питер, схватив горсть песка и просеивая его меж пальцев. — Мы — самый богатый, самый сильный, лучше всех вооруженный, технически самый развитый народ.

— Это не аргумент, — твердо возразила Сюзи.

Наступило молчание. Питер посмотрел на Сюзи, помедлил в нерешительности и продолжал:

— В конце концов мы несем цивилизацию народам, ответственность за судьбы которых мы берем на себя.

— Ничего подобного мы не делаем, — возмутился Майкл. — Мы ставим над ними кровавых диктаторов и держим эти народы в нищете.

— В нищете? — с иронией переспросил Питер. — А по-моему, мы их просто ничкаем долларами.

Майкл пожал плечами:

— Доллары идут правителям, а уделом народа остается нищета. Взгляни, что происходит в странах Латинской Америки. Наложив лапу на их сырье и наводняя их рынки нашими товарами, мы обрекаем народы этих стран на жалкое существование.

После довольно долгого молчания Питер насмешливо заметил:

— Майк, ты рассуждаешь как коммунист.

Майкл развел руками и брезгливо поморщился:

— И ты туда же.

Сюзи взглянула на Питера, затем вынула свою руку из его рук и встала на колени.

— Ты не имеешь права говорить так, — сердито сказала она.

Питер насупился и отвернулся.

— Да ведь я пошутил, — ответил он смущенно и раздосадованно.

— В том-то и дело, — укоризненно заметила Сюзи. — Разве нельзя поговорить серьезно?

— Прекрасно! — обиженным тоном воскликнул Питер. — Поговорим серьезно. Кто начнет?

— Я, — ответила Сюзи.

Наступило молчание. Потом Сюзи села между молодыми людьми, охватив руками колени. Питер, сжав губы, неотрывно смотрел на море.

— Майкл, — начала Сюзи, — предположим, ты не явись на призывной пункт. Чем ты рискуешь?

— Пятью годами тюрьмы и десятью тысячами долларов штрафа.

— Практически ты жертвуешь карьерой ученого.

— Да.

— Какая от этого польза?

— Я доказываю, что война во Вьетнаме несправедлива.

— По-твоему, такое доказательство имеет значение?

— Думаю, что имеет. На людей всегда производит впечатление, когда они видят человека, готового пойти в тюрьму ради идеи.

— Ты не находишь, что все это несколько театрально? — спросил Питер.

— Театральность лишь усиливает впечатление.

Сюзи раздраженно покачала головой.

— Хватит об этом. Во всяком случае, театральность — мелочи, но главное. Майкл, — спросила она, — ты твердо решил?

— В принципе, да, но вот когда, еще не решил.

— Почему?

— Будет страшный скандал, а мне не хотелось бы причинять Севилле неприятности. Нужно, чтоб он успешно завершил эксперимент с Иваном, так как после этого он станет таким знаменитым и влиятельным, что я смогу делать все, что захочу, и скандал его не коснется.

— Ты говорил Севилле о своих планах?

— Нет. Севилла не чувствует, что Вьетнам и к нему имеет отношение. Но я убежден, что, как только я сяду в тюрьму, он задумается о вьетнамской проблеме.

— И станет сторонником твоих взглядов?

— Надеюсь. Понятно, если я выбираю тюрьму, то лишь затем, чтобы доказать, убедить. И не только Севиллу. Однако я должен тебе сказать, никого мне не хотелось бы до такой степени убедить, как его.

— Почему именно его?

— Да потому, что он — человек, который полон внутреннего света... И еще потому, что я его очень люблю, — как-то робко, вполголоса прибавил Майкл.

— Как по-твоему, — спросила Сюзи, — почему Севиллу не волнуют эти проблемы?

— Он не знает о них.

— Я полагаю, — вмешался Питер, — что он полный невежда в современной политике.

— Замолчи, пожалуйста, Питер, — попросила Сюзи.

— Я цитировал Майка. Я хорошо усвоил его лекцию.

— Я тебе лекции не читал.

— Нет, читал! В трех частях. С моралью в заключение.

— Питер! — крикнула Сюзи.

— О'кэй! — отвернулся Питер. — Раз я вам больше не правлюсь, — равнодушно прибавил он, — пойду купаться.

Он вскочил, в несколько прыжков преодолел отделявшее его от воды расстояние и яростно нырнул в волну.

Через секунду он вынырнул и кролем поплыл в открытое море. Плывать, плывать до изнеможения, потом, открыв рот, пойти ко дну, короткое мгновение агонии — и все будет кончено. Несколькими минутами ранее он был так счастлив, и вдруг — мгновение, несколько слов, и все потеряно. Нет, ему больше не хотелось думать; его тело скользило в воде, он отрегулировал дыхание и плыл кролем с какой-то механи-

ческой размеренностью, но движение нисколько не облегчало мучительные боли в голове. Он потерял, потерял все, теперь он так же одинок и заброшен, как бездомный пес. Он снова увидел устремленные на него глаза Сюзи: «Замолчи, Питер!» Как будто она дала ему пощечину. Он чувствовал силу своих мышц и быстроту своего кроля, но, несмотря на здоровое тело, ощущал себя слабым, безвольным. Стыдясь, он подавил неудержимое желание заплакать. Неожиданно он с бешеным подумал: «Ну на кой черт мне этот Вьетнам и война! И кому нужно, если и я заставлю посадить себя в тюрьму? Что значу я, один против Соединенных Штатов и тех, кто ими руководит? Щенок, мнения которого не спросят, если захотят утопить». Я потерял ее, — думал он, — она меня презирает». Казалось, что голова вдруг раскололась надвое, боль отняла у него способность чувствовать, словно его оглушили. Он перестал плыть и повернулся лицом к пляжу. Майкл и Сюзи стояли, рядом с ними — Севи́лла, они махали ему руками. Увидев Севи́ллу, Питер почувствовал необыкновенное облегчение. Из всех сил он поплыл к берегу. Прошли секунды, кто-то схватил его за руку, потом за шею. Это была Сюзи, ее лицо, покрытое искрящимися капельками, показалось над водой, и он, стоя в волнах, метрах в двадцати от берега, едва доставая ногами до дна, держал ее на руках, с тревогой вглядываясь в черты ее лица.

— Севи́лла пришел за нами, — сказала Сюзи, — ему кажется, что он нашел решение. Мы ему нужны, чтобы сделать одно приспособление.

Она смотрела на него, улыбалась ему нежно, по-матерински. Он прижался своей большой белокурой головой к ее голове и закрыл глаза.

Придуманное профессором Севи́ллой приспособление предназначалось для того, чтобы разгородить бассейн, где находились Фа и Би. Севи́лла хотел построить его из дерева, сделать его очень прочным и оставить сбоку довольно широкое отверстие, закрываемое скользящей по вертикали дверью, которую могла опускать и

поднимать лебедка. Концы толстых деревянных балок, составляющих осто́в перегородки, были залиты бетоном, а сама она была изготовлена из 35-миллиметровой морской фанеры, привинченной и прибитой к балкам. Так как и речи не могло быть о том, чтобы на время строительства перегородки спустить воду из бассейна, Питер для работы под водой надел скафандр. Фа это послужило поводом для множества шуток, из которых чаще всего повторялась следующая: Фа подплывал сзади и головой слегка толкал Питера в спину, отчего тот терял равновесие и падал на дно. Иногда же Фа, увидев, что Питер привинчивает планку, хватал ртом его руку с отверткой и не отпускал ее, затем делал вид, будто разжимает челюсти, но едва Питер пытался высвободить руку, сразу же снова их сжимал. Поиграв так минут десять, Фа отплывал в сторону, красовался перед Бесси и обменивался с ней веселыми свистами. Сама Бесси не принимала никакого участия в этих проделках, но они, казалось, забавляли ее. Ее поведение, по мнению Сюзи, напоминало поведение матери, гордо и снисходительно смотрящей на шалости сына.

После целого дня этих утомительных шуток в воду, наконец, бросили сеть, которой Боб и Майкл, держа ее за концы, маневрировали, чтобы отделить Фа от Питера. Фа сразу же вошел в игру и испробовал все свои трюки, стремясь преодолеть препятствие, либо снизу, не обращая внимания на лавящие ему грузила, либо прыгая вверх. Он, бесспорно, вышел бы победителем из этого состязания, если бы Бесси, едва завидев сеть, не укрылась на другом конце бассейна, испуская такие частые сигналы бедствия, что Фа в конце концов вынужден был поспешить к ней, чтобы ее утешить. Бесси словно парализовало, она склоняла голову налево, потом направо, едва двигая хвостом и испуская невероятно резкие свисты. Сеть, несомненно, напомнила Бесси об обстоятельствах, при которых ее поймали, и, судя по волнению дельфинки, лимка эта, должно быть, протекала крайне тяжело. С этой минуты стала понятнее неестественная робость дельфинки в отношениях с людьми.

Когда перегородка была готова, дверь вставили в пазы; лебедка удерживала дверь в верхнем положении, не давая ей соскользнуть вниз. Севилла знал, что дельфин неохотно проплывает в узкие проходы, поскольку дельфин помнит о естественных ловушках между скалами или о неудачных драках на ограниченном пространстве. Он учел эту неприязнь дельфинов, сделав отверстие больших размеров. Он также велел тщательно обложить с обеих сторон перегородку и дверь стеклянной ватой, обив ее сверху пластиком. Севилла предвидел, что Фа попытается разрушить перегородку ударами головы или, точнее, подбородка. Он решил сделать ее достаточно прочной для того, чтобы она выдержала чудовищные таранные удары дельфина — ведь одним таким ударом он может прикончить акулу, — однако при этом Севилла не хотел, чтобы разъяренный Фа разбился. Поэтому и обивка верхней части, которая возвышалась над водой на добрых два метра, чтобы не дать Фа возможности перепрыгнуть ее, была толще. Севилла полагал, что в своих отчаянных попытках перебраться на ту сторону Фа наверняка будет ударяться об эту надстройку.

Севилла переоценил недоверчивость Фа. Не прошло и часа после установки перегородки, как Фа проплыл в оставленное для него отверстие, сделал круг по второй половине бассейна и вернулся к Бесси. После этого между ними состоялся бурный обмен свистами, словно она отвергла его приглашение последовать за ним и своим отказом его рассердила. Он снова проплыл в отверстие, затем обернулся и позвал ее, но безуспешно. Тогда он, кажется, решил на нее рассердиться и сделал несколько кругов на своей половине бассейна, не возвращаясь на ее половину. Этот маневр взволновал Бесси — слышались ее жалобные призывы. Но даже и тут она не смогла победить свою робость.

Так как плохое настроение Фа не проходило, Севилла решил воспользоваться им и сразу же начать опыт. Он дал знак Майклу, тот пустил в ход лебедку, дверь плавно скользнула вниз и закрыла отверстие: Фа и Бесси были разлучены. Севилла взглянул на часы и громко сказал:

— 14 часов 16 минут. — Затем с некоторой торжественностью повторил: — 12 июня 1970 года, 14 часов 16 минут.

Он оглядел своих сотрудников, взволнованные и молчаливые, они стояли по обе стороны бассейна.

Фа находился к отверстию хвостом, когда опустилась дверь. Так как ее нижняя часть уже была погружена в воду, всплеска не последовало, дверь соскользнула неслышно, лишь глухо стукнувшись о паз на дне. Фа не заметил, как упала дверь, и, только обернувшись, увидел, что отверстие, через которое он приплыл, закрыто стеной, совершенно неотличимой от остальной перегородки. Он замер, в нерешительности поводя головой из стороны в сторону, чтобы лучше оглядеться, потом медленно приблизился к двери и снизу доверху тщательно ее обследовал. Он не произнес ни звука. Закончив осмотр, он с той же тщательностью исследовал все препятствие справа налево. Затем он отплыл назад, высунув почти все свое тело из воды, и, удерживаясь движениями хвоста в таком положении, оценил высоту перегородки над уровнем бассейна. После чего он сделал несколько кругов по своей части бассейна. Ни на секунду спокойствие и уверенность в себе не изменили ему. Просто перед ним возникла новая проблема, и он размышлял, стараясь ее решить.

Бесси сразу же реагировала совсем иначе. Она смогла на угрожающую дыру, где исчез Фа, и видела, как опускалась дверь, которая отделила его от нее. В ту же секунду она сочла его погибшим и, не скрывая своего отчаяния, заметалась на своей половине бассейна, жалобно зовя на помощь.

Ее призывы немедленно действовали на Фа. Он издал несколько успокаивающих свистов, несколько раз подряд выскакивал из воды, пытаясь увидеть Бесси, и, не преуспев в этом, решил перейти к действиям. Он сосредоточил все свои усилия именно на двери, то ли потому, что увидел в ней слабейший участок, то ли потому, что, выломав ее, хотел снова отыскать проход, через который он попал сюда. Он расположился в конце бассейна, выгнув спину, набирая

воздух, замер и, с ошеломляющей скоростью сорвавшись с места, бросился на препятствие, выставив вперед подбородок. Этот таранный удар был настолько силен, что дверь ходуном заходила в пазах, но сами пазы, широкие и крепко привинченные к раме медными болтами, не поддались.

— Сейчас он начнет все сначала, — сдавленным голосом проговорил Севилла.

Майкл взглянул на Севиллу и заметил, как мучительно исказились черты его лица.

— Я рад, что мы обили дверь, — сказал Севилла.

Он заметил, что его руки дрожат, и сунул их в карманы.

— Но все равно боюсь, как бы он не разбился.

Арлетт не отрывала глаз от Севиллы, она прекрасно понимала, что он сейчас переживает, и в тот момент, когда он спрятал руки в карманы, ей захотелось обнять и прижать к груди его голову.

— Надеюсь, — с сомнением спросила Сюзи, — Иван в состоянии регулировать силу своих ударов?

— Конечно, — ответил Севилла. — Но скоро для него наступит очень опасный момент. Когда он убедится, что ему ничего не сделать с этой перегородкой.

Питер заморгал, посмотрел на Сюзи и спросил:

— Вы хотите сказать, что он может покончить с собой, не вынеся потери Сюзи?

— Вы хотите сказать — Бесси? — улыбнулась Арлетт.

— Да, конечно, Бесси. Ну и дурак же я.

— Боюсь, что я не смогу помешать ему разбиться, — признался Севилла. — Мне кажется, я играю его жизнью.

— И вас это смущает — играть его жизнью? — неожиданно спросила Лизбет с такой злостью в голосе, что Севилла вздрогнул.

Он хотел что-то сказать, но передумал, промолчал и продолжал стоять неподвижно, держа руки в карманах, не отрывая глаз от Ивана.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мне не нравится ваш тон, — спокойно сказал Севилла, по-прежнему неотрывно глядя на Ивана, —

поэтому я вам и не ответил. А сейчас, — усталым голосом продолжал он и слабо махнул рукой, словно отгоняя муху, — я был бы вам признателен, если бы вы помолчали; мне необходимо сосредоточиться, чтобы следить за опытом.

— Вы приказываете мне молчать?! — возмутилась Лизбет.

— Я выразился иначе, но если вы так хотите, это почти одно и то же.

Наступило молчание.

— В таком случае мне больше нечего здесь делать, — сказала Лизбет, резко повернувшись.

— Вы находитесь на работе, — заметил Севилла.

Он произнес эту фразу совершенно спокойно, не повышая тона, но в голосе его прозвучало что-то резкое.

— Я уже не на работе, — не оборачиваясь, ответила Лизбет. — Я ухожу из лаборатории.

— Пока я не дал на это согласия, вы должны исполнять свои обязанности.

— А вы согласитесь? — спросила Лизбет, останавливаясь и с ненавистью глядя на Севиллу.

— Подайте мне письменное заявление, — ледяным тоном ответил Севилла, — я вам сообщу о своем решении.

— Какое лицемерие! — воскликнула Лизбет.

Она повернулась к нему спиной и ушла, Севилла проводил глазами ее мощные плечи и вздохнул. С Лизбет покончено. Это произошло слишком быстро и слишком рано, однако теперь, когда дело было сделано, он почувствовал облегчение.

Фа перестал кружить на своей половине бассейна, набрал воздуха, замер и снова как снаряд бросился на дверь. Она лишь слегка вздрогнула. Тогда Фа опять закружился по бассейну. Прошло несколько секунд, и из-за перегородки вновь послышались жалобные призывы Бесси. Фа тут же принял вертикальное положение и в такой позе дошел до края бассейна, однако он, должно быть, подумал, что прыжок через эту преграду невозможен, так как рухнул в воду и, выставив подбородок, снова кинулся на дверь. Вслед за этим он

долго пересвистывался с Бесси и после некоторого затишья, которое могло показаться отдыхом, в третий раз нанес по двери мощный удар. На десятый раз стало ясно, что он уже не надеялся высадить дверь одним махом, а решил взять ее длительной осадой. Видно было, что он действовал по определенному плану, ни на секунду не теряя поразительнейшего хладнокровия.

— 15.20, — сказал Севилла. — Больше часа он бьется об эту дверь. И не выглядит усталым. Это будет продолжаться долго.

Арлетт кивнула.

— Одно меня удивляет, — сказала она. — Он реагировал, как разумное существо, спокойно, осматривательно и вовсе без панического ужаса попавшего в западню животного.

— Я с вами согласен, — сказал Майкл. — Но мне все же думается, что вы переоцениваете разум Фа. Человек уже давно бы убедился, что его усилия напрасны.

— Фа в этом не может убедиться, — живо возразила Сюзи. — Он не знает, что такое дверь, ему даже не известно, что такое дерево, впервые в жизни он сталкивается с веществами, которые ему совершенно незнакомы. Каким образом он может представить себе степень их прочности?

Севилла посмотрел на Сюзи:

— Согласен с вами, Сюзи. Откуда ему знать прочность дерева, пока он не подвергнул ее испытанию? Я думаю, тем не менее, он быстро поймет, что не может разрушить преграду.

— А как мы об этом узнаем, — спросила Сюзи, — по его растерянности, отчаянию?

Севилла отрицательно покачал головой.

— Я за него очень боялся, но сейчас боюсь гораздо меньше. Я просто потрясен его спокойствием. По-моему, о том, что он отказывается от всяких попыток разрушить перегородку, мы узнаем тогда, когда он обратится к нам, чтобы разрешить свою задачу.

В это мгновение Фа высунул голову из воды и пронзительным голосом крикнул:

— Па!

Севилла, находившийся на другом краю этой части бассейна, быстро подошел к Фа и, сделав сотруднику рукой знак молчать, склонился к воде.

— Да, Фа, что ты хочешь? *

Прошла долгая томительная секунда, и вдруг раздался необыкновенно громкий ответ — губной звук «б» в слове «Би» прозвучал сильно, взрывчато, «и» — протяжно, как свист.

— Би-и-и-и!..

Не сводя глаз с Фа, Севилла сделал правой рукой тот же знак молчать и ничего не ответил. Даже смуглая кожа не могла скрыть его бледности, черты лица мучительно исказились, на лбу выступили капли пота.

Фа повертел головой направо и налево, чтобы лучше видеть Севиллу, и повторил, так же громко произнеся взрывное «б»:

— Би-и-и-и!

Севилла молчал. Сделав резкий удар хвостом по воде, Фа подплыл к стенке бассейна и, как он привык это делать до появления Бесси, высунул голову из воды и положил ее на борт бассейна.

— Па!

— Да, Фа? — спросил Севилла, присев на корточки и глядя его по голове.

— Би-и-и-и!

Севилла молчал. Фа уставился на него глазом, в котором читалось удивление.

— Па!

— Да, Фа?

— Би-и-и-и!

Севилла не отвечал.

Вдруг Фа спросил:

— 'нял? **

— Нет, — ответил Севилла.

Фа снова с удивлением посмотрел на него и, казалось, о чем-то задумался; затем отчетливо произнес

* В тексте романа разговор Севиллы с Фа ведется на английском языке. (Прим. переводчиков.)

** 'нял? — вместо «понял?»

с паузами в десятую долю секунды между словами:

— Па дает Би!

— Боже мой! — прошептал Севилла.

Он обливался потом, руки его тряслись. Он повторил:

— Па дает Би?

— 'нял? — резким голосом спросил Фа.

— Да.

Фа снял голову с борта и отплыл назад, словно хотел получше разглядеть собеседника.

— Слушай, Фа, — сказал Севилла.

— 'шай, — повторил Фа.

Севилла оперся рукой о борт бассейна и, как будто пытаясь подражать голосу дельфина, неторопливо, резко и отрывисто сказал:

— Фа говорит. (Пауза.) Па дает Би вечером.

— Па дает Би вечером! — выговорил Фа и тут же в порыве небывалой радости повторил: — Вечером!

— Да, Фа, вечером.

Фа высунулся из воды и, повернувшись к переговорке, издал ряд возбужденных свистов. Бесси ему ответила.

— Слушай, Фа, — сказал Севилла.

— 'шай.

— Фа говорит. Па дает Би вечером.

— 'нял! — сразу же сказал Фа.

И он повторил с радостным, ликующим видом:

— Фа говорит. Па дает Би вечером!

Севилла замер.

— 'нял! — крикнул Фа и, сильно ударив хвостом по воде, окатил Севиллу с ног до головы. — 'нял! — повторил он, выпрыгнув в воздух с каким-то похожим на торжествующий смех звуком.

Севилла встал.

— Боже мой, боже мой! — тихо повторял он и смотрел на своих сотрудников, которые, как статуи, замерли вокруг него. Вода текла с него ручьями, он едва мог говорить.

— Боже мой, — говорил он, с трудом выговаривая слова, — мы добились своего, он перешел от слова к

фразе! — И, повернувшись к Фа, заорал, как сумасшедший, размахивая руками: — Па дает Би вечером!

— 'нял! — повторил дельфин, исполнив в воздухе какой-то невероятный прыжок.

7

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ДОПРОСА СЕВИЛЛЫ

АДАМСОМ 26 ДЕКАБРЯ 1970.

Документ 56-278. Приложены 3 фотографии. Секретно.

Адамс. Извините, что я вызвал вас сюда, да еще в разгар зимы. К сожалению, у нас здесь не такой мягкий климат, как во Флориде. Если вы подхватите по моей вине грипп, мне будет весьма неприятно. Сигару?

Севилла. Спасибо, мистер Адамс, я не курю.

Адамс. Не называйте меня «мистер Адамс». Зовите меня Дэвид. По-моему, нам нет пужды в эти церемониях. Тем более что я отношусь к вам с большой симпатией и — разрешите мне сказать вам об этом — с восхищением. Вы, вероятно, самый умный человек из всех, с кем я когда-либо встречался, и я совсем не уверен, что могу что-нибудь у вас выведать.

Севилла. С таким намерением вы меня и вызвали?

Адамс. Наверное, с моей стороны не так уж умно напрямик объявить вам об этом в самом начале нашего разговора.

Севилла. Кажется, я понимаю, что такова ваша роль.

Адамс. Да. Скажу, чтобы быть точным, что на меня возложена некоторая ответственность по защите младенца, отцом коего вы являетесь.

Севилла. Ему что-нибудь угрожает?

Адамс. Да. (Пауза.) Я говорю об этом с сожалением, но имела место некоторая утечка информации. Русские информированы о части достигнутых вами результатов.

Севила. Боже мой, я... Возможно ли? Извините меня... Для меня это как гром среди ясного неба.

Адамс. Успокойтесь. Я понимаю ваше волнение.

Севила. Но как же это могло случиться? Это не возможно. Что же именно знают русские?

Адамс. Послушайте, давайте действовать по порядку. Разрешите мне оставить вежливость и прямо задавать вам вопросы.

Севила. Конечно. Задавайте любые вопросы. Я изо всех сил хочу вам помочь.

Адамс. Мне не хотелось бы, чтобы вы обижались на мои вопросы. Скажу еще раз, я отношусь к вам с большой симпатией.

Севила. Я готов отвечать.

Адамс. Итак, начнем с самого начала. 12 июня вы сообщили Лорримеру, что в разработке проекта «Логос» пройден решающий этап: дельфин Иван перешел от слова к фразе. Тогда же вы нам доложили, что два ваших сотрудника, Майкл Джилкрист и Элизабет Доусон, подали заявления об уходе, и вы удовлетворили их просьбы. И здесь, позвольте вам заметить, вы допустили ошибку.

Севила. Удовлетворив их просьбу?

Адамс. Да.

Севила. Не вижу, в чем моя ошибка. Контракт дает мне право принимать и увольнять сотрудников по моему усмотрению.

Адамс. Да, но, видите ли, важно учитывать сам дух контракта, а не те или иные отдельные его параграфы. Контракт — в первую очередь — делает вас ответственным за секретность проекта. Если бы вы поставили нас в известность о заявлениях до того, как согласились на их уход из лаборатории, то мы смогли бы организовать систему наблюдения за обоими уволившимися.

Севила. Я в отчаянии. Я не подумал об этом. Вы подозреваете, что один из них передал информацию?

Адамс. Мы подозреваем всех.

Севила. Вы хотите сказать, всех моих сотрудников?

Адамс. Всех тех, кто так или иначе осведомлен об успехах проекта «Логос».

Севила. В том числе и меня?

Адамс. В определенной мере — да.

Севила. Вы шутите.

Адамс. Нисколько.

Севила. Я... Признаться, этого я никак не ожидал.

Адамс. Сядьте, прошу вас. Я хотел бы, чтобы вы поняли, мой долг — подозревать вас, какова бы ни была моя личная симпатия к вам.

Севила. К черту вашу... Адамс, все это попросту гнусно! У меня нет слов, чтобы определить эту...

Адамс. Я удручен, что вы так реагируете на это. Вы обещали отвечать на мои вопросы, но, если вы слишком взволнованы, мы можем отложить нашу беседу до завтра.

Севила. Ни в коем случае. Лучше кончить с этим сразу.

Адамс. Ну что ж, раз вы этого хотите, я перестану ходить вокруг да около. Давайте снова обратимся к фактам: имела место утечка информации о проекте «Логос». Вопрос первый: способствовали ли вы, прямо или косвенно, этому?

Севила. Что за дурацкий вопрос!

Адамс. Обращаю ваше внимание на то, что вы на него не ответили.

Севила. Мой ответ — нет, нет и нет*.

Адамс. Сядьте, прошу вас, и поверьте, что я чувствую себя крайне неловко, задав вам подобный вопрос. Но задавать такие вопросы — моя профессия. Видите ли, странная штука жизнь: в университете я мечтал стать знаменитым психологом, а не сидеть в кабинете, задавая неприятные вопросы великому ученому. Вы разрешите мне продолжать?

Севила. Конечно. Извините, что я сорвался. И я попрошу вас об одном одолжении.

* На трех снятых скрытой камерой фотографиях Севила изображен привставшим с кресла, с гневным лицом, с широко открытыми от гнева глазами, с вздувшимися венами на шее; правой рукой он делает отрицательный жест.

Адамс. Каком?

Севи́лла. Перестаньте постукивать по столу лезвием разрезного ножа.

Адамс. Извините, у меня это старая привычка. Однако, если это вас раздражает, я перестану. Вот, перестал. Итак, продолжим?

Севи́лла. Пожалуйста.

Адамс. Мне хотелось бы получить более точный ответ на мой вопрос. Я вас спросил: способствовали ли вы, прямо или косвенно, утечке информации?

Севи́лла. Нет, ни прямо, ни косвенно.

Адамс. Быть может, отрицая ваше косвенное участие, вы несколько поторопились с ответом?

Севи́лла. Не понимаю.

Адамс. Предположим, что русским передал информацию один из уволившихся. Разве нельзя сказать, что, отпустив их на все четыре стороны, прежде чем мы смогли организовать за ними наблюдение, вы тем самым косвенно содействовали предательству?

Севи́лла. Надо обладать большой недобросовестностью, чтобы утверждать подобное.

Адамс. Почему?

Севи́лла. Потому что это бы значило делать соучастником преступления того, кто всего-навсего допустил оплошность.

Адамс. Вы хотите сказать, что, действуя таким образом, не намеревались укрывать уволившихся от нашего наблюдения.

Севи́лла. Совершенно верно.

Адамс. Тут я должен вам возразить. Возьмем, к примеру, Майкла Джилкриста. 29 мая в разговоре с товарищами в столовой лаборатории он критикует нашу политику во Вьетнаме. Вы в своем кабинете подслушиваете разговор, тотчас же снимаете трубку, вызываете его и уводите прогуляться по дороге. Зачем?

Севи́лла. Чтобы поговорить с ним.

Адамс. Почему же на дороге? Почему не в вашем кабинете?

Севи́лла. Мне совсем не хотелось, чтобы этот разговор был записан на пленку.

Адамс. Почему?

Севи́лла. Я опасался быть скомпрометированным суждениями Майкла, поскольку я же взял его на работу. Я хотел его предупредить частным образом...

Адамс. До того, как наши службы займутся им?

Севи́лла. Да, примерно так.

Адамс. Если не считать мисс Лафэй, то я, думаю, не ошибусь, сказав, что Майкл Джилкрист был вашим любимым сотрудником.

Севи́лла. Не ошибетесь. Меня очень огорчил его уход.

Адамс. Вернемся к вашему разговору с ним на дороге: мне не совсем ясно, почему вы пытались скрыть его от нашего наблюдения.

Севи́лла. Я вам только что это объяснил. Я боялся, что меня скомпрометируют суждения Майкла.

Адамс. Понятно, так по крайней мере вы ему сказали, чтобы вырвать у него обещание молчать. На самом деле вами двигало совершенно иное побуждение. Вовсе не себя вы старались защитить, а Майкла.

Севи́лла. О, не знаю. Может быть. Я об этом не думал.

Адамс. Вы — человек очень умный, однако я не уверен, отдаете ли вы себе отчет в том, какое значение имеет ваш ответ. Вы признались, что помогали политически неблагонадежному человеку, пытаюсь скрыть от нас его взгляды.

Севи́лла. Признался! Мне не в чем признаваться! Вы забываете, что во время этого разговора я не мог знать, что Майкл настолько увлечен своими взглядами, чтобы это привело его к уходу из лаборатории.

Адамс. Тем более вам следовало бы предоставить нам судить об этом.

Севи́лла. Все это, позвольте мне вам об этом сказать, крайне неприятно. Похоже, вы меня обвиняете, с меня хватит.

Адамс. Сядьте, прошу вас, я просто в отчаянии. Поверьте, я предпочел бы беседовать с вами о дельфинологии. Это было бы захватывающе интересно. Знаете, на мой взгляд, вы, впервые осуществив меж-

видовую коммуникацию, продвинули науку далеко вперед. Запись ваших последних бесед с Фа, которую вы нам передали, вызвала восторг Лорримера.

Севи́лла. С тех пор Фа добился большего.

Адамс. Неужели? Мне, однако, кажется, что с 12 июня — ведь именно 12 июня Фа перешел от слова к фразе? — за полгода он и так сделал колоссальные успехи в лексике, синтаксисе, произношении. А согласно вашему последнему докладу Би тоже начала заниматься английским.

Севи́лла. Би его догнала.

Адамс. Невероятно! И вы говорите, что с тех пор Фа добился большего? Я сгораю от любопытства. В конце концов я поверю, что вы научили его читать.

Севи́лла. Во всяком случае, учу.

Адамс. Потрясающе! Я понимаю, для вас большое несчастье, что нельзя предать гласности эти великоленные достижения. В один день вы стали бы самым знаменитым человеком Соединенных Штатов.

Севи́лла. Я никогда не искал известности.

Адамс. Да, знаю. Кстати, мне хотелось бы узнать ваше мнение об одном ученом, чьи работы очень близки к вашим, — Эдварде Е. Лоренсене.

Севи́лла. Лоренсен — отличный исследователь.

Адамс. Меня интересует ваше личное конфиденциальное мнение.

Севи́лла. Я вам его высказал. Лоренсен — отличный исследователь.

Адамс. Но?

Севи́лла. Без «но».

Адамс. Вы отдаете ему должное, но в вашем голосе нет теплоты. Следовательно, у вас есть какая-то оговорка, а как раз она меня и интересует. Послушайте, вы бы мне действительно оказали услугу, проявив ко мне больше доверия. Вы понимаете, конечно, что все сказанное останется между нами.

Севи́лла. Никакой оговорки у меня нет. Дело лишь в том, что Лоренсен исследователь одного типа, а я — другого.

Адамс. Итак, к какому же типу принадлежит Лоренсен?

Севи́лла. Как вам сказать? Он ужаснулся бы, узнав, как я обошелся с Фа.

Адамс. Скажем так, что у него склад ума более традиционный, а у вас — более художественный.

Севи́лла. О, мне не нравится это слово — «художественный». В науке Лоренсен страшно боится скандала, если вы понимаете, что я имею в виду.

Адамс. Да, благодарю вас, понимаю. Все это представляет самый жгучий интерес, и после этого мне совсем неловко возвращаться к этим неприятным вопросам.

Севи́лла. Если я правильно понял, вы мне предоставили маленькую передышку.

Адамс. Меня восхищает ваше чувство юмора.

Севи́лла. Ну что ж, тогда мы квиты: меня восхищает ваше умение обрабатывать своих ближних.

Адамс. По-моему, вы говорите об этом с некоторой горечью.

Севи́лла. Вам она не кажется естественной?

Адамс. Откровенно говоря, кажется. Однако продолжим. Несмотря на препятствие, которое вы воздвигли перед нами, нам удалось вновь установить контакт с Майклом Джилкристом и Элизабет Доусон, и сейчас я рад вам сообщить, что они в наших руках.

Севи́лла. Они в тюрьме?

Адамс. Я не сказал, что в тюрьме. Я сказал, что они в наших руках или, точнее, в руках людей, которые нам первым дадут возможность их допросить.

Севи́лла. Секретный допрос без защитника — это смахивает на инквизицию.

Адамс. Помилуйте, профессор! Не будьте таким резким. Мы живем в стране, где пытки, аресты родственников и пули в затылок — методы недопустимые.

Севи́лла. Надеюсь.

Адамс. Вернемся к нашим пленникам. Наверное, самое время сказать вам, что мы действительно знаем, кто передал русским информацию. Это не Майкл Джилкрист, как мы сначала думали, а Элизабет Доусон.

Севи́лла. Лизбет!.. Но почему она это сделала?

Адамс. Почему она это сделала? В этом вся за-

гвоздка. (Пауза.) Что касается ее, то она утверждает, будто действовала по вашему указанию.

Севила. Гнусная клевета!

Адамс. Вы можете нам это доказать?

Севила. Как, по-вашему, я могу доказать свою невиновность? Я невиновен, вот и все. (Пауза.) Мои отношения с Лизбет стали невыносимыми, вам это известно. Впрочем, у вас в руках стенограммы всех моих разговоров с нею.

Адамс. Нам известны разговоры, которые имели место в лаборатории. Но мы ничего не знаем о беседах, которые вы могли вести с ней в дороге или в неприступном бунгало.

Севила. Мистер Адамс, вы ставите меня в крайне неловкое положение, упомянув это бунгало. К интересующему нас делу оно не имеет никакого отношения. Вам должно быть хорошо известно, что я приводил туда только одного человека.

Адамс. Тот факт, что вы выбрали для отдыха именно это бунгало, мы расцениваем как вашу вторую попытку уйти от нашего наблюдения.

Севила. Послушайте, вы все-таки человек. Вы должны понимать: в моей жизни есть нечто, что я не намерен отдавать на растерзание...

Адамс. Полицейским ищейкам. Договаривайте, ваши слова меня не обижают. Вернемся к Элизабет Доусон. Она утверждает, что ваши ссоры на самом деле были только маскировкой и что внезапный уход позволил ей улизнуть, избежав слежки. И действительно, покинув вас, она пробралась в Канаду, где согласно вашим инструкциям сразу же установила контакт с советским посольством.

Севила. Это... Это какая-то чудовищная клевета. И больше того — глупость! Какая у меня могла быть причина?..

Адамс. По словам Лизбет, вы были недовольны секретностью, окружавшей ваши работы, и хотели, организовав утечку информации, принудить нас их опубликовать.

Севила. Чтобы я из тщеславия предал свою страну! Вы верите этому?

Адамс. Я не верю, но у вас могли быть и другие причины. Например, вы могли быть не согласны с правительством Соединенных Штатов по поводу войны во Вьетнаме.

Севила. Но ведь я согласен!

Адамс. Вы уверены в этом?

Севила. Абсолютно.

Адамс. Извините, но я вам возражу вашими собственными словами. В разгар пропаганды буддистов Среднего Вьетнама против Ки вы сказали: «Если сами буддисты больше не хотят нас, нам уж не остается ничего другого, как уйти».

Севила. Я это сказал? Где? Когда? Кому?

Адамс. Не помню точно, при каких обстоятельствах. Но вы это сказали. Где-то это записано.

Севила. Жаль, что на этот раз ваша память менее точна, так как, со своей стороны, я об этом абсолютно ничего не помню.

Адамс. Поверьте мне на слово.

Севила. Ладно. И что же дальше? Ведь я только повторил фразу из газеты. В действительности вам известна моя позиция: я считаю, что мне незачем заниматься вопросами внешней политики, потому что, по моему мнению, только президенту известно подлинное положение дел. Только один он может решать эти проблемы, потому что один он знает их истинные предпосылки. Вот моя точка зрения.

Адамс. Вы прямо-таки воплощение здравого смысла. И раз вы так откровенны, я, в свою очередь, тоже буду откровенен.

Севила. Когда шеф службы безопасности говорит мне, что будет откровенен, я начинаю относиться к нему с недоверием.

Адамс. Вы не правы. Вот мое признание. Я не придаю никакого значения разоблачениям Элизабет Доусон в отношении вас.

Севила. И это говорите мне вы!

Адамс. Когда через несколько часов после ареста я ее увидел, она буквально набросилась на меня, так она торопилась во всем признаться и скомпрометировать вас. Диагноз ясен: она сумасшедшая.

Она единственно с целью навредить вам совершила акт чистого безумия, все последствия которого она не взвесила даже для самой себя.

Севи́лла. Об этом вы могли бы сказать мне раньше, вместо того чтобы битый час поджаривать меня на медленном огне.

Адамс. Пожалуйста, простите, но на это у меня были свои причины.

Севи́лла. У вас были свои причины для того, чтобы играть со мной в кошки-мышки?

Адамс. Да, были.

Севи́лла. И чтобы допрашивать меня как преступника?

Адамс. Вы не преступник, но, позвольте заметить, человек весьма неосторожный. Без всякого сомнения, огромная доля ответственности за все, что произошло, лежит на вас. Повторю еще раз: вы могли бы помешать утечке информации, если бы вы так быстро не согласились отпустить эту девушку. Думаю, что мы вам предложим новый контракт, в соответствии с которым вы предоставите нам большую свободу в вопросах приема и увольнения ваших сотрудников.

Севи́лла. Похоже, вы применяете ко мне санкции?

Адамс. Ни за что на свете! Я прошу вас, выбросьте эту мысль из головы. Она не соответствует действительности. Скажите только, что мы вас избавляем от второстепенного обязательства в момент, когда благодаря вам наука нашей страны делает гигантский шаг вперед.

Севи́лла. Вы большой мастер золотить пилюли, я уже это заметил. (Пауза.) Срок моего нынешнего контракта еще не истек. Следовательно, у меня есть право отказаться от того, чтобы он был заменен другим контрактом.

Адамс. В таком случае, — к сожалению, я должен заявить об этом, — мы были бы вынуждены не возобновлять вам кредитов.

Севи́лла. Ах так! Вот где собака зарыта! Ну что ж, теперь мне все ясно. (Пауза.) В случае,

если я подпишу ваш новый контракт, не вздумаете ли вы уволить одного из моих теперешних сотрудников?

Адамс. Нет.

Севи́лла. Ваше слово?

Адамс. Да. (Пауза.) Вы должны согласиться, что это обещание бросает совсем иной свет на мое предложение.

Севи́лла. Это действительно так. Дадите ли вы мне на размышление двое суток?

Адамс. С удовольствием.

Севи́лла. Этот разговор был не из приятных, я вовсе не желаю затягивать его до бесконечности, но все же мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Адамс. Я отвечу на них, если смогу.

Севи́лла. Лизбет установила контакт с русскими на другой день после ухода из лаборатории, то есть немногим больше полугода тому назад, и, если я вас правильно понял, вы арестовали ее совсем недавно. Почему?

Адамс. Мы потеряли ее след, и нам еще не было известно о ее предательстве.

Севи́лла. Лизбет могла рассказать русским только то, что она знала полгода назад, то есть что Иван перешел от слова к фразе. Отсюда я делаю вывод, что пока им ничего не известно о фантастических успехах, достигнутых Фа с тех пор.

Адамс. Не известно.

Севи́лла. Стало быть, утечка информации не настолько серьезна, как вам могло показаться на первый взгляд.

Адамс. Нет, но, видите ли, серьезно. то, что русские знают кое-что важное о наших дельфинологических исследованиях, тогда как мы об исследованиях русских не знаем практически ничего.

Севи́лла. Понятно. (Пауза.) Что вы намерены сделать с Майклом?

Адамс. Да, никто не может упрекнуть вас в том, что вы бросаете своих друзей! Вы знаете, я просто восхищаюсь вами. После всех тех неприятностей, которые вам причинил Майкл, вы еще беспокоитесь о нем?

Севила. Можете ли вы мне ответить на мой вопрос?

Адамс. Пожалуй. (Пауза.) Видите ли, Майкл Джилкрист — совсем другое дело. То, что он отказывается ехать во Вьетнам, мое ведомство никоим образом не интересуется. Мы хотим лишь одного: чтобы он не поднимал шума и не болтал направо и налево о дельфинах. Но если мы решим опубликовать ваши работы, то мы, со своей стороны, не будем ничего иметь против него. Его дело относится к компетенции военных трибуналов.

Севила. Я поражен. И вы могли бы решиться снять с моих работ секретность?

Адамс. Да, не исключено. Может быть, это единственный способ вынудить самих русских показать, чего они достигли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОКЛАДА АДАМСА ПО ДОПРОСУ 26 ДЕКАБРЯ.

Документ 56-279. Секретно.

...Совершенно очевидно, что допрашиваемый проявил такую малую заинтересованность в вопросах безопасности, что предположение о его пособничестве человеку, передавшему русским информацию, сколь бы нелепым оно ни казалось, имея в виду расстроенную психику Д., не могло быть априори отклонено. В этом смысле допрос устранил наши последние сомнения. Он показал, что характер и поведение допрашиваемого (о них я знал до сих пор лишь по докладам своего предшественника), по-моему, совершенно не соответствуют тому вероломному и трусливому поступку, который ему приписывает Д. Во время нашей беседы допрашиваемый вел себя запальчиво, агрессивно и едко, но откровенно. Он ни разу не воспользовался своими блестящими полемическими способностями для того, чтобы хитрить, уклоняться от моих вопросов или не давать на них ответов. Отвечая, он всегда старался говорить то, что он считал правдой, даже если эта правда могла быть использована ему

во вред. Это отнюдь не изворотливый тип, а откровенный, живой, раздражительный человек, который борется с открытым забралом, рискуя, и иногда даже без всякой пользы для себя.

Его психология, на мой взгляд, полностью объясняет допущенные им ошибки и промахи. В этой связи все, что он сказал в нашем разговоре об Эдварде Лоренсене, на самом деле есть прекрасно раскрывающий его характер автопортрет. Потому что, бесспорно, нельзя было бы предъявить допрашиваемому обвинение в том, будто он «слишком дорожит условностями» или ужасно боится «скандала». Ему не раз случалось бросать вызов общественному мнению в своей личной жизни, и он постоянно бросает вызов коллегам по специальности, которые до сих пор считают его «вольным стрелком». Если ему явно присущи непостоянство и своеобразие артистической натуры, так это отчасти по причине его чрезмерной чувствительности и еще оттого, что он остается внутренне цельным, не заботясь о том впечатлении, какое он производит на окружающих. Можно было бы даже утверждать, что в его характере есть нечто женственное, потому что он очень эмоционально подвижен. Однако, если возбудимость придает ему все внешние признаки слабости, то в действительности он располагает большими запасами силы, которые объясняются его верностью себе, смелостью и бескорыстием. Очевидно, что он любит свое дело больше славы и не гонится за деньгами. Характерно для его личности, что он оставляет без движения весьма значительные суммы на своем счету в банке, не думая хотя бы на короткий срок вложить их в какое-нибудь дело. Несмотря на то, что он горд и обидчив, в общении он прост, жизнерадостен и искренен. Даже в нашем разговоре, в котором не было ничего приятного, как он с юмором заметил, временами проявлялось свойственное его характеру веселье.

Хотя допрашиваемый и симпатичен в человеческом плане, тем не менее использовать его в интересующем нас деле вряд ли удастся. Допрашиваемый — человек, которым трудно манипулировать, он

крайний индивидуалист, малонадежен и, весьма вероятно, опасен. Потому что он — человек, которого нельзя ни купить, ни запугать, ни просто переубедить. Он всегда будет делать то, что он решит делать по своему разумению, не позволяя сбить себя с пути и невзирая ни на грозящую ему опасность, ни на то, какой ценой придется за это расплачиваться. Хотя он в принципе допускает необходимость нашей слежки, он просто терпит ее, на самом деле ее не приемля, считает тиранической и инквизиторской и, возможно, предпримет новые усилия, чтобы от нее избавиться, по крайней мере в личной жизни.

Впрочем, политически он не такой уж наивный, каким он был и каким по-прежнему искренне себя считает. Он не одобряет наших методов и не доверяет нашим целям. В глубине души он пацифист и чувствовал бы себя гораздо легче, если бы его работы не могли использоваться для войны. Субсидируемый государственным ведомством, он должен был бы с самого начала подумать, что подобное их применение само собой разумеется. Однако на все это он предпочел не обращать внимания, — эта его позиция, возможно, изменится, пропадет, по-видимому, и то принципиальное доверие к мудрости президента, которое на практике поколеблено, в частности, серьезными сомнениями насчет нашей политики в Юго-Восточной Азии.

Жаль, что во главе проекта «Логос» нельзя поставить никого, кроме допрашиваемого, ввиду его давних эмоциональных связей с дельфином Иваном, которые необходимы для успеха эксперимента. Я в осторожных выражениях грозил ему, давая понять, что мы могли бы заменить его Лоренсеном и рассекретить его работы. Это означало бы, разумеется, что именно Лоренсен со славой собрал бы те плоды, которые сам он с такими муками взрастил. Вот все те единственно возможные меры, к которым я прибег, и я должен заметить, что они не оказали почти никакого воздействия на него. По характеру этот человек ни за что не уступит ни угрозам, ни посулам и слишком умен, чтобы не знать, что при сложившихся обстоятельствах

он незаменим. Я даже сомневаюсь, примет ли он без споров изменение в его контракте пункта о наборе персонала, хотя он и чувствует всю глубину своей ответственности в деле Д.

В заключение полагаю, что мы должны удвоить нашу бдительность и что будет благоразумно в нужный момент сделать так, чтобы допрашиваемый не знал, для каких военных целей могут быть использованы его эксперименты.

— Генри! — Арлетт бежала навстречу ему по террасе бунгало. — Я тебя ждала позднее. — Она бросилась к нему в объятия и пылко его поцеловала. — Милый, что-нибудь случилось?

— Да ничего, ничего, — натянуто ответил он, — банальная беседа, обычные глупости. Помоги мне, дорогая, у меня в старом бьюике сюрприз для нас.

По крутой тропинке они поднялись до построенного из бревен гаража. Севилла откинул крышку багажника:

— Ну, что ты на это скажешь? Как думаешь, у тебя хватит сил, чтоб помочь мне отнести оба мешка и мотор в бухту? Мы чуть-чуть передохнем на террасе, пока я переоденусь.

Стояла удивительно мягкая и теплая для 27 декабря погода. Пока Севилла переодевался, Арлетт, прислонившись к ограде, босая, в бикини, — ее тонкая и высокая талия подчеркивала плавные линии бедер и нежную округлость живота, — грелась на солнце. Она улыбалась, глядя на него.

— Если ты уже отдохнула, — сказал он, — это все можно снести в бухту.

— Прямо сейчас? — разочарованно спросила Арлетт. — Ты хочешь ее собрать и спустить на воду сейчас, до завтрака, *antes de la siesta, señor?* * — Она посмотрела на него: под глазами мешки, лицо осунулось, губы сжаты.

* До снесты, сеньор? (испан.).

— Слушай, — заговорил он с наигранной бодростью, — знаешь, что мы с тобой сделаем? Я хочу сразу же попробовать эту штуку. Ты поможешь мне спустить ее на воду, потом сбегаешь домой, возьмешь что-нибудь из еды и принесешь свитеры.

Когда она снова появилась на берегу бухты, он заканчивал монтаж надувной лодки.

— Все это отлично монтируется, — сквозь зубы, тоном едва уловимой насмешки проговорил он, — все прекрасно отделано. Можно разглядывать каждый ее шов, везде всяческие ухищрения и модные приспособления. Мы, бесспорно, самая индустриализованная, самая техническая, самая богатая, самая мощная и самая добродетельная страна в мире.

Она смотрела на него молча, удивленная, обеспокоенная, раньше она не замечала у него этого горького тона.

Спуск прошел без помех, прибор не было. Он взял за руль, лодка отчалила, он прибавил скорость, навесной мотор пронзительно затрещал.

— Я ничего не слышу! — сказала Арлетт.

— Подставь ухо, — сказал он сквозь зубы, — ближе, ближе. — Правой рукой он повернул рукоятку, мотор взревел. — Вот теперь, — усмехнулся он, — я тебе могу сказать все.

Разговаривая, он смотрел, как убегало назад бунгало. Теперь оно было всего лишь воспоминанием, белым пятном на скале, как присевшая на камень и готовая взлететь чайка. Темно-голубая вода резко оттенялась белизной пены и ослепительным мерцанием бликов. Зарываясь носом, лодка подпрыгивала на волнах. Когда Севилла взял курс на островок, находившийся в двух-трех милях от берега, лодку, оказавшуюся бортом к волне, стала трепать боковая качка и сильно относить течением.

— Угроза ясна — если я не соглашусь, они меня уволюнят и заменяют Лоренсеном.

— Лоренсеном? — Арлетт от удивления широко открыла глаза. — Лоренсеном? Этим длиннющим белесым типом, которого мы видели на последнем кон-

грессе? Ну как же, помню, он меня очень поразил, прямо какая-то церковная свечка.

— Да нет, — засмеялся Севилла, — ты путаешь с Хагаманом. Лоренсен маленький, коренастый и лысый, у него есть хорошие работы о свистах.

— Генри, но разве они смогут заменить тебя возле Фа? Это невозможно!

Островок состоял лишь из отвесных скал и груды камней, о которые с шумом разбивались волны, образовывая водовороты.

Севилла приподнялся:

— Как только буду под ветром, подойду ближе. Хочу посмотреть, так ли уж она неприступна, эта скала.

Он обошел вокруг островка, не обнаружив ни расселины, ни прохода. Пошел второй раз. Казалось, округлая скала на большой скорости несется навстречу. Он притормозил, развернулся, прошел мимо, едва не задев ее. Другая скала возникла справа от него, он обогнул ее и вдруг оказался в спокойной, чистой, неглубокой бухте. Винт резко дернулся, Севилла выключил навесной мотор, снял его, вставил уключины в гнезда и осторожно пошел на веслах. Под навесом из огромной скалы показался маленький, в несколько квадратных метров, пляж. Севилла вытащил лодку на берег.

— Здесь чудесно! — сказала Арлетт. Ей казалось, что скалы сомкнулись за ее спиной, настолько совершенен был этот маленький круг бухты — наполовину вода, наполовину мелкий песок, залитый полуденным солнцем. Громадные округлые скалы, как великаны-хранители, высились над ними на добрых полтора десятият метров.

Она улыбнулась:

— Ты ведь голодный, хочешь есть?

— Нет, не хочу. Сначала я... — он быстро стянул пуловер и шорты, нырнул и, повернувшись к Арлетт, смотрел, как она снимала купальник и осторожно заходила в воду, — даже вода казалась женственной. Как прекрасно было мгновение, когда она сбрасывала

одежды и ложилась в постель, а здесь были еще голубая вода, белые скалы, солнце, кричали чайки.

— А ты не боишься акул? — поморщившись, спросила она.

Он покачал головой:

— Они никогда не появляются там, где на дне мелкий песок. Плавающие в воде песчинки набиваются им в жабры.

Они лежали на берегу под скалой. Севилле казалось, что солнце словно впитывает его, — так приятен был переход от бодрящей свежести воды к обжигающей сухости песка. Почему нельзя жить только телесной жизнью, без профессиональных забот и всей этой безумной суеты? Он чувствовал себя прекрасно, снова ощущал каждый мускул. Заслонив ладонью глаза, он повернул голову, взглянул на Арлетт и в первый раз улыбнулся ей.

Чуть позднее, прислонившись к неровной скале, они сидели плечо к плечу, поджав ноги, и жадно, как наигравшиеся, уставшие звери, поедали бутерброды. Начался прилив, и последняя маленькая, без гребня, волна, полуласкаясь, полурезвясь, лизала их босые ноги. Она откатывалась с каким-то хлюпающим звуком, потом где-то между скалами слышался щелчок, напоминающий звук откупориваемой бутылки. Маленький розовый краб подполз к ногам Севиллы. Севилла пошевелил пальцами ноги, краб приподнялся, выставив клешни, и застыл в высокой стойке, как боксер.

— Ишь ты, какой храбрец, — рассмеялась Арлетт. — Гляди! Он готов с тобой драться.

— Этот краб — мой современник, — сказал Севилла. — Я родился чуть раньше, умру чуть позже, вот и все. Мне совсем невесело, когда я думаю о миллиардах крабов и о миллиардах людей, которые жили до нас.

Арлетт потерлась лбом о его лоб.

— Будем поступать как этот милый краб, не будем думать об этом.

— Мне очень бы этого хотелось, — возразил Севилла, — но где-то в моей голове словно срабатывает

какой-то механизм: как только я чувствую себя счастливым, я начинаю думать о смерти. Из-за этих мыслей я просто остерегаюсь быть счастливым. Надо было бы обладать сердцем дикаря, жить настоящим мгновением, не позволять себе терзаться, как делают цивилизованные белые, мыслями о будущем. Но будущее уже налицо, и всегда кажется, что именно его нам и недостает. Когда молод, мучаешься тем, что нет еще жены, профессии, денег, независимости; в зрелом возрасте мучаешься мыслью об успехе, а когда за пятьдесят, тут хуже всего — ужас перед старостью. Чувствуешь, как тебя гонят вперед годы, пролетающие с пугающей быстротой. Их остается все меньше и меньше, ножи — и уже конец с его оскорбительным бессилием, уходящей жизнеспособностью.

— По-моему, крепши, ты держишься неплохо, — перебила Арлетт.

Он отрицательно покачал головой, схватил горсть песка и швырнул в маленького краба.

— Да, — сказал он, печально глядя на нее, — я держусь неплохо, но противник меня одолеет.

Розовый краб опустил клешню, стремительно отполз вбок и исчез под камнем.

— Ты не говорил мне, что хочешь купить надувную лодку, — сказала Арлетт.

Севилла повернул голову и посмотрел на нее черными серьезными глазами, будто не расслышал ее слов.

— Помнишь, как ты описала мне мистера Си? Так вот, Адамс совсем другой человек, остроумный, благовоспитанный, любезный, даже гуманный, и все-таки он занимается тем же ремеслом, что и Си. И каким ремеслом! Между прочим, он упрекнул меня за то, что я сказал: «Если сами буддисты больше не хотят нас, то нам не остается ничего другого, как уйти». Откровенно, в тот момент я уже не помнил, что говорил это, я даже не вспомнил, что думал об этом. Тогда я его попросил уточнить место и дату, и он не смог или не захотел сделать этого. И это мне показалось странным, потому что ему досконально известно мое досье, он в состоянии сказать мне: в такой-то

день, в такой-то час вы говорили Майклу то-то. Тогда я задал себе вопрос, где, когда и кому я высказал это замечание о бонзах.

— Неужели мне? — испуганно спросила Арлетт.

— Точно! — воскликнул Севилла. — Я хорошо знал, что могу рассчитывать на твою память. Именно тебе я сказал эту фразу. И знаешь где? На террасе бунгало; ты накрывала на стол, а я покачивался в кресле-качалке, читая «Нью-Йорк таймс».

— Бунгало! — удивилась Арлетт. — Какая мерзость! Это значит... — Глаза ее широко раскрылись, она побледнела, спрятала в ладонях лицо и горько зарыдала. Правой рукой Севилла обнял ее за плечи и привлек к себе.

— О, какой стыд, — всхлипывала она, — какая гнусность, какое презрение к людям! Это то же самое, что рассматривать пас в луну, как насекомых. И что же ты обнаружил?

— Ты думаешь, — спросил Севилла, сверкая глазами, — что я начну играть в сыщиков и ощупывать стены, чтоб найти дерьмовые шутовщины этих трусов? Я подам в отставку, я ни за что не прощу им этого унижения. Мне осточертело, что за мной следят, наблюдают, препарируют меня. Скоро они начнут считать, сколько раз я побывал в сортире, чтоб узнать, не расстроен ли мой желудок и не повлияет ли это расстройство на мою лояльность Соединенным Штатам Америки. Что за нелепое положение! Ведь я стал ученым прежде всего потому, что хотел вырваться из тех джунглей, в которых мы живем. Хотел, чтобы ко мне не лезли с политикой и политиками. В моих глазах единственное чистое дело — это бескорыстный поиск истины. И вот я именно из-за моих исследований оказался в этом дерьме, вынужден выбирать эту политику, а не другую, мне грозят испортить карьеру и даже репутацию, если я не буду безоговорочно поддерживать правительство и его цели, цели, заметь это, о которых мне ничего не известно. Впрочем, да и кто о них знает? После ухода Майкла я начал читать газеты и не вижу в них ничего, кроме вопиющей лжи. У всех на устах лишь одно слово «мир», и каждый

день они продолжают эскалацию. Кто знает, как Джонсон намеревается в конце концов поступить с Китаем, кто действительно может сказать это? Но мне-то что за дело до всех этих махинаций? Я не специалист по международным проблемам, я зоолог. Почему же я обязан непременно вмешиваться в ту сферу, где я некомпетентен?

Резким движением он встал, вошел по пояс в воду и нырнул, тотчас же вынырнул и повернулся к Арлетт. Она смотрела на него с какой-то робкой, натянутой улыбкой.

— Ты идешь?

Она покачала головой.

Он перевернулся на живот, вытянул перед собой руки и начал бить по воде ногами. Через несколько секунд он поднял голову и спросил:

— Продвигаюсь?

Она вдруг рассмеялась:

— Нет, милый, нет, совсем не продвигаешься.

— Ну что ж, — неожиданно добродушно сказал он, — значит, это доказательство того, что мое дрыганье не создает поступательного движения.

Он вышел на берег, вынул из заднего кармана шорт расческу, сел рядом с Арлетт и тщательно причесался.

— Ты не представляешь, как мне теперь легко, когда я решил бросить все. Тем хуже для славы и тем лучше для Лоренсена. Нет, я не скромничаю, — продолжал он, помолчав. — Я знаю, что осуществить межвидовую коммуникацию — это большое дело, великая победа человека, которая будет иметь моральные, социальные, философские, даже религиозные последствия. А для дельфина какой это громадный скачок, — овладев человеческим языком, он приобщился к разуму людей.

Он прижался плечом к плечу Арлетт.

— Ты ничего не скажешь? — спросил он.

— Я слушаю тебя, — ответила Арлетт. — Хочу разобраться, правильно ли я поняла твоё решение.

— Разве ты не согласна с ним?

30 декабря 1970.

— Возможно, нет, — ответила она, — вернее, не совсем согласна.

Он посмотрел на нее, секунду помолчал и вдруг порывисто заговорил:

— По-моему, никогда не будет хороших отношений между ученым и государством, никогда! Их точки зрения слишком различны: для ученого наука — это познание, а для государства — нечто совсем иное. Для государства наука — это путь к могуществу. Ученый для государства — всего лишь робот, которому оно платит, чтобы достигнуть этого могущества. А поскольку государство платит, оно и требует от робота полной покорности своим целям. Ученый считает себя свободным, потому что ищет истину, однако на самом деле он, сам того не подозревая, завербован, приручен, пленен. Так вот, я кладу конец этой неволе, хватит! — резко повысив голос, закончил Севилла.

Наступило молчание.

— Однако, милый, ты забываешь об одном. Фа принадлежит лаборатории. Бросить лабораторию — значит бросить Фа. Этого делать нельзя. Ведь теперь Фа — личность.

27 декабря 1970.

Дорогой мистер Адамс,
я обдумал Ваше предложение. Я мог бы согласиться на то, чтобы, прежде чем принять на работу ассистента, Вы подвергали его Вашей проверке, а также могу не увольнять его или не принимать от него заявления об уходе до того, пока Вы не дадите мне Вашего разрешения. Однако я не могу руководить лабораторией, весь персонал которой не набрал я сам.

В ожидании Вашего ответа считаю себя уволившимся.

Искренне Ваш Генри К. Севилла

Постскриптум. Я пишу Вам об этом на террасе бунгало, на «недоступность» которого вы сетовали. Похоже, что за несколько недель до того, как Вы мне на это намекнули, «недоступным» бунгало уже не было.

Дорогой мистер Севилла,
предложение, содержащееся в Вашем письме от 27 декабря, нас полностью удовлетворяет. Принимая во внимание Вашу великолепную работу и Ваши прочные эмоциональные связи с Фа и Би, мистер Лорример выражает пожелание, чтобы Вы оставались во главе проекта «Логос» в тот момент, когда Комиссия, заручившись согласием на самом высоком уровне, без сомнения, решит предать гласности Ваши работы.

Искренне Ваш Д. К. Адамс.

8

ИЗ ДНЕВНИКА ПРОФЕССОРА СЕВИЛЛЫ.

Адамс пятнадцатого сообщил мне по телефону, а Лорример подтвердил семнадцатого письмом, что Комиссия решила ознакомить с результатами моих опытов американскую и международную общественность. В тот же день, семнадцатого, Адамс прилетел из Вашингтона во Флориду, чтобы побеседовать со мной о мерах безопасности, которые необходимо будет принять в связи с пресс-конференцией, назначенной на двадцатое. Чтобы скрыть местонахождение нашей лаборатории, было решено доставить Фа и Би под усиленной охраной на самолете в один из флоридских океанариумов, временно арендованный для этой цели. По моей просьбе аудитория пресс-конференции не должна была на этот раз превышать ста человек, включая персонал телевидения, чтобы не травмировать Фа и Би суетою и шумом. По тем же причинам журналистов просили избегать слишком бурных проявлений своих чувств, но, как будет видно, это требование, если и выполнялось, то только лишь вначале.

Адамс предлагал, чтобы во время беседы Фа и Би находились на суше, — по его мнению, в случае необ-

ходимости влажные простыни или опрыскивание водой могли бы поддерживать в них бодрость, — но я счел, что такие условия выбьют их из колеи, и отклонил это предложение. Со своей стороны, я предполагал оставить Фа и Би в привычной для них среде и только наполнить водоем до предела, чтобы дельфины отвечали на вопросы, удобно оперев головы о край бассейна.

Когда пресс-конференция открылась, ни один из журналистов не имел ни малейшего представления, о чем пойдет речь, настолько хорошо сохранялась тайна. Я сам и сотрудники лаборатории вошли одновременно с журналистами, так же как и все, по специальным пропускам и сели в первом ряду амфитеатра, словно мы собирались присутствовать на заурядном ревю с акробатическими номерами в исполнении дельфинов. Та и другая секретные службы были обильно представлены, и Арлетт краешком глаза показала мне на мистера Си, скромно усевшегося в пятом ряду. Он был как раз таким, каким она мне его описывала: круглый, розовощекий, энергичный, с холодными глазами.

Неподалеку от него я увидел «величественную, как природа, но не столь естественную» миссис Грейс Фергюсон, которая, как только мой взгляд остановился на ней, подняла правую руку и, согнув пальцы, начала двигать ими так, как будто постукивала по клавишам рояля. Очевидно, ее супруг, среди прочих вещей, владеет также какой-нибудь газетой, и миссис сумела захватить место какого-то бедняги, получившего приглашение. Она была одета так, как, по ее мнению, приличествовало журналистке: белая плиссированная юбка и белая гладкая блузка без рукавов. Но, я не знаю почему, самые простые вещи выглядели на ней очень дорогими. Прежде чем Лорример предоставил мне слово, она успела передать мне сложенную вчетверо записку, гласящую:

«Дорогой Генри, я так за вас счастлива.

Грейс».

Присутствие самого Лорримера, коротким вступительным словом открывшего пресс-конференцию, свидетельствовало о том, что государственное ведомство намеревалось пожать лавры после участия в опытах, носившего, правда, в основном финансовый характер. Зная, как журналисты должны быть заинтересованы обещанной новостью, о которой им было известно лишь то, что она сенсационна, Лорример позволил себе немного на этом поиграть: он еще раз подчеркнул ее значение, но, в чем суть дела, рассказал лишь в заключительной части своей речи, не вдаваясь ни в какие подробности. Это было сделано очень искусно. Он начал с того, что представил дельфинов, моих сотрудников и меня самого. Он подчеркнул, что пресс-конференция будет продолжаться не более часа, так как профессор Севилла опасается, как бы не переутомились дельфины от такой массы народа, вспышек «молний» фотокорреспондентов и от прожекторов телевидения. Он заявил далее, что для журналистов присутствовать на пресс-конференции подобного значения — особая честь, так как 20 февраля 1971 года, несомненно, останется днем столь же памятным в истории Соединенных Штатов и всей планеты, как дни, ознаменованные взрывом первой экспериментальной атомной бомбы в Аламогардо и первым полетом человека в космос.

Однако, добавил он, профессор Севилла и его персонал не создали никакого нового оружия, не открыли никакого нового вещества или новой комбинации веществ, и на первый взгляд их успехи не столь сенсационны, как победы, одержанные над атомом и пространством. Тем не менее, если было бы возможно распространить на других дельфинов необычайные результаты, которых профессор Севилла добился с Фа и Би, человек в самое короткое время сделался бы абсолютным господином не только поверхности морей, но также их глубин, а это господство становится с каждым днем все более необходимым для защиты свободы и демократии.

В конце своей речи Лорример сказал, что он передает мне слово и просит меня изложить историю моего сенсационного опыта, ибо мне принадлежит честь

первого разрешения «проблемы общения человеческого рода с животными посредством членораздельного языка».

Лорример произнес эту фразу так быстро и так внезапно сел, что аудитория была потрясена. Последовали недоуменные возгласы: «Что? Что он сказал? Это еще что за история?» Люди ошеломленно смотрели друг на друга, задавая эти вопросы. Я поднялся, как только Лорример сел, и, стоя спиной к бассейну, где резвились Фа и Би, ни на секунду не удалявшиеся, однако, друг от друга дальше чем на метр, окинул взглядом журналистов. Кое-кто из них имел некоторое представление обо мне благодаря нескольким моим лекциям — о них писали в прессе, но как дельфинолог я был, конечно, значительно менее знаменит, чем доктор Лилли, опубликовавший в 1961 году известный бестселлер. Напомню, что многие, прочитав эту книгу, с некоторой поспешностью пришли к выводу, что доктор Лилли объясняется с дельфином по-английски.

В действительности автор не говорил ничего подобного, но по крайней мере ему можно вменить в заслугу утверждение, что такая вещь вполне возможна. Его книга, написанная в очень живом и даже в несколько задиристом тоне, отлично иллюстрированная многочисленными фотографиями дельфинов, самого доктора Лилли и его жены (бесспорно, очаровательной), полностью, вообще говоря, достойна выпавшего на ее долю успеха. Нашлись все же цетологи (я к их числу не принадлежу), воспринявшие это болезненно, так как им показалось, что книга приносит доктору Лилли славу, на которую его труды еще не давали ему права.

Как видно, кое-кто из присутствовавших журналистов заранее постарался запастись данными о моей биографии, но другие не потрудились этого сделать, и, когда я встал, один рыжий плотный тип лет тридцати спросил у своего соседа почти во всеуслышание: «Что это еще за Семилла?»

Пока я рассказывал историю нашего опыта и о достигнутых нами результатах, я видел, как на лицах все больше и больше отражается изумление. Оно достигло предела, когда я сообщил аудитории, что Фа

умеет читать. Поднявшийся шум заглушил мои слова, возгласы и вопросы посыпались со всех сторон, несколько человек в разных концах под общий смех спрашивали: «Как же он переворачивает страницы?» Я ответил: «Он мог бы это делать грудными плавниками, так как умеет ими пользоваться с большой ловкостью, но истина вынуждает меня сказать, что он переворачивает страницы языком». Раздались смех и восклицания.

Тут я решил сократить свое сообщение и сделать его как можно короче, поскольку мне не терпелось узнать, как поведет себя Фа перед такой многочисленной аудиторией. Но беспокоился я напрасно. У дельфина такая извилистая линия губ и такая выдвинутая вперед челюсть, что достаточно ему ее открыть, как он сразу приобретает вид смеющегося весельчака, а Фа открывает рот поистине непрестанно. У Фа очень общительный характер. Непоседа, болтун, хвостун, задира, он с восторгом выставлял себя напоказ, казался польщенным, когда его ответы вызывали смех, и выпрыгивал из воды всякий раз, когда ему аплодировали.

Что касается задававшихся ему вопросов, то они были такими, каких и следовало ожидать: некоторые серьезные, но большинство претендовало на комический эффект. Все пресс-конференции походят одна на другую, это ужасная мешанина, лучшее здесь соседствует с худшим. Как в этом легко убедиться, журналисты не всегда учитывали разницу между первым дельфином, научившимся говорить на человеческом языке, и кинозвездой, прославившейся перипетиями своей личной жизни. По правде говоря, Фа, не желая того, способствовал такому смещению планов своими откровенными ответами и игривостью мысли.

Я должен еще отметить, что меня приятно поразила Би во время пресс-конференции. В ее поведении не осталось и следа прежней робости, так затруднявшей сближение с нею. Полгода назад, когда она, может быть по настоянию своего супруга, заговорила, эта робость начала исчезать. В результате ею овладел дух соревнования с Фа, и она была так прилежна, что вскоре сравнялась с ним в овладении речью и превзо-

шла его в произношении. Она проявила тот же спортивный дух и на пресс-конференции. Не выставя себя все время напоказ, как это делал Фа, и ни разу не попытавшись ответить вместо него, она очень хорошо поняла, какие преимущества дает ей знание всего связанного с морем, и в надлежащий момент очень тонко сумела этим воспользоваться.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕЛЬФИНА ИВАНА И ДЕЛЬФИНКИ БЕССИ 20 ФЕВРАЛЯ 1971 ГОДА
(Буквой «Ж» я обозначаю, не располагая большими сведениями, различных журналистов, задававших вопросы *.)

Ж. Фа, сколько вам лет?

Фа. Пять лет.

(Резкий, крикливый, с носовым оттенком голос Фа несколько поразил аудиторию, хотя профессор Севилла в своем докладе предварительно особо подчеркнул, что Фа производит звуки не ртом, а своим дыхалом.)

Ж. Би, сколько вам лет?

Би. Я не знаю.

Ж. Почему?

Фа. Би родилась в море.

Ж. Фа, почему вы отвечаете вместо Би?

Фа. Би — моя жена. (Смех.)

Ж. Фа, вы родились в бассейне?

Фа. Да.

Ж. Скучаете ли вы без моря?

Фа. Я его не знаю.

Ж. Море очень просторно, там хорошо плавать.

Фа. Би говорит, что море опасно.

Ж. Это правда, Би?

Би. Да.

Ж. Почему?

Би. Там есть животные, которые могут напасть на нас.

Ж. Какие животные?

Би. Акулы и косатки.

Фа. Мать Би была убита акулой.

Ж. А как поступили вы, Би?

Фа. Вы хотите сказать, в тот момент?

Ж. Фа, дайте ответить Би.

Фа. Да, конечно, простите, сэр, простите. (Смех.)

Ж. Би, ответьте, пожалуйста.

Би. Нельзя было ничего сделать. Я бросилась прочь. Акул отгоняют только большие самцы.

Ж. Фа мог бы убить акулу?

Би. Не знаю.

Фа. Дайте мне ее сюда, тогда увидите. (Смех.)

Ж. Би, что вы думаете об акулах?

Би (взволнованно). Это грязное животное, у него грязная шкура, акулы глупы, акулы подлые твари.

Ж. Вы говорите, грязная шкура. Почему?

Би. Мы гладкие и нежные. Акула шершавая. Когда ее кожа прикасается к нашей, она нас больно царапает.

Ж. Фа, а ваша мать еще жива?

Фа. Моя мать — это Па. (Смех.)

Ж. Я говорю не о вашем отце, а о вашей матери.

Фа. Я вам и отвечаю. Моя мать — это Па.

Проф. Севилла. Я хотел бы объяснить вот что: животное считает своей матерью первого, кого оно видит около себя, когда рождается. Для Фа я, следовательно, его мать. (Смех.) Это просто из уважения к человеческим обычаям я приучил его называть меня Па.

Ж. Мистер Севилла, я слышал, как ваш дельфин называл Ма кого-то из вашего персонала. Кто же Ма?

Проф. Севилла. Моя ассистентка и сотрудница Арлетт Лафэй.

Ж. Теперь я не понимаю, кого же из двоих Фа считает своей матерью, вас или мисс Лафэй?

Проф. Севилла. Обоих. (Смех.) Я должен сказать, что у дельфина чаще всего две матери. Одна настоящая, а другая, так сказать, добровольная, которая помогает первой.

Ж. А в данном случае кто же настоящая мать? Вы или мисс Лафэй?

* Примечание Мэгги Миллер.

Проф. Севилла. Ваш вопрос только на первый взгляд кажется абсурдным. Но поскольку в первые недели жизни соску Фа давал я, то я считаю, что я его настоящая мать, а мисс Лафэй — мать добровольная.

Ж. Не могла бы мисс Лафэй встать и повернуться к нам лицом? Мы хотим на нее посмотреть.

(Арлетт Лафэй встает и поворачивается лицом к публике. Ее наружность вызывает комментарии и движение в зале. Вспышки «молний» фотографов.)

Ж. Мисс Лафэй, у вас французское имя, вы француженка?

Арлетт. Нет, я американка, моя семья родом из Квебека.

Ж. Что вы думаете о генерале де Голле?

Ж. Вы одеваетесь в Париже?

Ж. Не хотели бы вы сниматься в кино?

Ж. Кто ваш любимый киноактер?

Ж. Знакомы ли вам секреты французской кухни?

Арлетт. Я не француженка, откуда же мне их знать?

Ж. Мисс Лафэй, можно, я буду звать вас Ма?

Арлетт. Пожалуйста, если вы считаете, что достаточно молоды для этого. (Смех.)

Ж. Ма, собирается ли Па на вас жениться?

Арлетт. Профессор Севилла не делал мне предложений такого рода.

Ж. А если бы он их сделал, как бы вы решили?

Арлетт. Я подожду, пока он их сделает, и тогда уже буду решать.

Лорример. Господа, я понимаю и разделяю вашу живейшую симпатию к мисс Лафэй, но разрешите напомнить, что вы здесь для того, чтобы интервьюировать дельфинов. (Смех.)

Ж. Фа, считаете ли вы для себя повышением то, что овладели языком людей?

Фа. Я не понимаю, что значит повышение.

Проф. Севилла. Можно, я сформулирую этот вопрос вместо вас?

Ж. Конечно.

Проф. Севилла. Фа, ты гордишься тем, что говоришь с нами?

Фа. Да.

Ж. Почему?

Фа. Я приложил много труда, чтобы научиться.

Ж. А почему вы приложили так много труда?

Фа. Чтобы видеть Би и чтобы доставить удовольствие Па.

Ж. А у животных есть свой язык?

Фа. У дельфинов — да. Я не знаю, говорят ли другие животные в море. Я их не понимаю.

Ж. С тех пор как вы стали говорить по-английски, считаете ли вы себя разумным существом?

Фа. Я был разумным и до того.

Ж. Но вы не могли этого проявить.

Фа. Я не мог этого так хорошо проявить.

Ж. Теперь, когда вы стали говорить, считаете ли вы себя дельфином или человеком?

Фа. Я дельфин.

Ж. Говорят, что дельфины очень дружелюбны по отношению к людям. Правда ли это, Фа? Вы любите людей?

Фа. Да, очень (он повторяет с воодушевлением), очень.

Ж. Почему?

Фа. Они добрые, они гладкие, у них есть руки, и они умеют делать вещи.

Ж. Вы хотели бы, чтобы у вас были руки?

Фа. Да, очень.

Ж. Для чего?

Фа. Чтобы ласкать людей. (Смех.)

(В этот момент произошел инцидент, доставивший журналистам удовольствие и дополнительный материал. Один из них, по имени В. С. Дэмби, рыжий, плотный, представлявший газету из Джорджии, внезапно с яростью вскочил и обрушил на аудиторию неудержимый поток слов.)

Дэмби. Довольно шуток! Они дурного вкуса, и я их больше не потерплю. Я не желаю своим молчанием потакать отвратительному мошенничеству! Никогда я не поверю, что рыба способна изъясняться на английском языке, как христианин, отпускать неуместные шутки и намереваться нас ласкать! Это позор! Вы уви-

дите, что сейчас этот дельфин станет просить у мистера Лорримера руки его дочери... (Смех.) Смейтесь, смейтесь, а меня, позвольте вам это сказать, меня тошнит! Я возмущен, что тащился сюда, во Флориду, чтобы попасть в этот бесстыдный балаган для дураков. Ясно, что Семилла — чревовещатель! Это он говорит с самого начала, а не его рыба. (Смех и шум.)

Проф. Севилла. Позвольте мне внести некоторые уточнения: во-первых, меня зовут Севилла, а не Семилла; во-вторых, я не чревовещатель; в-третьих, Фа не рыба, а китообразное животное.

Лорример. В-четвертых, у меня нет дочери.

Дэмби. Шуточками мне рта не заткнут! Ради чего государственное ведомство ввязывается в это приискорбное жульничество, я не знаю. Но, во всяком случае, меня не проведешь! Если Семилла хочет доказать свою правоту, пусть он удалится из бассейна вместе со своими пособниками и оставит нас одних со своими животными.

Проф. Севилла. Я это охотно сделаю. (Он встает с места и направляется, сопровождаемый своими ассистентами *, к выходу из бассейна.)

Фа (кричит, выскочив почти наполовину из воды). Па, куда ты? (Смех.)

Проф. Севилла (оборачиваясь). Отвечай на вопросы, Фа, я вернусь через пять минут.

(Длительная тишина. Фа смотрит на аудиторию.)

Фа. Ну хорошо, кто начнет? (Смех.)

Ж. Вы сказали, что хотели бы стать человеком, потому что у людей есть руки и люди умеют делать вещи. Какие вещи, Фа?

Фа. Например, телевизоры. Телевидение — это великолепная вещь!

Ж. Вы любите телевидение?

Фа. Я его смотрю каждый день. Оно дает мне много полезных знаний.

Ж. Я должен сказать, что считаю вас большим оптимистом! (Смех.)

Ж. Какого рода фильмы вам нравятся?

* Я осталась, чтобы не прерывать записи пресс-конференции. (Прим. Мэгги Миллер.)

Фа. Про ковбоев.

Ж. Вы не любите фильмы о любви?

Фа. Нет.

Ж. Почему?

Фа. Они целуются, и на этом кончается.

Ж. Вы хотите сказать, что кончается слишком рано?

Фа. Да. (Смех.)

Ж. Раз уж мы заговорили о кино, кто ваша любимая кинозвезда?

Фа. Анита Экберг.

Ж. Почему?

Фа. Она так сложена, что может быстро плавать. (Смех.)

Ж. Хотели бы вы погладить Аниту Экберг?

Фа. Да, конечно. Она, наверное, очень гладкая. (Смех.)

Один из журналистов (громко, обращаясь к Дэмби). Ну что, Дэмби, теперь вы убедились?

Дэмби. Я убедился, что мы присутствуем при упражнениях очень искусного чревовещателя, вот мое убеждение! Если чревовещатель не Севилла или один из его ассистентов, то, значит, кто-нибудь другой. (Смех и протесты.)

Ж. Дэмби, не хотите ли вы сказать, что подозреваете одного из ваших коллег?

Дэмби. Не заставляйте меня говорить то, чего я не говорил: здесь не только журналисты.

Лорример. Что касается меня, то я с сожалением должен сказать, что лишен всякого таланта чревовещателя. (Смех.)

Дэмби. Я не имел вас в виду.

Лорример. Спасибо, мистер Дэмби. (Смех.) А теперь, если все согласны, я предлагаю положить конец этой интермедии и позвать профессора Севиллу. (Профессор Севилла и его ассистенты под аплодисменты занимают свои места в первом ряду.)

Ж. Мистер Севилла сказал нам, что вы умеете читать. Это верно?

Фа. Да. Би тоже.

Ж. Что вы читаете?

Фа. «Маугли».

Ж. Читаете ли вы и другие книги, кроме «Маугли»?

Фа. Нет.

Ж. Почему?

Проф. Севилла. Можно мне ответить на этот вопрос? Издать книгу для Фа и Би стоит очень дорого. Нужна специальная бумага: хотя книга кладется на пюпитр, снабженный поплавками, она неизбежно намокает.

Ж. Почему вы выбрали «Маугли»?

Проф. Севилла. Есть некоторая аналогия между положением Маугли и Фа. Оба живут среди существ, к роду которых они сами не принадлежат.

Ж. Поскольку из-за необходимых расходов вы могли издать только одну книгу, почему вы не выбрали Библию?

Проф. Севилла. Библия — слишком сложная книга для Фа.

Ж. Фа, я собираюсь задать вам важный вопрос: есть ли у дельфинов религия? *

Фа. Я не понимаю, что значит «религия».

Ж. Я задам вам более простой вопрос: любят ли дельфины бога?

Фа. Кто такой бог?

Ж. Это довольно трудно выразить в двух словах, но я попробую: бог — это кто-то очень добрый, кто все знает, все видит, кто повсюду и кто никогда не умирает. После своей смерти хорошие люди попадают к нему в рай.

Фа. Где рай?

Ж. На небе. (Молчание.)

Фа. Почему хорошие люди умирают?

Ж. Все люди умирают, хорошие и плохие.

Фа. О, я не знал, я не знал. (У Фа глубоко потрясенный вид. Молчание.)

Би. Можно мне сказать? (Живой интерес в зале.)

Ж. Говорите, Би. Мы будем очень счастливы услышать, что вы скажете.

* Этот и последующие вопросы были заданы журналистом М. Б. Фрэйзи, кватером. (Прим. Мэгги Миллер.)

Би. Я хочу объяснить одну вещь. Очень-очень давно мы жили на земле, мы ели вещи, которые растут на земле, и мы были счастливы. Потом нас прогнали с земли, и нам пришлось жить в воде. Но без земли нам плохо, мы о ней всегда думаем, вот почему мы любим плавать около берега, смотреть на людей.

Ж. Би, у меня очень важный вопрос: время от времени мы узнаем, что стаи дельфинов или китов выбрасываются на побережье и, когда их сгоняют в воду, они упрямо возвращаются на землю, чтобы умереть. Почему они так делают?

Би. Если мы умираем на земле, то тогда мы живем на земле после нашей смерти.

Ж. Если я правильно понял, земля — это ваш рай?

Би. Да.

Ж. А человек? Это ваш бог?

Би. Я не знаю. Я еще не очень хорошо понимаю слово «бог». Человек и земля для нас — это одно и то же. Мы любим человека очень-очень.

Ж. Почему?

Би. Фа это уже сказал: он добрый, гладкий, у него есть руки.

Ж. Вы говорите, что человек добрый. Но иногда он ловит вас и убивает.

Би. Мы знаем, что он убивает нас, чтобы взять на землю, вот почему мы на него за это не сердимся.

Ж. Фа, кажется, вы были очень поражены, когда узнали, что человек умирает?

Фа. Я не знал. Это меня очень огорчает.

Ж. Нас тоже. (Смех.)

Фа. Почему они смеются, Па?

Проф. Севилла. Чтобы забыть.

Фа. И ты, Па, тоже умрешь?

Проф. Севилла. Да.

Фа (смотрит на него с тоской). Это меня очень огорчает.

(Выражение глаз Фа поразило аудиторию, и наступила тишина, проникнутая настроением, довольно необычным для пресс-конференции.)

Ж. Би, я хотел бы вам задать еще один вопрос:

если дельфины выбрасывались на берег, надеясь попасть в рай, почему они не выбрасываются все?

Б.и. Нужна смелость, чтобы умереть. Мы любим плавать, ловить рыбу, играть и ласкать друг друга.

Ж. Вы очень привязаны к Фа, не так ли?

Б.и. Да.

Ж. Что бы произошло, если бы у вас его отняли?

Б.и. (в крайнем волнении). У меня отнимут Фа!

Проф. Севилла (встает). Я вас прошу, не задавайте подобного рода вопросов.

Ж. Би, я не говорил, что у вас собираются отнять Фа. Я только спросил у вас, что было бы, если бы у вас его отняли.

Б.и. Я умерла бы.

Ж. Как?

Проф. Севилла. Не задавайте таких вопросов.

Б.и. Я не стала бы ничего есть.

Проф. Севилла (с настойчивостью в голосе). Би, никто у тебя не отнимет Фа. Никогда. Это я, Па, говорю тебе!

Б.и. Это правда, Па?

Проф. Севилла. Это правда. (К аудитории.) Я хочу объяснить, почему я вмешался. Эмоциональная восприимчивость и воображение у дельфинов значительно живее, чем у нас. Кроме того, они не делают такого отчетливого различия, как мы, между реальным и возможным. Для них осознать возможность события или действительно пережить его — почти одно и то же. Вот почему нужно быть особенно внимательным. Вы можете задать вопросы, которые вы сочтете безобидными, но на самом деле они окажутся жестокими без всякой к тому надобности.

Ж. Я в отчаянии. Я не хотел расстраивать Би.

Ж. Разрешите мне задать вопрос, который, конечно, не будет жестоким. Фа, у французов есть поговорка: счастлив как рыба в воде. Что вы об этом думаете?

Фа. Я не рыба. Я китообразное животное. Сколько раз должен я это повторять? Вы видели когда-нибудь рыбий глаз? Он круглый и глупый. А теперь взгляните-ка на мой! (Фа поворачивает голову в сторону и хитро подмигивает аудитории. Все смеются.)

Ж. Я согласен, что у вас глаз не круглый и не глупый. Но мой вопрос не об этом. Ответьте, пожалуйста, счастливы ли вы в воде?

Фа. Без воды моя кожа очень быстро сохнет, и я не могу жить долго.

Ж. Вы отвечаете уклончиво. Я вас спрашиваю: счастливы ли вы в воде? Вы хотите дать мне ответ?

Проф. Севилла. Я вас прошу, не наседайте на него так. Дельфин не привык к такой агрессивности.

Ж. Почему он не хочет ответить на мой вопрос?

Фа. Я хочу ответить, но я не понимаю. Где я еще могу жить, кроме воды?

Ж. Фа, раз вы смотрите каждый день телевидение, я предполагаю, что вы не так уж несведущи в международных делах?

Лорример. Господа, я с сожалением должен вам сказать, что мы уже превысили на десять минут выделенное нам для этой пресс-конференции время. (Протесты.) Я напоминаю вам сказанное мною вначале: профессор Севилла полагает, что вопышки «молний», прожекторы и вопросы на этой пресс-конференции представляют собой тяжелое испытание для его воспитанников, и он считает, что нежелательно продолжать ее свыше часа.

Ж. Мистер Лорример, у меня еще три вопроса, позвольте мне их задать.

Лорример. Хорошо, задавайте ваши три вопроса, и они будут последними.

Ж. Фа, что вы думаете о Соединенных Штатах Америки?

Фа. Это самая богатая и самая могущественная страна в мире. Она защищает свободу и демократию. Американский образ жизни лучше всех других.

Ж. Что вы думаете о президенте Джонсоне?

Фа. Это добрый человек, который хочет мира.

Ж. Что вы думаете о Вьетнаме?

Фа. Оттуда нельзя уйти. Это означало бы поощрение агрессии.

Ж. В случае войны, Фа, взяли бы вы за оружие, чтобы сражаться за Соединенные Штаты?

Лорример. Это уже не три вопроса, а четыре.

И если вы мне позволите, я сам отвечу на ваш четвертый вопрос. Фа не может взяться за оружие, потому что у него нет рук. (Смех.) Господа, я благодарю вас за ваше любезное внимание и предлагаю, чтобы мы все выразили свою благодарность профессору Севилле и его воспитанникам Фа и Би за их великолепные достижения. Поистине я горжусь тем, что был здесь вместе с ним, вместе с ними, вместе с вами в этот исторический день. (Длительные аплодисменты.)

В те дни, когда, подобно разорвавшейся бомбе, весть о состоявшейся 20 февраля пресс-конференции потрясла США, югославский философ Марко Плевович находился в США по приглашению Калифорнийского университета и был поражен странным состоянием эйфории и возбуждения, царившим тогда в США, и так писал о нем одному из своих друзей, врачу в Сараево:

«С великими достоинствами американского народа уживаются, словно в противовес им, отдельные небольшие недостатки, среди которых я назову тенденцию к самодовольству (selfsatisfaction) и склонность к выпячиванию своей моральной правоты (righteousness). И то и другое в особенности заметно сейчас, когда читаешь газеты, слушаешь радио- и телепередачи, ведешь частные беседы. Самовосхваление достигает в настоящий момент той степени, до которой оно редко доходило даже в дни выдающихся успехов в космосе. Что касается до righteousness, то оно тоже приобретает самые неожиданные формы. Если попытаться сформулировать их как можно проще, то рассуждения сводятся примерно к следующему: «Если мы, американцы, первыми научили говорить дельфинов, то это произошло потому, что мы этого заслуживаем».

Разумеется, установление полностью основанного на членораздельной речи общения с животным видом представляет собой факт величайшего значения, и американцы вправе этим гордиться. Но меня беспокоит то, что этот значительный научный прогресс, или, как они выражаются сами в историко-военных терминах, «это завоевание новой границы» (the conquest of a

new frontier), в их глазах дает им право претендовать на лидерство в мировом масштабе. Когда американцы говорят с вами об этом исключительном скачке вперед, они охотно упоминают об огромных суммах, которые они вкладывали (и только они одни могли их вкладывать) в десятилетние опыты над дельфинами. Но одновременно сам факт успеха представляется им своего рода подарком всевышнего, который отметил таким путем наиболее достойный народ. Заставив говорить американских дельфинов, небо тем самым благословило Соединенные Штаты и утвердило их в той мировой миссии, которая, как они полагают, для них уготована.

Так обстоит дело в интеллектуальной среде, а на уровне несколько более низком с горечью и даже отвращением приходится констатировать, что этот сенсационный научный поворот в истории мира тотчас же сводится к разговорам о могуществе и возможной военной победе над другими странами. Шофер такси, который вез меня вчера в университет, заявил в самом же начале разговора: «Теперь, когда наши дельфины говорят, я готов поспорить с вами на десять долларов, что ни одна из этих проклятых русских подводных лодок не посмеет приблизиться к нашим берегам, чтобы закидать нас своими погаными ракетами». Я спросил у него, считает ли он, что русские действительно могут на него напасть. Он ответил: «Еще бы! И русские, и китайцы, и вьетнамцы, и французы, и вся эта грязная клика!» Когда подумаешь, что в атомных арсеналах США вполне достаточно содержимого, чтобы обратить в пыль и прах не только всех своих врагов, но всю планету, и в том числе самих себя, поражаешься, как прочно сидит в самом могущественном на земле народе мания преследования и какие бредовые формы она принимает. И это тоже очень тревожный симптом, ибо идея необходимости войны, даже агрессивной войны, в один прекрасный день будет легко воспринята населением, выдрессированным в таком духе, достаточно лишь представить эту войну в качестве предупредительной против врага, который готовится нанести внушительный удар».

Справедливо будет, однако, добавить к замечаниям Марко Ллеповича, что конференция от 20 февраля вызвала у американского народа и реакции, где проявились гораздо более симпатичные черты его характера: энгуизм, юмор и склонность к умилению. Не прошло и дня, как слава Фа — по крайней мере достигшая популярности Линдберга после его первого перелета через Атлантику — захлестнула всю Америку.

Но мало назвать это популярностью. Пожалуй, вернее говорить о любви и даже обожании, настолько порыв, устремивший сердца людей к двум дельфинам, был могуч и единодушен. Двести миллионов трепетали от переполнявших их чувств при одних только именах Фа и Би. На следующий день после 20 февраля пресса торжественно именovala их первыми животными, наделенными разумом. Любовь к животным смешалась в сердцах американцев с культом рационального, и в результате получилась смесь почти взрывчатая. Наблюдатели почувствовали, как бьется пульс этого великого народа, и поняли, куда может увлечь его избыток нежности. От одного конца огромного континента до другого Фа был одновременно любим как pet*, окружен восторгами как супервундеркинд и осыпал милостями и лаской как национальный герой.

Бейсбольная команда «Львы» отказалась от своего названия и решила отныне именоваться «Дельфины». С каждым днем увеличивалось число «Фа-Фан-клубов», в особенности среди молодежи, и многие популярные певцы выпустили специальные пластинки с дельфиньей, насвистываемой музыкой. Одна из песенок, произведшая фурор, состояла всего лишь из слов I love you, Bi**, повторенных на всех регистрах и на всех тонах, и пауз, заполняемых насвистываниями, то страстными, то медлительно-томными. В Миннесоте появился новый танец «дельфин-ролл». Партнеры, прижавшись друг к другу, топтались на месте, держа руки за спиной в знак отсутствия этих конечностей у дельфинов.

* Pet (англ.) — любимое животное.

** Я люблю тебя, Би (англ.).

За три недели «дельфин-ролл» полностью покориł Соединенные Штаты, Латинскую Америку и Западную Европу.

Начали открываться и возникать повсеместно «Би-клубы», женские варианты «Фа-Фан-клубов», имевшие успех в особенности среди четырнадцати-пятнадцатилетних учениц лицеев. В основе этих обществ лежало стремление девочек-подростков идентифицировать себя с Би, и уставы в отдельных случаях включали в себя такой неистовый культ Фа, что психологи забеспокоились и приступили к тайно проводившимся обследованиям. Они обнаружили, что на некоторых из parties*, своего рода таинствах, происходивших ночью в частных бассейнах для купанья, подростки в обнаженном виде плавали, усевшись верхом на резиновых дельфинов, и распевали негритянские псалмы, где имя господа бога было заменено именем Фа. Жаргон подростков также претерпел изменения. О мальчике девочки говорили: «О, дорогая, он — Фа», или наоборот: «Он — жуткий анти-Фа», в зависимости от того, нравился он или нет. Обследователи отметили, что, по их мнению, эмблема «Би-клубов» — дельфин, изображенный вертикально выскакивающим из воды, — представляет собой в действительности фаллический символ.

Эта необычайная популярность начала очень скоро подвергаться коммерческой эксплуатации. Пластинка, воспроизводящая наиболее сногсшибательные фрагменты пресс-конференции от 20 февраля, разошлась за несколько недель в количестве 20 миллионов экземпляров. Одна из фирм безалкогольных напитков стала готовить dolphin's drink**, воздействие которого на нервы и мускулатуру шумно рекламировалось. Поступил в продажу крем «Дельфиночка»: «он снабжает витаминами вашу кожу, эффективно отфильтровывает вредоносные солнечные лучи, и ваша эпидерма становится такой же нежной и гладкой, как у новорожденного». Бриллиантин «Дельфин» (на экстракте

* Вечерах, собраниях.

** Дельфиний напиток (англ.).

лаванды) обеспечивал мужской шевелюре безупречную элегантность, без которой невозможно преуспеть в жизни. Магазины были завалены всевозможнейшими предметами, на которых фигурировали Фа и Би. Нарисованных, литографированных, выгравированных или вытисненных, их можно было видеть на зажигалках, портсигарах, сервизах, галстуках, пепельницах, настенных часах, вешалках, подносах, графинах и даже на дверных ручках (которые, однако, ни в чем не напоминали стилизованных дельфинов, служивших для той же цели во Франции в XVIII веке).

Афиши Бродвея сообщили о двух ревю, посвященных дельфинам. В одном из них шестьдесят танцоров, изображавших волны, носили на руках по сцене шестьдесят девочек, одетых дельфинками, но гвоздем спектакля был, несомненно, брачный танец, во время которого чета дельфинов-людей грациозно извивалась в гигантском аквариуме на крайней грани эротического экстаза.

В царстве игрушек дельфины — из самой гладкой резины, со смеющимся ртом, с подвижными глазами и дыхалом, способным издавать звуки «па» и «ма» при простом нажатии спинного плавника, — вытеснили медведей. А с наступлением лета другая надувная непотопляемая модель в натуральную величину заменила на пляжах надувные матрацы. Выпущенный крупной фирмой, располагающей огромными средствами, надувной дельфин красовался на рекламных плакатах, установленных на автострадах: на них можно было видеть мальчишку, скачущего верхом на дельфине среди разъяренных волн, а подпись гласила: *You should not go to sea without a pigroise* *.

Нью-йоркский дом моделей создал новые модные платья «Нью-Лук Дельфин» и устроил в «Астории» их демонстрацию. Девушки были одеты в некое подобие мешков из гладкой блестящей ткани. Талия не была обозначена, и платье, сужавшееся в бедрах, заканчивалось сзади на уровне колен вставкой-клином,

* Вы не должны пускаться по морю без дельфина (или без цели). Игра на словах *pigroise* (дельфин) и *pigrose* (цель).

которая, несомненно, должна была изображать хвостовой плавник. Диктор рекомендовал покупателям выработать плавную и чуть колышущуюся походку, что должно было создавать иллюзию плавного движения в воде.

В ежедневной прессе, в еженедельниках, в ежемесячниках, в научно-популярных журналах, особенно в чрезвычайно многочисленных в США ревю, избравших своей постоянной темой природу и животных, дельфины стали господствующей темой. В большинстве статей, первая партия которых, исходившая от специалистов, была подана с максимальным блеском, авторы придерживались объективного тона (по факту на фразу), что, однако, не исключало то там, то здесь искорки юмора и сентиментальной ноты, придававших живость повествованию.

В более легковесных изданиях львиную долю, разумеется, отхватили себе шутки и карикатуры. В очередном номере «Плейбоя», вышедшем после 20 февраля, был опубликован на обложке фотомонтаж, где Анита Экберг в купальном костюме сжимала в своих объятиях Фа. Подпись гласила: «Он сказал, что она сложена, чтобы стремительно плавать».

Карикатуристы набросились на дельфинью тему с неутомимой жадностью. Можно было бы составить не один, а несколько огромных альбомов из рисунков, наводнивших прессу. На одном из таких рисунков был изображен дельфин-учитель (в очках). Он читает наполовину погруженным в воду дельфинятам книгу, лежащую на пюпитре с поплавками. На первом плане один дельфиненок, не скрывая недовольства и отвращения, с подчеркнутым безразличием не обращает никакого внимания на учителя, в то время как двое других учеников обмениваются такими репликами:

— What's wrong with him?

— He says he wants to learn Russian*.

На другой карикатуре изображена сцена во флоридском океанариуме, где как раз перед самым нача-

* — Что с ним?

— Он говорит, что хочет учить русский.

лом представления публика толпится у входа, а дельфины дефилируют перед своими встревоженными наставниками, потрясая плакатами, на которых можно прочесть:

more fish!
more water!
and less work! *

Даже когда Фа еще не достиг вершин популярности, дельфины уже появились в комиксах на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн», обязанные этим знаменитому Лилу Абнеру. После же 20 февраля, само собой разумеется, число посвященных им комиксов возрастало с каждым днем. Одна из таких историй, может быть самая характерная, называлась «Билл и Лиззи» и рассказывала о приключениях супружеской пары. Билл, своего рода супердельфин, был наделен широчайшей грудью и плавал с невероятной скоростью, в то время как Лиззи, значительно меньшего роста, с более округлыми формами, кокетливо моргала ресницами. История содержала массу захватывающих дух перипетий и, в частности, похищение Лиззи неким негодяем, которого звали Карский (у него было славянское имя, но азиатские черты лица, так что художник предоставлял читателям простор для интерпретаций). Карский, завладев Лиззи и спасаясь вместе с ней бегством на мощной моторной лодке, желал тем самым вынудить Билла перейти на службу к иностранной державе (тоже не уточненной), но Билл остался верен своим американским друзьям. Во главе команды атлетически сложенных дельфинов он настиг Карского после безумной погони в открытом океане, ускользнул, уйдя под воду, от пулеметного обстрела, вместе со своими товарищами опрокинул лодку и, ударом хвоста оглушив Карского (не убивая его), проделал обратный путь со своим потерявшим сознание пленником на спине и передал его в руки властей.

* Больше рыбы! Больше воды! И меньше работы! (англ.)

Хор прославлений и любовных излияний, возносившийся к дельфинам после 20 февраля, не был единодушным. То там, то здесь раздавались недовольные голоса, и печать тотчас же уделила им немалое место из потребности в противоречии, которая дремлет в человеческой душе. Некто Т. В. Мейсон, оптовый торговец скобяными товарами, бывший кандидат на сенаторское кресло от одного из южных штатов, в нашу-мевшей речи задал несколько гневных вопросов. «Почему, — спросил он, — нашего дельфина зовут Иваном? Профессор Севилла — коммунист? Если да, то как можно объяснить, что государственное ведомство доверяет коммунисту обучение наших дельфинов? У меня двое малолетних детей, — продолжал Мейсон с волнением, — мальчик и девочка, я надеюсь, что со временем они, подобно их отцу, станут хорошими американцами, но ни за что на свете, и даже за миллион долларов, я не согласился бы, чтобы коммунист учил их азбуке!»

По просьбе Адамса, считавшего, что такой выпад нельзя оставить без ответа, Севилла объяснил в специальном коммюнике, что накануне рождения Фа он смотрел кинофильм, называвшийся «Иван Грозный» («Ivan le Terrible»). На следующий день, когда родился дельфиненок, один из ассистентов заметил, что новорожденный проявляет «жуткую» (terrible) подвижность: «Ну что же, в таком случае, — сказал профессор Севилла, — назовем его Иваном». Возможно, что это не первоклассная острота, но, во всяком случае, здесь нет оснований бить тревогу. Кроме того, говорилось в коммюнике, обвинения, выдвигаемые Т. В. Мейсоном, лишены оснований, поскольку Иван известен публике не под именем Иван, а под именем Фа, которое он дал себе сам.

В конгрессе живой обмен мнениями произошел между сенаторами Сэйлсбери и Спарком, прозванным «римским сенатором» за пристрастие к латинским цитатам. Сенатор Сэйлсбери предложил конгрессу учредить стипендии, которые позволили бы советским дельфинам посетить американские океанариумы, чтобы наши ученые могли сравнить советских дельфинов с их

американскими братьями. В красноречивых терминах Спарк выступил против этого предложения. Он заявил, что, если бы даже русские подарили США всех своих дельфинов, он не советовал бы конгрессу принимать этот подарок. «Timeo Danaos, — провозгласил он, — et dona ferentes» *. Он отвергал а fortiori **, непоколебимо идею пригласить в США за счет американских налогоплательщиков дельфинов, которые займутся подрывной деятельностью. Он назвал предложение сенатора Сэйлсбери «непристойным и безответственным».

Пол Омэйр Парсон (по прозвищу П. О. П. и еще более фамильярно именуемый близкими друзьями просто Поп) пошел гораздо дальше, чем Т. В. Мейсон, по пути отрицания и обрушился на сам принцип обучения дельфинов. Поп стал известен широкой публике после печальных инцидентов, которыми ознаменовалось выдвижение его кандидатуры на пост губернатора одного из южных штатов. Это был грубоватый, атлетического сложения детина, охотно скидывавший пиджак перед произнесением своих речей, его колоритный и крепкий язык доставлял живейшую радость журналистам.

«Моя голова, — воскликнул он, произнося речь в Атланте перед своими политическими единомышленниками, — не способна понять, почему конгресс тратит наши деньги на просвещение дельфинов. Мы были уже достаточно безумны, когда решили учить грамоте наших негров, и теперь у нас с ними неприятностей хватает. Зачем же нам еще сажать себе на шею дельфинов? Пусть дельфины остаются на своем месте, в море, а мы — на своем, и так будет лучше для всех.

Мы живем в мире безумцев, трусов и предателей, — продолжал Поп с яростью, — но пока у меня будет хоть капля крови в жилах, я буду восставать против безумия, трусости и подрывной деятельности. (Аплодисменты.) Что касается меня, то, как всякий амери-

* Бойтесь данайцев, дары приносящих (латин.).

** Безоговорочно (латин.).

канец, достойный этого имени, я люблю животных, и в особенности моего пса Роукки, но я считаю, что роль моего пса Роукки состоит в том, чтобы следовать за мной, когда я гуляю, и ложиться у моих ног, когда я сажусь, а не дискутировать со мной о так называемых преимуществах интеграции. (Смех.)

Что же касается дельфинов, я считаю необходимым выразить здесь раз и навсегда свое мнение, — продолжал он, дубася огромным кулаком по стоявшему перед ним пуопитру. Он сделал драматическую паузу и произнес, еще более повысив голос: — Я считаю, что рыбе место в моей тарелке, а не рядом со мной за столом, где я должен буду слушать ее неуместные замечания. (Смех и аплодисменты.)

Вы еще увидите, — воскликнул он в заключение, — что дельфины вскоре потребуют у нас гражданских прав!» (Продолжительные аплодисменты, сопровождаемые насмешками и враждебными выкриками, направленными против дельфинов.)

Опасения, выраженные Попом, нашли трагический отголосок вблизи одного из самых достопримечательных мест в США. 22 февраля мистер и миссис Фуллер, преподаватели среднего возраста, совершавшие свадебное путешествие к Ниагарскому водопаду, покончили с собой, приняв снотворные таблетки в номере отеля. Они объяснили свой поступок в записке, прикlopenной к подушке. «Сообщения, — писали они, — о том, что дельфины говорят, привело нас в отчаяние, в этом известии нам послышался похоронный звон по человеку в мире».

Суд в своем приговоре приписал случившееся временному умопомешательству, вызванному усталостью от путешествия и нервным перенапряжением у довольно пожилых людей во время медового месяца.

Американскому народу делает честь, что как раз в то время, когда проявились эти отрицательные умонастроения, люди доброй воли уже выступили в защиту прав дельфинов и потребовали улучшения условий их существования.

Группа психологов добилась от государственного агентства разрешения побеседовать несколько часов с Фа и Би, доставленных для этого во флоридский океанариум. Затем были проведены наблюдения в различных океанариумах над их немymi собратьями (their inarticulate brothers). Психологи опубликовали отчет, выжимки из которого, доведенные печатью до сведения общественности, произвели глубокое впечатление. «Из наших бесед с Фа и Би, — отметили ученые, — мы вывели заключение, что эти два дельфина располагают словарным запасом, знаниями и интеллектом среднего американского подростка, с той разницей, что они не прибегают к жаргону и говорят на правильном английском языке. Мы нашли, что отношения «человек — дельфин», какими бы хорошими они ни казались в океанариумах, должны развиваться в направлении большего равенства. Привязанность, которую дрессировщики и обслуживающий персонал испытывают к дельфинам, неоспорима и нередко трогательна, но она содержит оттенок списхождения, что свидетельствует о непреодоленности комплекса «человек — животное» и связанных с ним предрассудков. Напротив, у профессора Севиллы отношения «человек — дельфин» безупречны. Весьма вероятно, кстати, что именно благодаря глубокой человечности и полному отсутствию у него предрассудков профессор Севилла достиг с Фа и Би своих замечательных результатов.

Во всех бассейнах, которые мы посетили, — говорилось далее в отчете, — дельфинов кормят очень хорошо. Медицинское обслуживание также находится на должном уровне. Но тем не менее нельзя признать условия их жизни абсолютно безупречными; то, что они постоянно находятся в ограниченном пространстве, должно в конечном счете отразиться на их душевном равновесии. В связи с этим мы хотим подчеркнуть, что ни в коем случае бассейны не должны быть круглыми, так как дельфины приобретают в них отупляющую привычку непрерывно двигаться по кругу, привычку, аналогичную непрерывному хождению взад и вперед, наблюдаемому у хищников в клетке. Было бы лучше предоставлять в их распоряжение прямоугольные бас-

сейны, одна сторона которых достигала бы ста метров, то есть минимальной длины, необходимой для плавания с быстротой, дающей по крайней мере иллюзию свободы. Однако лучшим средством от «комплекса заточения», принимая во внимание исключительную лояльность дельфинов по отношению к их человеческим друзьям, было бы разрешать им время от времени свободное пребывание в открытом море, подобно побывкам, на которые отпускают солдат.

«Ассоциация американских матерей» опубликовала почти тотчас же свод мнений, звучавших примерно так же. «Поскольку дельфины говорят, — заявляли матери, — никто не может обращаться с ними как с животными. Поэтому какое право имеет доктор Лилли или любой другой ученый погружать электроды в мозг этих существ? Какое право имеют директора океанариумов заставлять их работать бесплатно и без нормированного времени, подобно цирковым животным? И почему директора бассейнов навязывают дельфинкам их партнеров, в то время как на воле, в естественной среде, дельфинки выбирают их свободно, по собственному вкусу?»

Что же касается реакции различных церквей, то ее следует отнести к самой возвышенной по духу и самой глубокой по сути затронутых вопросов, поскольку от них зависел будущий статус дельфинов в человеческом обществе. Первым поднял этот вопрос пастор-евангелист Лийд в наделавшей много шума статье «Долг Ионы». Лийд призывал обратить внимание на то, что дельфин относится к cetacea*, подобно киту (или, вернее, кашалоту), который проглотил Иону. Разве не примечателен уже тот факт, что кит (говоря традиционным языком) не искромсал Иону своими ужасными челюстями? Он не превратил его также в кашу с помощью мышц и соков своего желудка. Чрево кита оказалось для Ионы убежищем, а не могилой. И по истечении нескольких дней кит отпустил Иону на волю целым и невредимым, сохраненным для

* Китообразные (латин.).

ожидающих его деяний. Тайнственное и провиденциальное единение китообразных и человека!

Лийд говорил, что эти мысли возникли у него при чтении стенограммы конференции 20 февраля. Ему показалось, что человек еще не уплатил своего долга признательности по отношению к китообразным, поскольку последние отмечены с древнейших времен печатью провидения, как совершенно особые для человека существа. Лийд писал, что он был глубоко потрясен, когда в ответ на вопрос одного благонамеренного журналиста Фа спросил со свойственной ему откровенностью и непосредственностью: «Кто такой бог?» Какой христианин, вопрошал Лийд, не был бы охвачен горестным чувством перед лицом такого неведенья? Конечно, журналист ответил как мог, но единственным действительным ответом — Лийд не боялся этого произнести — было бы приобщить дельфинов к слову божьему. Ибо вопрос «Кто такой бог?» продиктован не банальной любознательностью, которую человек способен удовлетворить своим ответом, истинным или ложным, в зависимости от отвечающего. Этот вопрос: «Кто бог?» — уже сам по себе есть духовное томление. Если Фа, как все об этом свидетельствует, разумное существо, он способен причаститься к тайнам веры.

У многих пасторов-евангелистов, так же как и пасторов других сект, смелый тезис Лийда, однако, не преминул вызвать отпор и возражения. «Конечно, — писал по этому поводу пастор-баптист Д. М. Хоторн, — животные занимают свое место в мире божьем. Как и человек, они творения Бога, поскольку — от самого великого до самого малого — он извлек их всех из Небытия. Но Бог поставил их на более низкое место в иерархии существ и подчинил человеку. Бог не дозволил им любить Его, благоговеть перед Его тайнством и вкушать награду в Его царствии небесном. Я согласен допустить вслед за Лийдом, — продолжал Хоторн, — что дельфин Фа являет собой разумное существо. Но, к сожалению, душа и разум не синонимы. Есть ли у дельфинов душа? Вот в чем вопрос. Чтобы быть в этом уверенными, необходимо не менее чем бо-

жественное откровение или по крайней мере знамение, неоспоримое и несомненное. Обращение дельфинов в христианскую веру было бы великодушным деянием, но оно, возможно, открыло бы путь прискорбным вольностям, поскольку мы должны были бы отступить от текстов писания, данных нам Богом, чтобы мы строго им следовали. Имеем ли мы право, — спрашивал Хоторн в заключение, — изменить одновременно букву и дух Священного писания и сказать дельфину, наставляя его в вере, что искупитель умер на кресте во имя его спасения?»

Именно в этот момент в полемике раздался голос преподобного отца Шмидта. Родившийся во Франции, вероятно еврей по происхождению, Шмидт, получивший воспитание в Канаде и США, был иезуитом широкого и универсального ума. Доктор теологии, доктор биологических наук, этнолог, социолог, нумизмат, археолог, он знал, кроме двух своих родных языков (английского и французского), итальянский, испанский, немецкий, румынский и чешский (на котором он говорил, по уверениям чехов, без акцента, что весьма редко среди иностранцев). Он находился в переписке с Тейяром де Шарденом, лордом Бертраном Расселом, Гюнтером Андерсом и философом-марксистом Гароди. На седьмом десятке он взялся за изучение русского языка, «чтобы, — говорил он, — читать Толстого в подлиннике».

Шмидт обрушился на тезис Хоторна, проделав это энергично и талантливо. Он плох, во-первых, уже тем, говорил Шмидт, что такой взгляд означает поддержку религией отвратительной и смехотворной речи, произнесенной П. О. П.'ом в Атланте. В этом заключена большая опасность, от которой Хоторн первый бы предостерег, заметь он ее своевременно. Христианство, если оно не хочет себя дискредитировать, не может казаться связанным с отсталыми политическими доктринами. Оно должно, напротив, стараться сохранить контакт с эволюцией, происходящей в мире, ассимилировать прогресс мысли и стремиться включить в себя тем или иным образом наиболее важные открытия науки. Хоторн, несомненно, прав, находя различие ме-

жду душой и разумом. Но в данном случае на что опирается он, утверждая, хотя бы косвенно, что у дельфинов нет души? Что такое в действительности душа, как не способность того или иного существа ощутить метафизическую гнетущую неудовлетворенность своим земным жребием и освободиться от нее в порыве веры? Религиозные верования дельфинов, продолжал Шмидт, в том виде, в каком они предстают в описании Би (пресс-конференция 20 февраля), наивны и упрощены; это не мешает им, однако, содержать в себе основные элементы религиозного чувства: понятие о потерянном рае: дельфины были согнаны с земли в отдаленную эпоху; понятие о потустороннем мире: земля — рай, куда они попадают после смерти; понятие о самопожертвовании: они готовы отдать жизнь, чтобы быстрее и вернее достичь вечного блаженства; понятие о вызывающем обожание совершенстве: они испытывают живейшее чувство любви к человеку, воспринимаемому (ошибочно) как существо абсолютно доброе и всемогущее. Французский писатель Веркор прав, продолжал Шмидт, утверждая, что единственный подлинный критерий человеческого начала — это не физический облик, не язык, не даже разум, это — религиозное чувство.

Вопреки тому, что думает Хоторн, нет необходимости ожидать божественного откровения, ибо откровение как раз именно в том и состоит, что сегодня уже можно думать о приобщении дельфинов к христианской вере, имея возможность его осуществить. Знамение неоспоримое и несомненное, которого требует Хоторн, нам уже послано, — это чудесное появление дара речи у дельфинов.

Антропоцентризм, развивал Шмидт свои мысли далее, подобно геоцентризму, отжил свой век. Человек больше не один на планете. Отныне животным, отвечающим тем критериям, согласно которым сам человек определяет свою сущность, он должен относиться как к равным себе. Преодолев консерватизм ревнивых умов, можно понять, что человек и дельфин — это одно и то же существо, называемое разными именами. Не будет абсурдным поэтому сказать дельфину,

что Христос умер на кресте, чтобы его спасти, ибо под Человеком необходимо будет отныне подразумевать всякое существо, наделенное религиозным чувством и могущее быть наставленным в истинной вере с помощью членораздельного языка.

Еще раз, возвращаясь Шмидт к заключению к своему любимому тезису, обнаруживается, что нет действительной антиномии между наукой и религией. Наука, напротив, приводит нас к расширению понятия «человек», что открывает перед нами захватывающие перспективы: благодаря науке мы сможем теперь добиться того, что слово Христа проникнет до самых глубин океанов.

После появления этой статьи многие священники, принадлежащие к различным церквям, обратились к Лорримеру, испрашивая разрешения получить доступ к Фа и Би для наставления их в вере. Они натолкнулись на вежливый отказ. Комиссия, отвечал Лорример, понимает, сколь высокими побуждениями были продиктованы эти просьбы, но в настоящий момент она не видит возможности их удовлетворить, поскольку место, где профессор Севилла обучает Фа и Би, приходится держать в секрете по вполне понятным причинам, связанным с обеспечением безопасности *. С официальной точки зрения проблему приобщения дельфинов к христианской вере нельзя считать достаточно назревшей.

Совсем иная проблема привлекла внимание Белого дома и показалась ему требующей немедленного решения. Было решено, что недостаточно обучить одного или двух дельфинов. Если дельфинам предстояло стать столь ценными помощниками для военно-морского флота США, то следовало незамедлительно принять все меры для обеспечения их массового рекрутирования.

* Эти «вполне понятные причины» не были, однако, истинными, как Лорример откровенно сказал Адамсу позднее в частной беседе. «Психологи — ну, это еще куда ни шло. Но священники! И я и вы, Дэвид, христиане, и это никогда не мешало нам исполнять свой долг. Но бог знает, как будут реагировать Фа и Би, если набить им голову Евангелием. Чего доброго, они еще начнут отказываться служить в армии по мотивам религиозного характера!»

Настропаленный своими советниками, президент Соединенных Штатов не терял времени: он действовал. Напомнив, что 25 сентября 1945 года президент Трумэн принял историческое решение, аннексирующее континентальный цоколь США, — решение, которое отодвинуло подводные границы страны далеко за пределы территориальных вод, — правительство США провозглашало, что оно считает отныне принадлежащими США дельфинов, косаток, кашалотов и других китообразных, чей район спаривания и выведения детенышей заключен в границы континентального цоколя Соединенных Штатов. Вследствие этого уничтожение, поимка и ловля вышеперечисленных китообразных запрещается для всех кораблей, катеров и лодок, для всех рыбаков, групп рыбаков и рыболовецких предприятий какой бы то ни было национальности и входит исключительно в компетенцию военно-морского флота США.

Этот текст имел, однако, значение, выходящее за рамки тех практических соображений, которыми руководствовались его авторы. По существу, он вносил в историю человечества компонент огромной важности: впервые возникло понятие «дельфина-американца».

9

Зарубежные отклики на конференцию 20 февраля не были неожиданными: вежливые в социалистических государствах, восторженные в дружественных странах, восторженные и проникнутые беспокойством в государствах третьего мира. В этих странах, где эскалация во Вьетнаме с каждым днем порождала все большее беспокойство, ответственные лица вполголоса задавали себе такие вопросы: сколь далеко продвинутся еще Соединенные Штаты в индустриальном развитии, в чудесах, творимых наукой, и в экспансии на всех континентах? Не опьянит ли их теперь всемогущество и не станут ли они всякий раз, как только маленькая страна окажет им какое-либо сопротивление, посылать

своих дельфинов минировать ее порты и топить ее флот?

В Англии А. С. Крессент — член парламента — задал вопрос премьер-министру, каким образом Великобритания, морская держава по самой своей сущности, позволила опередить себя до такой степени в исследованиях дельфинов. А. С. Крессент считался эксцентричным франтиером и несколько свихнувшимся типом даже в своей собственной партии, но к его агрессивным, безудержно резким и всегда сенсационным выступлениям прислушивались.

Премьер-министр ответил, что, разумеется, «эта страна» располагает блестящими цетологами, но Великобритания не имеет возможности расходовать сотни миллионов фунтов стерлингов на одну лишь цетологию, и, кроме того, среди омывающих британские берега вод нет теплого моря, необходимого для разведения дельфинов. А. С. Крессент спросил, неужели премьер-министр настолько несведущ в морских проблемах, что даже не знает о существовании дельфинов, обитающих в холодных морях. Премьер-министр ответил, что Фа и Би принадлежат к виду *Tursiops truncatus*, а *Tursiops truncatus*, насколько ему известно, живут в теплой воде. А. С. Крессент заявил, что, по его мнению, температура воды не имеет никакого отношения к делу. Исходя из своего собственного опыта, он не видит, почему холодная вода является препятствием в обучении грамоте. (Смех.) Он спросил у премьер-министра, к чему расходовать ежегодно огромные суммы на королевский флот, если дорогостоящий английский авианосец может быть затоплен в несколько минут вражеским дельфином, которого не в состоянии обнаружить никакой сонар. (Hear! Hear! *)

Премьер-министр ответил, что опасения почтенного члена парламента необоснованны, поскольку на сегодняшний день только американские дельфины оперативно управляемы. Почтенный член парламента пожелал тогда узнать, может ли премьер-министр дать гарантию, что ни пародный Китай, ни СССР никогда

* Браво! Браво! (англ.).

не будут располагать операционально управляемыми дельфинами. Премьер-министр сказал, что он не может дать подобные гарантии, но что в случае необходимости защита великобританского флота может осуществляться американскими дельфинами в рамках НАТО. А. С. Крессент расправил грудь, и глаза его заблестели. Он подвел, наконец, премьер-министра к намеченной точке.

«Иначе говоря, — заявил он, — мы испрашиваем у Соединенных Штатов разрешения существовать на этом свете и получаем милостивое согласие. Мы просим у них спасти фунт, и они его спасают! У нас нет дельфинов — пустяки, они нам одолжат своих! Дизраэли говорил в свое время об Ирландии, что она находится по отношению к нам в положении «величественного нищенства», в таком же положении мы сами находимся сейчас по отношению к Соединенным Штатам! (Протесты.) У нас нет независимой экономики, нет денег и нет внешней политики. (Крики: «Голлист! Голлист!») Если любить Великобританию — значит быть голлистом, в таком случае да, я голлист! (Смех.) Я не намерен этого скрывать! Я глубоко потрясен падением нашего престижа в мире и тем, что мы безоговорочно плетемся за Соединенными Штатами. Таковы факты, и было бы лицемерием не считаться с ними: мы становимся колонией нашей бывшей колонии! (Крики: Shame! Shame! *)»

Во Франции депутат Мариус Сильвен, один из наиболее блестящих представителей оппозиции, обратился к премьер-министру с такими словами:

«Вы только что воздали заслуженную хвалу американской науке, которая совершила «невероятный скачок вперед», научив говорить дельфинов. Это прекрасно, господин премьер-министр, но этого еще недостаточно. Я предлагаю вам пойти немного дальше в ваших рассуждениях. У Франции нет дельфинов, овладевших речью. У США они есть. В свете этого считаете ли вы, что наш выход из НАТО в 1969 году был своевременным, поскольку он произошел как раз в тот

* Позор! Позор! (англ.).

исторический момент, начиная с которого любой военно-морской флот будет испытывать необходимость в этих незаменимых помощниках, как для своей защиты, так и в разведывательных целях? (Аплодисменты на скамьях Федерации и Демократического центра.) Коротче говоря, я предлагаю правительству посмотреть фактам в лицо, а не уживаться мечтами о величии, порожденными самым узким национализмом. (Протесты со стороны ЮНР.) Откройте глаза, господа! В экономическом, финансовом, военном отношении Франция — маленькая страна, которая не может *faire da se!* * (Живые протесты ЮНР, «независимых» и на некоторых скамьях коммунистов.) Вы отрицаете это? (Крики: «Да, да!») Прекрасно, в таком случае я говорю, что Франция должна выбирать: или она возвращается в НАТО (протесты на скамьях ЮНР и коммунистов), и ее корабли тогда получают от Соединенных Штатов тот заслон из дельфинов, без которого военному флоту в наши дни остается только взять курс на свалку железного лома (протесты), или Франция обучит сама своих собственных дельфинов. (Восклицания: «Конечно! А почему бы и нет?») Вы говорите: «Почему бы нет?» Присоединяюсь. (Иронические возгласы на скамьях ЮНР: «Тогда голосуйте вместе с нами!»)

Я говорю вслед за вами: «Почему бы и нет?» Но я не буду, однако, вместе с вами голосовать по причине, которую вы сейчас узнаете. Но предварительно я приглашаю вас поразмыслить над некоторыми цифрами. Соединенные Штаты насчитывают сто пятьдесят цетологов. Япония — восемьдесят. Англия и Западная Германия — по пятнадцати каждая. А знаете ли вы, господа, сколькими цетологами располагает Франция? Двумя! (Восклицания и протесты.) Я говорю — двумя. Господа из парламентского большинства, вы находитесь у власти начиная с 1958 года. Что вы сделали за этот период для цетологии? Я отвечу за вас. Ничего! Абсолютно ничего! (Аплодисменты и протестующие возгласы.) Организовали вы цетологические исследования? Нет! Были ли вами созданы и субсидированы це-

* Позволить себе это (итал.).

тологические лаборатории? Нет. Была ли организована вами поимка дельфинов в Средиземном море, с целью их изучения? Нет. Создали ли вы хотя бы бассейны, где в будущем можно было бы содержать дельфинов? Нет. Один из двух французских цетологов выпрашивал у вас крошечный кусочек острова напротив Марселя под питомник для дельфинов. Добился ли он чего-нибудь от вас? Абсолютно ничего! И знаете ли вы, господин премьер-министр, куда собирается отправиться этот цетолог, чтобы изучать дельфинов? Я могу вам это сказать: в Соединенные Штаты! (Смех, аплодисменты, возгласы протеста.)»

Американское военно-морское ведомство и госдепартамент в лихорадочном напряжении ожидали откликов из Советского Союза на пресс-конференцию 20 февраля. Эти отклики поступили в два приема и по истечении очень длительного срока, — так, во всяком случае, показалось нетерпеливым наблюдателям.

23 февраля правительство СССР в дипломатически вежливых тонах поздравило правительство Соединенных Штатов, американских ученых и американский народ с успехами, достигнутыми в зоологии.

2 марта «Правда» в редакционной статье вновь обратилась к проблеме дельфинов. Это было сделано в тщательно взвешенных выражениях. Советские ученые, писал автор статьи, изучают дельфинов в течение многих лет и достигли «потрясающих результатов». Автор восхищался достижениями дельфинов профессора Севиллы, но у него не было, однако, впечатления, что советская цетология в чем-либо отстала от американской. «Хотя, — добавлял он, — сравнивать не так просто, ибо дельфинологическая программа Советского Союза отличается по своим целям и методам от американской дельфинологической программы.

В противоположность американцам, которые — жертвы традиционно индивидуалистического мышления, развитого капиталистическим *struggle for life* *, —

* Борьба за жизнь (англ.).

сконцентрировали свои усилия на одном или двух дельфинах и превратили их в своего рода чудо, наши ученые стремились прямо перейти к массовому привитию дельфинам зачатков культуры. Они этого в определенной мере добились, создав упрощенную систему общения, благодаря которой заставляют повиноваться себе около сотни дельфинов в Черном море. Эти дельфины уже используются на промысловой ловле рыбы и дают весьма удовлетворительные показатели.

— Черт возьми, — сказал Лорример, когда Адамс принес ему перевод этой статьи, — мы ни на шаг не продвинулись вперед. Что означает «они этого в определенной мере добились»? Что означает «упрощенная система общения»? У меня тоже упрощенная система общения с моей собакой, но это все-таки не язык! Сукины дети, рты у них застегнуты на все пуговицы, так же как их мундиры!

Голдстейн, о приезде которого Адамс предупредил в четверг, 6 марта, появился на пороге бунгало в субботу в первом часу дня. Он был высокого роста, широк в плечах, с могучей грудью, пучки рыжих и седых волос торчали из-под открытого ворота его рубашки. У него была мускулистая шея, грубоватые черты лица, агрессивный подбородок; пышная седая волнистая грива придавала ему вид старого льва. Он приближался к террасе бунгало как-то боком, его большие мускулистые ноги в ботинках на толстом каучуке, казалось, при каждом шаге отскакивали от земли. Он наклонил голову немного вперед, отчего еще четче обрисовались тяжелые круглые плечи. Его голубые, хитрые, насмешливые глаза рассматривали Арлетт и Севиллу.

— Меня зовут Голдстейн, — сказал он громким голосом, протягивая свою волосатую руку Севилле. — Это я та самая акула, которая, начиная с сегодняшнего дня, будет отбирать у вас десять процентов со всех ваших гонораров. Мисс Лафэй, познакомиться с вами — это своего рода подарок судьбы, вы прекрасны и очаровательны, вы еще более великолепны и соблазнительны, чем на ваших фотографиях, вы копия Ма-

рии Манчини, вы, разумеется, знаете, это была красавица, которую обожал Людовик XIV.

— Голдстейн, — сказал, смеясь, Севилла, — бесполезно опарашивать Арлетт эрудицией. «Лайф» раньше вас сравнил ее с Марией Манчини. Бесполезно также и ухаживать за ней, на той неделе мы с ней поженемся. Лучше сядьте и выпейте стаканчик.

— Вы женитесь на ней? — сказал Голдстейн, опускаясь в белое лакированное кресло, затрепавшее под его тяжестью. — Когда вы рассчитываете закончить вашу книгу о Фа и Би?

— Я надеюсь, месяцев через шесть.

Голдстейн откинулся в кресле, в его глазах были задор и лукавство, седые волосы светились как ореол вокруг головы.

— Вот что я скажу, Bruder *, — произнес он, хлопнув по плечу Севиллу. — Вы должны жениться тоже через полгода, и я уже вижу заголовки, которые появятся в газетах в момент выхода вашей книги: Pa weds Ma **.

Севилла и Арлетт рассмеялись. Голдстейн обрушил на них новую лавину слов:

— Какая реклама! Люди будут вас обожать, Севилла. Вы так знамениты, что должны, по их прогнозам, жениться на какой-нибудь чековой книжке, и они будут растроганы до слез, узнав, что вы женитесь на машинистке, у которой нет ни гроша.

— Но я совсем не машинистка, — сказала Арлетт.

— Что вы! Что вы! — воскликнул Севилла. — У нее грудa дипломов, и ее отец — важная шишка в крупном страховом обществе.

— Знаю, знаю, — сказал Голдстейн, — вы думаете, что я не вызубрил ваших биографий, прежде чем явиться сюда? Я говорю вам не то, что есть, а то, что напишут газеты. Вся Америка примется утирать слезу умиления, узнав, что Севилла женится на своей секретарше, вместо того чтобы вступить в брак с госпожой Машин-Шпрум, королевой стали.

* Брат (нем.).

** Па женится на Ма (англ.).

— К несчастью, — сказал Севилла, — не может быть и речи об отсрочке до выхода книги, мы поженемся через неделю.

Голдстейн пожал своими могучими плечами и нахмурил брови:

— Послушайте, я не хотел бы, чтобы меня сочли дурно воспитанным, но...

Севилла поднял руку.

— Не тратьте силы напрасно, — сказал он смеясь.

Голдстейн поднес свой стакан с виски к губам и принялся пить. Севилла с завистью посмотрел на его руку, широкую, мускулистую, с крупным большим пальцем. Она не держала стакан, она, если можно так выразиться, захватывала его, это была рука человека, который чувствовал себя легко в мире вещей.

«Я утратил эту непосредственность», — подумал Севилла.

Голдстейн поставил стакан.

— Старик, если я должен опекать ваши финансы, необходимо доверять вашему опекуну. Адамс сказал мне, что два года на вашем счете в банке лежит пятнадцать тысяч долларов, и вы с ними ничего не делаете. Это скандал. Пятнадцать тысяч долларов, положенные из десяти процентов годовых, за два года принесли бы вам три тысячи долларов, на которые вы могли бы купить себе новую машину вместо вашего старого быонка, не прикасаясь к вашему основному капиталу.

— А зачем мне отказываться от моего быонка?

— Ну вот, — сказал Голдстейн, широко разводя руками и глядя на Арлетт, как бы призывая ее в свидетели, — я был в этом уверен, перед нами — пророк. Я, осмелюсь сказать, помешан на деньгах, как вы, Севилла, помешаны на бескорыстии. Хорошо! Где контракт, который прислал вам Брюккер?

— Там, на столике возле вашего стакана. Я его достал, когда узнал, что вы должны приехать.

— Поглядим, — продолжал Голдстейн, беря контракт, — изучим этот монумент бесчестности. Даже еще не читая его, я уже поздравляю вас с тем, что у вас хватило нюха не подписать его.

Он погрузился в чтение.

— Бог мой, какой мошенник! — пробормотал он спустя мгновение.

— Мошенник? — сказал Севилла.

Голдстейн рассмеялся.

— Нет, нет, не в буквальном смысле, не принимайте этого обвинения буквально, он мошенник, какими бывают в основном все порядочные дельцы. Иными словами, он вас обворует, но в весьма разумных границах, и сверх того это прекрасный издатель, динамичный, решительный; вы попали в хорошие руки, Севилла. Мисс Лафэй, разрешите воспользоваться вашим телефоном?

— Я вам его сейчас принесу, — сказала Арлетт.

Секунду спустя она вернулась, длинный белый шнур тянулся за ней, извиваясь по красным плиткам пола. Голдстейн окинул ее взглядом: «Прелестная пташка, и, видно, из тех, которые не подводят. Это будет прочная пара».

— Я звоню вашему бандиту, — сказал он, подмигнув, и трубка утонула в его огромной лапе.

Время шло, минуты ожидания, бесполезные, мгновенно превращающиеся в пустоту. Голдстейн звонил Брюккеру, вот и все. Севилла взглянул на Арлетт и улыбнулся ей, она тоже ему улыбнулась, и Голдстейн посмотрел на того и другого отсутствующим взглядом, без всякого выражения. У Севиллы было такое ощущение, как будто жизнь, этот непрерывный полноводный поток эмоций, мыслей, проектов и опасений, внезапно замерла в каком-то пустом пространстве — вакуум без цвета и содержания.

— Брюккер? Это Голдстейн, я вам звоню по поводу Севиллы. Да, я его литературный агент. Не надо сразу так отчаиваться, старик. Ах! Ах! Ну что вы, я вас тоже очень люблю. Через полгода он вам передаст свою рукопись. Да, он будет писать сам, этот тип полон жизни и ума, на этот счет не беспокойтесь. С этой стороны все в порядке, чего нельзя сказать о вашем контракте. Слушайте, что я буду вам говорить: мы оставляем за собой все права на предварительные и последующие публикации, все права на переводы и экранизации. Вы? Ну что вы! Вас не приходится жалеть,

вы располагаете американскими, английскими, канадскими, австралийскими правами, и вы полный хозяин в других странах английского языка. Это совсем не пустяк!.. Во-вторых, наш гонорар поднимается до пятнадцати процентов... Нет, Брюккер, нет, пятнадцать процентов — это последнее и безоговорочное слово; я говорю — пятнадцать, восемь и семь, и, разумеется, из расчета не такого жалкого, как эти пятьдесят тысяч долларов, которые вы предлагаете. Что? Что? Я говорю — жалкого. Сто? Послушайте, Брюккер, будем говорить серьезно, пусть вас это удивляет, но я заявляю, что не хочу ваших ста тысяч долларов, я их не желаю. Я их отталкиваю ногой, я плюю на них, если вы хотите знать, Брюккер, вы не получите этой книги за ваши несчастные, за ваши задрипанные, за ваши нищенские сто тысяч долларов! Брюккер, я плюю на них, говорю я вам. Сколько хочу? Наконец-то! Bravo! Я хочу двести...

Голдстейн отнял трубку от своего уха, прикрыл микрофон правой рукой, посмотрел на Севиллу и сказал нормальным голосом:

— Он взвыл, как будто его ошпарили, но то, что он говорит, не имеет никакого значения, он уже решил дать их нам, он продолжает протестовать лишь для очистки профессиональной совести.

Севилла нахмурил брови:

— Но ведь это чудовищная сумма!

— Еще бы! — сказал Голдстейн. — Только со стран английского языка вы получите два миллиона долларов гонорара, ну а Брюккер... Я не осмеливаюсь даже сказать вам, сколько он схапает.

Он приложил трубку к уху.

— Простите. Нет, нет, нас никто не прерывал. Послушайте, Брюккер, вы заставляете терять время меня, Севиллу и самого себя. Я говорю — двести. Что? Вы согласны? Когда? Сразу же? Великолечно! Пришлите новый контракт Севилле, вы получите его пазад с обратной почтой, я вам говорю — с обратной почтой, я вам даю абсолютную гарантию. Не завтра. В понедельник, если вам угодно. В понедельник я доставлю себе эту радость.

Он повесил трубку, опустил ладони на ляжки, перевел взгляд с Арлетт на Севилла. У него был гордый и усталый вид. На лбу блестели капельки пота. Он не мог отдышаться, как будто только что проделал какое-то трудное физическое упражнение.

— Бездна денег, — сказал Севилла спустя мгновение.

Голдстейн посмотрел на часы и встал.

— Вот что я хочу сказать, Севилла, и не вздумайте недооценивать моего совета. Это вполне серьезно. Как только Брюккер выплатит вам аванс, купите большой дом с большим садом и в этом большом саду постройте себе противоатомное убежище. Я как раз только что сделал то же самое, мне кажется, что мы приближаемся гигантскими шагами к грядущему мировому масштабу.

— Сейчас, — сказал Севилла, — Голдстейн обедает в своем самолете, в высшей степени довольный собой. Он рассмеялся.

— Он симпатичный, — сказала Арлетт, — мне очень понравился весь этот фокус, который он проделал по телефону с Брюккером.

Полулежа в кресле-качалке, Севилла смотрел, как Арлетт накрывает стол к ужину: ветчина, салат латук, фрукты. С двух длинных сторон — по остроумному замыслу мастера — скамейки примыкали прямо к столу. Их можно было приподнять только вместе с ним. Стол из толстых дубовых досок почернел от дождя, растрескался на солнце. Севилла смотрел на него с удовольствием: прочный, деревенский, потемневший за свое долгое пребывание на открытом воздухе, на этой террасе, где он находился все триста шестьдесят пять дней в году и где он когда-нибудь закончит свое существование, ни разу не передвигаясь далее чем на несколько метров в тень в полдень и под вечер — на солнце. Хорошо известно, что дуб при благоприятных условиях может прожить более шестисот лет. «Боже мой, сколько человеческих поколений! И в сравнении с этим как коротка жизнь человека! Мы исчезаем поч-

ти мгновенно, как насекомые. Снова туда-сюда, работать, звонить по телефону, любить, а время течет секунда за секундой, минута за минутой, приближая меня медленно и непреклонно к тому моменту, когда я буду агонизировать на замаранных простынях. Меня охватывает дрожь ужаса при одной только мысли об этом, и самое невероятное — мы притворяемся, что забыли, живем как ни в чем не бывало, вместо того чтобы выть от страха. Так нет, куда там! Вот и мы здесь, весьма благоразумные, спокойные, энергичные, полные оптимизма, строим планы, жизнь принадлежит нам! И требует ли это доказательств, ведь умирают всегда другие!»

Спустя мгновение он подумал, ощущая угрызения совести: «Майкл! Майкл в своей камере, ожидающий суда, ожидающий приговора, все в его юной жизни пойдет насмарку».

— Мистер медведь, вы что-то загрузили!

— Да нет, — ответил он улыбаясь, — я думаю о своей книге. Я, пожалуй, слишком поспешил, сказав, что закончу ее через полгода.

— За стол! За стол! — воскликнула Арлетт. — Медведи, кошки, собаки!

Севилла встал и посмотрел на нее с нежностью. Как она любила повторять одни и те же радостные и внушающие успокоение слова и сцены! Проворно он перешагнул скамейку и положил руки на почерневшую дубовую доску.

— Я хочу есть, — сказал он с бодростью в голосе.

Он нарезал салат и ветчину в своей тарелке на маленькие-маленькие кусочки.

— Миллион долларов, — сказал он. — Что мы станем с ними делать? О, я знаю, мы их положим в банк под десять процентов, как dixit * Голдстейн, и они принесут нам сто тысяч долларов. Ну, а что мы будем делать со ста тысячами долларов? Растратим. Сто тысяч долларов за год?! Это невозможно, во всяком случае, при нашем образе жизни, ведь мы и так зарабатываем вполне достаточно.

* Говорит (латин.).

— Ты положишь их тоже в банк под проценты, — сказала Арлетт весело.

Севилла поднял свой нож, как дирижерскую палочку.

— Браво! Это голос самого здравого смысла! Мы положим их в банк, и на следующий год у нас будет уже сто десять тысяч долларов дохода. При таких темпах я мигом удвою свой миллион, и что тогда мы будем делать с двумя миллионами?

Арлетт посмотрела на него и рассмеялась:

— Как что? Станем продолжать в том же духе!

— Прекрасно, — сказал Севилла, — мы продолжаем, и еще через несколько лет у нас три миллиона, и в это время, поскольку так уж заведено, я умираю и оставляю в наследство один миллион Джону, один миллион Алесу, один миллион тебе. Бедняжка, что ты будешь делать с твоим миллионом? Разумеется, ты будешь продолжать действовать так же, накапливая колоссальные суммы, которые ты никогда не сможешь истратить.

Он посмотрел на Арлетт, подняв брови.

— Я не хотел бы, чтобы ты думала, что я ставлю себя выше денег. Это не так. Люди всегда немного лицемерят, когда дело касается денег, они принимают позы: позу бескорыстия или, как Голдстейн, позу скупости. В действительности же я знаю от Адамса, что Голдстейн воспитал один шестерых своих братьев и сестер, когда ему было четырнадцать лет, его отец умер, не оставив ничего, Голдстейн кормил всех, в том числе свою мать, бабушку и сестру бабушки, целую ораву, он вносил плату за ученье всех своих младших братьев, выдал замуж своих сестер, поставил всех на ноги. Можно, конечно, сказать, что это великодушные проявления себя внутри довольно узкого круга, но и это уже редкое и замечательное явление: достичь стадии такого группового эгоизма, — большинство людей ограничиваются всего лишь своей собственной персоной. И вот Голдстейн называет себя скупцом, а меня считает бескорыстным, потому что я никуда не вложил пятнадцать тысяч долларов, покоящихся на моем

счете, но истина состоит в том, что я боялся их потерять при неудачном вложении, я совсем не бескорыстный, я некомпетентен в этих делах, в действительности я часто думал об этих пятнадцати тысячах долларов, они создавали у меня чувство уверенности в себе, и ты думаешь, что я равнодушен к этой перспективе получить миллион долларов? Не будем лгать. В индустриальном обществе деньги представляют собой единственную свободу, которая не остается чисто теоретической. Это совершенно невыразимое чувство — жить, зная, что завтра с этим миллионом долларов мы, ты и я, можем отправиться в любую точку земного шара, можем делать все, что нам вздумается, окруженные этим золотым барьером, который будет защищать нас от всего. Да, разумеется, такие возможности и такая свобода заманчивы, но одновременно я боюсь этих денег, я отношусь к ним с недоверием, мне не хотелось бы, чтобы они отняли у меня мое желание творить, чтобы они развратили и расслабили меня и чтобы я начал незаметным для самого себя образом делать ради них вещи, которые не заслуживали бы моего полного одобрения. Нет, пусть эти деньги не гложут меня изнутри, как термиты.

Он повернул голову к морю и жадно вдохнул в себя воздух. За утесами солнце погружалось в воду, и все море покрылось сиреневыми отблесками, мягкими и успокаивающими. Хотелось броситься в эту синь, забыв об акулах. Она казалась гладкой, чуть подернутой рябью, в действительности это с высоты нельзя было различить гребней волн. Своей плавностью они напоминали дрожь, пробегающую под кожей лошади. Только последняя волна рассыпалась с грохотом, собирая, отбрасывая и перетасовывая гальку, все одни и те же камушки в течение десятков тысяч лет. Откачиваясь назад, она производила шум, напоминающий хриплое дыхание агонизирующего человека. Арлетт убирала со стола. На некоторое время он остался один, с газетой в руках. Севилла всегда скучал, когда Арлетт не было рядом. Стоило ей выйти из комнаты, как он сразу же ощущал холод одиночества. На третьей странице он наткнулся на интервью Алена и Джона, ко-

торых репортеру удалось разыскать в их маленьком домике в Новой Англии; журналист в броских заголовках приписывал им самые идиотские заявления:

«Мы не ревнуем к Фа».

«Мы его считаем

нашим полубратом».

Бедные мальчишки, они даже никогда не видели Фа; мне надо убедить Мэриен увести их в Европу, здесь им теперь все время грозит опасность, чего доброго, в один прекрасный день их у меня похитят и потребуют выкуп. Но попробуйте убедить Мэриен. Достаточно мне будет сделать это предложение, как она сразу же его отвергнет. Страсть противоречить мне всегда берет у нее верх даже над интересами детей. Он услышал шаги Арлетт по террасе. Затем наступила страшная тишина. Он поднял голову. Арлетт стояла перед ним. Она дышала учащенно, маленькая гневная складка обозначилась между бровей, черные глаза блестели, как два кофейных зерна.

— Я не знаю, — сказала она, — играют ли тут роль слава и деньги, но, по-моему, ты уже достаточно избалован тем, что получаешь с 20 февраля ежедневно по десять любовных писем с фотографиями. Тут уже ничего не поделаешь, но то, что ты велел Мэгги завести для них специальное досье с фотографией перед каждым письмом и притащил это досье на уикенд сюда в бунгало, чтобы наслаждаться им в моем обществе, это мерзко, мерзко, мерзко.

Севила поднял брови.

— Но послушай, мысль завести такое досье пришла в голову не мне, а Мэгги, и я привез его сюда только потому, что у меня еще не было времени прочесть хотя бы одно из этих писем.

Он замолчал. Глаза Арлетт пылали гневом. Когда она ощеривалась, менялся даже ее голос. Он становился более низким и сильным, ее тело казалось более плотным, она вся превращалась в маленькую крепость. В этих случаях требовалось в два раза больше времени, чтобы разумный довод мог прорвать линию обороны.

— Ну и что же? Раз это Мэгги, — сказала она, ничуть не смягчившись, — то она действовала с редким коварством, и ты не должен был ее поощрять и брать это досье на уикенд со мной, это мерзко и сверх того свидетельствует о самом дурном вкусе.

Он встал.

— Послушай, не принимай этого так близко к сердцу. Я подумал, что будет забавно полистать эти письма.

— Забавно? — сказала она, сотрясаясь от гнева. — Письма этих сумасшедших идиотов, которые тебя ни разу не видели и предлагают тебе вступить с ними в брак, прибегая к более или менее завуалированным выражениям, а некоторые — даже вступить с ними в связь, я цитирую, не требуя от тебя никаких обязательств?

Севила выпрямился.

— Ты их читала?!

— Да, — сказала она решительно, и слезы брызнули у нее из глаз и потекли по щекам. — Я позволила себе пройтись по этому гарему, этому рынку наложниц и даже полюбовалась фотографиями. Какие платья! С какими вырезами! Зазывающие! Облегающие! Такие облегающие, что думаешь, не спиты ли они прямо на теле. Какой фестиваль самых отчаянных девиц! Все как отлитое или угадывается за прозрачной тканью. А некоторые в бикини, а две или три и вовсе без бикини, в артистических позах. О, не смейся, не смейся, я никогда не видела ничего более отвратительного, чем эта выставка женщин, готовых отдаться. Какое жалкое представление создает это о нашем поле, честное слово, я чувствовала себя униженной!

— Стоп! — воскликнул Севила, протягивая вперед руку наполовину шутливо, наполовину повелительно. Он вошел в гостиную бунгало, быстрыми шагами направился к маленькому столику, на который он бросил досье в полдень, когда они приехали, схватил его и вернулся на террасу.

— Это оно? — сказал он, показывая нераскрытую папку Арлетт.

— Да, это оно!

Севиλλα подошел к балюстраде, отвел руку назад и со всего размаха, изо всех сил швырнул досье в море. Наступила мгновенная тишина. Папка раскрылась в воздухе, из нее посыпались фотографии, и казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем она с чуть слышным плеском погрузилась в воду, сразу же покрывшись зеленой пеной увлекшего ее прибою.

— Дискуссия закончена! — сказал Севиλλα, кладя правую руку на плечо Арлетт. Она молча прижалась к нему.

— Странно, — сказал он спустя мгновение, — что успех переводится тотчас же на язык денег и секса, то есть, по сути дела, на язык силы. Мы еще не вышли из феодализма — дворец и гарем, замок и право первой ночи, — мы еще в самом разгаре цивилизации, построенной на насилии.

— Голдстейн, — негромко произнесла Арлетт спустя несколько секунд, — сказал одну вещь, которая меня сильно поразила: он уверен, что на нас гигантскими шагами надвигается третья мировая война.

— О, не знаю! — ответил Севиλλα поспешно. — Не знаю! Я предлагаю пройтись по пляжу, пока еще не совсем стемнело.

Он замолчал и молча стал спускаться, идя впереди Арлетт по прорубленным в скале ступенькам, которые вели к маленькой бухточке. Среди ступенек попадались такие узкие, что приходилось ставить ногу не поперек, а вдоль и передвигаться боком, по-крабьи. На уровне бедра в стене были кольца, но пеньковый канат, служивший перилами, исчез. Севиλλα уже в двадцатый раз говорил себе без особой убежденности, что, быть может, стоило бы его заменить, для этого достаточно кушить подходящей длины веревку, завязать по узлу наверху и внизу, чтобы закрепить ее с двух концов, это минутное дело. Он знал, однако, что никогда не соберется этого сделать.

В маленькой бухте был уголок, где для защиты от северного ветра кто-то, скорее всего дети предыдущих стемщиков бунгало, воздвиг грубую стену из сухих камней. Она была построена кое-как, часть ее обва-

лилась, но остатки держались прочно. Севиλλα протянул руку Арлетт, когда она перешагивала через вал. Они сели, прижавшись плечом к плечу, опершись спиной об еще теплое подножие скалы.

— В тот вечер, когда Майкл подал мне свое заявление об уходе, — сказал Севилла, — он тоже говорил мне о третьей мировой войне. Вот как он себе представлял ход событий. Даже если США бросят на это миллион человек, они не смогут выиграть войну во Вьетнаме с помощью классического оружия, а по мере того как война будет затягиваться, американские «ястребы» будут приобретать все большее влияние, и им удастся провести на пост президента человека еще более реакционного, чем Голдуотер. В этот момент генералы, которые, подобно Эйзенхауэру, уже давно требуют применения атомного оружия в Азии, одержат верх, захотят покончить с Вьетнамом, а заодно и с Китаем, пока он еще не обладает достаточным количеством ракет; будет состряпана какая-нибудь провокация, и затем в обстановке хорошо отрететированного возмущения бросят на Пекин первую кобальтовую бомбу.

— А СССР? — спросила Арлетт.

— СССР, по мнению Майкла, вмешается рано или поздно. Основная ошибка американских «ястребов», как думает Майкл, состоит в их расчете на то, что СССР позволит все это проделать, с радостью избавившись от китайской угрозы на своих границах. Но в действительности СССР не может позволить Соединенным Штатам наложить руку на огромные богатства Азии, стать, таким образом, в короткий срок хозяином планеты и уничтожить сам Советский Союз, предварительно изолировав его.

Арлетт посмотрела на Севиλλу испуганными глазами.

— А ты, — сказала она сдавленным голосом, — ты думаешь, что Майкл прав?

— Как я могу это знать? — произнес он с раздражением, широко разводя руками. — Чтобы добиться успеха при решении трудной задачи, надо сконцентрировать на ней все свои мысли и исключить все другое.

Он сделал раздраженный жест рукой, произнося «исключить все другое», так, как будто он отметал эту фразу далеко от себя.

— Однако, — продолжал он немного спокойнее, — я должен сказать, что слова Майкла произвели на меня определенное впечатление.

Он проглотил слюну и помрачнел:

— Майкл был так интеллектуально честен.

Он сказал «был» так, как будто Майкла уже не было в живых. Арлетт открыла рот, она хотела что-то сказать, но взглянула на Севиллу и замолчала: он сидел, нахмурив брови, уставившись прямо перед собой в пространство, уголки его губ опустились книзу.

Он резко поднялся с места.

— Пойдем домой, — сказал он, заметно нервничая.

Арлетт подняла брови:

— Уже? Но мы ведь только что пришли?

— Извини меня, — сказал Севи́лла, поворачивая голову в ее сторону, и она подумала: «Он смотрит, но не видит меня».

— Можно остаться, если ты хочешь, — добавил он с нетерпением.

— Но зачем? — сказала она тотчас же. — Пойдем!

Она встала и улыбнулась ему.

— Извини меня, — повторил он смущенно и раздраженно. — Это проклятое бунгало! Мы только и делаем, что поднимаемся и спускаемся! Никогда нельзя действительно размять ноги и пройтись по ровному месту.

— Но почему же? — сказала Арлетт. — Мы можем обойти весь берег, места достаточно, тут несколько километров.

— Нет, нет, — сказал он, махнув рукой. — Вернемся, раз ты хочешь домой.

Арлетт рассмеялась.

— Но это не я хочу, а ты...

Он посмотрел на нее с видом одновременно грустным, смущенным и нетерпеливым, но искорки доброты снова засветились в его глазах. Он улыбнулся и,

сказав: «Да, да, конечно, это я», — ступил на лестницу в скале.

Архитектор, строивший бунгало, в одинаковой мере не любил ни дверей, ни окон; дверей не было ни между маленькой кухней и столовой, их не было также между спальней и ванной. Раздеваясь, Севи́лла смотрел на голую Арлетт, чистившую зубы. Чтобы лучше видеть себя в зеркале, она наклонилась над раковиной умывальника, тело подалось вперед, живот подобран. Это была наивная и грациозная поза послушной и умной девочки. Он улыбнулся, поток воздуха с силой хлынул в его легкие, он сдержал захватывавший его, почти удушающий порыв радости, именно радости, а не желания. Она пробудила ее, победоносная, как птица, но он знал, что есть грань в осознании своего счастья, которую не следует переступать, если не хочешь его разрушить. Ему было легко, он был счастливым и в то же время остерегался почувствовать себя чересчур счастливым. Ему казалось, что он купается в лучах света, скачет по молодым вершинам мира в первые часы дня. Красота этого тела, веселье, надежда, беспричинная радость! Он чувствовал, как грудь его расширяется до пределов выносимого, счастье внезапно сорвалось с места, перепахнуло рубежи, готово было свалить его на землю. Севи́лла рассмеялся. Ну конечно, это был выход, надо было смеяться, хитрить и с помощью смеха вернуть состояние полусчастья. Во всем есть, уверяю вас, кемпюжко чего-то забавного или хотя бы абсурдного. Вот пример: он чувствовал себя счастливым, потому что она чистит зубы. Он смеялся. Он чувствовал какую-то поддельность этого смеха и невозможность удержаться более секунды на такой вершине жизни. Мы лишь переходим из одного состояния в другое: смеемся, чтобы бежать от тоски, обладанием превозмогаем смех, нежностью излечиваемся от обладания — мгновение дикого счастья нельзя заставить остановиться, кто-то держит вас за плечи и толкает вперед: иди, иди, иди.

— Почему ты смеешься? — спросила Арлетт, склоняясь к зеркалу.

— Ты похожа на послушную девочку.

Она повернула голову, посмотрела ему в глаза, уловила его взгляд, горячая волна захлестнула ее целиком. Она тоже рассмеялась.

— Но я и есть послушная! — сказала она, задыхаясь.

Голова Арлетт покоилась на его плече. Он лежал плашмя на спине, касаясь матраца каждым своим расслабленным мускулом. Он протянул правую руку, выключил свет. Наступила долгая тишина. Дыхание Севиллы стало таким тихим и ровным, что Арлетт подумала, что он заснул. Однако, когда он снова заговорил, голос его звучал так, как будто они вели самую обычную беседу, как будто он возобновлял только что прерванный диалог.

— Если русские, — сказал он, — не втирают очки (его голос раздавался в тишине четко и резко), если им удалось использовать для рыбной ловли сотню дельфинов, то, следовательно, они продвинулись значительно дальше, чем мы предполагали, в установлении межвидовых коммуникаций. Даже если оставить в стороне их разговоры об индивидуализме и капиталистической «борьбе за жизнь», которая заставила нас, бедных американцев, сосредоточить все свои усилия на одной паре, все же приходится признать, что, по сути, мы еще ровным счетом ничего не сделали, научив говорить двух дельфинов. Нам еще остается распространить возможность коммуникативных связей на весь вид или по крайней мере на два-три десятка индивидов. И черт меня подери, если я знаю, с какого конца взяться за это дело.

БЕСЕДА ФА И БИ С ПРОФЕССОРОМ СЕВИЛЛОЙ. ПОНЕДЕЛЬНИК 9 МАРТА 1971 ГОДА, 10 ЧАСОВ УТРА

(Примечания профессора Севиллы: «Я не видел Фа и Би с тех пор, как в пятницу 6 марта покинул лабораторию. При виде меня Фа выпрыгнул из воды, стал бить по ней хвостом и издал целую серию радостных свистов. В течение всего этого времени Би

оставалась немного в стороне, молчаливая, настороженная, она почти не смотрела на меня.»)

Фа. Па! Где ты был? Где ты был?

С. Здравствуй, Фа!

Фа. Здравствуй, Па! Здравствуй, Па! Здравствуй, Па! Где ты был?

С. Здравствуй, Би!

Би. Здравствуй, Па. (Би в центре бассейна, она медленно описывает круги в направлении часовой стрелки и поглядывает на меня искоса, когда проплывает мимо, но она не издает никаких свистов и не выказывает намерения приблизиться. Фа у края бассейна, в одном метре от меня, игриво настроенный и полный радости. Когда я приблизился, он выкинул свою обычную шутку: окатил меня с головы до ног водой.)

С. Я уезжал отдохнуть вместе с Ма.

Фа. Отдохнуть? Ты хочешь сказать — спать?

С. Отдыхать — это значит ничего не делать.

Фа. А здесь ты не отдыхаешь?

С. Нет, не часто.

Фа. А там, куда ты уезжаешь, ты отдыхаешь?

С. Да.

Фа. А где это?

С. На берегу моря.

(Би перестает описывать круги, слушает внимательно, но не приближается.)

Фа. Здесь тоже рядом море. Иногда я слышу волны, а когда я пью воду, она отдает другими животными.

С. Я тебе объяснял, во время прилива мы открываем плюзы, и вода из моря наполняет бассейн.

Фа. Да, я знаю. Я не забыл. Я ничего не забываю, никогда. Мне очень нравится, когда у воды вкус моря и других животных.

С. Би, пойдی сюда.

(Би повинуется не сразу, а когда она подчиняется, то вместо того, чтобы прямо подплыть к борту, несколько раз делает крюк, показывая свое дурное настроение.)

С. Би, что с тобой? Ты сердисься?

Би. Ты не сказал, что ты уезжаешь.

С. Но это уже не в первый раз. До пресс-конференции я уже уезжал дважды.

Б.и. Да, но ты говорил, что уезжаешь.

С. Хорошо, следующий раз я тебе это скажу.

Б.и. Спасибо, Па. Там красиво, где ты был?

С. Очень красиво.

Б.и. Что ты делаешь, чтобы ничего не делать?

(Я смеюсь, и Фа тотчас же мне подражает, поглядывая насмешливо на Б.и. Би недовольно моргает, но ничего не говорит.)

С. Я играю с Ма, лежу на солнце и купаюсь.

Б.и. Ты должен был бы брать нас с собой.

Фа. Да, Па, ты должен брать нас с собой.

С. Я не могу, там нет бассейна.

Б.и. А где ты купаешься?

С. В море.

Б.и. А как же акулы?

С. Там, куда я езжу, нет акул. Но вам, пока меня нет, совсем не так плохо, вы играете.

Фа. Да, особенно вместе с Ба *. Он очень милый. Другие тоже очень милые.

Б.и. Я очень люблю Ба. Он все время с нами. Он купается с нами. Он играет с нами. Он нас ласкает. И он говорит. Много говорит.

Фа. Он читал нам статьи про нас. Но он не захотел объяснять. Он нам сказал: «Подождите Па».

С. Это я его просил вам прочесть.

Фа. Па, мне было грустно. Есть люди, которые нас не любят.

С. Всегда находятся люди, боящиеся новых вещей.

Фа. Они боятся нас?

С. Да.

Б.и. Я не понимаю почему.

Фа. Один человек сказал: «Место рыбы — в моей тарелке».

Б.и. Па, почему он так сказал, ведь мы же несъедобные?

Фа. И мы к тому же не рыбы.

* Боб.

Б.и. О Фа, не будь таким снобом.

(Я смеюсь, и Фа вместе со мной.)

С. Би, кто научил тебя слову «сноб»?

Б.и. Ба научил. Почему ты смеешься? Это плохое слово?

С. Это очень хорошее слово. В особенности когда Фа хвастается тем, что он млекопитающее.

Фа. Но я горжусь тем, что я млекопитающее. У дельфина мозг весит столько же, сколько и у человека.

С. Это верно. Ты не забыл.

Фа. Я никогда ничего не забываю.

Б.и. А есть еще статьи про нас?

С. Мы посмотрим после. А сейчас я должен тебе кое-что сказать.

Фа. И мне тоже?

С. И тебе тоже. Помнишь, Фа, это ты научил Би говорить.

Фа. Да, это я.

С. А теперь мне бы хотелось, чтобы вы оба научили говорить других дельфинов.

Фа. Зачем?

С. Двух говорящих дельфинов мало.

Фа. Почему?

С. Это слишком долго объяснять.

Фа. Тебе доставит удовольствие, если мы научим других дельфинов?

С. Да.

Фа. А как мы будем действовать?

С. Я приведу к вам дельфинов.

Б.и. Сюда? В бассейн?

С. Да.

Б.и. Дельфинов или дельфинок?

С. Одну дельфинку для начала.

Б.и. Нет! Нет!

С. Почему нет?

Б.и. Я не хочу.

С. Не хочешь?

Б.и. Я ее побую. Я ее укушу.

С. Но послушай, Би...

Б.и. Я отниму у нее ее порцию рыбы.

С. Но послушай, Би, это будет очень нехорошо с твоей стороны.

Би. Да.

С. Ты хочешь быть нехорошей?

Би. Да, я буду нехорошей, все время я буду ее кусать.

С. Но послушай, Би. Почему?

Би. Я не хочу, чтобы Фа за ней ухаживал.

(Фа смеется. Би поворачивается к нему и ударяет его хвостом; он ускользает от удара и не отвечает на него.)

С. Би, но ты же знаешь, что в море всегда так бывает.

Би. Это другое дело.

С. В море у самца всегда несколько самок.

Би. Это другое дело.

С. Почему это другое дело?

Би. Фа и я, мы говорим.

(Я на мгновение замолчал, настолько был поражен этим ответом.)

Фа. Ты молчишь, Па?

С. Би, а если вдруг другая дельфинка будет сильнее, чем ты?

Би. Тогда я попрошу Фа, чтобы он помог мне ее бить.

С. И ты, Фа, будешь ее бить?

Фа. Да.

С. Почему?

Фа. Я всегда делаю то, что мне говорит Би.

С. Почему?

Фа. Мне нравится так делать. Я очень люблю Би.

С. А если я впиуцу в бассейн дельфина?

Фа. Я буду с ним драться. Может быть, я его убью.

С. А вдруг он будет больше и сильнее тебя?

Фа. Би мне поможет.

(Я смотрю на Би, она подтверждает кивком головы.)

С. Би, поговорим об этой дельфинке. Какая разница от того, что вы с Фа умеете говорить? Прежде чем

говорить по-английски, вы говорили на языке дельфинов.

Би. Это другое дело.

С. В чем разница?

Би. Не знаю.

С. А до того, как ты стала говорить по-английски, ты согласилась бы допустить другую дельфинку в бассейн?

Би. Я очень люблю Фа. Я его люблю, как ты любишь Ма.

С. Ты заметила, что я люблю Ма?

Би. Да.

С. А если бы я не любил Ма, ты согласилась бы на другую дельфинку?

Би (с волнением). Ты хочешь перестать любить Ма?

С. Нет, нет. Я же сказал «если». Я тебе уже объяснял, что значит «если».

Би. Я не люблю «если». Фа хорошо понимает «если», а я нет. Вещи или есть, или их нет. Зачем «если»?

С. Слушай меня как следует, Би. Слушай, это очень важно. Ты не хочешь, чтобы другая дельфинка была в бассейне, потому что я люблю Ма?

(Молчание.)

Би. Да, может быть.

С. Ты хочешь быть с Фа, как я с Ма?

Би. Да.

С. А если бы ты не говорила по-английски, ты бы заметила, что я люблю Ма?

Би. Я не люблю «если». «Если» меня сбивает с толку.

С. Постарайся мне ответить, Би, я тебя прошу.

Би. Не знаю. Я устала.

(Би поворачивается ко мне хвостом, плывет к резиновому кругу, продвигает в него морду и бросает круг Фа, который ловит его на лету и бросает ей снова. Я делаю несколько попыток вновь завязать разговор. Она не отвечает. Время — 10 часов 20 минут.)

Сюзии окинула всех взглядом. Это было первое заседание после 20 февраля. Стулья были расположены

вокруг стола, на котором стоял магнитофон. Порядок сохранялся всегда один и тот же: сотрудники являлись на пять минут раньше. Севилла врывался последним и последним усаживался. Он взял на место Лизбет Симона, по, то ли случайно, то ли умышленно, он никем не заменил Майкла — один замещающий, один отсутствующий. «Кроме места Майкла слева от меня, все остальные заняты как обычно; сам того не зная, ни во что не посвященный Симон сел, как садилась Лизбет, справа от Арлетт. Питер, конечно, рядом со мной, сидит, положив руку на спинку моего стула, он не касается меня, но я ощущаю затылком тепло его руки. И Мэгги рядом с Бобом, одетым очень элегантно; что только он не делает: и принимает самый отсутствующий вид, и наполовину повернулся к ней спиной, но я готов поспорить, что и этим ему не удастся отбить у нее охоту пошептаться с ним, она будет бросать реплики и своему соседу слева, тихому, скромному Симону, убравшему ноги под стул; он не станет ей отвечать, но это не спасет его, несчастного, совсем напротив: для Мэгги все служит знаком признания, даже молчанье».

— Вы сейчас услышите, — сказал Севилла, — мою беседу от 9 марта с Фа и Би. Слушайте ее внимательно, она будет предметом нашего обсуждения.

Он включил магнитофон, положил ладони ладонями на стол и глядел, как разматывается лента. Крикливые голоса обоих дельфинов наполнили комнату.

— Ну вот, — сказал он, когда лента закончилась. — Что вы об этом думаете? Я жду от вас сейчас не практических предложений, а анализа поведения. Что вы об этом скажете?

Сюзь первая нарушила молчание:

— По-моему, реакция Фа вполне нормальна. Она согласуется с тем, что мы знаем о поведении дельфина-самца. Фа живет один в бассейне с Би. Ввести другого самца — значит поставить вопрос о разделе самки и установлении иерархии.

— В этом смысле, — сказала Арлетт, — реакция Би также не отклонялась от нормы. Введение другой самки в бассейн повлекло бы за собой те же проблемы.

— Не совсем, — сказал Питер.

Арлетт посмотрела на него. С момента ухода Майкла Питер стал как-то увереннее в себе, он возмужал и не скрывает своего покровительственного отношения к Сюзь.

— Би, — продолжал Питер, — жила в море, то есть она жила в группе дельфинов, где пары нестабильны, где самец владеет последовательно несколькими самками. И, несмотря на это, она настаивает на моногамии.

— Вы правы, — сказал Севилла, и Питер просиял от этих слов. — Она поступает так, приняв определенное решение.

— И даже мотивированное, — произнес Боб своим мелодичным голосом. На нем были синие носки, голубые брюки и рубашка цвета перванш с широко открытым воротником; на шее бирюзовое кашне с черной вышивкой. Сюзь посмотрела на него. Действительно, изящно, целая гамма голубых тонов, но как может он носить кашне в такую жару?

— Я сейчас уточню, — продолжал Боб. — Я хочу сказать, что есть некоторая нечеткость в этой мотивировке, так как Би не дала однозначного объяснения своему поведению, она дала два: во-первых, она говорит на нашем языке; во-вторых, она хочет, чтобы у нее с Фа были отношения человеческого типа.

Севилла посмотрел на Симона, на его скрещенные под стулом ноги и любезно спросил:

— Прекрасно, а что вы об этом думаете, Симон? Есть ли нечеткость в этой мотивировке?

Симон покраснел. Это был высокий тощий парень, нерешительный, но добросовестный. Все у него казалось неопределенным: возраст, черты лица, цвет волос, мнения.

— Может быть, — согласился он с некоторой осторожностью, — может быть, и следует говорить о наличии нечеткости.

Мэгги ободряюще улыбнулась ему, и, боясь показаться дурно воспитанным, Симон ответил ей гримаской, которая могла бы сойти за подобие улыбки. Мэгги опустила глаза. «Бедный мальчик, он начинал

комплексами, он такой робкий, с каким вождением он на меня смотрит, ну прямо уличный мальчишка перед витриной кондитерского магазина, я уверена, что он никогда не целовал девушку; в некотором смысле даже жаль, что я уже так далеко зашла с Бобом; если бы я не боялась пробудить в Бобе ревность, я уверена, что мне удалось бы сделать из этого Симона что-нибудь путное, в общем-то его не назовешь уродом; у него в глазах светится душа, и в нем скрыто много огня, если судить по его толстым губам».

— Я не вижу никакой нечеткости, — сказала Арлетт. — Верно, что Би привела две причины своего поведения: первая — «я говорю на вашем языке», вторая — «я хочу, чтоб у меня с Фа были отношения человеческого типа». Но если внимательно посмотреть, эти две причины составляют одну. В обоих случаях несомненное желание идентифицироваться с человеком.

— Bravo, Арлетт, — сказал Севилла с жаром, поворачиваясь к ней, и улыбка на мгновение озарила его лицо. — Может быть, — продолжал он, охватывая взглядом всех за столом, — вы помните, что во время пресс-конференции 20 февраля один журналист спросил у Фа, расценивает ли Фа то, что он говорит на языке людей, как продвижение вперед? Среди груды вздора это был интересный вопрос. Говорить на языке людей для Би, несомненно, продвижение. Раз она говорит, значит она не так уж от нас отличается. Следовательно, наш тип любовных отношений должен стать также и ее типом. Избирая в качестве модели моногамию человеческой четы, Би уподобляется нам.

— Это очень интересно, — сказал Питер. — Но почему тогда Фа относится к этому по-иному, чем Би? Фа, насколько я понял, сначала не был против появления второй дельфинки.

— Может быть, — сказала Сюзи, — потому, что дельфин-самец — как, впрочем, и самец в человеческом роде, более склонен к полигамии...

Раздались смешки. «Хорошо, — подумала Арлетт, — что Лизбет здесь больше нет, потому что ее смех был бы не очень приятным. Странно, что достаточно кого-

нибудь одного настроенного враждебно, чтобы все испортить».

— Не позволите ли вы мне, — сказал Боб, несколько манерничая и кладя свою правую руку на ляжку, — не позволите ли вы мне внести свою лепту? (И Сюзи еще раз восхитилась тем, с какой гибкостью Боб отказывался от своей прежней позиции, стоило только Севилле высказать свою точку зрения.) Фа также проявляет свое желание идентифицироваться, но он проявляет его по-иному: так, например, он повторяет при каждом удобном случае, что он не рыба, а китообразное животное. Почему? Потому, что он знает, что китообразные, подобно людям, относятся к млекопитающим. И потому, что он знает, что китообразное, именуемое дельфином, обладает мозгом такого же веса, как и мозг человека. Это я называю его снобизмом. Но его снобизм — это не что иное, как желание уподобиться человеку.

Севилла одобрительно кивнул головой, но без собственного ему жара. Он чувствовал раздражение. Когда Боб склонялся на вашу сторону, он делал это всегда с таким видом, словно это он изобрел ваши идеи.

— Ну что же, хорошо! — сказал Севилла. — Все ли мы согласны с такого рода интерпретацией? Симон?

— Я согласен, — сказал Симон, и Мэгги улыбнулась ему с видом союзницы.

— Я не отношу себя к моралистам, — сказал Севилла, — и я не могу, следовательно, сказать, служит ли тот факт, что первая чета говорящих дельфинов избирает моногамию западного человека элементом прогресса или нет. Но для нас эта мутация является серьезным препятствием и ставит перед нами сложную проблему. Как должны мы поступить теперь, желая передать познания Фа и Би другим дельфинам?

Резко, пронзительно прозвучал телефонный звонок, и Севилла сказал Мэгги, сделав раздраженный жест: «Меня нет ни для кого». Мэгги встала, подошла к маленькому телефонному столику и сняла трубку. «Алло? — сказала она несколько высокомерным и отстраняющим тоном, который она принимала, отвечая на телефонные звонки. — К сожалению, это невозможно,

профессор Севилла на совещании, я очень огорчена, но позвоните ему еще раз, миссис Джилкрист.

— Миссис Джилкрист! — воскликнул Севилла, вскакивая с такой живостью, что стул его упал. Не поднимая стула, он бросился к телефону и почти вырвал трубку из рук Мэгги.

— Миссис Джилкрист... Севилла... Когда? Позавчера днем? Но это максимум!.. Это ужасно! Я не нахожу слов, чтобы сказать вам... Как он к этому отнесся? Да, я знаю, он смелый человек... Не беспокойтесь о штрафе, я его выплачу... Ничего, ничего, будем считать, что я дал эти деньги в долг и он вернет их, когда выйдет из тюрьмы... Нет, нет, это пустяки. Да, я ему напишу, да, конечно, скажите ему, что я приеду его навестить, как только получу разрешение. Я сегодня же буду об этом ходатайствовать.

Он повесил трубку и повернулся лицом к сотрудникам. Он был бледен, у него были опустошенные глаза.

— Майкл, — сказал он глухо, — приговорен вчера к максимуму: пять лет тюрьмы и десять тысяч долларов штрафа.

10

Из Калифорнийского университета, где он читал обративший на себя внимание курс лекций о Гуссерле, югославский философ Марко Ллепович писал весной 1972 года своему другу в Сарасво, делаясь с ним своими мыслями:

«Президентские выборы, которые состоятся в конце этого года (1972) и о которых я вам скажу несколько слов немного позже, настолько их завязка кажется мне и странной и симптоматичной, заставляют меня пережить вновь чувства, испытанные девять лет тому назад, когда убили Кеннеди. В том, что в Далласе крупный политический лидер стал жертвой темной полицейской махинации, нет еще ничего особенно поразительного, подобная драма могла бы произойти в любой другой

стране на земном шаре. Тревожным, однако, обстоятельством является, по моему мнению, та пассивность и податливость, которые были проявлены американцами в данном случае. Ибо, действительно, вот люди, со всех точек зрения достойные восхищения: они просты, великодушны, гостеприимны, исполнены доброй воли в человеческих отношениях, дисциплинированы в отношениях социальных, весьма добросовестны при исполнении своих профессиональных обязанностей; они обладают во всех областях огромными навыками и опытом, не говоря уже об их великолепном здоровье, которое дают им занятие спортом и самый высокий уровень жизни в мире. И, однако, это люди, наделенные столь примечательными качествами, в политическом отношении — дети. Ими можно вертеть как угодно. Предположим, что в какой-нибудь европейской стране убит президент, пользовавшийся любовью и уважением; предположим, что его предполагаемый убийца подвергнут допросу, но от этого допроса не осталось никакого следа (местная полиция не имеет кредитов для покупки магнитофона), предположим далее, что этот убийца, в свою очередь, гангстер, чьи связи с полицией установлены, — ничего большего не требовалось бы. Общественность тотчас же пришла бы в движение, и официальная попытка поставить на всем крест с помощью доклада Уоррена не смогла бы даже возникнуть. В Соединенных Штатах доклад Уоррена смог не только появиться в силу апатии общественного мнения, но он чуть было действительно не похоронил все дело, и если оно в конце концов вновь привлекло к себе внимание, — слишком поздно и, по-моему, без всякой политической эффективности, — то произошло это потому, что заговорщики, перестраховываясь, приняли меры к уничтожению одного за другим четырнадцати главных свидетелей драмы.

Этот ряд насильственных смертей в конце койцов разбудил общественное мнение, хотя в еще очень слабой степени, а в Европе одного убийства предполагаемого убийцы гангстером, связанным с полицией, было бы достаточно, чтобы привести в движение широкие массы.

С тем же беспокойством я вижу, как американский народ по мере приближения президентских выборов становится игрушкой в руках политиканов. Я присутствую в настоящее время при явлении, которое можно было бы считать фарсом, если бы оно не было одновременно чудовищно опасным. Американской публике продают в качестве будущего кандидата на пост президента голливудского актера Джима Крунера. Я полагаю, что в Сараеве вряд ли ты видел фильмы с его участием, но здесь он очень знаменит. Внешне он нечто среднее между Джеймсом Стюартом и Гарри Купером. Высокий, стройный пятидесятилетний атлет с чуть седеющими волосами, с улыбкой, полной меланхолической доброты; у него такой вид, словно он несет на своих широких плечах бремя рода человеческого. Для американок он одновременно брат, отец и муж, воплощение покровительственной мужественности в трех лицах, на его могучей груди так приятно всплакнуть. Для всех он сильный человек, не теряющийся ни при каких обстоятельствах, ему ничего не стоит, отпустив две-три остроты, вырвать несчастную блондинку из лап пятидесяти индейцев, собиравшихся ее изнасиловать.

К несчастью, этот ниспосланный свыше герой не довольствуется больше спасением в пустыне героинь с перманентной завивкой. Он собирается спасти Соединенные Штаты Америки (и, следовательно, свободный мир) от опасностей, которые им грозят. Я в ужасе, ибо, хотя европейцу это может показаться невероятным, у Джима Крунера очень много шансов быть избранным. Собственно говоря, все началось еще в ноябре 1966 года, шесть лет тому назад, когда актер Рейган — ведущее лицо в телевизионной передаче, рекламирующее одну из марок сигар, — был избран губернатором штата Калифорния. «Операция Крунер» — логическое следствие «операции Рейган». Я не знаю, какие силы выдвигают Крунера на пост главы Соединенных Штатов. Но эти силы должны быть весьма могущественными, чтобы позволить себе тратить на него вот уже несколько месяцев подряд баснословные суммы, ибо эта про да ж а стоит дорого.

Для поддержки Крунера приведена в ход могучая машина, включающая в себя и рекламное агентство, и пресс-бюро, и мозговой трест. По слухам и по сведениям, просочившимся в печать, фильм во славу Джима Крунера — государственного деятеля обошелся в сто пятьдесят тысяч долларов и демонстрировался примерно сорок раз по различным телевизионным программам (политику здесь продают телезрителям так же, как мыло), час передачи стоит семь тысяч долларов (фильм идет примерно час), таким образом, получается двести восемьдесят тысяч долларов. Это всего лишь только начало, выпускается уже второй фильм. Кроме того, роскошно изданная иллюстрированная брошюра, повествующая о жизни, борьбе и идеалах Джима Крунера, была разослана сорока миллионам граждан, — считают, что печатанье и рассылка обошлись в восемьсот тысяч долларов. Ты спросишь, какая политическая программа сопутствует всему этому? В том-то и дело, что никакая. Кроме великолепной внешности и незаурядного актерского таланта, у Крунера нет ничего, он ничего не знает, ни о чем не думает и ничего не хочет. Это пустой сосуд, ожидающий, чтобы его наполнили. Его речи, его шутки, его анекдоты, его душещипательные рассказы о своем обездоленном детстве и его молниеносные выпады против своих псевдопротивников во время инсценированных, передававшихся по телевидению дебатов — все это предварительно заучено наизусть. Тем-то и страшна «операция Крунер», что бразды правления самым могучим государством в мире собираются вручить человеку, начисто лишенному интеллекта и политического опыта. От Кеннеди к Джонсону и от Джонсона к Крунеру функции президента претерпевают разительную деградацию. У Кеннеди были идеи и смелость, он умел говорить «нет», и есть основания предполагать, что именно из-за этой способности говорить «нет» его и прикончили. Что касается Джонсона, то, несмотря на его очевидно слабые стороны, он все же получил должное воспитание, это профессиональный политический деятель; мне хочется верить, что он встал на воинственный путь скрепя сердце, и, может быть, его мучают угрызения совести, о чем сви-

детельствуют морализирующие речи, которыми он считает необходимым сопровождать каждую новую ступень эскалации. Но если выберут Крунера, то пост президента Соединенных Штатов займет человек, который будет иметь не больше реального влияния на политику Соединенных Штатов, чем Чан Кай-ши или маршал Ки.

Тревожно именно то, что подобная деградация входит в планы тех, чьим целям она служит, ибо Джим Крунер сделает все, что от него потребуют, не без таланта исполняя при этом роль доброго и справедливого человека. Ему ничего не стоит бросить первую водородную бомбу на Китай.

Я очень надеюсь, что мои прогнозы ошибочны, но, если Крунер будет избран, мир с головокружительной скоростью будет приближаться к той большой войне в Азии, которая, быть может, превратится в мировую войну».

Арлетт повернулась, легла на спину, вытянулась и прислушалась в теплой темноте к шуму подступающего к острову прибоя. Шум, казалось, шел от крохотной пристани, которая служила им также купальней, но Арлетт знала, что это не так, проход между утесами был таким узким и извилистым, что никакая волна не могла добраться до дамбы; нет, это шло с севера, из-за спинки ее кровати, из-за стены дома, из-за огромной впадины, которую последний циклон наполнил водой до краев; там море разбивалось о подводные рифы; на ту сторону острова никто никогда не ходил; ни на что не пригодный клочок земли, покрытая камнями пустошь; ни одного заливычка с песчаным дном, ни одного места, где было бы хорошо купаться или же можно было хотя бы спустить на воду даже меньшую из двух надувных лодок; только подводные рифы, водовороты, груды пены. С южной стороны на террасу привезли немного земли с континента, ровно столько, чтобы посадить цветы и украсить этим низкое, приземистое, вытянутое здание без окон с северной стороны, которое Генри называет «блокхаузом», потому что оно

построено из бетона и должно выдерживать натиск тайфунов. Единственным шумом, доносившимся действительно из порта, был протяжный свист ветра в вантах «Кариби», прекрасная алюминиевая мачта которой была такой высокой, что возвышалась над островом, домом и скалами, принимая на себя, как антенна, удары всех бурь. «Кариби» входила в общую стоимость. Голдстейну пришлось погорячиться, чтобы помешать Генри заключить сделку в тот же день. Год, уже целый год, и Майкл все это время за решеткой. Мысль о нем — как угрызение совести. Ужас охватывает, когда вспомнишь, что он будет освобожден только в 1976 году, через четыре года; пять лет жизни украдены в его возрасте, потому что он не захотел участвовать в войне, которую он считает несправедливой. Конформизм, возведенный в тиранический закон, свобода совести, попранная во имя свободы... «Лизбет, но я не могу жалеть Лизбет, она предала. Она пыталась причинить зло. Я готова была провалиться сквозь землю, когда она на меня смотрела. «Вы сами должны понимать, что для него вы всегда будете просто одной из многих». Но в конце концов это была женщина. Только женщина может найти слова, причиняющие такую боль, коварная стилистическая находка, которую потом никогда не забудешь: «одна из многих». Арлетт почувствовала, как померкло ее лицо, она протянула левую руку, пошарила по столику. Будильник был там, положенный, как всегда, светящимся циферблатом книзу, вычурные цифры, которые почти не отличились друг от друга, блеснули в полумраке. Четыре часа двадцать минут или пять часов двадцать минут? Почему не могут наносить обыкновенные цифры? В конце концов будильник ведь делается для того, чтобы можно было узнавать время. Она повернулась на бок. Генри спал, подобрав под себя ноги и чуть слышно посапывая, у него было лицо ребенка или добродушного льва, большая голова уютно покоилась на скрюченных лапах. Ее захлестнула волна нежности. Она положила свою руку на его открытое плечо и сразу же убрала ее. Он просыпается так быстро. «Я все равно этого никогда у него не спрошу. Есть более важ-

ные вещи в его жизни. Мужчина не инструмент, который можно взять и потом положить на место. Но почему я не могу думать об этом, не жалея сейчас же Би и ее маленького мертворожденного дельфиненка? В каком она была отчаянии! И как будет действительно ужасно, если у первой четы дельфинов, говорящих на языке людей, никогда больше не будет малышей! Я помню, как был расстроен Генри год назад, когда Би запротестовала против присутствия в бассейне другой дельфинки, и как обрадовался, когда Би забеременела. «Ты увидишь, ты увидишь, этот дельфиненок будет говорить на двух языках». Боже мой, эти ужасные роды, они длились несколько часов. Если мы потеряем Би, то потеряем и Фа. Потеряем все. О, я не хочу больше об этом думать. И с тех пор это топтание на месте в изучении свистов. Эти неслыханные трудности. «Би, как ты скажешь свистами: брось мне это кольцо?» — «Я не скажу». — «Почему?» — «В море нет колец». Невероятное количество обычных для человека вещей и понятий, которые, очевидно, не имеют у дельфинов никаких эквивалентов, а некоторые их свисты человек никак не способен воспроизвести. Не пришлось бы изобретать машину, свистящую по-дельфиньи. Генри был так обескуражен, чувствовал себя таким угнетенным. «Я украл свою славу, я не решил никакой проблемы, абсолютно ничего. Два говорящих дельфина — это еще не целый говорящий вид. Адамс, вы должны понять, что потребуются еще много времени, исследование еще только начинается, впереди еще уйма работы. Я не могу ничего поделать. Мы на полпути. Через два года, да, может быть, через два года мы овладеем языком дельфинов и тогда сможем обучить английскому весь вид». И все это время мы работали как сумасшедшие, все: Боб, Питер, Сюзь, Симон. Я была так рада, когда Генри заменил Лизбет Симоном, я боялась, что он подыщет другую девушку и влюбится потом в нее. «Одна из многих». Это было как раз во время истории с альбомом. Я готова была убить Мэгги. Она как с луны свалилась. «Но послушайте, Арлетт, как можете вы думать, что это мне пришло в голову?.. Но посмотрите, это же зрелище,

способное вызвать отвращение даже у сатира, эта коллекция красоток, бросающихся на Генри, как разгоряченные суки, чтобы его обнюхать!» Какое сравнение! Бедная Мэгги, мне не следовало смеяться. Какая дикая несправедливость, что природа создала ее такой... Гадко, что мы смеемся над ней, но ее нельзя все время жалеть, она бесконечно повторяется. «Видите ли, Арлетт, с Бобом вся беда в том, что я не хочу иметь детей». Глаза серьезные, вдумчивые, уставлены на вас, торс напряженно выдвинут вперед, женщина, приносящая себя в жертву долгу, науке, *problematische**, и сверх всего плохая актриса, голос, жест, взгляд — все утрировано. «Когда она начинает бредить, — говорит Генри, — я сразу же замечаю: это так не артистично». И может быть, больше всего следует жалеть Боба, он все время старается ее избегать, он избегает даже ее глаз, он никогда не садится рядом с ней за столом. «Я даже не смею у нее спросить, который час, я боюсь, что она может подумать». Он странный, я должна признать, что он странный, я никогда не понимала, как мог Генри так быстро простить ему то, что он стал работать на этого жуткого Си, но Генри выше всего этого, он парит в небесах, он прощает почти все; может быть, он считается с тем, что Боб, с тех пор как нет Майкла, стал работать как одержимый, он добровольно берется за любое дело, он проводит целые дни с Фа и Би, они его обожают, он почти вытеснил нас из их сердец. Это мне не нравится. Я хотела бы знать, не выполняет ли Боб какой-нибудь приказ, я должна предостеречь Генри, у меня никакого доверия к этому змеенышу, такой жеманный, такой изнеженный, такой нарцисс! Я ненавижу, как он позирует, когда садится. Может быть, это просто, как говорит Гринсон, «один из американских мужчин холодного поколения», из тех типов, которые предпочитают марихуану или ЛСД** сексу, довольствуясь в этой области «быстрыми и легкими результатами» (говорит Гринсон). Я нахожу этот эвфемизм удивительным».

* Углубившаяся в проблемы (нем.).

** Наркотеки.

Она раздраженно схватила будильник, несколько секунд смотрела на его светящийся циферблат.

«Когда не спишь, минуты тянутся, а в остальное время они пролетают так быстро, неделя за неделей. Уже два года, как мы с Генри вместе. Странно, что образ счастья для меня — это проливной дождь, захлестывающий переднее стекло машины; лампочка, которую зажигают, чтобы взглянуть на карту, бросала свет на мои ноги; я боялась, что он увидит, как они дрожат; я чувствовала, как мое тело тает под его взглядом. Циклон по имени «Ханна». Невероятно, что ураган убил сто пятьдесят человек, а мне он принес жизнь, настоящую жизнь. Мне кажется, что до того пять-шесть лет я задыхалась в одиночестве, неразберихе, один год просто ничего не делала, и ко всему еще та нелепая и духовно унижительная связь... Мне казалось, что я застряла в какой-то клейкой массе, а потом внезапно, когда я защитила свою докторскую, появилась уверенность в себе, сила, гордость. Я поняла, что смогу порвать. «Дорогая мисс Лафэй, я прочел вашу диссертацию о поведении *Tursiops truncatus* в неволе, и я хотел бы знать, не согласились ли бы вы работать вместе со мной». Когда я увидела его подпись, я подскочила от радости. Он приехал меня встретить на аэродром вместе с Майклом. Я почти ревновала его к Майклу. Он так его любил, совсем как сына, он так многому его научил, и, однако, если посмотреть, кто из них сейчас больше влияет на другого, то, конечно, Майкл из-за своей решетки. Эта тюрьма обладает каким-то магическим воздействием: Генри стал читать все газеты, он читает и перечитывает письма Майкла. Странно, что пропускают все, что пишет Майкл, без всякой цензуры. Я думаю, что все это фотокопируется, и письма Генри тоже, и что где-нибудь на столе Адамса, на столе Си и на чем-нибудь еще есть прекрасное досье со ссылками, примечаниями, аналитическим указателем, тонкими комментариями к каждой фразе Генри, принадлежащими перу лучших политико-психологов. Досье против Оппенгеймера перед его процессом было вышиной в несколько метров. Но когда я говорю об этом Генри, он смеется,

и только. «Чего ты хочешь, шпионаж и донос — это две соски, которыми вскармливают американскую интеллигенцию». Когда подумаешь, что ЦРУ ссужало деньги Национальной ассоциации студентов, что один из американских университетов согласился прикрыть своим именем отправку миссии специалистов во Вьетнам, остается только сказать, что все, абсолютно все возможно». — «Но ты должен, однако, быть осторожнее, когда пишешь Майклу. Я нахожу, что ты действуешь очень неразумно, твоя известность тебя ни от чего не гарантирует, вспомни Оппи...» Но он никогда не хочет ничего слушать, стоит только прямо или косвенно задеть что-либо связанное со смелостью, он реагирует, как испанец, он упорствует, становится в позу: «Я не хочу подвергать себя самоцензуре, я принимаю вызов всех этих шпинов. Для того они и существуют, чтобы мы незаметным образом сами себя кастрировали». И нельзя, конечно, сказать, что Генри недооценивает своих мужских достоинств.

Она беззвучно рассмеялась, протянула руку и положила кончики пальцев на его плечо. Через мгновение она почувствовала, что он сжимает ее руку в своей. Она произнесла тихо: «Ты не спишь? Обними меня, я хочу с тобой поговорить».

БЕСЕДА МЕЖДУ СЕВИЛЛОЙ И АДАМСОМ

22 ИЮЛЯ 1972 ГОДА,

дело № 56279,

секретно.

Адамс. Я очень рад вас видеть. Я не видел вас, по-моему, с пресс-конференции 20 февраля 1971 года, но вы были так любезны, что прислали мне экземпляр вашей книги. Мне говорили, что она продавалась на расхват.

Севилла. К моему величайшему удивлению. Потому что я не вложил в нее ничего из того, что рекомендовал мне Брюккер, только факты.

Адамс. И прекрасно. По-моему, именно этот серьезный тон и понравился.

Севилла. У Голдстейна есть более циничное объ-

яснение. Он уверяет, что книга все равно бы разошлась, даже если бы я ее написал левой ногой.

Адамс. Я этого не думаю. Лорриммер нашел очень забавным ваш намек на Джима Крунера. Крунер вам не нравится?

Севиλλα. Нет.

Адамс. Я не разделяю ваших чувств. Если Крунер будет избран президентом, он вошьет свежую кровь в жилы нашей старой администрации.

Севиλλα. Хотелось бы надеяться, что это будет единственная пролитая им кровь.

Адамс. Вы считаете его таким жестким?

Севиλλα. Я считаю, что он сделает все, что от него потребуют.

Адамс. О, вы слишком пессимистично настроены. Довольны ли вы услугами Голдстейна?

Севиλλα. Очень. Но буду от вас скрывать — он сделается мне совершенно необходим. Это настоящий друг.

Адамс. Я этому очень рад. Мне говорили, что ваша книга переводится на двадцать три языка и Голливуд собирается поставить по ней фильм.

Севилла. Это верно.

Адамс. Я знаю также, что «Лук» купил у вас право на предварительную публикацию за шестьсот шестьдесят тысяч долларов. Кроме того, Брюккер продал право последующей публикации без сокращений в карманной серии за пятьсот тысяч долларов и с сокращениями в «Ридерс дайджест» за четыреста тысяч долларов. Брюккер должен на вас молиться.

Севилла. Разумеется, все эти сведения у вас не от Голдстейна?

Адамс. Конечно. Из Голдстейна ничего не вытянешь. Эти цифры опубликованы на прошлой неделе в «Тайм». «Тайм» подсчитывает, что ваш гонорар составляет или вскоре составит, включая фильм и переводы, три миллиона долларов. Это верно?

Севилла. Ай да «Тайм»!

Адамс. Что испытывает человек, становясь миллионером?

Севилла. Среди всего прочего — ощущение свободы.

Адамс. Свободы?

Севилла. Прежде я был свободен теоретически в своем желании купить большой дом на одном из островов во Флориде с маленьким частным портом и яхтой...

Адамс. «Теоретически» — у вас оригинальная манера выражаться. (Смеется.) Я уверен, что при покупке этого дома вас бесцеремонно обворовали.

Севилла. Нет. Я сделал все так, как советовал Голдстейн.

Адамс. Вы сказали: ощущение свободы «среди всего прочего».

Севилла. Да, я испытываю также чувство вины.

Адамс. Вины? Почему вины? Вы не украли этих денег, они — результат вашего труда.

Севилла. У меня такое впечатление, что мне сильно переплатили.

Адамс. Что же тогда сказать о Брюккере?

Севилла. Я не думаю о Брюккере. У меня ощущение, что мне переплатили по сравнению с теми людьми, которые работают много, а зарабатывают мало.

Адамс. О! О! Не купи вы себе яхту, я заподозрил бы, что вы стали социалистом. Но рассудите сами, у людей, о которых вы говорите, нет вашей квалификации.

Севилла. Да, но вот это-то и аморально, что существует такой разрыв между ними и мной.

Адамс. Именно из-за этого чувства вины вы продолжаете хранить все ваши деньги в банке, вместо того чтобы вложить их в какое-нибудь дело?

Севилла. Нет. Это совсем другой вопрос. Мне отвратительна сама идея, что мои деньги могут работать вместо меня.

Адамс. Во всяком случае, на кого-нибудь они все равно работают. Ваш банкир должен вас благословлять.

Севилла. Это его дело. Я полагаю, что он и стал банкиром для того, чтобы делать деньги из денег. А мое дело — работать.

Адамс. В таком случае раздайте ваши миллионы. (Смеется.)

Севиλλα. Я не против, но кому? Я хотел бы, чтобы они принесли действительную пользу, а филантропии я не доверяю.

Адамс. Ну что вы, я пошутил. (Молчание.)

Севиλλα. Не могли бы мы сократить эту вступительную часть? Вы так нервничаете, что это начинает меня пугать.

Адамс. Я не нервничаю.

Севилла. Вы уже дважды вытирали ладони носовым платком.

Адамс. (смеется). С учеными надо быть начеку. Они созданы из наблюдательности. (Пауза.) Ну хорошо... Я отношусь к вам с большой симпатией, и, думаю, вы будете потрясены тем, что я вам сейчас скажу. Я должен сказать вам очень неприятные вещи.

Севилла. Я уже пришел к этому заключению, судя по продолжительности вашей преамбулы. И я уже воздал должное тому, как ловко вы маневрируете.

Адамс. Это не маневрирование. Просто я в затруднительном положении.

Севилла. Ну так что же, стреляйте! Чего вы медлите?

Адамс. Не подгоняйте меня! Это гораздо хуже всего, что вы можете вообразить. Я получил приказ, глубоко меня шокирующий, и мой долг состоит в том, чтобы довести его до вашего сведения, и я в абсолютном отчаянии. Как вы знаете, я отношусь к вам с большой симпатией.

Севилла. Но вы не можете поставить ее выше вашей лояльности к своим шефам.

Адамс. По правде сказать, нет.

Севилла. Но говорите же! Я должен подать в отставку? Проект «Логос» передают кому-нибудь другому?

Адамс. Нет, дело не в этом. В некотором смысле все гораздо хуже. (Пауза.) Мы собираемся взять у вас Фа и Би.

Севилла. Вы собираетесь взять у меня Фа и Би?

Адамс. Временно. Сидите, прошу вас. Я сожалею, но таков приказ.

Севилла. Но зачем? Куда вы хотите их отправить?

Адамс. Я не могу ответить на эти вопросы.

Севилла. Но это безумие! Вы не даете себе отчета! Фа и Би не перенесут этой разлуки. Вы разрываете эмоциональные связи многолетней давности.

Адамс. Боб Мэннинг будет их сопровождать.

Севилла. Боб!

Адамс. Я вас прошу, успокойтесь. Вы чувствуете себя дурно? Не хотите ли...

Севилла. Нет, нет, спасибо. Это пустяки. Это пройдет. Какое мерзкое лицемерие! Адамс, я скажу все, что думаю: два года, как вы мне приветливо улыбаетесь, и все эти два года Боб по вашему приказу за моей спиной...

Адамс. Это был не мой приказ. Но я ему его передал. На этом кончается моя ответственность.

Севилла. Какой отвратительный макиавеллизм! И какова же цель, я вас спрашиваю?

Адамс. Я буду откровенен: мы решили держать вас в стороне от всякого практического использования...

Севилла. Вы хотите сказать — от всякого использования в военных целях...

Адамс. Я сказал — практического.

Севилла. А Боб, он более покладист. Он может, следовательно, знать, куда вы собираетесь увести Фа и Би и какие idiotства вы хотите заставить их совершать?

Адамс. По необходимости он в курсе, поскольку он будет их сопровождать.

Севилла. Я не верю своим ушам. Вы забыли, что Боб — креатура господина Си!

Адамс. Я не вижу в этом никакого пренебрежения.

Севилла. Благородный господин Си, следовательно, также причастен к этому делу?

Адамс. Абсолютно нет.

Севилла. Вы полагаете, что Боб способен поше-

велить пальцем, не известив тотчас же об этом господина Си?

Адамс. Это уж наше дело.

Севилла. Но проект «Логос», я вас спрашиваю? Что будет с проектом «Логос»? Это безумие! Мы на полпути в изучении свистов дельфинов, а вы их у нас отнимаете. Единственных дельфинов, которые в настоящий момент могут с нами сотрудничать! Но это чудовищно! Думаете ли вы о своей ответственности перед наукой, если с ними что-нибудь случится?

Адамс. С ними ничего не случится. Они будут взяты лишь на время. Мы вернем вам Фа и Би.

Севилла. Через сколько дней?

Адамс. Я не уполномочен фиксировать дату.

Севилла. И вы не опасаетесь, что по возвращении они мне расскажут все, что вы с ними проделали?

Адамс. Им не предстоит делать ничего такого, о чем бы они не могли вам рассказать.

Севилла. В таком случае почему мне не разрешается их сопровождать?

Адамс. Я вам уже сказал.

Севилла. Я не имею права видеть, что они делают, но у них есть право мне об этом рассказать!

Адамс. Противоречия такого рода меня не смущают.

Севилла. Я хотел бы знать, что вас смущает! Подумали ли вы хотя бы о том, чтобы спросить мнение Фа и Би, прежде чем увести их от их семьи? Потому что мы — их семья. Я надеюсь, что вы это понимаете. Адамс, послушайте меня — я не стыжусь это сказать — я считаю их своими детьми.

Адамс. Все связанное с областью чувств было, разумеется, принято нами во внимание. Боб предварительно получил согласие Фа и Би на это путешествие.

Севилла. Без моего ведома!

Адамс. Боб говорил им, что будет их сопровождать. Они очень любят Боба, как вам известно.

Севилла. Он делал все, чтобы этого добиться, подлый змееныш. Он дважды меня предал: начав шпионить за мной для господина Си и завладев по ва-

шему приказу привязанностью дельфинов, чтобы занять в их душе мое место.

Адамс. По-моему, вы все слишком драматизируете. В конце концов Фа и Би всего лишь животные.

Севилла. Но вы ничего не понимаете! Они говорят, у меня с ними гораздо больший контакт, чем с некоторыми людьми. Фа и Би — такие же существа, как вы и я, и я их люблю, как своих детей, я уже вам это говорил.

Адамс. Я не воспринял это буквально. Я в отчаянии. Тем более что мне остается еще сказать вам самое худшее. И боюсь причинить вам большое огорчение.

Севилла. Вы не причините мне никакого огорчения: я заявляю вам о своем уходе.

Адамс. Я должен вас честно предупредить...

Севилла. Я не верю в вашу честность.

Адамс. Я знаю, вы считаете, что я берегу свою честность для начальства. Прекрасно, я говорю с вами сейчас от имени моих шефов. Если вы рассматриваете свой уход как средство оказать давление, способное заставить нас отказаться от нашего проекта, то вы ошибаетесь. Мы не откажемся. И если, несмотря ни на что, вы будете настаивать на вашем уходе, то в данном случае мы решили принять вашу отставку.

Севилла. Вы говорите так, как будто хотите заставить меня сейчас же подать вам заявление.

Адамс. Ничего подобного.

Севилла. Бросьте, бросьте, Адамс. Не стоит так уж недооценивать мои умственные способности. Вы думаете, что я не понимаю, почему мой уход вас прекрасно устроил бы?

Адамс. Я действительно не вижу почему.

Севилла. Потому что тогда Фа и Би не могли бы мне ничего сказать после выполнения своей миссии.

Адамс. Ни о какой миссии и речи не идет!

Севилла. О нет, дьявольски важная миссия, раз вы готовы ради нее поставить под угрозу проект «Логос». Проект, на который вы затратили за последние десять лет колоссальные деньги.

Адамс. Вы сильно преувеличиваете. Проекту «Логос» не грозит никакой опасности. Фа и Би будут вам возвращены вскоре без единой царапинки.

Севи́лла. А в моральном, в моральном отношении они не будут травмированы?

Адамс. Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Севи́лла. Я хочу задать вам один вопрос: знаете ли вы, каким будет поведение Фа и Би после того, как они совершат то, что вы хотите заставить их сделать?

Адамс. Я не понимаю смысла вашего вопроса. Мы не заставим их делать ничего аморального.

(Пауза.)

Севи́лла. А вы не боитесь, что по возвращении я отговорю Фа и Би ехать вместе с Бобом?

Адамс. Мы об этом подумали. Мы приняли меры предосторожности.

Севи́лла. Какие меры?

Адамс. Я уже сказал, что мне остается сообщить вам самое худшее. Вот оно: когда вы вернетесь, вы уже не застанете Фа и Би. Как раз сейчас наша команда их вывозит.

Севи́лла. Но это подлая ловушка! Вы вызываете меня сюда, а в это время... Но это чудовищно! Я не нахожу слов. Какое презрение надо испытывать к людям, чтобы позволить себе так с ними обращаться! Вы обошлись со мною самым циничным образом!

Адамс. Успокойтесь, я вас прошу. Во всяком случае, это ничего не меняет. Мы хотели избежать неприятных сцен.

Севи́лла. Вы ни на мгновение не переставали вести свою игру за моей спиной. Это омерзительно! Вы дошли по отношению ко мне до самого отвратительного лицемерия.

Адамс. Я получал приказы, и я их исполнял.

Севи́лла. Это постыдные приказы, позвольте мне вам это сказать.

Адамс. Почему бы вам не сказать это Лорримеру? Я получал их от него.

Севи́лла. Послушайте, Адамс, я... (Пауза.) Не провоцируйте меня лучше. Вы будете слишком довольны, если добьетесь моего ухода.

Адамс. Никто не собирается заставлять вас уходить. Вы страдаете манией преследования.

Севи́лла. Есть у вас еще дополнительные замечания, кроме тех, которые касаются моей психологии?

Адамс. Нет.

Севи́лла. В таком случае я предлагаю, чтобы мы положили конец этой беседе. Я нахожу все это таким отвратительным, таким гнусным! Я предпочитаю уйти отсюда. Сказать вам правду, ваш вид стал для меня почти невыносимым.

Адамс. Хотите верить, хотите нет, мистер Севи́лла, но я в отчаянии. До свидания.

Севи́лла. Не думаю, что мы с вами когда-либо увидимся.

14 августа 1972

Дорогой мистер Севи́лла,
вчера состоялось заседание Комиссии, и мне поручено сообщить Вам о принятых решениях. Производившиеся Вами в бассейне Б опыты по гидродинамическим проблемам кожи были прерваны в 1966 году, с тем чтобы позволить Вам сконцентрировать все Ваши усилия на лингвистических исследованиях в бассейне А, но в связи с невозможностью продолжения последних в данный момент, принимая во внимание отбытие Ваших объектов—просим Вас придерживаться в настоящей переписке такой терминологии,—Комиссия сочла невозможным ходатайствовать перед конгрессом о возобновлении кредитов на функционирование лаборатории, которой Вы руководите.

Вследствие этого Комиссия просит Вас поставить в известность Ваших сотрудников, что неустойки, причитающиеся им в случае преждевременного расторжения контракта, будут им выплачены в самый кратчайший срок. Само собой разумеется, что те же распоряжения отданы и в отношении Вас.

Комиссия назначила доктора Эдварда Э. Лоренсена временным куратором лаборатории, которой Вы руководили. Он войдет в контакт с Вами 16 августа и примет все необходимые меры для классификации и хра-

нения карточек, архивов, магнитофонных записей, фильмов и прочих документов лаборатории. Комиссия просит Вас максимально облегчить задачу доктора Э. Э. Лоренсена и известить меня о получении настоящего письма.

Искренне Ваш Д. К. Адамс.

15 августа 1972

Дорогой мистер Адамс!

Я подтверждаю получение Вашего письма от 14 августа. Мои сотрудники и я сам начиная с 16 августа готовы поступить в полное распоряжение доктора Лоренсена. Мне не хотелось бы спрашивать чего бы то ни было у Комиссии. Однако я нахожу, что должен это сделать в интересах моих объектов. Я хотел бы, чтобы мне было разрешено нанести им визит, когда они снова станут доступными*.

Искренне Ваш Г. С. Севилла.

15 августа 1972

Дорогой мистер Севилла!

Вслед за моей сегодняшней телеграммой подтверждаю Вам, что вынужден задержаться и не смогу прибыть ранее 20-го.

Принимая порученные мне обязанности, я счел необходимым подчеркнуть, что намереваюсь придерживаться узких рамок моих функций куратора. В случае, если Ваши объекты будут возвращены лаборатории, которой Вы руководили, я очень ясно дал понять Комиссии, что совершенно не рассчитываю продолжать Ваши исследования. Я действительно надеюсь, что, если так произойдет, Вы сможете взять назад Ваше прошение об уходе и сами закончить дело, столь блестяще Вами начатое.

Я понимаю, как Вы огорчены разлукой с Вашими объектами, но пусть Вам будет утешением хотя бы то, что Ваш ассистент согласился их сопровождать.

Искренне Ваш Э. Э. Лоренсен.

* Это письмо осталось без ответа.

16 августа 1972

Дорогой мистер Лоренсен, после Вашего письма я почувствовал к Вам глубокое уважение и ощутил вновь возможность более дружелюбно относиться к человеческому роду, который, я должен это сказать, предстает передо мной за последнее время не в самых радужных красках. Я опасаясь, что Вас неточно информировали. Свое желание уйти со своего места я выразил устно под влиянием шока, который я испытал, узнав, что у меня отнимают мои объекты. Но я не подтвердил этого желания ни в дальнейшем ходе беседы, ни тем более в письменной форме. С другой стороны, мой ассистент согласился сопровождать мои объекты без моего разрешения и даже без моего ведома.

Я уточняю эти факты не для того, чтобы повлиять на принятое Вами решение. Совсем напротив. Я предпочитаю, чтобы функции куратора осуществляли именно Вы, нежели какой-либо другой ученый, не обладающий Вашей порядочностью.

Я жду Вас 20-го.

Искренне Ваш Г. С. Севилла.

18 августа 1972

Дорогой мистер Севилла,

я вновь задерживаюсь и смогу прибыть только 25-го.

Я очень огорчен полученными от Вас разъяснениями. Они проливают особый свет на роль, сыгранную Вашим ассистентом, и на то, сколь высоко ценят истинно управляющие нами бюрократы. «Закупив мозги» — здесь и в Европе, — они полагают, что могут затем делать с ними все, что им заблагорассудится. Я не утаил от Адамса, что с моей точки зрения было чистым безумием разлучать Вас с Вашими объектами даже на короткое время. Я не вижу никакого практического использования, важность которого могла бы оправдать перерыв в основных исследованиях.

Искренне Ваш Э. Э. Лоренсен.

«Острова Флорида-Кис не прельщали меня ни своими топями, ни высокими деревьями, ни шоссе-ной до-

рогой с переброшенными от острова к острову мостами, доходящей до Ки-Уэст. Остров со скалами, вот чего мне хотелось, остров, который был бы действительно опоясан рифами, — и когда я увидел утесы Хуатвея со стоявшей на якоре у маленькой пристани «Кариби», сердце мое забило сильнее. «Кариби» — это прекрасная лакированная игрушка для взрослых, мечта подростка, осуществившаяся еще в том возрасте, когда это может приносить радость. А сейчас мне приходится делать насилие над собой, чтобы заставить себя выплыть на ней в море. Арлетт читает на носу, если бы она осталась со мной, мы снова начали бы говорить о Фа и Би, а когда я здесь один, в каюте, сижу согнувшись за рулем «Кариби», я немного успокаиваюсь. Она знает это, ей тоже тяжело, и она только притворяется, что читает. Отсюда, где я нахожусь, я вижу с другой стороны рубки только поля огромной соломенной шляпы, защищающей ее голову от солнца. Она, наверно, сняла бикини, чтобы солнце могло позолотить незагоревшие места ее кожи. Даже думать о ее теле не доставляет мне сейчас удовольствия. Странно, как душевная боль уничтожает даже само желание, хотя любовь остается. Как видно, в страдании есть что-то ущербное, заставляющее вас еще больше утрачивать самого себя, увечье, требующее все новых и новых увечий. Какое глубокое заблуждение думать, будто страдание может быть каким-то магическим благом! Страдание — это поражение, паралич, унижение. Ничего хорошего никогда не было им порождено, над ним надо одержать победу, и я, чтобы выйти победителем, играю сейчас с «Кариби», эта яхта — мой наркотик, бортовая качка меня убаюкивает, я бегу от самого себя, я сознательно бегу от самого себя, положив обе руки на штурвал, я подставляю «Кариби» юго-западному ветру и сам приваливаюсь к левому борту. Ветер поддерживает меня, через равные промежутки времени по моему бедру перекачиваются длинные волны, атакующие меня сбоку. Я продолжаю свой путь в открытое море, передо мной простирается необъятность океана без единого следа человека. Позади меня земля, в туманной дымке она становится все

меньше и меньше, запахи травы, листвы и дыма постепенно растворяются в соленом воздухе, и как-то острее пахнет свежий лак, которым выкрашена яхта. За мною — след, не прямой, а изогнутый по левому борту, так как относит вправо. Я делаю, наверно, восемь узлов. Я прорезаю себе дорогу, отбрасывая пену по обоим сторонам форштевня, на моем большом голубом парусе ни единой складки, он весь падет сверху донизу, ярко-красный генуэзский кливер надувается как воздушный шар, мачта прогибается от напора ветра, ванты правого борта натянуты и вибрируют, как струны скрипки, под сильным нажимом прекрасного бриза в четыре балла, который все крепчает, но не грозит такой опасностью, чтобы я стал сматывать паруса и искать убежища. На небе ни облачка, солнце еще высоко, голубизна моря успокаивает нервы. Прекрасный темно-голубой тон, не внушающий тревоги. Волны и ветер сдерживают себя, позволяя ощутить запас силы, подобно тигру, который сладко мурлычет в то время, как могучие мускулы перекатываются у него под кожей, как волны, которые лишь вздымают воду, но не буйствуют. Я сжимаю пальцами штурвал ради удовольствия поласкать полированное красное дерево, но яхта не требует моего управления, «Кариби» идет ровно, без резких крепов и рывков, господствуя над ветром и волнами, скользя в тишине или, вернее, среди легких шумов, робких, убаюкивающих, из которых тишина создана; нос разрезает воду, как будто разрывает шелковую ткань, волны с плеском ударяют о борта корпуса, ветер свистит в натянутых вантах, поскрипывают блоки, корпус яхты жалобно всхлипывает, когда он падает в провал между двумя волнами, и напряженно дрожит, когда он вновь начинает взлетать на спину волнам, наполовину птица, наполовину рыба, одно крыло красное, другое голубое, и тело — прекрасное, обтекаемое, гладкое, лакированное, скользящее по морю.

Нет, о «Кариби» нельзя сказать, что она скользит. Фа, тот действительно скользил, не оставляя следа, не делая резких движений, было приятно следить за его гибким скольжением почти под самой поверхностью воды, остававшейся спокойной. Когда он поворачивал,

его добрый и лукавый глаз посматривал на меня, как бы говоря: «Па, не уходи! Останься еще немного, Па. Ты всегда уходишь». Прошло уже восемь лет с тех пор, как он покусывал соску, боязливо прижимаясь к нам; он принимался свистеть и скрипеть зубами, почувствовав, что остался один; дежурство изматывало нас, и тогда я прибегнул к двум маленьким пластмассовым плотикам, между которыми он держался и которые в какой-то мере нас заменяли, по крайней мере ночью. Как много было отдано ему в нашей жизни в течение стольких лет! Наша единственная забота, единственная тревога, единственный труд. Мы затратили столько усилий на то, чтобы заставить его выучить первые пять слов, и потом, с появлением Би, все пошло с такой фантастической быстротой. Циклон по имени «Ханна». О, пережить, пережить заново каждую секунду этих последних шести лет, до краев наполненных работой и счастьем, этот кусок жизни, который я впервые прожил, не принося одну часть своего «я» в жертву другой, не чувствуя себя обездоленным и искалеченным, без нелепой череды безвкусных и безрадостных интрижек, вроде этого романчика с миссис Фергюсон! Арлетт и я, дельфины, лаборатория, ассистенты, Майкл — какая богатая, насыщенная, творческая жизнь! Господи, это наваливается на меня опять, еще раз — недоумение, неотвязно мучающие меня вопросы, бесконечное возвращение к одному и тому же. Я не выпутаюсь из этого! Эти мысли грызут меня, как крысы, все время одни и те же, все та же маниакальная череда. Лизбет, Адамс, Боб. В особенности Боб, из них троих его поведение наименее мотивировано. Два года ползти миллиметр за миллиметром к намеченной цели, есть с нами, пить с нами, быть приветливым, улыбающимся, услужливым. Я знаю, «можно улыбаться, улыбаться — и быть мерзавцем»*. Но это невероятное отсутствие всякого повода, он даже не ненавидел нас, он не действовал, как Лизбет, из желания отомстить или повинуюсь приказу, как Адамс. Зло в чистом виде, беспочвенное, непонятное даже для того, кто его со-

* Гамлет, акт I, сцена V.

вершает. Я помню, как он удивился, когда услышал однажды, что я люблю Фа. «Вы любите Фа?» — «Да, конечно, это вас удивляет?» — «Но, — сказал он, — в конце концов Фа всего лишь подопытное существо, как морская свинка, собака или крыса». Мы все взглянули на него с удивлением, с ужасом, даже Мэгги.

«Но, Боб, что вы говорите, ведь уже столько лет...» Он спохватился, рассмеялся, он превратил все в шутку. Но в это мгновение обнаружилась его бесчувственность, его неискоренимая бесчеловечность, неизлечимая черствость его сердца. Мне следовало быть внимательнее и проявлять больше недоверия, но, начиная с того момента, как Боб стал шпионить для Си, с ним уже ничего нельзя было подслать. Но даже теперь я не могу свыкнуться с тем, что Фа и Би никогда больше... Я помню, что, когда я ушел от Мэриен, я просыпался ночью в панике, в холодном поту при мысли, что не буду больше ежедневно видеть своих двух мальчиков, это было для меня как удар кинжалом прямо в сердце, я был парализован болью, которая, казалось, никогда не утихнет, и, однако, в то время я посещал их два или три раза в неделю».

Что-то остановило поток его мыслей, он посмотрел на часы, уже два часа он направляет «Кариби» в открытое море, пора поворачивать назад, он хотел вернуться до наступления ночи, в темноте нельзя было найти дорогу, на море не было ни одного бакена. Он высвободил шкот большого паруса, подтянул гик, поставил яхту по ветру, «Кариби» сразу набрала скорость, гик вырвало вправо, Севилла отвязал шкот фок-ка и закрепил его на кнехте правого борта.

— Я могу тебе помочь с фоком, — крикнула ему Арлетт с носа.

Он сделал отрицательный жест рукой, ослабил шкот большого паруса и тоже закрепил его.

— Я изжарилась, — сказала Арлетт с наигранной веселостью, прыгая в кубрик. — Я сейчас оденусь.

Она исчезла в кабине и минуту спустя появилась вновь в полосатом купальнике. Прижалась плечом к плечу Севиллы и сказала тихо:

— Я так и не смогла заставить себя читать, у меня дикая тоска, кроме потери тебя, я не знаю, что бы еще могло меня так мучить. Ты помнишь, как мы были счастливы, когда купили дом, а теперь все испорчено, все погублено, я не могу в это поверить, мне кажется, эти дни вернутся снова, как кадры киноленты, которую сматывают, и у нас опять будет лаборатория, Фа и Би в бассейне, будем изучать свисты. Мне кажется, что я потеряла своих детей и с ними смысл жизни, мне все время хочется плакать.

Он положил ей правую руку на затылок и прижал ее голову к своей шее.

— Да, — сказал он, — без Фа и Би нам нечего делать. Это ужасно. После восьми лет изысканий оказаться с пустыми руками и только ворошить воспоминания. Два бедных безработных на груди денег.

Он горько улыбнулся. «Кариби» плыла к дому, который они когда-то любили, эти четыре часа на море были всего лишь короткой передышкой, они возвращались к своей опустошенной жизни, без дельфинов, без лаборатории, без цели.

— Послушай, — сказал Севилла, — так можно сойти с ума, так нельзя продолжать. Мы уедем. Я подумал, что тебе будет приятно познакомиться с Испанией. Завтра я позвоню в агентство, мы сможем вылететь в конце недели.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ, ВАШИНГ-
ТОН, Д. С. ПРОФЕССОРУ Г. С. СЕВИЛЛЕ

Хуатвей Айленд

Флорида-Кис
Флорида

Мы вынуждены информировать Вас о том, что решением государственного департамента от 24 августа 1972 года Ваш паспорт, а также паспорт миссис Г. С. Севиллы аннулированы.

БЕСЕДА Г. С. С., ПОСЕТИТЕЛЯ И ЗАКЛЮЧЕННОГО С. Б. 476, ТЮРЬМА СИНГ-СИНГ, 22 ДЕКАБРЯ 1972 ГОДА.

Дело Р. А. 74.612. Секретно.

Посетитель. Если бы мне разрешили, я, конечно, давно пришел бы вас навестить.

Заключенный. Должен вам сказать, что я удивлен удобствами и тишиной, при которых происходит наша встреча. Это совершенно необычно.

Посетитель. Думаю, что наш разговор хотят записать.

Заключенный. Ваши дедуктивные способности, как мне кажется, ничуть не пострадали.

Посетитель. Дело не в дедукции, а в привычке. Вы хорошо выглядите.

Заключенный. Нельзя упрекнуть нас в том, что мы ведем беспорядочную жизнь.

Посетитель. Как настроение?

Заключенный. Худшее уже позади.

Посетитель. Были трудные моменты?

Заключенный. В первое время — да, и немало, с другими заключенными. Они не одобряли моих взглядов. Вы представить себе не можете, до какой степени консервативна преступная среда.

Посетитель. Что же происходило?

Заключенный. Они расценивали мой отказ служить во Вьетнаме как проявление трусости. Для них я был «Нервной Нелли»*. Мне пришлось драться.

Посетитель. А потом?

Заключенный. Каждый получил по восемь суток карцера. Я сказал, что начал первый. Мой противник тоже. Здесь, как вы знаете, у нас высокое представление о чести.

Посетитель. Я думаю, что после этого к вам стали относиться гораздо лучше.

Заключенный. Да. Меня считали уже по трусом, а просто психом. А к психам здесь относятся плохо.

* Выражение было впервые применено к лицам, отказывавшимся служить в армии, президентом Джонсоном.

Посетитель. Поговорим о наших письмах. Я получил их от вас двадцать семь.

Заключенный. По моим подсчетам, я как раз столько и отправил. Следовательно, ни одно не затерялось.

Посетитель. И ни в одном цензура ничего не вымарала.

Заключенный. В ваших тоже.

Посетитель. Тем лучше. Мы живем в свободной стране.

Заключенный. Я имею полную возможность поздравлять себя с этим каждый день. Удалось ли вам узнать, почему аннулировали ваш паспорт?

Посетитель. Да. Хотя мои связи с политически подозрительными личностями подвергались критике, я не представляю собой угрозы государственной безопасности, я всегда был лояльным по отношению к своей стране. Однако в случае моего выезда за границу нет возможности обеспечить меня соответствующей охраной.

Заключенный. Браво! Таким образом, все было сделано в ваших интересах. Довели ли вы до сведения общественности этот отказ в выдаче выездной визы?

Посетитель. Нет. Голдстейн мне отсоветовал.

Заключенный. Может быть, он был не прав.

Посетитель. Не знаю. Голдстейн вел себя потрясающе. Он неистовствовал, как лев. Никто и ничто не заставляло его так лезть вон из кожи ради меня. Голдстейн думает, что публичное сообщение об аннулировании паспорта — это оружие, которое мы должны держать про запас.

Заключенный. Голдстейн не советовал вам отказать от ваших связей с политически подозрительными личностями?

Посетитель. Он не делал к этому ни малейшей попытки.

Заключенный. Я признателен ему за это. Но я должен вам сказать, однако...

Посетитель. Не говорите ничего. Вы наговорите глупостей.

Заключенный. Хорошо, я умолкаю. Хочу вам заметить, что вы тоже неплохо выглядите.

Посетитель. Мы пережили очень тяжелый момент, когда у нас отняли Фа и Би. Это длилось два месяца. Потом я купил одного дельфина, вернее, дельфинку и организовал частную лабораторию на свои средства.

Заключенный. Где вы поместили вашу дельфинку?

Посетитель. На острове, где стоит дом, внизу у меня есть маленькая пристань.

Заключенный. Она не огорожена?

Посетитель. У меня натянута сетка между двумя молами, закрепленная внизу и вверху. Но это почти бесполезно. Не прошло и двух-трех недель, как Дэзи — так зовут дельфинку — одним прыжком научилась уходить за сетку и резвиться в открытом море. Но она не уплывает далеко, разве что вместе со мной, когда я плыву на лодке, и к ночи она всегда возвращается. Она любит спать у борта «Кариби». Я предполагаю, что она считает яхту своего рода дельфинкой, суперматерью, которая ее защищает. На ночь я снова натягиваю сетку между двумя молами в качестве меры предосторожности от акул.

Заключенный. Расскажите мне о Дэзи. Страшно подумать, но я уже два года не видел дельфинов!

Посетитель. Если хотите, я принюшу вам несколько фильмов. У вас будет возможность просмотреть их?

Заключенный. Разумеется. У нас здесь есть все: дискотека, кино, театр и даже зал, где можно загорать в ультрафиолетовых лучах, но только к самому концу срока заключения.

Посетитель. Почему только к концу?

Заключенный. Чтобы соседи думали, что вы вернулись из долгого путешествия по тропическим странам. (Он смеется.) Синг-Синг не совсем то, что вы предполагаете. У нас здесь заботятся о том, что будут говорить люди.

Посетитель. Мне нравится, что вы относитесь к

этому с юмором. Очевидно, в конце концов привыкаешь ко всему.

Заклученный. Нет. Свыкнуться нельзя. Никогда. Просто живешь отрезанным от всего. Вы знаете выражение: время тянется. Я никогда так хорошо не понимал, что оно означает. Вы не можете себе представить, как тянется здесь время. Это невероятно. Дни кажутся неделями, а недели — месяцами. (Пауза.) Расскажите мне о Дэзи.

Посетитель. Ну, что о ней сказать? Она веселая, шаловливая, привязчивая, совсем не такая робкая, какой была Би вначале.

Заклученный. Сколько ей лет?

Посетитель. Если судить по ее весу и росту, ей должно быть столько же, сколько было Би, когда Би стала подругой Ивана. Вероятно, года четыре.

Заклученный. С кем вы работаете в лаборатории.

Посетитель. Я пригласил Питера, Сюзи и Мэгги.

Заклученный. Вы им платите из своих средств?

Посетитель. Да.

Заклученный. Вы разоритесь.

Посетитель. Нет, не сразу. А когда не будет денег, придется все бросить. А пока дела идут очень хорошо. Мы продвигаемся вперед.

Заклученный. Есть одна вещь, которую я не могу понять.

Посетитель. Я сейчас вам объясню: я получил от Лоренсена копии всех моих записей.

Заклученный. У Лоренсена, наверно, были из-за этого неприятности.

Посетитель. Огромные.

Заклученный. Что же произошло?

Посетитель. В конце концов ничего. У меня все свисты Фа и Би, а теперь к ним прибавились свисты Дэзи.

Заклученный. И чего же вы добились?

Посетитель. Мы продвигаемся вперед.

Заклученный. Вы не хотите говорить об этом?

Посетитель. Да, не хочу. (Он смеется.)

Заклученный. После ваших последних писем

я не рассчитывал увидеть вас таким. Вы вновь полны энергии.

Посетитель. Поговорим немного о вас.

Заклученный. Это не очень интересная тема. (Пауза.) Я здесь, и я жду.

Посетитель. Вы по-прежнему пессимистически оцениваете международную ситуацию?

Заклученный. Более чем когда бы то ни было. Но я также и оптимист... Дальнего прицела.

Посетитель. Признаться, я испытал облегчение, когда Джим Крунер потерпел провал и Олберт Монро Смит был избран президентом. Смит — это меньшее зло.

Заклученный. Не думаю. Смит будет делать в точности то же, что делал бы Крунер на его месте. Американская демократия состоит в том, чтобы создать у избирателей иллюзию возможности выбора. Для законодательных функций есть выбор между двумя партиями в равной мере правого толка. Для поста президента — выбор между двумя кандидатами, одинаково реакционными в сущности, по один из них старается доказать, что он либеральнее другого.

Посетитель. О, вы преувеличиваете! Я не ставлю Смита и Крунера на одну доску.

Заклученный. Я не преувеличиваю. Хотите несколько примеров? В 1960 году вы голосовали за Кеннеди потому, что вы считали его более либеральным, чем Никсон, и Кеннеди дал согласие на агрессию против Кубы и на значительное увеличение числа наших «военных советников» во Вьетнаме. В 1964 году вы голосовали за Джонсона, чтобы провалить Голдуотера, но Джонсон, добившись власти, навязал нам эскалацию, к которой призывал Голдуотер.

Посетитель. Вы думаете, следовательно, что Смит так же способен, как Крунер, втянуть нас в войну с Китаем?

Заклученный. Да. Он только произнесет чуть больше морализирующих речей.

Посетитель. Это печально.

Заклученный. Не в такой мере, как кажется. Видите ли, выборы не имеют значения. Они подтасова-

ны в самой своей основе. Бороться надо за победу в общественном мнении.

Посетитель. Да, я знаю. Ради этого вы сели на скамью подсудимых и не побоялись тюрьмы.

Заключенный. Да, и иногда я чувствую себя обескураженным. Репрессиями кое-чего смогли добиться. Число отказывающихся служить в армии уменьшилось.

Посетитель. Но то, что вы в тюрьме, оказало большое влияние на всех ваших знакомых. Послушайте, я не хочу называть имен по понятным вам причинам, но мне самому вы открыли глаза на многие вещи.

Заключенный. Если это правда, тогда стоило очутиться здесь.

Посетитель. Это правда.

Заключенный. Вы доставляете мне огромную радость. Мне казалось в последние месяцы, что тон последних ваших писем как-то изменился.

Посетитель. Я решил не придавать никакого значения тому, что их фотокопируют и каждое наше слово норовят записать... Я считаю, что очень скверно заранее ограничивать себя автоцензурой. Я более чем когда бы то ни было намерен говорить лишь то, что думаю.

Заключенный. Может быть, и я сыграл какую-то роль в этом решении?

Посетитель. Конечно. Очень большую.

Заключенный. Я не могу выразить вам, как я счастлив. И какая скромность с вашей стороны. В вашем возрасте, при вашем положении... В конце концов я всего лишь ваш ученик.

Посетитель. Это не имеет никакого значения. Когда ищешь истину, нельзя чтобы тебя останавливали подобные соображения.

Заключенный. Я очень признателен вам за то, что вы мне это сказали. (Пауза.)

Посетитель. Время почти истекло, мне кажется.

Заключенный. Подождите, у нас еще есть пять минут. Расскажите мне о Питере и Сюзи.

Посетитель. Вы, наверно, уже знаете, что они поженились?

Заключенный. Она мне об этом писала. Сюзи чудесная девушка. Вы знаете, я бы сам мог влюбиться в нее, если бы Питер меня не опередил.

Посетитель. Она всегда говорит о вас с большой теплотой.

Заключенный. Да, я тоже ее очень люблю. Я часто думаю о вас всех. (Молчание.) Было не так легко с вами расстаться.

Посетитель. Мы вас ждем. Вы вернетесь и будете работать с нами.

Заключенный. Через три года. (Молчание.) Через три года вы уже будете все знать о свистах.

Посетитель. Будут другие проблемы.

Заключенный. Ну что ж... Итак, через три года...

Посетитель. Я приду вас навестить, если мне разрешат. А теперь, я думаю, уже пора.

Заключенный. До свидания. Пишите мне. Спасибо за то, что пришли, спасибо за... В общем спасибо.

Посетитель. До свидания, Майкл.

Сайгон, 4 января 1973 (Ю. П. И.)

Американский крейсер «Литл Рок» лачисто уничтожен атомным взрывом в открытом море вблизи Хайфона. Выживших нет.

11

Как у великана, который спокойно заснул, уверенный в своей силе, а проснулся от коварно нанесенного ему во сне удара, первой реакцией США после нападения на «Литл Рок» было изумление. Возмущение появилось лишь через сутки, словно было необходимо именно столько времени, чтобы волнение охватило все это огромное тело. Но ярость, овладевшая им тогда, соответствовала масштабам могущественнейшего государства мира. По всему необъятному матерiku прокатилась волна гнева и, как впопыханный прилив, захлестнула 180 миллионов американцев. Радио, телевидению,

газетам обычные слова казались слишком слабыми, чтобы выразить возмущение, которое внушал этот столь необычный поступок. Всемогушие боги на Олимпе, с изумлением и ужасом убедившиеся в том, что они подверглись нападению низшей расы, были бы также уверены, что в кратчайший срок разделяются с теми, кто осмелился нанести им удар.

Журналистам, комментировавшим это душевное состояние, казалось, что лишь эпитеты, взятые из мира животных, передают презрение, с каким их соотечественники относятся к противнику. В газетах, где замечали такие заголовки, каких не видели со времен Пирл-Харбора, Китай сравнивался обычно с «бешеной собакой», которую следовало «посадить на цепь или прикончить».

Трагедия «Литл Рока» не оставила живых и не имела свидетелей. Химический анализ воздуха и собранные обломки позволили командованию VII флота заключить, что ее причиной был «атомный снаряд неопределенного происхождения». Однако, несмотря на осторожность, проявленную в этих выводах, у политических комментаторов вина китайских руководителей не вызвала никаких сомнений. Большинство из них заявляло, что своим «внезапным нападением» и своей «подлой агрессией» Китай поставил себя вне цивилизованных наций. Он первым нарушил «равновесие страха». Единственный способ восстановить это равновесие заключался в том, чтоб «наказать агрессора немедленными ответными ударами»: «по китайским атомным заводам», — говорили самые умеренные; «по жизненным центрам», — требовали другие. Говорили: «жизненные центры», а не «города», потому что слово «город» слишком уж конкретно и напоминает о миллионах городских жителей.

В прессе требование санкций обосновывалось ссылками на право и мораль. Но частные разговоры звучали совсем иначе. Настроения проявлялись не явным образом, а в даваемых противнику прозвищах. «Китаец» было малоупотребительным словом: ему предпочитали «желтопузый», «макака», «Чарли» или более вежливое, но не менее враждебное «азиат».

Правда, эти азиаты довольно ловко использовали западную науку, но им доставало способности к творчеству. Кроме того, они шокировали своей многочисленностью. Они чрезмерно быстро размножались. Они кишели, как муравьи. «Животная» метафора «развертывалась»: от собаки переходили к макаке, от макаки к муравью, а последний образ — самый опасный из всех, потому что он невольно вызывал в памяти сапог охотника, презрительно давящего — мимоходом — муравейник, о который он споткнулся.

Как искушенные в политике профессионалы, большинство конгрессменов раньше других поняли, что влечет за собой громадная волна гнева, вздыбившая Соединенные Штаты. Их политические заявления были быстрыми, находчивыми и патриотическими. Сенатор Бэртон Мэрфи, который до сих пор числился среди самых решительных «голубей» и дал накануне событий интервью, где выражал сожаление о бесконечной войне во Вьетнаме, узнал о постигшей «Литл Рок» катастрофе в 17 часов, в тот момент, когда брал бензин у своего постоянного заправщика. Сенатор немедленно вернулся к себе и позвонил в Белый дом, чтобы заверить президента Олберта Монро Смита в своей безоговорочной поддержке.

В конгрессе в последовавшие за событием дни остатки группы «голубей», которую совсем обкорнали недавние промежуточные выборы, окончательно распылились. Две трети при окончательном подсчете перешли в лагерь «ястребов». Они сделали это с радостью, показавшей, как они были счастливы найти безупречный патриотический предлог для отказа от взглядов, доставлявших им лишь одни неприятности. Последняя треть отмалчивалась. Здесь не были убеждены в виновности Китая в деле «Литл Рока». Смелости же заявить об этом не хватало, хотя покорно «бежать со стаей и охотиться со стаей», тоже не соглашались.

Если сенатор Бэртон Мэрфи поразил политические круги быстротой своего обращения, то большинство политических деклараций, число которых с каждым днем росло, не вызывало особого удивления. Тем не менее

они обращали на себя внимание по причине известности их авторов.

Актер Джим Крунер, бывший кандидат в президенты, должен был 5 января в 19.30 выступить по телевидению с беседой о будущем женщин в США. Он сам объявил, что из-за серьезности положения отказывается говорить на эту тему, а вместо этого хочет обратиться к нации с несколькими словами. Когда он говорил, его персона заполняла весь телеэкран. Серьезный и решительный взгляд, тронутые сединой виски, отмеченное мужественными морщинами многоопытности лицо, весь добрый, скромный и ответственный вид Крунера — все это заставило биться сердца ста миллионов американок. Он выражался в стиле, лишенном даже намека на интеллектуальность, который так подходил к его внешности и который его «мозговой трест» выработал для него в начале предвыборной кампании. Он говорил непривычно медленно, делая над собой усилие, как будто он решительно боролся с едва сдерживаемым волнением. «Я не знаю, что президент скажет вам завтра, — заявил он, — и, разумеется, в этот вечер я не скажу ничего такого, что может поставить его в затруднительное положение. Я хорошо знаю, что сделал бы на его месте я, но ведь руль у него в руках, и именно он должен выровнять машину, а я не такой человек, чтобы давать ему советы с заднего сиденья. Это только бы ему помешало. Долг всех американцев, — глубокомысленно продолжал он, — ваш и мой, объединиться перед лицом агрессии и довериться мудрости и энергии правительства Соединенных Штатов».

Кардинал Минитмен должен был в тот же день в 22 часа выступить по радио с беседой «О евангельском духе в новой истории». Прелат являл собой единственный случай в анналах истории своей страны: он, не участвуя в боях, получил высшую военную награду Соединенных Штатов. Наверное, вооруженные силы считали, что он один стоит целой дивизии. Несколько лет тому назад во время поездки по Южному Вьетнаму он старался воскресить веру в солдатах, призывая их к «окончательной победе над вьетнамцами». Командование было признательно прелату за эту прямоту, по-

тому что в публичных заявлениях, особенно на каждом новом этапе эскалации, из уст Джонсона, Макнамары и Дина Раска исходило лишь слово «мир». Конечно, генералы понимали необходимость дипломатии, но, с другой стороны, вся эта болтовня о «переговорах» и все эти обещания уйти из Вьетнама после заключения мира плохо действовали на «джи-ай».

Кардинала потрясла трагедия «Литл Рока», однако он сразу же сообразил, что это событие задним числом оправдывает «жесткую линию», которой он всегда придерживался в отношении атеистического коммунизма. Со свойственной ему стремительностью он изменил тему беседы и в последнюю минуту выбрал в качестве текста для толкования 13, 24 и 25-й стихи из 19-й главы «Бытия». «В эти дни траура, — сказал он, — когда подлые агрессоры нанесли американской нации удар в спину, христианам нашей страны более чем когда-либо надлежит считать себя посланцами Христа и в священном писании черпать вдохновение для деяний». Он отослал слушателей к вышеуказанным стихам «Бытия» и прочел их громовым голосом: «...потому, что велик вопль на жителей его к Господу... (Прелат сделал гневное ударение на словах «на жителей его».) И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, всех жителей городов сих, и все произрастания земли»*.

Способом одновременно и более кратким и менее евангельским генерал Джордж К. Корри заявил в тот же вечер газете «Вашингтон пост»: «После всего этого остается лишь взрезать им брюхо».

Пол Омэйр Парсон, прозванный друзьями П.О.П., а недругами «Бэббит с Юга», не утруждал себя нюансами. Он выложил скопом свои мысли одному журналисту из Атланты. «Надо было быть круглым идиотом, — сказал он в том красочном стиле, который так способствовал его популярности в южных штатах, — чтобы не предвидеть этого удара. Никто не скажет, что я не предупреждал государственный департамент. Вот

* «Бытие», глава 19, стихи 13, 24, 25.

уже несколько лет я добиваюсь от него ответа: до каких пор вы будете терпеть дерзости Кастро? Бахвальство Насера? И оскорбления со стороны Китая? Истина, если отбросить все эти чепуховые разговоры о более или менее мирном сосуществовании, состоит в том, что Америка слишком терпелива: она должна бы уже начать чувствовать себя несколько утомленной от благодарностей в виде пощечин и пинков в зад за те доллары, что она рассеивает во всем мире для слаборазвитых стран. Фигу им с маком, этим слаборазвитым. Вся эта пайка мечтает лишь о том, чтобы при первой возможности выпустить нам кишки. Доказательство тому «Литл Рок». Ну что ж, пусть это послужит нам уроком. Если мы сейчас не уничтожим Китай, то Китай потом уничтожит нас. Поймите меня правильно: я ничего не имею против китайцев как народа. Если они хотят приезжать к нам, открывать здесь прачечные и стирать мое грязное белье, я не против. Но я против того, чтобы эти макаки играли в Азии с водородными бомбами. Повторяю, надо делать выбор. Наш мир — жестокий мир. Только тот выживает, кто бьет сильнее всех. Так вот, время пришло: надо свести счеты с Китаем. Что касается меня, я человек не кровожадный, но я не смогу спокойно заснуть до тех пор, пока Китай не будет превращен нашими ракетами в одну огромную стоянку для автомашин».

Как было объявлено накануне, президент Смит 6 января в 13 часов выступил по телевидению с небольшой речью. Хотя речь его была выдержана в возвышенном стиле и взывала к понятиям великого благородства, ее скрытые выводы в основном не отличались от тех, что развивал П.О.П. Правда, П.О.П. ни разу не сослался на бога, тогда как Олберт Монро Смит тщательно сообразовался с великой традицией Белого дома: он завербовал господ, мораль и воинство господне на защиту Штатов. В периоды кризиса ни один американский президент не забывал этого делать, впрочем, не без оснований, ибо каждый раз господь бог позволял себя завербовать и исправно нес свою службу: в самом деле, ни разу североамериканская территория не была захвачена, никогда не подвергалась бомбардировке, со

времени их возникновения Соединенные Штаты не проиграли ни одной из войн, которые они вели.

Каждому, кто наблюдал за очередным появлением Олберта Монро Смита на телеэкране, становилось ясно, почему он снискал у толпы большее расположение, чем Джим Крунер. Хотя он давно уже занимал разные ответственные посты, Олберт Монро Смит сохранял внешность, которая имела для его успеха такое же значение, как и слава его предков: непринужденность, мускулистая шея спортсмена, открытая, очаровательная улыбка в 45 лет придавали ему вид студента, однако в то же время этот юношеский вид как бы оттенялся серьезностью его внимательных, глубоко посаженных серых глаз. Знаменитый обозреватель Малколм Манстер говорил о новом президенте, что тот «нашел способ сочетать два вида сексуальной привлекательности: привлекательность молодости и привлекательность зрелости».

Устремив свои серьезные глаза на телезрителей, президент произносил слова совсем без жестов, спокойным, сдержанным и даже вкрадчивым голосом, который придавал его обращению что-то проповедническое. «Америка, — говорил он, — всегда была глубоко миролюбивой страной. И сегодня она, оставаясь верной своим традициям, не стремится захватить в Азии никаких территорий, никаких новых богатств, но с помощью божьей она решила защищать свободу и демократию всюду, где им угрожает агрессия коммунистов. Наши вооруженные силы, повторяю, ни на море, ни на суше не ищут никаких своекорыстных выгод. Как раз наоборот, они находятся в Азии для того, чтобы дать возможность угнетенным подрывной деятельностью коммунистов народам без всякого принуждения выбрать то будущее, какое им нравится. Именно в этом наша миссия и наша гордость. (Он сделал паузу, и взгляд его омрачился.) Вам известно, что 4 января 1973 года — в истории день этот навечно будет отмечен печатью подлости — Соединенные Штаты стали объектом жестокого и преднамеренного нападения в Топкинском заливе. Нет ни малейшего сомнения ни в природе снаряда, который уничтожил крейсер США «Литл Рок», ни в его проис-

хождении. Даже если он был собран и пущен руками вьетнамцев, изготовлен он на китайских атомных заводах. Китай, следовательно, несет полную ответственность за то, что он первым пустил в ход это ужасное оружие и организовал против Соединенных Штатов агрессию, которая если не своим размахом, то, во всяком случае, своей гнусностью, коварством и жестокостью напоминает нападение на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. Америка не останется безразличной к нанесенному ей оскорблению. Безусловно, мы первыми бы аплодировали, если бы Китай направил свою великую энергию на улучшение условий жизни его населения. Но мы оказываемся вынужденными вмешаться, когда он для своих подрывных целей не колеблясь прибегает к оружию устрашения. Если бы Америка стерпела столь чудовищную агрессию, не нанеся ответного удара, то сила не замедлила бы превратиться в средство разрешения споров между различными странами мира. Мы стали бы свидетелями шантажа, которому большие страны, обладающие ядерным оружием, подвергали бы малые страны, не имеющие такового. Правительство Соединенных Штатов, сознавая свои обязательства по отношению к Американскому континенту и свободному миру, предъявило сегодня народному Китаю требование — под международным контролем демонтировать его атомные заводы. Китаю дана неделя на размышление. По истечении этого срока в случае отрицательного ответа или умолчания Соединенные Штаты примут все необходимые меры для обеспечения своей безопасности».

После речи президента Соединенные Штаты в течение недели находились в какой-то странной ситуации. Война еще не началась, но мира уже не было. Люди испытывали немалые затруднения, покидая привычную колею будней и готовясь в душе к великим надвигающимся событиям. Мужчины в разговорах отделивались спортивными словечками. К примеру, агрессию в Тонкинском заливе описывали в футбольных выражениях. Китай забил гол нечестно, мошеннически. Но Ки-

тай не бог весть что, и когда Соединенные Штаты возьмутся за дело, то он сразу же поймет: его «разложат» со страшным счетом.

В то же время готовность пожертвовать собой ради общего блага — одна из основных черт американской души — вспыхнула сразу же и, не находя подходящего употребления, пропадала зря. Тысячи людей звонили в Белый дом, либо предлагая бесплатно свои услуги, либо давая властям советы по проблемам глобальной стратегии. Студентки женского университета в Вассаре, в стенах которого учились, по словам американского коммуниста Мак Грегора, «самые богатые, самые элегантные и если не самые красивые, то по крайней мере самые чисто вымытые девушки Соединенных Штатов», собрались, чтобы «обсудить положение». После двух часов дискуссии они приняли резолюцию, где заявляли, что готовы отдать родине все преимущества своего «специального образования». Что, собственно, подразумевалось под этим, никто никогда не узнал, так как власти не дали хода их благородному предложению.

Вечером того дня, когда Олберт Моиро Смит произнес по телевидению свое обращение к нации, в 22 часа 30 минут полисмен задержал и привел в полицейский участок матроса Джо Макклайда (ВМ силы США) и Салли Шют — 34-летнюю проститутку, которые в состоянии опьянения дрались на одной из улиц Хобокана. По признанию Салли, она привела Макклайда к себе в комнату, заявив: «Морячок, после того, что эти мерзавцы сделали с «Литл Роком», я тебя развеселю и не возьму ни монетки». Но Макклайд примерно через полчаса покинул ее, захватив с собой серебряную пудреницу, которую намеревался подарить родной сестре на день рождения. Салли выбежала за ним на улицу. Джо Макклайд — 20 лет, 182 см, уроженец города Сан-Анджело (Техас) — заявил судье: «Я начал ее колошматить только после того, как она заорала: «Ступай, пусть и тебя подорвут китайцы». Судья подвергнул Макклайда штрафу и наложил взыскание, но оправдал Салли Шют. Как бы низко ни пала она в личной жизни, заметил судья, она тем не менее сохранила

живые патриотические чувства, о чем и свидетельствует ее наивное предложение матросу Макклайду.

В совсем другой среде, иным образом, но тоже повинувшись потребности пожертвовать собой ради общего блага Мэри Уайт — секретарша редакции, 36 лет, незамужняя — вступила в секту пуритан штата Индианаполис, которая приняла название «Сыновья Марии» *. Когда Мэри с опозданием на 10 минут пришла на собрание, которое должно было состояться в понедельник 5 января в 24 час, она застала членов секты в самом разгаре споров. Спорили о том, надо или нет в отместку за взрыв крейсера «Литл Рок» сбросить на Пекин атомную бомбу. Дискуссия стала пылкой, даже яростной, и Мэри Уайт это несколько удивляло; она не понимала, каким образом решение «Сыновей Марии» из Индианы могло повлиять на Белый дом. В конце концов проголосовали, и двенадцатью голосами против девяти решение бомбить Пекин было отвергнуто. Принятая большинством голосов резолюция, переданная в тот же вечер местным газетам, разъясняла, что мораль запрещает уничтожать три миллиона жителей Пекина в отместку за смерть двухсот американских моряков. Резолюция кончалась следующими словами: «Как бы там ни было, мы народ с возвышенными идеалами». Хотя Мэри Уайт находила эти споры довольно оторванными от реальной жизни, она чувствовала себя глубоко удовлетворенной этой концовкой.

Пожилые люди, немало выстрадавшие во время второй мировой войны, смотрели на обстановку не так отвлеченно. Эрнст Розенблюм — 52 года, немецкий еврей, эмигрировавший в Соединенные Штаты в 1939 году, работал портным в Лексингтоне (штат Кентукки). Со смешанным чувством слушал он обращение президента. Хотя у Розенблюма и не было вполне определенного мнения о Вьетнаме, с некоторого времени он склонялся к мысли, что следовало бы «со всем этим покончить». Узнав о катастрофе с «Литл Роком», он ощутил острый прилив возмущения и сказал жене: «Надеюсь, что президент проявит твердость». Теперь же, когда президент

показал свою твердость, Розенблюм испытывал какую-то странную смесь облегчения, гордости и испуга. Его жена Герда, убрав под себя ноги, сидела возле него на диване с милым и усталым лицом. Она выглядела как толстая кошка, состарившаяся у камина. После обращения президента она взглянула на мужа и удивилась его бледности. Он, в свою очередь, посмотрел на нее, его глаза покраснели, и тихим, сердитым голосом он произнес: «Ну, вот мы и снова в дерьме» *.

Статья «Известий», появившаяся во вторник 6 января, была первым откликом Советского Союза на речь президента Олберта Монро Смита. Сначала автор статьи отмечал, что материальный ущерб и людские потери, вызванные исчезновением «Литл Рока», не идут ни в какое сравнение с катастрофой в Пирл-Харборе, с которой его сравнил президент Смит. В Пирл-Харборе американский флот стоял на якоре, на Тихом океане царил мир, тогда как в течение нескольких лет VII флот, попирая международное право, осуществляет в Тонкинском заливе непрекращающиеся агрессивные акции против Северного Вьетнама, день и ночь подвергается бомбардировкам без предварительного объявления войны. Впрочем, не доказано, что взрыв «Литл Рока» был вызван какими-либо действиями с китайской или вьетнамской стороны, так как не осталось ни свидетелей, ни обломков, годных для химического анализа. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно полагать, что атомный снаряд, уничтоживший «Литл Рок», находился на борту самого корабля и по ошибке взорвался.

В действительности, с сожалением констатировала газета, складывается впечатление, что государственный департамент хочет использовать дело «Литл Рока» как *casus belli* **. Советское правительство предупредило США, какие крайне серьезные последствия будет иметь для всеобщего мира атомная агрессия. Милитари-

* В отличие от Сыновей Марты. Евангелие от Луки, гл. X.

* В тексте романа — по-немецки.

** Повод для объявления войны (*латин.*).

стские круги Вашингтона, писал в заключение автор статьи, не могут рассчитывать на то, что мы останемся в стороне, когда американские ракеты будут стирать с лица земли города и заводы граничащей с СССР страны.

Эксперты государственного департамента уже давно спорили о том, какую позицию займет СССР в случае конфликта Соединенных Штатов с Китаем. И эта статья лишь подкрепила обе существующие точки зрения. Одни сделали из нее вывод, что рано или поздно СССР бросит на весы конфликта всю мощь своего оружия. Другие увидели в ней подтверждение своей мысли, что Россия не пойдет дальше чисто словесных протестов или материальной помощи Китаю, если война затянется. Однако именно эта гипотеза совершенно исключалась. Пентагон объявил, что ему понадобилось бы два часа, чтобы стереть Китай с лица земли.

В тот же день, когда появилась статья «Известий», агентство Синьхуа опубликовало самое пространное и самое драматическое коммюнике за всю историю своего существования.

Вначале агентство категорически опровергало «фальшивки, сфабрикованные империалистическими бандитами янки». Народный Китай совершенно непричастен к уничтожению крейсера «Литл Рок». Он не передавал Северному Вьетнаму никакого атомного оружия и сам не пользовался им. Он оставался верен заявлению, которым сопровождался каждый из его экспериментальных взрывов: «Никогда Китай первым не применит атомную бомбу, но если на него нападут, то он ответит ударом на удар». Взрыв «Литл Рока» не что иное, как «подлая преступная провокация», подстроенная самими американцами с целью направить Китаю «оскорбительный ультиматум», который китайское правительство отвергает. Кроме того, «пираты янки» для осуществления своего «дьявольского замысла» в Тонкинском заливе выбрали такие метеорологические условия, при которых радиоактивные осадки вместо того, чтобы опуститься на их собственный флот, должны были непременно выпасть на китайскую территорию.

И действительно, именно так это и произошло. Примерно через час после взрыва крейсера «Литл Рок» над китайским городом Пак-Хуа 45 минут шел радиоактивный дождь из пыли белого цвета. Почти все пятьдесят тысяч жителей Пак-Хуа в настоящее время серьезно заражены, отравлены и водоемы, снабжавшие город пресной водой и окружавшие его огороды. Китайское правительство предоставило самолет в распоряжение тех иностранных корреспондентов в Пекине, которые выразили бы желание посетить город и смогли бы сами на месте ознакомиться с положением дел. Не Китай, заключало агентство Синьхуа, должен демонтировать свои атомные заводы, а Соединенные Штаты, которые после чудовищных бомбардировок в 1945 году азиатских городов Хиросимы и Нагасаки только что совершили третье преступление против Азии, они обрекали пятьдесят тысяч жителей Пак-Хуа на мучительную смерть.

К чести американской демократии надо сказать, что даже накануне мировой войны свобода печати продолжала осуществляться без всяких помех на всей территории Соединенных Штатов. Американский репортер Джеймс Бедфорд, посетивший во вторник Пак-Хуа, смог в тот же вечер передать по телефону большую статью в «Нью-Йорк таймс», которая была напечатана в среду и подтвердила факт заражения китайского города. В сопровождении врачей и переводчиков, одетый, как и они, в защитный костюм, Бедфорд побывал в различных районах города и расспрашивал жителей. Эти люди увидели в полдень 4 января ослепительный свет, вспыхнувший на небе в южном направлении. Это свечение, на которое невозможно было смотреть, потому что оно превосходило по интенсивности солнце, длилось три минуты. Через час небо, до того абсолютно безоблачное, сразу омрачилось, и мелкая сверкающая белая пыль посыпалась на город. Она так походила на сахарную пудру, что ребяташки подбирали ее и пробовали. Теперь они мучились от страшных ожогов и уже были обречены на смерть, так как их желудок и пищевод не могли больше принимать пищу. Но и остальные жители в разной степени подверглись заражению, одни

оттого, что осадки попали им на лицо, руки и ноги, а другие оттого, что пили воду из радиоактивных водоемов.

Джеймс Бедфорд имел возможность увидеть и спросить большое число больных. У многих части тела, попавшие под смертоносный белый дождь, приняли черноватый оттенок, у зараженных волосы выпадали целыми прядями и из маленьких ранок непрерывно сочилась кровь. Анализы крови дали катастрофические результаты. В некоторых случаях в кубическом миллиметре крови обнаруживалось не более тридцати лейкоцитов вместо семи тысяч и шестьсот тромбоцитов вместо двухсот тысяч. Диагноз был ясен: костный мозг этих пациентов утратил способность вырабатывать лейкоциты. Прогноз был не менее пессимистичен: поскольку число пораженных невероятно велико, пытаться брать здоровый спинной мозг для пересадки возможно лишь в крайне незначительном числе случаев, и абсолютное большинство больных обречено на агонию, которая будет длиться недели, месяцы или годы.

Статья Бедфорда произвела большое впечатление и оттого, что была написана без громких фраз и не претендовала на сенсационность. Но как бы ни был велик ее резонанс за границей, она не оказала заметного воздействия на американское общественное мнение. Через неделю очередной опрос института Гэллана показал, что процент убежденных в виновности Китая поднялся с 72 до 78. Что касается сторонников немедленного атомного удара, то за это время число их возросло на 10 процентов. Комментируя эти цифры, югославский философ Марко Мленович писал: «Газеты, плакаты, радиостанции, телевизионные программы — сила военной пропаганды такова, что она может бесследно, как губкой, стереть полдюжины нацифистских статей. Свобода печати действительно существует, но остается бездейственной. В стране, где все средства информации принадлежат доллару, слабый голос истины быстро заглушается мощным органом лжи и дезинформации».

За рубежом, однако, статья Джеймса Бедфорда способствовала усилению скептицизма, проявлявшегося в вопросе о виновности Китая. Солидная японская газета

«Асахи», уклоняясь от присоединения к американской или китайской версиям событий (беспристрастность, в которой американские дипломаты в Токио с раздражением усматривали желание поставить под вопрос официальные утверждения их страны), в резких выражениях сожалела о радиоактивном заражении азиатского города и высказывалась за немедленный созыв конференции стран Атомного Клуба.

Генеральный секретарь ООН сожалел, что он не может передать вопрос на обсуждение в Совет Безопасности, потому что Китай, не являясь членом ООН, не будет допущен на заседания для того, чтобы представить доводы в свою защиту. Однако он поддерживал идею широкого обмена мнениями между великими державами; через несколько часов в том же духе высказался и папа римский.

8 января после полудня государственный департамент категорически заявил, что никакого атомного снаряда на борту «Литл Рока» или на борту какого-либо другого корабля VII флота не находилось. Следовательно, возможность несчастного случая исключена. Кроме того, государственный департамент без всяких изменений повторял свои обвинения и напоминал, что срок ультиматума Соединенных Штатов Китаю истекает в полдень понедельника 13 января. Тот факт, что в коммюнике фигурировало слово «ультиматум», встревожило все министерства потому, что 5 января оно не было произнесено президентом Олбертом Моиро Смитом в его обращении по телевидению.

Резкое коммюнике Вашингтона лишь увеличило сомнения, обуревавшие мировую общественность. Во Франции газета «Монд» в номере от 10 января изложила их с ясностью, которая произвела бы впечатление и на самих американцев, если бы они придавали значение сведениям и мнениям европейской прессы. Но газеты Соединенных Штатов цитировали на своих страницах только газеты Соединенных Штатов или в крайнем случае британские газеты.

Статья газеты «Монд», начинавшаяся с детального разбора одного исторического прецедента, была написана в том уравновешенном, компетентном и богатом

нюансами стиле, который вызывал у читателей этой газеты столь приятное чувство личного превосходства. Автор считал целесообразным напомнить, что не впервые в истории Соединенных Штатов гибель военного корабля приводит Белый дом к предъявлению ультиматума: 15 февраля 1898 года американский броненосец «Мэйн», стоявший на якоре в порту Гаваны, взорвался и затонул вместе со всем экипажем. Правительство Соединенных Штатов немедленно обвинило Испанию в том, что она организовала эту диверсию, пренебрегая отчаянными протестами Испании, объявило ей войну и захватило Кубу. Самое малое, что, однако, можно было бы сказать по этому поводу, — то, что Испанию ничто не вынуждало совершать это преступление. Она много лет вела очень тяжелую войну против кубинских повстанцев, была почти разорена, находилась на грани поражения и больше всего боялась именно вмешательства Соединенных Штатов.

Взрыв «Мэйна», так же как и уничтожение «Литл Рока», продолжает «Монд», в истории, без сомнения, останутся тайной, которая никогда не получит разгадки. Ибо очевидно, что ни одна из имеющихся версий пынших событий неприемлема с точки зрения здравой логики. Разве можно предположить, что правительство США замыслило преступный план — пожертвовать своим кораблем, своими же моряками — для того, чтобы создать повод для войны с Китаем? Но с другой стороны, кто поверит, что Китай, отказавшись от крайней осторожности, которую он до сих пор проявлял в отношениях с США, вдруг пошел на такую глупую провокацию, атаковав уже устаревший крейсер США, чье уничтожение ни в чем не уменьшило бы ударный потенциал VII флота? Акция подобного рода могла быть целесообразной только, если бы она была направлена против таких важных объектов, как атомный авианосец «Энтерпрайз» или крейсер с установками для запуска ракет «Лонг Бич». С точки зрения стратегии, эта акция имела смысл лишь в том случае, если бы она предваряла массированное нападение китайской сухопутной армии на американские позиции в Корее и Северном Вьетнаме. Наконец, можно ли

хоть на секунду представить, что Китай выбрал для ядерного удара по крейсеру «Литл Рок» момент, когда ветер, дующий уже в течение суток в северном направлении, не мог не принести атомные осадки на его территорию, вместо того чтобы рассеять их над VII флотом?

Через несколько часов после второго коммюнике Вашингтона мир потрясло известие о том, что Стокгольм стал ареной страшной паники, вызванной занятиями по гражданской обороне. Несмотря на свой нейтралитет и счастливое стечение обстоятельств, позволившее ей 150 лет избегать войны в мире, терзаемом войнами, Швеция с достойным восхищения благоразумием создала на всей своей территории систему противоатомных убежищ. Предусмотрели все. Например, в Стокгольме, как только разразится война, одна часть населения должна будет на машинах покинуть город и как можно быстрее добраться до сельской местности. Другая — прятаться в великолепные, с искусственным климатом подземные убежища столицы. Их построили двадцать лет тому назад в центре города, не жалея денег. Сменяющиеся с тех пор правительства содержали их в порядке, с удивительным усердием стараясь выработать у населения, особенно у детей, привычку проводить в этих убежищах долгие часы за работой или развлечениями. Чудеса разумной предусмотрительности, опасаясь неведомого будущего, убежища эти в апокалипсисе третьей мировой войны должны были обеспечить спасение восьми миллионам шведов даже тогда, когда триста миллионов европейцев гибли бы в опустошенной Европе.

Но что же произошло в Стокгольме вечером 8 января? Приказ направиться в убежища с целью приступить к занятиям по гражданской обороне был отдан в 20 часов 35 минут, то есть через пять минут после того, как коммюнике Вашингтона, содержащее слово «ультиматум», передали по шведскому радио и телевидению. То ли приказ оказался настоящей воздушной тревогой, то ли, переданный сразу же за тревожным коммюнике Вашингтона, он был воспринят как действительное начало войны. Так или иначе, вместо

того чтобы спокойно повиноваться распоряжению властей, самый дисциплинированный народ на свете вдруг оказался жертвой массового безумия. Это была одна из тех смутных, необъяснимых ситуаций, когда группа людей, не зная, что происходит, но обеспокоенная этим незнанием, глядя на поведение других групп, воображает самое худшее, подражает им, и безумие, таким образом, охватывает толпы людей, все более утрачивающих над собой контроль.

Как назло, именно в тот момент, когда множество частных автомашин, исполняя приказ властей, покидало город, над ним промчались шведские реактивные самолеты. Послышались выхлопы, создавшие у некоторых водителей впечатление, что их машины, застывшие на месте по причине большого движения, служат мишенью для бомбежки. Обезумев, люди бросили их и разбежались враспынную по улицам, крича, что падают бомбы. Затор поэтому стал неустрашим, безумие охватило всех, и тысячи людей, в большинстве мужчины, ринулись в большое противоатомное убежище Стокгольма, куда уже набилось двадцать тысяч человек, которых оно могло вместить. Жуткие сцены развертывались там — топтали женщин, в давке погибали дети. На нескольких полицейских, пытавшихся помешать этому, набросились, одного из них линчевали. Другие, чтобы выбраться из толпы, применили оружие. Отданный тогда же сигнал об окончании тревоги ничего не изменил, и порядок восстановился лишь на рассвете, оставив в сердцах шведов глубокое чувство ужаса и стыда. Итог этой бессмысленной паники составляли сто двадцать шесть убитых и девятьсот тридцать два раненых. По страшной иронии истории эти несчастные стали первыми жертвами еще не начавшейся войны.

Паника 8 января в Стокгольме не осталась без последствий в Соединенных Штатах, где общественное мнение, долгое время усыпляемое чувством подавляющего превосходства, при угрозе опасности внезапно проснулось. Если все было давно готово для нанесения опустошительных атакующих ударов по врагу, то система противоракетной обороны, организованной

США, когда Китай взорвал свою первую водородную бомбу, вряд ли могла кому-либо показаться надежной. Хотя защитный барьер стоил очень дорого, по утверждениям экспертов, он оставался «тонким» (thin). Он не сможет остановить все виды ракет. Газета «Вашингтон пост» припомнила эксперимент подводной лодки «Наутилус», которая, действуя в совершенно обычных условиях во время одной операции в водах Атлантики, сумела подойти к Бостону на расстояние в несколько миль, оставшись не засеченной сонарами. Она шла на глубине 30 метров за кормой грузового судна, шум от винтов которого покрывал гудение ее турбин. Вывод был очевиден: то же, что сделала подводная лодка Соединенных Штатов, могли сделать и китайские подлодки, которые несколькими неотвратимыми ударами уничтожили бы ряд городов.

Итак, не следовало самообольщаться: в Соединенных Штатах в случае войны правительство и генеральный штаб смогли бы зарыться в землю, укрыться в грандиозном подземном городе, защищенном десятками метров камня, бетона и стали, но какие убежища предусмотрены для американского народа? Никаких. Одни богатые люди могли себе построить в садах и на ранчо противоатомные семейные убежища. Однако из-за недостатка земли и средств огромная масса малообеспеченных людей была обречена на смерть. Потрясенные американцы обнаружили тогда то, что они уже давно знали: власть доллара безгранична. Все покупается на доллары, даже жизнь.

Поток писем, телеграмм и взволнованных телефонных звонков наводнил Белый дом. «Если начнется третья мировая война, — с горечью писал обозреватель Малколм Манстер, — человек будет в большей безопасности на подводной лодке, плавающей в Арктике под пятью метрами льда, нежели на своей кровати в пригородном домике».

Начиная с 4 января и еще до того, как стало известно о панике в Стокгольме, беспрецедентная эпидемия самоубийств прокатилась из конца в конец Соединенных Штатов. 5 января их было совершено на 75 процентов больше, чем в тот же день в январе

прошлого года. Оставшись таким же шестого, число самоубийц возросло седьмого и восьмого в столь тревожных масштабах, что власти просили газеты не сообщать на своих страницах о новых случаях, чтобы не распространять панику. Это указание было в общем исполнено, но, несмотря на это, кривая графика самоубийств продолжала резко расти девятого, десятого, одиннадцатого и двенадцатого, и пришлось ждать неделю, прежде чем она начала стабилизироваться, а потом и снижаться: «Когда-нибудь историк будет задавать себе вопрос, — писал профессор Марко Ллепович, — по какой тайной причине столько образованных, счастливых и сытых американцев предпочли избавиться от жизни из-за боязни ее потерять, тогда как в слаборазвитых странах сотни миллионов людей каждый день испытывают страшные страдания голода, даже и не помышляя положить конец своим мучениям».

В то же время преступность, особенно преднамеренные убийства и изнасилования, тоже достигла рекордного показателя за всю историю Соединенных Штатов. Большая часть этих преступлений совершалась не профессиональными гангстерами. Преступники оставляли массу улики, иногда даже сами отдавались в руки властей, не отрицались на допросах. Некоторые объясняли, что почувствовали «неодолимое желание» убивать и что выбор жертвы, по существу, был делом случая. Но, быть может, самый резкий свет на мотивы этих преступлений пролил случай Роя Крейтона — двадцатидвухлетнего, неженатого, служащего магазина, ранее не судившегося. С понедельника шестого по четверг девятого Крейтон, которого считали порядочным и трудолюбивым парнем, изнасиловал при самых мерзких обстоятельствах несколько девочек в возрасте от 12 до 14 лет. Когда его схватили, ничего не стоило заставить его во всем признаться. Он спокойно добавил, что ему всегда «хотелось делать подобного рода вещи» и он решил «удовлетворить свое желание», когда понял, что начнется атомная война и «всем нам будет хана и все мы кончим свои дни в одной дыре».

Страх усиливался с каждым днем, и жестокость,

умножаемая страхом, надевала иногда личину патриотизма. Начали перешептываться о «пятой колонне» и о роли, которую могут сыграть живущие в Америке китайцы. В различных городах Соединенных Штатов громили китайские рестораны, а работающих в них китайцев оскорбляли и избивали. В Вашингтоне атташе японского посольства, покупавшего в магазине рубашки, обозвали «желтопузым», и, когда он попытался объяснить толпе, что он японец, а не китаец, оскорбления возобновились с удвоенной силой и он был на волосок от линчевания.

10 января в одиннадцать часов вечера несколько подростков на машине проникли к Чайнатаун и, опустив стекла машины, начали наугад стрелять в прохожих, четырех убили и около десяти ранили. После этого они схватили двух китайских девушек, возвращавшихся из кино, отвели в пустынный пакгауз нью-йоркского порта и там, избив и изнасиловав, бросили в ледяную воду. Когда одна из них пыталась вплавь добраться до набережной, подростки прикончили ее выстрелами из револьверов. Другой удалось спрятаться за какой-то спасательной лодкой, дожидаться отъезда банды.

Газеты, радиостанции, телепрограммы неистовствовали. В более серьезных журналах подсчитывали мегатонны, необходимые для уничтожения Китая, и один специалист доказывал, что их понадобится тридцать тысяч. «Они у нас есть, — заключал специалист, — и еще кое-что». На вокзалах, в почтовых отделениях, на станциях метро и на огромных рекламных щитах по обеим сторонам автомобильных дорог стали появляться большие плакаты. На одном из них были начертаны эти простые слова:

Помни «Литл Рок»

На другом плакате, продолговатой формы, в самом верху стояло «Помни», в самом низу — «Литл Рок» и посередине можно было видеть море, усеянное обломками и трупами. Вода, освещенная страшным желтым светом, казалось, кипела, и на переднем плане лицом к зрителю моряк с вытекшими глазами, с чер-

ным, обожженным лицом, с перекошенным от отчаянного крика ртом возвышался над водой, опираясь левой почти обугленной рукой на «и» слова «Литл», а правой на «к» слова «Рок». Он был нарисован так выразительно, что, казалось, вот-вот спрыгнет с плаката, чтобы вызвать к мщению.

Два министра — иностранных дел и обороны — в ночь с 8 на 9 января совещались в Белом доме с президентом Олбертом Монро Смитом до двух часов утра. Когда они ушли, президент долго неподвижно сидел в кресле, он чувствовал себя опустошенным, усталым, измотанным, он с трудом поднялся, сутулый, ноги как налитые свинцом, но особенно утомлена была душа, в ней не осталось ни капли бодрости. Президент вошел в свой личный лифт, поднялся на третий этаж, в свою комнату. Он сменил ботинки на домашние туфли и темно-серый пиджак на старую, потерявшую форму куртку из твида с кожаными вставками на локтях. Это принесло ему некоторое облегчение. Спать ему не хотелось, он слишком устал, чтобы спать, он чуть-чуть приоткрыл дверь в комнату Вики и несколько секунд вслушивался в теплую и ароматную темноту. Есть что-то удивительное и волнующее в этом чуть слышном человеческом дыхании — сложная, безупречная механика, упорное, непрестанное движение, мускулы и нервы в непрерывном труде, и даже во сне им не дано притвориться мертвыми. Смит тихо закрыл дверь, пересек коридор, толкнул всегда немного приоткрытую дверь в комнату Лолли. Лолли спала на боку, профиль освещен крошечным голубым ночником, горевшим в изголовье кровати красного дерева между белыми муслиновыми занавесками. В двенадцать лет она еще боялась спать без ночника. Смит смотрел на нее; пухленькая ручка подпирала полную, усеянную веснушками щеку, на которой спали кроткие ресницы, верхняя губка, маленькая, пухлая, вздернута к носу и делает лицо похожим на невинную мордочку славного зверька; такими любил рисовать девочек-подростков на своих картинах Ренуар. Смит покачал головой, он

почувствовал какую-то неловкость оттого, что позволил себе растрогаться, тяжелыми шагами он прошел по длинному коридору, вошел в овальную гостиную, зажег люстру и опустился в большое, обитое зеленой кожей кресло, стоящее за письменным столом. Никогда не чувствовал он себя таким усталым, даже во время своей предвыборной кампании, даже во время предвыборной кампании Кеннеди — какие минуты они провели вместе! — усталые глаза Джона, его серьезный, немного болезненный вид, когда он бросался в кресло пульмановского вагона, который мчал его из города в город. «Но это уж слишком, иди поспи, Джон», — он отрицательно качал головой, показывал на столик, где лежали наброски речи, которую он должен был произнести на следующий день, и декламировал стихи Фроста:

Но словом данным я влеком:
Еще до сна мне далеко,
Еще до сна мне далеко.

Усталые глаза, улыбка, исполненная мужества и доброты, первое «до сна», произносимое с легкостью, а второе — тихим, глубоким, слегка грустным голосом, и вот ты теперь спишь, Джон, они убили тебя через три года, почти день в день; они слишком боялись тебя, чтобы позволить тебе жить, то, что им нужно, — это покорные президенты вроде Чан Кай-ши, Ки, вроде... Овальная приемная — буйство желтого: стены, обитые дамасским шелком, большой овальный ковер, две софы, кресла в стиле Людовика XVI; во всей этой позолоченной мишуре висящие на стене полотна Сезанна стираются, тонут. Все здесь слишком богато, слишком роскошно. Смит взял сигару, зажег ее и прошелся по комнате, ковер заглушал его шаги, взглянул на часы: «В этот час лишь я не сплю, да не должна спать моя личная охрана. Тридцать восемь ее агентов размещены во всех уголках дома; охранники в парке и охранники у ограды, какой прелестный образ для лубочной картинки; президент США, окруженный телохранителями, проводит ночь в раздумьях накануне третьей мировой войны. Горло его сжалось. Президент! Всевластие президента! Почти диктаторские полномо-

чия президента! Да, а этот коварный, сильный, постоянный нажим со всех сторон, чтобы мое колесо попало в заранее проложенную колею! А эти государства в государстве: Пентагон, госдепартамент, финансовые круги, связанные с генералами, и все полиции — ФБР, ЦРУ, лобби... Президент-пленник, президент-орудие, президент-заложник, Гулливер у лилипутов! С виду самый сильный, а в действительности же самый стесненный — простая точка, где пересекается сложное множество разных сил. Моя речь 6 января — она была в конце концов не самая лучшая, но уж, во всяком случае, далеко не худшая, наименее опасная из тех, которые я мог произнести. Мне не дали сделать большего, а через два дня эти мерзавцы, которые орут за моей спиной, нарочно произносят слово «ультиматум», чтобы осложнить обстановку. Я связан, связан, связан. Чтобы заставить меня делать то, чего они хотят, им достаточно, излагая мне проблему, исказить факты, затуманить мою голову неточной информацией. Так они поступили с Джоном в апреле 1961 с этим вторжением на Кубу. Никогда не забуду, как все эти чины, пророки, специалисты из Пентагона и государственного департамента засыпали его своими идиотскими «гарантиями» успеха интервенции на Кубу. «План безупречен, — сказал Лемнитцер, — он не может не удался», и Даллес: «Это будет гораздо легче, чем в Гватемале», и Биссель: «Как только противники Кастро высадутся на остров, кубинский народ встретит их с распростертыми объятиями». Но на рассвете 17 апреля на Плайя-Хирон кубинский народ вместо распростертых объятий встретил интервентов огнем винтовок, танков, пушек и раздавил их менее чем за 72 часа. Боже мой, неужели они готовят мне такую же шутку с «Литл Роком»? Смит остановился, оцепенев, пепел с конца его сигары вот-вот готов был упасть на пол. Смит шагнул, осторожно протянул руку к ближайшей пепельнице, но пепел отделился, упал и пылью рассеялся по ковру. Президент вздрогнул, через несколько секунд он заметил, что у него дрожит рука. Он выпрямился — не следует везде видеть предзнаменования. Он устроился в кресле и, очевидно, на

несколько мгновений уснул, потому что его правая нога как-то сама собой распрямилась в колене, как будто бы он падал в пустоту. Он вздрогнул. Если есть что-то, что президент не может преобразовать, над чем он не властен, так это его собственная политическая полиция, именно она в действительности управляет им, потому что она его информирует. Он встал и вновь принялся ходить взад-вперед. Через некоторое время он заметил, что всякий раз старается не наступить на пепел. «Убежден, что ЦРУ знало — диверсия на Плайя-Хирон закончится провалом, уверен, план состоял в том, чтобы поставить Джона перед таким серьезным оборотом дела, поред такой немыслимой потерей престижа, чтобы он дал зеленую улицу высадке морской пехоты на Кубу, и Джон чуть было этого не сделал. Такая катастрофа в начале его президентства, он был так уязвлен, так унижен, так взволнован, но он спохватился, сказал «нет», он умел говорить «нет»: «нет» — войне с Кубой, «нет» — войне против Китая, «нет» — сегрегации. Они убили его, потому что он умел говорить «нет». Привезите его к нам в Даллас, а уж остальное мы берем на себя, в Далласе у нас есть полицейские, которые выстрелом с 30 метров разрежут вам надвое сигару, есть убийцы, есть убийцы убийц, которые сами вершат над собой правосудие, заражая себя раком».

Смит скал в карманах руки и горестно подумал: «Я промолчал, но надо было сделать выбор, либо я сказал бы: доклад ваших комиссий — это самая мерзкая подлость за всю историю Соединенных Штатов, и моя карьера была бы кончена, либо я промолчал бы и мог бы однажды вновь подхватить факел Джона». Он остановился, прошло некоторое время, он снова со стыдом подумал: «Я промолчал». Подошел к окну, приподнял тяжелую драпировку и прижался лбом к стеклу. Тотчас же от дерева в парке отделился человек и, подняв голову, быстро пошел к дому. Смит показал «нет» рукой, человек исчез, взгляд Смита держался на магнолии, которую велел посадить президент Джонсон; она была огромной и корявой, безрезь позади нее выглядели хрупкими, обнаженными и

уносящимися ввысь, как на рисунке Бюффэ; освещенные лучами прожекторов безопасности, они казались фантастическими декорациями для фильма. Надо к весне не забыть снять с деревьев ультразвуковые устройства Джонсона. «Мы, Линдон Бейн Джонсон, запрещаем птицам залетать в Белый дом, они оскорбляют наше достоинство, оставляя помет на лужайках». Смит смотрел на унылые силуэты берез, все это было до слез грустно, даже сквозь стекло проникал запах влажной гнили. «А я, что я сделал, когда он упал с простреленной головой, заливая своей кровью платье и чулки Джеки, среди ненависти и липкой лжи Далласа? Но, во всяком случае, он был мертв, и отомстить за него было невозможно. Обвинять без доказательств, и кого обвинять?»

По нашим предположениям, джентльмены, — и это самое скромное из наших предположений, — здесь был коварный сговор, где молчание играло роль более важную, чем слова; вы привезите его в Даллас, а мы уже возьмем на себя все остальное; по всей вероятности, было сказано даже еще меньше, и не так прямо и недвусмысленно; наш славный город Даллас ждет его, от вас требуется всего лишь капля неблагоразумия, привезите его к нам; ведь и подлецам тоже надо не терять уважения в глазах друг друга, и у них в душе есть тайный кодекс чести, не позволяющий ненависти выражать себя открыто там, где можно обойтись недомолвками и намеками.

Если бы я не смолчал, меня бы объявили сумасшедшим, была бы пущена в ход огромная машина, политически я был бы уничтожен, стерт в порошок. без пользы для кого-либо, даже для Джона, все мои шансы прийти на смену Л.Б.Д. были бы потеряны. Прийти ему на смену — зачем? Только для того, чтобы объявить войну Китаю? Кто подложил под мое кресло эту бомбу замедленного действия? Конечно, разумеется, наши пророки и наши эксперты высказываются совершенно определенно, они всегда вежливы и никогда не ошибаются, за два часа мы уничтожим все китайские атомные заводы и все установки для запуска ракет, СССР не станет вмешиваться, Китай

не способен на ответный удар, и нам обеспечен целый век мира. А если все это ложь? В отношении Кубы ЦРУ тоже первое время утверждало, что авиации у Кастро «почти нет», чуть позже — что вся она «уничтожена» еще на земле внезапными налетами в воскресенье утром, а когда началась высадка, «несуществующая» и к тому же «уничтоженная» авиация Кастро сбила почти все В-26 и затопила половину десантных судов. А что, если и сегодня они обманываются или обманывают меня, ведь достаточно одной-единственной подводной лодки, одной-единственной, прошедшей сквозь ячейки нашего защитного заслона, и она уничтожит Нью-Йорк менее чем за минуту. К чему иметь в сто раз больше ракет, чем китайцы, если всего лишь одна из ракет может нанести нам такого рода удар?» Смит погасил величественную люстру, прошел по длинному, бесконечному коридору, вошел к себе в комнату, где у изголовья кровати горела лампа, снял домашние туфли, развязал галстук, погасил свет и, не раздеваясь, бросился на кровать с колоннами, на которой Джонсон спал после обеда три часа. (Никакой другой президент не спал так долго после обеда и все остальное время дня не выглядел таким заспанным.) Смит выругался — противно спать на той же кровати... Он задремал, но внезапно проснулся от спазмы в желудке. «Бог мой, выбраться, благополучно выбраться из этой грязи, доказать, что это всего лишь отвратительная провокация, глупая шутка, от которой разит чем-то нечистым и подозрительным, маленький жалкий самодельный Пирл-Харбор-недоносок! Все союзники настроены сдержанно, включая и тех, что так верны, когда дело доходит до денег. А Япония! Вежливая улыбка, непроницаемые глаза — крайне прискорбно, господин посол, что всегда речь идет об азиатских городах, наше посольство в Токио день и ночь осаждают толпы, вопиющие: «Пак-Хуа!» Секретарь ООН открыто враждебен нам, заявления папы следуют одно за другим, все церкви против нас, обстановка для объявления войны самая неблагоприятная, моральная сторона дела заранее проиграна, возможность дипломатического маневра све-

дена на нет». Смит перевернулся в темноте, он лежал на спине, вытянув ноги, положив руки на одеяло, он чувствовал себя беспомощным, опустошенным и слабым, словно его мчал какой-то безумный поезд, несущийся с головокружительной скоростью. Голова у него закружилась, ему почудилось, что он падает в пустоту; он вцепился в одеяло и подумал: «Господи, я бы отдал свою жизнь, выслушай меня, господи, я бы отдал свою жизнь...»

12

7 января, на другой день после выступления по телевидению президента Олберта Монро Смита, Севилла в семь часов утра, до завтрака, вышел из дому и направился к маленькой гавани, где стояли на якоре яхта «Кариби» и большая из двух резиновых лодок. На расстоянии примерно шести метров он увидел — или ему показалось, что увидел, — Дэзи, играющую вблизи резиновой лодки, и свистом позвал ее. Ответа не последовало. Дэзи, вместо того чтобы подплыть к Севилле, как она обычно делала, и положить голову на доски причала, требуя ласки, повернулась к нему хвостом, нырнула и исчезла. Севилла вошел на понтон, отделявший яхту от лодки, но ни у резиновой лодки, ни у яхты он ничего не заметил. Он снова свистнул, и через несколько секунд в воде рядом с «Кариби» вырисовывалось длинное, гибкое, светло-серого цвета тело Дэзи, она высунула из воды голову и насмешливо посмотрела на Севиллу.

— В первый раз ты мне не ответила, — сказал Севилла на дельфиньем языке свистов.

Дэзи издала какой-то звук, похожий на кудактанье.

— В первый раз была не я.

— Как так не ты?

— Другой дельфин.

— Не говори глупостей, — сказал Севилла.

— Я не говорю глупостей.

В иные дни от Дэзи нельзя было ничего добиться: или она делала вид, что не понимает его свистов, или ее ответы были совершенно бессвязны. Никакого сравнения с прилежной Би! Севилла повернулся и раздраженный пошел к дому.

— Куда ты идешь? — крикнула вслед ему Дэзи.

— Домой, завтракать.

— Говори со мной!

Севилла, не оборачиваясь, сказал:

— Ты говоришь глупости.

— Я не говорю глупостей. В гавани есть другой дельфин.

— В гавани есть очень глухая дельфинка по имени Дэзи.

— Я не глухая. Смотри.

Дэзи нырнула, Севилла следил за ней, и, так как корпус яхты мешал ему ее видеть, он вернулся на прежнее место. В тот момент, когда он взошел на понтон, он отчетливо увидел, как две округлые спины одновременно появились над водой и исчезли. Он замер, потрясенный. Он видел две спины. В то же мгновение они вновь появились, только чуть поодаль. Дэзи и ее гость описывали круги; Дэзи плавала внутри круга и старалась подтолкнуть своего спутника ближе к понтону, но, судя по всему, без особого успеха. Севилла свистнул, Дэзи остановилась, нырнула под своего партнера, за три взмаха хвостом достигла причала, всплыла, положила голову на доски и посмотрела на Севиллу.

— Кто этот дельфин? — спросил Севилла.

— Он мой! — торжествующе ответила Дэзи.

И, подавшись назад, она выпрыгнула из воды и нарочно упала совсем близко от Севиллы, окатив его брызгами.

— Перестань, Дэзи!

— Па, я глухая?

— Нет.

Она сделала новый прыжок и снова обдала его водой.

— Перестань же, Дэзи. Значит, он твой, — повторил Севилла, глядя на дельфина. — Он великолепен.

Дэзи что-то прокудахтала.

— Когда ты нашла его?

— Вчера вечером. В море. Я плаваю и плаваю. Вдруг передо мной дельфин, дельфин и дельфин. Они останавливаются. Они смотрят на меня и говорят.

— О чем же они говорят?

— Они говорят: «Кто это?» Большой самец подплывает. Он подплывает один и плавает вокруг меня. Я ничего не говорю, я ничего не делаю, но мне страшно. Он очень большой. Он говорит: «Где твоя семья?» Я говорю: «Я потеряла свою семью. Я — с людьми». Большой самец отплывает и говорит с другими самцами. Они говорят. Они говорят. Потом самцы все вместе подплывают и окружают меня. И мне страшно. Именно так они убивают акул. Приближаются, окружают и убивают. По главный самец говорит: «Хорошо. Ты возвращаешься к людям или ты остаешься с нами?» Я говорю: «Я возвращаюсь к людям, но я играю с вами». Главный самец говорит: «Хорошо, играй». Подплывают самки, они вежливы, кроме одной, очень старой, она хочет меня укусить. Но я щелкаю зубами, и она отплывает.

Дэзи замолчала.

— А дальше? — спрашивает Севилла.

— Большой самец подплывает. Он прогоняет самок и хочет играть. Он большой и тяжелый. Он красивый.

— Ты играешь?

— Я играю, но вокруг нас — целое стадо. Тогда я привожу его сюда.

— Почему?

— Чтобы быть спокойной.

Севилла рассмеялся, затем спрашивает:

— Это вожак?

— Нет. Это большой самец. Он очень большой. Дай ему человечесье имя!

— Потом.

— Дай ему человечесье имя!

— Джим.

— Джим! — повторила Дэзи смеясь.

— Скажи ему, чтобы он подплыл поближе.

— Он боится.

— Скажи ему: здесь с тобой он играет, со мной — разговаривает. Скажи ему.

Дэзи рассмеялась.

— Может быть, ты говоришь, а Джим не понимает. Ты плохо свистишь.

— Прекрати свои глупости, Дэзи. Скажи ему.

— Завтра я ему скажу.

— Может быть, завтра он не приплывет?

Дэзи издала радостный, торжествующий и, пожалуй, даже грубоватый звук.

— Джим! — сказала она, почти вся выпрыгнув из воды. Выпрямившись, она двинулась назад, покачиваясь, с ликующим видом, сильно ударяя хвостом по воде. — Джим придет завтра, завтра и завтра! Он — мой!

— Брат мой, — сказал Голдстейн, — если вы меня пригласите, я охотно соглашусь разделить ваш скромный завтрак. У Арлетт такой ароматный кофе. Ваша, а не моя вина, брат мой, что я приземляюсь у вас в этот ранний час. Я предполагал добраться к вам вчера вечером. В простоте своей я думал, что, сделав глупость и купив дом на Флорида-Кис, вы по крайней мере, исходя из элементарного здравого смысла, выбрали один из тех островов, которые связаны с материком дорогой в Ки-Уэст, а не этот чертов островочек, затерянный среди рифов и продуваемый всеми ветрами. Напрасно вчера вечером я сулил золотые горы двум или трем морским волкам, чтобы они доставили меня к вам. «Нет, сэр, нет, я не буду рисковать своей посудиною, везя вас ночью к этим сумасшедшим». Они очень интересны и разговорчивы, морские волки. После двух-трех стаканчиков жемчужины мудрости посыпались у них из бород, и я услышал сагу о блокхаузе, где вы живете, брат мой. Известна ли она вам?..

— Да, — сказал Севилла, — но все-таки расскажите, часто бывает, что две истины возникают на основе одного факта. — Он смотрел темными, внима-

тельными глазами на Голдстейна: «Напоказ легкое, вызывающее, хвастливое остроумие, всегда способное обернуться скептицизмом, цинизмом, неразборчивостью в средствах; а за этой витриной, под этим панцирем — человек с подлинно великодушным сердцем. И черта с два я пойму, зачем он приехал сюда, почему так утруждал себя и потерял столько времени, когда проще было позвонить...»

— Так вот, — продолжал Голдстейн, — знайте же, что человек, который велел построить ваш блокхауз, — это знаменитый актер Гэри Джеймс.

— Знаменитый? — удивилась Арлетт. Голдстейн взглянул на нее своими голубыми глазами и покачал седой гривой.

— Молодая женщина, — строго сказал он, — не заставляйте меня лишний раз почувствовать, какой я старый хрыч. Гэри Джеймс был знаменит двадцать лет назад, а двадцать лет проходят слишком быстро, вы в этом убедитесь. Короче говоря, Джеймс прочел «Уолдена»*, или говорил, что прочел, ибо никогда не существовало более нудной и неудововаримой книги.

Мэгги подняла голову и сказала многозначительным, оскорбленным тоном:

— Я не согласна, «Уолден» — это шедевр...

— Я удручен, — ответил Голдстейн, пожимая плечами, — но человек, который по доброй воле в течение двух лет живет один в хижине, — это монах, импонтент или...

— Но не будьте же грубы, — смеясь, вмешалась в разговор Арлетт.

— Слегка тронутый, — продолжал Голдстейн. — Но бог с ним. Гэри Джеймс читает «Уолдена» и решает вернуться к природе — «жить одиноким и голым на острове». Ладно, он покупает эту затерянную скалу, велит здесь построить порт, цистерну для пресной воды, этот блокхауз, который вы называете домом, но кабелю подводит сюда электричество, телефон —

* Имеется в виду книга классика американской литературы Г. Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

ибо такова была его концепция возврата к природе — и, сделав это, поселяется здесь, проводит в доме три дня, и до конца жизни ноги его больше здесь не было. — Все смеются. — Дитя мое, — улыбнулся Голдстейн, — я не отказался бы от еще одной чашечки кофе.

— Если бы этот дом не был блокхаузом, — сказал Севила, — целиком построенным из бетона, с закругленными углами, чтобы противостоять штормам, его давно бы уже снес какой-нибудь циклон. Мы на самом пути циклонов, берущих начало в Карибском море. В девяти случаях из десяти они пересекают Флорида-Кис. Вы, наверное, не знаете, что некогда здесь была железная дорога, которая связывала острова и доходила до Ки-Уэста, и что ее уничтожил ураган. Но и в таком виде дом мне нравится. Согласен с вами, и без циклона довольно жутко, если бушует море. А когда дует ветер, здесь бывают волны, которые преодолевают рифовый барьер, проходят над домом и водопадом брызг разбиваются на террасе. И хотя маленькая гавань ниже уровня ветра и хорошо защищена, все же надо крепить тройным канатом якорь «Кариби» и задраивать окна дома огромными ставнями, которые вы видели при входе. Откровенно говоря, в часы шторма кажется, что живешь на подводной лодке. Я уверен, бывают волны, покрывающие весь островок, слышно, как они обрушиваются на бетонную крышу.

— Это, это потрясающе, — сказала Сюзи, широко открывая голубые глаза и приоткрыв губы, — это вызывает у меня какое-то восхитительное ощущение одиночества и уюта. Надеюсь, что мы еще дождемся циклона, настоящего: двое суток ветра со скоростью в сто пятьдесят километров в час.

Питер протянул свою длинную руку и положил ее Сюзи на плечо.

— ...И воды в цистерну, — звонко смеясь, добавил он. — Доброго, теплого тропического ливня на пару суток — вот что нам нужно.

— Брат мой, — сказал Голдстейн, кладя ладони на свои толстые ляжки, — предлагаю вам покинуть

компанию этих юных любителей бурь и отвести меня на «Кариби».

Севилла взглянул на него и поднялся. С террасы к маленькой гавани вел бетонный спуск с насеченными красными полосками, уменьшавшими скольжение, и по обеим сторонам этой дорожки — словно она была всего лишь ничтожной попыткой ввести на мгновение человеческий порядок во всеобщий хаос — простиралась коралловая пустыня. С неуклюжей резвостью Голдстейн шагал рядом. Он походил на мамонта, его толстые ноги, казалось, подскакивают на бетонной дорожке с тяжелой упругостью. Он шел рядом с Севиллой: хитрые глазки, широкие округлые плечи, выставленная вперед тяжелая челюсть, поседевшая, сверкающая на солнце грива старого льва. Грузно перешагнув через кормовой борт, он опустился на скамью в рубке управления.

— Брат мой, — сказал он, — это чудо. Избавьте меня от спуска в каюту. В ней всегда жестко и грустно, в каюте яхты, и койки такие узкие, что исключена даже мысль заниматься на них любовью, — я нахожу это удручающим, но все равно это чудо, — повторил он, лаская взглядом «Кариби», — чудо из хрома, красного дерева, лака и меди, и к тому же эта чертовка так мила, так ласкова, так складна. Будь у меня побольше времени, я попросил бы вас устроить мне небольшую прогулку. На такой штуке добраться до Кубы — детская забава.

— В таком случае, — улыбнулся Севилла, — я предпочел бы большую резиновую лодку и подвесной мотор Меркюри. Менее чем за четыре часа я достиг бы побережья у Пинар-дель-Рио. Можно было бы и быстрее, если б не мощные течения, которые начинаются в Мексиканском заливе и движутся в направлении Атлантики. Лодка невысока, и у меня было бы намного больше шансов ускользнуть от бдительности американских военных кораблей, а главное, от кубинских сторожевых катеров. Полагаю, что после всех наших махинаций кубинцы должны держать палец на спусковом крючке.

— Итак, — продолжал он, повернувшись к Голд-

стейну, — что вы хотите мне сказать? Есть новости о моем зарубежном паспорте?

Голдстейн покачал головой.

— У государственного департамента иные заботы... Они слишком заняты тем, чтобы ввергнуть нас в эту проклятую третью мировую войну. У меня сложилось тягостное впечатление, что страна сходит с ума, очертя голову, вслепую она бросается в атомный конфликт из-за уязвленного самолюбия, по легкомыслию, по глупости, из-за простого стечения обстоятельств. Это невероятно. Никогда еще не казалось, что мы настолько лишены управления, и никогда еще мы так плохо не знали, кто же управляет США. Уж конечно, не этот бедняга Смит с его повадками студента, который прикидывается взрослым. Его выступление показалось мне довольно жалким. За внешней твердостью сквозит такая неуверенность. Вы знаете, я с ним хорошо знаком, я работал для него во время предвыборной кампании. Я спрашиваю себя, что же все-таки таится в человеке, делает его способным к истреблению себе подобных? И в первую очередь на кой черт мы, американцы, пришли в Юго-Восточную Азию, вы можете мне это сказать? — Голдстейн огляделся. — Я полагаю, что здесь можно все говорить. Им еще не удалось поставить микрофоны на «Кариби»?

Севилла улыбнулся:

— Как вы сами убедились, почью остров недоступен, а днем в гавани всегда кто-нибудь возится.

Голдстейн наклонился над бортом.

— Но я не вижу вашей дельфинки.

— Теперь мы работаем только в темноте. Весь день Дэзи отсутствует и лишь вечером возвращается в отчий дом. Но каждый вечер она возвращается. Она привязана к нам, а еще больше к «Кариби». Ночью она приплывает, чтобы прижаться к яхте точно так же, как ребенок прижимается к матери.

Севилла замолчал, выпрямился и посмотрел на Голдстейна.

— Итак, — сказал он, — что вас сюда привело?

Голдстейн заморгал, отвел глаза и проговорил:

— Адамс просил встречи с вами.

Севилла встал, положил обе руки на штурвал и повернул его на несколько градусов влево, как будто «Кариби» была под парусами и Севилле хотелось развернуть ее другим бортом.

— Никогда, — сказал он, не повышая голоса, но его пальцы, впеченившиеся в штурвал, побелели. — Никогда, — повторил он глухим голосом. Ему было трудно говорить и разжимать зубы, так были сжаты его челюсти. — Я с этими людьми покончил.

Он посмотрел на Голдстейна. Голдстейн посмотрел на него. Воцарилась тишина, она сгущалась, она словно замораживала их обоих. Голдстейн сидел, выставив вперед голову, как черепаха, осторожно осматривающая дорогу, а Севилла стоял за штурвалом, расставив ноги, устремив глаза на форштевень, прямо держа голову. Он казался теперь выше, собраннее и тверже, словно весь его гнев и все его обиды распирали его.

— Я с этими людьми покончил, — повторил он тем же глухим, сдержанным, едва слышным голосом.

«Сорвалось, — подумал Голдстейн, — он не взорвется, не изольет свой гнев; он будет хранить его в себе и станет еще упрямее».

— Брат мой, — начал он задорным и жизнерадостным голосом, — это ваше дело. Если я все бросил, чтобы приехать к вам в ваше логово, то это потому, что Адамс вчера прилетел из Вашингтона, чтобы поговорить со мной. И ему удалось меня убедить, что все это, я привожу его слова, «страшно важно». Сначала я отказался, но никогда я не видел, чтоб человек был так взволнован. Не скажу, что он валялся у меня в ногах, но — почти. Никогда я не видел Адамса в таком состоянии. Обычно он холоден как рыба. Короче, я согласился передать его просьбу, и теперь моя миссия исполнена. Если вы откажете Адамсу, то это ваше дело, меня оно никоим образом не касается. Вашу точку зрения я хорошо понимаю. Эта шайка сволочей общалась с вами так... Еще раз, я всего лишь передаю, и только повторяю его слова, не меняя в них ни слова, — «вы скажете ему, что это страшно важно». Го-

лос Адамса дрожал, я не сентиментален, но я все-таки могу почувствовать, когда человека терзает волнение. Он повторил по крайней мере раз десять «это страшно важно». И теперь, повторяю, моя миссия исполнена, я ухожу. — Он снова стукнул ладонями по ляжкам и — словно бы этот жест вызвал рефлекторное движение в его коленях — распрямился, как пружина.

Севилла отпустил штурвал, повернулся к нему, засунул руки в карманы и сказал:

— Согласен при двух условиях: первое — беседа будет происходить здесь; второе — Фа и Би будут снова отданы мне, не просто доверены на тот или иной срок, а именно отданы в мою безраздельную собственность. Я подчеркиваю, что эти условия не могут быть предметом переговоров, а являются их необходимой предпосылкой.

— Ну что ж, — усмехнулся Голдстейн, — я с радостью обнаруживаю, что вы умеете быть твердым в делах, когда речь идет не о деньгах. Если вы прикажете вашему юному любителю бурь провести меня на резиновой лодке сквозь рифы, то я передам ваши условия Адамсу. Он ждет меня на материке. И если он примет ваши предложения, Питер сможет тотчас же доставить его на остров.

Не прошло и часа, как Питер вернулся с Адамсом и молодым человеком, которого Севилла не знал.

— Лодка немножко спустила, — закричал Питер, — она чуть-чуть прорвалась! Если вы мне поможете вытащить ее и перенести на террасу, то я ее быстро заклею.

— Знакомьтесь, мой помощник Эл, — нервно, отрывисто сказал Адамс.

Севилла сделал рукой приветственный жест, но ничего не ответил и остался стоять на месте.

— Если хотите, — предложил Адамс, — мы вам поможем.

На бортах лодки было по две резиновые ручки, вчетвером они без труда перенесли ее на террасу.

Но, переворачивая ее по просьбе Питера, залили водой ботинки и брюки.

— Я пойду зажгу камин, чтобы просохнуть, если вы позволите, — сказал Адамс. — В это время Эл обойдет дом и проверит, не вмонтировали ли вам где-нибудь аппарат для подслушивания.

— Я был бы этим крайне удивлен, — сказал Севилла. — Остров из-за подводных скал недоступен. Есть только один подход к нему — это фарватер, ведущий в гавань, но он даже не обозначен. Очень трудно обойти некоторые рифы. Вы сами в этом убедились. Это у нас третий прокол за месяц.

Высокое пламя, красное снизу и бледно-розовое сверху, взметнулось в камине и лизнуло потрескивающие еловые поленья. Посыпались искры. Адамс расшнуровал ботинки, поставил их на край камина и, откинувшись в белом лакированном кресле-качалке, подставил ноги теплу.

— Приходилось ли вам оставлять остров с тех пор, как вы его купили?

Севилла отрицательно покачал головой.

— Всегда найдется кто-нибудь, несмотря ни на что, — заметил Адамс. — В большой прилив ясной ночью. Один-два «человека-лягушки», пройдя по крыше...

— Крыша из бетона, — сказал Севилла, — единственное отверстие — труба камина, и мы теперь разводим огонь почти каждый день.

Юный озабоченный Эл появился на пороге зала с кожаным мешком в руках и висящим на груди огромным биноклем:

— Где я могу найти лестницу?

— В чулане есть какая-то, — ответил Севилла, — спросите у Питера.

— Я надену ботинки, — слабо улыбаясь, сказал Адамс, — а то у них начнут корчиться подметки. — Он был бледен, выбритое, с правильными чертами лица было напряжено, осунулось.

В зале было тихо. Глядя на огонь, они ждали Эла. Севилла наклонился, щипцами подобрал с пола почерневшую головешку и сунул ее между красными по-

леньями. Она, как показалось Севилле, не загоралась невероятно долго. Потом всю головешку сразу охватило пламя, и два полена тоже загорелись с веселым потрескиванием.

— Мы высохли, кажется, — сказал Севилла, — пусть гаснет.

Появился Эл. Детские губы, черные строгие брови, перечеркивающие лоб, придавали ему вид скромного и знающего парня.

— Все о'кэй, — доложил он, — никакого подслушивания не обнаружено, электропроводка не тронута, ничего подозрительного, и на горизонте нет даже рыбацкой лодки. Но на всякий случай, пока вы будете разговаривать, я буду на крыше.

— Оставьте нам ваши ботинки, — сказал Севилла, — они насквозь промокли. Питер даст вам другие.

— Не стоит, — ответил Эл строгим тоном пуританина и закрыл за собой дверь.

— Благодарю вас, что приняли меня, — начал Адамс, уставившись на огонь. Он отодвинул кресло-качалку, но не повернул головы к Севилле. — Вам нет нужды высказывать мне все то, что вы думаете, — мне это известно. Так вот, я звонил высшему начальству: ваши условия приняты. Фа и Би сегодня же будут переданы в вашу безраздельную собственность. Вам будет дана письменная гарантия. Однако я должен предупредить вас: сегодня владеть этими двумя дельфинами небезопасно.

Севилла живо повернулся к Адамсу:

— Небезопасно? Для кого?

Адамс, не глядя на него, ответил:

— Для них, для вас. Но, если вы захотите, мы сможем оставить на острове отряд прикрытия.

— Спасибо, не надо, — проговорил Севилла с той горькой иронии в голосе, — мой остров — сугубо частная лаборатория. Никто меня не субсидирует, никто не контролирует и никто не защищает.

Адамс отодвинул свое кресло примерно на метр от огня.

— Я предвидел вашу реакцию. Позвольте же мне

объяснить то немногое, что я могу вам объяснить. Фа и Би выполнили одно задание, мы не знаем какое. Действовали два отряда: отряд А — наши люди — доставил Фа и Би непосредственно на место, и там их передали оперативному отряду, который мы будем называть отрядом В.

— Мы, наверное, могли бы называть его и отрядом Си, — усмехнулся Севилла.

— Мне об этом ничего не известно, — проговорил Адамс тусклым механическим голосом, по-прежнему не отрывая глаз от пламени. — Я не строю предположений, я излагаю факты. Об отряде В мы не знаем ничего: ни о его происхождении, ни о его составе, ни о его задачах. При Джонсоне мы получили приказ от самых высоких инстанций, и мы его выполнили. Я продолжаю, в час Н отряд А в открытом море передает Фа и Би отряду В и сразу же возвращается на свою базу. Через 12 часов мы приняли радиogramму отряда В: «Мы потеряли всякие следы Фа и Би, видели ли вы их?» После этого каждый час мы получаем от отряда В ту же радиogramму. В Н+26 часов, к общему изумлению, Фа и Би возвращаются на нашу базу совсем измученные. Мы полагаем, что с часа Н они не переставая плыли 26 часов! Боб расспрашивает их. Полное молчание.

— Один вопрос, — сказал Севилла, — где был Боб с начала часа Н?

Адамс кивнул головой:

— Боб не покидал отряда А. Я продолжаю. Боб расспрашивает Фа и Би. Молчание, ни слова и даже ярко выраженная враждебность к Бобу. Поразительное поведение, поразительное, учитывая его хорошие отношения с ними. Мы теряемся в догадках. Почему Фа и Би, выполнив или не выполнив задание, не вернулись в отряд В? Как они сумели добраться до нашей базы? И наконец, как объяснить их отношение к Бобу? Мы сразу же доложили об этом шифровкой и получили два приказа: первый — не сообщать отряду В, что Фа и Би нашлись, а второй — релатрировать Фа и Би. Со времени возвращения дельфинов мы не переставая расспрашивали их. И все безрезультатно.

Они неприязненно молчат, отказываются от всякой ласки и с угрожающим видом лязгают зубами, как только к ним приближаются.

Адамс замолчал.

Севиллу удивили искаженные черты его лица и нотки извинения в голосе.

Севилла посмотрел на огонь, вопреки всякому ожиданию, вместо того чтобы погаснуть, он продолжал трепетать, хотя дрова почти все сгорели, от огня шел скудный красный свет, языков пламени не было, не было и дыма, и этого отвратительного запаха горелого щебня и мусора, который от него остается. Севилла выпрямился, положил руки на подлокотники кресла и взглянул на Адамса:

— Я полагаю, вы отдасте мне Фа и Би для того, чтобы я заставил их говорить, а вы узнали бы от меня, что же произошло.

— Да, — сказал Адамс, не меняя позы.

— И из ваших предостережений я делаю вывод, что есть люди, проявляющие величайшую заинтересованность в...

— Да, — подтвердил Адамс.

— ...Так вот, вы мне рассказываете об этом деле слишком много или слишком мало. В вашем рассказе есть недомолвки. Вы мне говорили о часе Н, но вы не сообщили мне места проведения операции и не назвали день.

Адамс мотнул головой.

— Я сказал все, что я мог вам сказать.

Севилла посмотрел на него, но ему не удалось поймать взгляда Адамса. Севилла встал и тут же подумал: «Я встаю — почему? Из потребности действовать или это рефлекс бегства?» Он заставил себя застыть неподвижно, опершись рукой на кресло, но его ноги тряслись. Опустив глаза, он с изумлением увидел, как его левая нога от бедра до большого пальца конвульсивно вздрагивает. Он поставил ее на пол, но дрожь не прекращалась. Он сел, ноги продолжали трястись. Он почувствовал себя слабым, измученным, обескровленным. Он видел только профиль Адамса, и внезапно ему захотелось закричать:

— Да посмотрите на меня, Адамс, посмотрите же на меня, почему вы боитесь посмотреть мне в глаза?

Адамс встал.

— Разрешите позвонить?

— Конечно.

Твердым шагом он подошел к письменному столу, снял трубку и набрал номер.

— Алло, говорит Герман... Дайте мне Джорджа... Джордж, привезите два ящика пива, ящик кока-колы и гроздь бананов. Спасибо. Места для посадки вполне достаточно.

Он положил трубку и повернулся к Севилле:

— Вертолет доставит их сюда через час и возьмет меня.

— Я понял, что значат «два ящика пива», — сказал Севилла, — но что такое «кока-кола» и «гроздь бананов»?

Адамс улыбнулся.

— Учитывая ваши пацифистские идеи, я думаю, что вы не вооружены.

— Нет.

— «Кока-кола» будет вам кстати. А от себя я добавляю маленький передатчик.

— Ясно.

— Вы сумеете обращаться с легким пехотным оружием?

— 1944. Арроманш.

— Правильно, и о чем я спрашиваю? Будто я не знаю вашей биографии?

Стало тихо, и Севилла предложил:

— Может быть, чашку кофе?

— С удовольствием.

Он прошел вперед и провел Адамса в гостиную. Там находились три женщины.

— Хотя вы никогда и не встречались с ними, — сказал Севилла, — я полагаю, что и о них вам все известно. Арлетт, это Герман.

— Миссис Севилла, — с подчеркнутой вежливостью сказал Адамс, — для меня большая честь познаком-

иться с вами. Ваш муж большой шутник, и вы, конечно, знаете мое настоящее имя.

— Очень рада, мистер Адамс, — холодно ответила Арлетт.

Адамс издала слегка поклонился Сюзи и Мэгги, они кивнули в ответ, но остались на своих местах.

— Мэгги, — спросил Севилла, — не найдется ли у нас чашки кофе для мистера Адамса и для меня?

— Конечно же, найдется.

Они сели за длинный, покрытый голубым пластиком стол. Зазвонил телефон. Севилла взял трубку:

— Севилла слушает... Кто? Джордж? Какой Джордж?

— Это меня, — сказал Адамс, протягивая руку. — Алло, Фрэнклин?.. Говорит Натаниэл... Что?.. — Адамс побледнел и сжал трубку.... — Берти на месте?.. Тогда передайте ему, чтобы он позвонил и доложил обстановку.

Он положил трубку и посмотрел на Севиллу усталыми, запавшими глазами. Он задыхался, как будто только что сделал какое-то громадное усилие.

— Боб разбился на машине. Только что его нашли в овраге.

Кто-то вскрикнул, и Адамс испуганно вздрогнул. Севилла поднял голову и увидел, как мелькнула спина Мэгги, выбегавшей из комнаты, охватив голову руками.

— Пойдите к ней, Сюзи, — сказал Севилла.

— Что происходит? — спросил Адамс.

— Это Мэгги. Она была влюблена в Боба.

— Я забыл, — проговорил Адамс, проведя рукой по лицу. — А уж кто-кто...

— Извините, — сказал Севилла.

Он быстро вышел из комнаты, догнал на террасе Сюзи и шепнул ей:

— Прежде чем пойдете утешать Мэгги, скажите Питеру, чтобы он следил за Элом.

Севилла вернулся в комнату. Арлетт поставила перед Адамсом чашку кофе.

— Спасибо, — поблагодарил Адамс.

— Не хотите ли печенья?

Севи́лла смотрел на нее. Она говорила с неприязненной сдержанностью. Она не забыла слежку за бунгалом.

— Нет, спасибо.

Адамс повернулся к Севи́лле:

— Как он водил машину?

Севи́лла посмотрел на него.

— Аккуратно. Крайне осторожно.

Адамс уставился на голубой пластик стола, взял чашку кофе и жадно выпил.

— Еще чашку? — спросила Арлетт безразличным голосом.

— С удовольствием.

Зазвонил телефон. Севи́лла взял трубку, послушал и передал Адамсу.

— Берти? Говорит Эрнест... Вас очень плохо слышно... Ничего? Ничего? Как ничего?.. Сгорел?..

— Я надеюсь, — сказал Адамс, — что вы убеждены теперь в необходимости оборонительного отряда на острове.

— Вовсе нет, — сказал Севи́лла, поднимая голову и глядя ему в глаза. — Я категорически от него отказываюсь. Я остаюсь при своем мнении.

— Послушайте, Севи́лла, я все же настаиваю на своем. После всего случившегося совершенно ясно, что, если Фа и Би будут возвращены вам, серьезная опасность нависнет над этим домом.

Арлетт открыла рот, собираясь что-то сказать, но встретила взгляд Севи́ллы и промолчала.

— Миссис Севи́лла, вы хотели что-то сказать?

— Нет, — ответила она холодно. — Ничего существенного.

Адамс долго смотрел на Севи́ллу.

— В таком случае, — сказал он медленно, — я не знаю, смогу ли я вам доверить дельфинов. Без отряда обороны на острове, на мой взгляд, не будут соблюдены минимальные условия безопасности.

— Ну что же! Не доверяйте их мне! — сказал Севи́лла резко. — Я не прошу.

И, помолчав, добавил:

— Я ведь не просил вас приезжать сюда.

Наступило молчание. Адамс, засунув руки в карманы, рассматривал пол у себя под ногами.

— Вас довольно трудно понять. Всего несколько месяцев назад, я это хорошо помню, вы говорили мне, что дорожите Фа и Би так же, как своими собственными детьми.

Лицо Севи́ллы стало еще более суровым.

— Возможно, обстоятельства заставили меня преувеличить мой чувства.

Арлетт посмотрела на Севи́ллу, казалось, снова хотела что-то сказать, но передумала. Вновь наступило тягостное молчание.

— Позвольте мне коротко подвести итоги, — сказал Севи́лла, подчеркивая каждое слово. — Если вы решите, по здравом размышлении, не передавать мне Фа и Би, прекрасно, вы можете отменить и свое распоряжение относительно вертолета. Питер доставит вас на материк. Если вы передадите их мне, то письменным документом вы подтверждаете, что они будут считаться моей личной собственностью. Со своей стороны я обязуюсь, если они заговорят, записать их показания и передать вам записи. Но ни в коем случае я не согласен иметь на острове отряд обороны. Однако, если вы пожелаете организовать охрану на море, на достаточном расстоянии от острова — это ваше дело, я не имею ничего против этого, а также против того, чтобы получить от вас рацию для связи с вашей базой на море. Но зато я не хочу надзора с воздуха и полетов над островом.

Адамс не поднимал глаз. Он подождал несколько секунд и сказал:

— В свою очередь, я должен заметить, что если Фа и Би расскажут вам о происшедшем, то одной записи мне будет недостаточно. Я должен буду услышать этот рассказ из их уст.

— Согласен, — сказал Севи́лла и тотчас добавил: — Из их дыхания.

— Простите?

— Не из их уст, а из их дыхания.

— Я забыл, — сказал Адамс, натянуто улыбаясь. — И во-вторых, мне кажется необходимым держать Мэгги, Сюзи и Питера в стороне от всего этого.

— Согласен, — сказал Севилла. — Мы оба, и вы и я, по молчаливому уговору так и делали до сих пор, и я буду продолжать действовать так же. В связи с этим вот что я вам предлагаю: ваш вертолет приземлится на террасе, выгрузит оружие, рацию и дельфинов. Ваши люди выпустят их в море с пристани без помощи кого бы то ни было из нас. Затем вертолет возьмет вас и Эла и улетит. После вашего отлета Арлетт и я, мы одни, войдем в контакт с дельфинами.

— Я предложу вам еще один вариант, — сказал Адамс после некоторого молчания. — Я мог бы присутствовать, когда миссис Арлетт и вы войдете в контакт с дельфинами.

— Нет, — сказал Севилла. — Это абсолютно исключено.

— Почему?

— Неужели я должен повторять? Эта лаборатория принадлежит мне, никто не дает мне никаких субсидий и никто не будет за ней следить. Адамс, — продолжал он раздраженно, — если вы хотите тратить время на то, чтобы ставить под вопрос мои условия, мы с вами никогда ни о чем не договоримся. Решайте. Что касается меня, то я считаю наши переговоры законченными.

— Но я согласен, — сказал Адамс, задетый за живое. — Позвольте мне вам сказать, что в споре я нашел в вас абсолютно безапелляционного оппонента.

Севилла вскинул на Адамса свои темные глаза и несколько секунд не произносил ни слова. Потом он сделал легкое движение рукой и сказал:

— Если вы позволите, я вас оставлю на несколько минут одного, вы как раз успеете написать документ, подтверждающий, что вы отдаете нам Фа и Би.

Севилла сделал знак Арлетт, вышел с ней из комнаты и направился к сараю. Заметив его, Питер поднялся, написал несколько слов на листке своего блокнота, вырвал его и протянул Севилле. Арлетт посмотрела на Сюзи.

— Как чувствует себя Мэгги?

— Спит. Я дала ей снотворное.

— Как она отнеслась...

— Как и следовало ожидать. Будто это ее вина, она довела Боба до отчаяния, и потому он покончил с собой.

— Бедное создание. Не знаю почему, но у меня всегда такое ощущение, будто я в чем-то перед ней виновата.

— У меня тоже.

Севилла передал Арлетт записку, полученную от Питера. Она пробежала ее глазами. «Эл сделал проводку для подслушивания в доме, но не подходил к пристани».

— Как движется ваш ремонт? — спросил Севилла громко.

— Большая лодка починена, но я не могу спустить ее на воду раньше завтрашнего дня. Я чищу мотор маленькой лодки.

— Хорошо. Я должен вас покинуть. Мы с Арлетт пойдем переставим сетку у входа в бассейн.

Когда они подошли к гавани, Арлетт повернулась к Севилле и прошептала:

— Почему ты не согласен на отряд обороны, который предлагает тебе Адамс?

— Мне не понравилась настойчивость Адамса. Этот отряд — палка о двух концах.

— Ты уверен?

— Конечно. Я почувствовал шаткость позиции Адамса. Он хочет знать правду, я в этом убежден. Но для чего? Чтобы передать ее на «высший уровень»? Может быть. А может быть, просто для того, чтобы получить перевес над В. Я не доверяю ему.

— Ты думаешь, что он или его шефы могут пойти, взвесив все свои «за» и «против», на уничтожение истины?

— Да, я так думаю.

— И в таком случае...

Севилла взглянул на нее своими темными глазами.

— В таком случае мы окажемся лишними.

Адамс протянул бумагу Севилле, тот внимательно прочитал ее, потом сложил вчетверо и спрятал в бумажник. Адамс взглянул на часы.

— С минуты на минуту они будут здесь. — И добавил: — Когда мы высаживались только что, я не видел в бассейне вашей дельфинки. Это дельфинка, да? Не возникнет ли осложнений с Би?

— Некоторые трудности, конечно, будут, — сказал Севилла. — У вас хорошая память. Би не выносит присутствия другой самки поблизости от Фа, но в данном случае не думаю, что произойдет серьезное столкновение. Бассейн открытый, Дэзи привыкла входить и выходить из него. Если ее отношения с Би слишком обострятся, она ушлет.

Он чуть было не сказал о Джиме, но передумал.

Откуда-то донесся пронзительный рев мотора.

— Слышите, это наши люди, — сказал Адамс, подходя к окну. Он открыл его, высунулся наружу и взглянул в небо.

— Если вы позволите, — сказал Севилла, — я закрою окно. Вы знаете наши условия, ваши люди должны сами впустить Фа и Би в бассейн, и до вашего отъезда дельфины не должны видеть никого из нас.

— Хорошо, — согласился Адамс, — желаю вам удачи. — Его голоса почти нельзя было слышать из-за оглушительного рева снижающегося вертолета. — Это дьявольски важно. Я думаю, что нет необходимости повторять это еще раз.

Он взглянул на Севиллу своими усталыми, ввалившимися глазами. Севилла, в свою очередь, посмотрел на Адамса. Удивительно, у него был искренний, взволнованный вид, но, в сущности, это ничего не значило, он был из тех людей, которые умеют заключать свою душу в скобки, как только получают приказ.

— И очень важно также действовать быстро, — сказал Адамс срывающимся голосом. — Как только они заговорят, если они заговорят, вызовите меня по радио, я буду находиться на одном из заградительных катеров и тотчас же прибуду. — Грохот вертолета прервал его слова, Адамс перевел дух, посмотрел на Севиллу и сделал жест, которого тот совершенно не ожидал: протянул ему руку. Севилла опустил глаза, — все та же двусмысленность, человеческие отношения извращены, симпатия, уважение — где в них ложь, где в них искренность, сегодня протянутая рука, завтра пуля из автомата, как прикажут. Адамс продал свою совесть своим шефам, решения принимаются не здесь, это рука отсутствующего человека.

— Я сделаю все возможное, — сказал Севилла не двигаясь. — Думаю, что отдаю себе полный отчет в том, что поставлено на карту.

Адамс направился к двери. Как только он открыл ее, одновременно с невыносимым воем садившегося на террасу вертолета в комнату ворвался яростный порыв ветра, дверь захлопнулась за Адамсом так, словно он был проглочен налетевшей бурей.

— Я страшно волнуюсь при мысли, что мы их снова увидим, — сказала Арлетт. — Мне не терпится узнать, как они нас встретят.

Севилла положил руку ей на плечо:

— Я тоже задаю себе этот вопрос. Во всяком случае, какое счастье, что они снова здесь! Давай сидим, — продолжал он. — Я измотан до крайности, измучен, это жуткий тип...

Он подумал: «То, что я сейчас сказал, будет записано», — и рассмеялся.

— Почему ты смеешься?

— Просто так, ничего, потом объясню.

Они сели рядом, Севилла оперся своим плечом на плечо Арлетт. На ней были белые шорты и светло-голубая полотняная блузка, ее загорелая шея и ее тонко очерченная голова грациозно возвышались над стоячим воротничком, касавшимся затылка. Она смотрела на него своими ласковыми глазами, ее черные

блестящие вьющиеся волосы создавали черный ореол вокруг ее лица, нежного и излучающего тепло. Как она была добра, как удивительно добра — она почти никогда не сердилась, разве что в припадке ревности. Она обладала самым ценным для женщины качеством: она была кроткой, кротость была не просто внешней чертой ее характера, она была кроткой в самой своей сущности, она была создана из доброты. В это мгновение он не думал больше об опасности, о войне. У него была Арлетт, ему вернули Фа и Би, начиналась новая жизнь, ему было так легко, что в порыве радости он не чувствовал под собой ног. Он смотрел на Арлетт. Она была душистой и нежной, она была похожа на плод, на цветок, на жеребенка среди травы, на луч солнца в березовой роще.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Он улыбнулся ей:

— Так, ни о чем, совсем ни о чем. — Он не хотел ей ничего говорить, он не хотел говорить даже с ней в это мгновение, он хотел быть один и наслаждаться ее образом, ему хотелось, чтобы он медленно таял у него во рту, как мед.

— Ты помнишь, — сказала Арлетт, — когда впустили Би к Фа, он меня всю обрызгал, я была уставшей, мокрой и такой счастливой. Я пришла к тебе, чтобы хронометрировать наблюдения, я сообщала тебе секунды и даже десятые доли секунды, ты подшучивал над моей скрупулезностью, мы смеялись, и вдруг я почувствовала, что мы так близки друг другу, так близки.

Он провел правой рукой по воротнику ее блузки, мягко сжал ее волосы на затылке и приблизил ее лицо к своему. Можно сойти с ума от шума, который производят эти машины. Хотя окна и двери закрыты, грохот вышибал все мысли, проламывал череп.

— Они улетают, — сказала Арлетт, вставая и направляясь к окну. — Они улетают, как ангелы, — добавила она с усмешкой. — Просто невероятно, какое я чувствую облегчение, мне казалось, что наш остров был оккупирован.

Севилла подошел к ней, открыл двери, вышел на террасу. Вертолет удалялся, набирал высоту, уродливый, комичный, похожий на неловкое насекомое, не знающее, как управиться со своим пузатым телом. Севилла быстро прошел к сараю, открыл двери.

— Я вас попрошу, — сказал он Питеру и Сюзи, — не появляться сегодня на пристани. Я хочу сначала войти в контакт с дельфинами один.

Его слова вызвали недоумение и огорчение.

— О'кей, — ответил Питер сдержанно и одновременно протянул ему листок из блокнота, где было написано: «Надо ли обрезать проводку для подслушивания?» Севилла отрицательно покачал головой, взял ведро с рыбой, предназначавшейся для Дэзи, и сделал знак Арлетт. Он спустился быстрым шагом по красной бетонированной дорожке, ведущей к пристани, взобрался на маленький деревянный причал, к которому была пришвартована «Кариби», и увидел обоих дельфинов, кругами плававших друг возле друга. Сердце его забило, он крикнул:

— Фа! Би!

Они замерли в пяти или шести метрах от берега и смотрели на него, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, чтобы оглядеть его то правым, то левым глазом. Они рассматривали его так почти целую минуту, удерживаясь на воде легкими движениями хвоста и не обмениваясь между собой ни единым свистом.

— Фа! Би! Плывите сюда! — крикнул Севилла. Никакого ответа. Все то же недоверчивое безмолвное рассматривание. Никаких прыжков из воды, никакой радости, никаких лукавых брызг. Особенно угнетало Севиллу их молчание.

— Но это я! — крикнул он. — Па! Вы помните, это Па!

Взяв из ведра рыбу и став на колени, он протянул ее дельфинам. И снова ничего не произошло. Несколько секунд они смотрели попеременно то на рыбу, то на Севиллу, потом одновременно, как будто им не нужно было даже советоваться друг с другом, чтобы принять это общее решение, они отвернулись, отплыли и снова

начали описывать круги в бассейне и, проплывая мимо людей, бросали все тот же испытующий и безразличный взгляд на Севиллу и Арлетт.

— Ничего не вышло! — сказал Севилла, чувствуя комок в горле.

Странная вещь, в эту минуту он не ощущал себя взрослым, ему казалось, что его отбросило куда-то далеко назад, он чувствовал себя маленьким мальчиком, презируемым и отвергнутым по неизвестной ему причине товарищами, которых он любил. К чувству несправедливости прибавлялось еще и унижение. Он с трудом сдерживал слезы. Он поставил ведро на причал, бросил туда рыбу, которую держал в руке, и поднялся. Арлетт дотронулась до его локтя:

— Может быть, ты подплывешь к ним?

— Нет, нет, — подумав секунду, сказал он глухо, — этого не следует делать, они еще больше запрямятся. Сейчас надо оставить их в покое. Пошли, не будем стоять здесь. — Он повернулся и пошел вверх по цементированной дорожке. Арлетт шла рядом. На глазах у нее были слезы, склон, по которому приходилось подниматься, показался ей внезапно крутым и утомительным. Севилла остановился и обернулся как раз в тот момент, когда Фа вынырнул из воды, закинул свой торс на причал и поворотом головы, в точности так же, как футболист отводит мяч от своих ворот, толкнул ведро с рыбой и швырнул его в море. Сделав это, он издал торжествующий свист, нырнул, вынырнул с рыбой в зубах и проглотил ее. Би проделала то же самое. Они поглощали содержимое ведра с невероятной быстротой и жадностью. Севилла смотрел на них, застыв в отчаянии; он чувствовал себя отвергнутым, изгнанным, униженным.

— Они не захотели ничего взять из моих рук, — сказал он тихо, с каким-то чувством стыда.

— Вы освоили этот аппарат? — спросил Севилла усталым голосом.

Питер поднял голову и посмотрел на него. Он был поражен его тоном.

— Это несложное дело. Но не следует вести передачу открытым текстом. Есть код.

— Могли бы вы вызвать Адамса? Скажите ему, что в первом контакте — ничего обнадеживающего. Молчание, враждебность. Они не приняли даже рыбы из моих рук.

Лицо Питера помрачнело.

— Сейчас я это закодирую и передам.

— Спасибо. Скажите, пожалуйста, Арлетт, что я не приду завтракать. Я хочу прилечь.

Сюзии взглянула на него своими ясными светлыми глазами.

— Вам нездоровится?

— Нет, нет. Немного устал, это пустяки.

— Я хотела вам сказать, что я очень расстроена. — И так как он ничего не ответил, добавила: — Не думаете ли вы, что...

Севилла махнул рукой, повернулся на каблуках, вышел и зашагал по коридору. В каждой комнате бунгало было два выхода: один на террасу через застекленную дверь, другой в коридор через обыкновенные двери. Коридор, шедший вдоль стены, обращенной в подветренную сторону, был без окон, и свет проникал сквозь тройной ряд прозрачных кирпичей, расположенных на уровне лица. Впервые с тех пор, как он приобрел дом, коридор показался Севилле очень мрачным; он добрал до своей комнаты, опустил шторы и бросился на постель. Тотчас же он встал, взял свой халат, лег снова и прикрылся халатом. Потом он вытянул пояс халата, разматал его на всю длину, вытянув из пряжки, и положил себе на глаза. Он лежал на левом боку, поджав под себя ноги, лицом к стене, скрестив руки под подбородком, весь скорчившись. Ему не было холодно, но под халатом он не чувствовал себя таким защищенным. Время шло. Он не мог ни спать, ни думать. Одна и та же картина вновь и вновь возникала перед его глазами с убийственной монотонностью: Фа и Би в пяти метрах от него поворачивали голову налево, потом направо, чтобы лучше к нему приглядеться.

Дверь открылась, и послышался тихий голос Арлетт:

— Ты не спишь?

— Нет, — ответил он спустя мгновение. Он повернулся, пояс, защищавший его глаза от света, соскользнул, и он увидел Арлетт около постели с подносом в руках. — Ты принесла мне поесть? — сказал он, приподнимаясь с постели.

Она поставила поднос ему на колени. Он взял сэндвич и принялся жевать с отсутствующим видом. Когда он кончил, она вылила содержимое банки с пивом в стакан и протянула ему. Он сделал несколько глотков и сразу же вернул стакан.

— Хочешь еще сэндвич?

Растопыренными пальцами он провел по ее волосам и отрицательно покачал головой. Она поставила наполовину полный стакан на ночной столик, положила рядом второй сэндвич и посмотрела на Севиллу. Когда на него обрушивалось несчастье, он испытывал стыд, ему хотелось быть одному, он ложился в постель. Вначале это ее шокировало.

— Послушай, дорогая, ты знаешь, почему тебя это шокирует? Потому что я поступаю совершенно естественно, я ненавижу все это англосаксонское ханжество, это показную мужественность во что бы то ни стало. Когда я чувствую себя слабым, я не притворяюсь сильным, я махаю на все рукой и жду, пока это пройдет.

И правда, это всегда проходило, за несколько часов он вновь обретал свою бодрость, свою жизнерадостность. Она нагнулась и погладила его рукой по щеке, он не отстранился, но и ничего не сказал, грустный, с потухшими глазами. Ей всегда казалось, что он перегибает, что он напускает на себя, что он не может быть до такой степени удрученным. Но, может быть, это перебарщивание и помогало ему излечиться. Может быть, он доводил свое угнетенное состояние почти до карикатуры, чтобы легче от него отделаться.

— Я пойду, — сказала она.

Он безразлично улыбнулся ей, потом вновь лег на постель, повернулся на бок. Он слышал, как за ней

закрылась дверь. Пошарив рукой, он нашел пояс халата и вновь положил его себе на глаза. В то же мгновение перед ним всплыли образы Фа и Би. Они не переставали наклонять свои большие головы направо, потом налево, глядя на него холодно и отчужденно.

Ему показалось, что он заснул всего на несколько мгновений, но, посмотрев на часы, он убедился, что проспал два часа. Он сел на постели, халат, оказывается, соскользнул, ему было холодно. Он открыл стеклянную дверь, подошел опять к ночному столику, взял с него сэндвич и стакан с пивом и спустился к пристани. Солнце тотчас же обдало теплом его голову, затылок, спину, лодыжки. Он почувствовал себя лучше, когда дошел до деревянного причала. Он шагнул к самому краю, поставил стакан на решетчатый настил, сел, свесив ноги над водой, солнце согревало его грудь. Он втянул в себя запах сэндвича и тотчас испытал такое ощущение, словно он уже давно забыл, как пахнет хлеб и ветчина, и вновь с радостью открыл эти запахи, будто после долгой болезни. Рот его наполнился слюной, он откусил кусок сэндвича. Разжевывая, он и небом и языком ощущал неописуемое удовольствие и сдерживал дикое желание сразу же проглотить разжеванный хлеб и мясо, он старался есть медленно, чтобы продлить ощущение новизны, но и жадность, поспешность, торопливые глотки тоже были своего рода наслаждением. Кончив есть, он выпил остаток пива. Оно было теплым, по свежим. Славный напиток, не зря его любят в народе. Вытерев губы и руки носовым платком, Севилла посмотрел на Фа и Би. Идиоты! Балбесы окаянные! Они, видите ли, его игнорируют! Он встал и энергично свистнул по-дельфиньему:

— Фа, говори со мной.

Фа повернул голову направо, налево и сказал:

— Кто свистит?

— Это я! Это Па!

Фа подплыл ближе.

— Кто тебя так хорошо научил? Когда нас уводили, ты не умел хорошо свистеть.

— Дельфины. Другие дельфины.

— Где они?

— Ты их увидишь. Они приплывут сюда.

Би подплыла поближе.

— Самец или самка?

— Один самец и одна самка.

— Я их не хочу, — сказала Би.

— Почему?

— Я их не хочу.

— Они были здесь раньше тебя.

— Я их не хочу.

Севилла повернулся к Фа.

— Фа, почему ты не взял рыбу, когда я тебе ее давал?

Наступило молчание, и Фа отвернулся.

— Отвечай, Фа.

Снова молчание. Внезапно Би сказала:

— Ты нас обманул.

— Я?

— Ты позволил Ба нас увести.

— Боб увез вас без моего ведома. Я не был согласен.

— Ба нам сказал: он согласен.

— Боб сказал вам вещь, которой нет.

— Ма была, когда Ба нас увозил. Ма ничего не сказала.

— Боб сказал Ма: Па согласен.

За этими словами снова наступило долгое молчание. Би и Фа смотрели на Севиллу не враждебно, но и не дружески. Они не приближались. Они держались в нескольких метрах от причала. Они не отказывались больше от диалога, но они продолжали отвергать контакт.

— Ну что же, Би, — сказал Севилла, — ты ничего не говоришь?

Он обратился снова к ней, потому что он знал, что в их паре она наиболее неуступчивая. Би склонила голову набок.

— Может быть, Ба сказал вещь, которой нет. Может быть, ты говоришь вещь, которой нет. Кто знает?

— Я, — сказал Севилла, — говорю вещь, которая есть. Я вас люблю. Послушай, вспомни, Би. Па воспитал Фа. Па дал Фа Би.

— Но Па поставил перегородку между Фа и Би.

Севилла был поражен. Так вот в чем она его упрекает! Женское злопамятство действительно неискоренимо!

— Но ты же знаешь, Би, я сделал это только для того, чтобы научить Фа английскому языку. Потом я ее убрал.

Наступило молчание, а затем Би сказала:

— Теперь я больше не говорю. Теперь я буду плавать.

— Скажи мне слово по-английски.

— Нет.

— Почему?

— Я не хочу больше говорить на языке людей.

— Я тоже, — внезапно сказал Фа.

— Почему? — спросил Севилла, повернувшись к нему лицом. Фа не отвечал. — Почему, Би?

Прошло несколько секунд, и Би ответила. Странная вещь, она не просвистела свой ответ. Она произнесла его на языке людей, несколько не беспокоясь, что это противоречит ее недавним словам. Она, несомненно, хотела подчеркнуть, что отказывается говорить по-английски не потому, что забыла язык, а потому, что так решила.

Она произнесла крикливым носовым голосом, но очень отчетливо:

— Человек нехороший.

Затем она повернулась, отплыла и принялась вместе с Фа снова описывать круги в бухте.

Севилла повернул голову, Арлетт стояла рядом с ним; он понял, что она была здесь с самого начала беседы с дельфинами. Она укоризненно посмотрела на него:

— Ты не сказал мне, что идешь на пристань.

Он улыбнулся ей и взял ее под руку. Она наклонила голову, прижалась к его плечу и на несколько секунд замерла так, отдавшись нежности и забыв обо всем.

— Представь себе ситуацию, — сказал Севилла

спустя мгновение. — Верующий обожает своего бога, видит в нем воплощение доброты, истины, благородства и внезапно обнаруживает, что его бог низок, лжив и жесток. — Он показал рукой на Фа и Би. — Вот что с ними произошло.

— Однако, — сказала Арлетт, — они сделали уступку, вступили с тобой в разговор.

— Да, сдвиг есть, — Севилла качнул головой. — Они сделали уступку, но лишь для того, чтобы еще упорнее настаивать на своем. Я могу сказать лишь одно: не следует терять надежды, они были в состоянии ужасного шока, они травмированы до последней степени. Вспомни, человек — добрый, он гладкий, у него есть руки, короче, человек — это бог. А теперь стоит мне открыть рот, как они сразу же подозревают, что я лгу, и я должен убеждать их в своей искренности на языке свистов, которым я владею еще так плохо, а у них есть возможность в любой момент прервать разговор: «Теперь я не говорю, теперь я буду плавать». Ты же знаешь этот трюк Би, она выкидывала его с нами не раз, и она величественно улывается, и, разумеется, этот большой олух Фа тотчас же следует за ней.

Он замолчал.

— Звонил Адамс, — сказала Арлетт. — Он хотел узнать, как дела.

— Скажи ему, что ничего нового. Не нравится мне эта радиосвязь, каждый, кто захочет, может расшифровать наш код.

Севилла взглянул на часы. Шесть. На первый взгляд в гавани ничего не происходило. Дэзи и Джим разместились у борта «Кариби», Фа и Би — на другом краю гавани. Обе пары, неподвижные, смотрели друг на друга. Время от времени одна из самок издавала пронзительный свист, на который другая, как эхо, отвечала.

Севилла обернулся к Арлетт:

— Ты была здесь, когда приплыли Дэзи и Джим?

— Да. Без всякого предупреждения Би бросилась

на Дэзи и укусила. Дэзи в долгу не осталась и ответила тем же. Эта дамская баталия была прервана Джимом, который несколько раз хвостом ударил Би, не кусая ее. Би отступила.

— А Фа?

— Фа не шелохнулся. Он оставался в своем углу, а когда Би подилыла к нему, то упрекнул ее за такое поведение.

— И что же дальше?

— Дамы переговариваются, обмениваясь свистами. Каждая обвиняет другую в том, что та захватила ее территорию. Это создает видимость ссора из-за места. В действительности только Дэзи привязана к гавани или, точнее, к «Кариби». Фа и Би только что приплыли, они еще себя не чувствуют здесь дома. Джим же, как «дикий» дельфин, во всяком случае, чувствует себя незваным гостем. Все дело в Би. Упрек, который она сделала Дэзи в том, что та вторглась на ее территорию, — сплошное лицемерие. Она не хочет видеть Дэзи, вот и все.

— Тонкая интерпретация поведения женщины, — с улыбкой сказал Севилла.

Он смотрел на обе пары, настороженно застывшие в своих углах. Свисты прекратились. Севилла продолжал:

— В крайнем случае можно оставить все как есть, но, по-моему, это было бы неблагоприятно. Пока это всего лишь дамская ссора, ничего страшного не произойдет. Но если вмешаются самцы, можно ожидать всего. Оба они почти одинакового роста и веса, их в самом деле почти невозможно различить, и один из них вполне мог бы убить другого.

— Что ты хочешь делать?

— Предложу им компромисс.

Он подошел к самому краю деревянного причала и просвистел:

— Фа! Би! Послушайте!

Наступила тишина, и Фа сказал:

— Я слушаю.

— Днем, — начал Севилла, — вы остаетесь в гавани, ночью вы уступаете ее двум другим дельфинам.

Фа и Би обменялись едва слышными свистами, затем Фа подплыл на несколько метров поближе к Севилле и спросил:

— А мы, куда мы пойдем ночью?

— Я вам покажу пещеру, недалеко отсюда.

Фа вернулся к Би, и они снова обменялись свистами. Севилла прислушался, но звуки были такие тихие, что ему не удалось ничего понять.

Фа отплыл от Би:

— Фа и Би согласны.

Он продолжал, как будто он хотел быть уверенным, что его не обманут.

— Днем гавань наша? Ночью — их?

— Да.

— Ты приведешь нас в пещеру и придешь за нами?

— Да.

— Ты принесешь нам рыбу?

— Да.

Фа повернулся и посмотрел на Би.

— Хорошо, — сказала Би. — Плыдем.

Теперь, когда она согласилась с предложенным решением, казалось, ей уже не терпелось привести его в исполнение.

— Я пойду за маленькой лодкой, — сказал Севилла, — и поведу вас.

Он быстро зашагал по бетонной дорожке. Арлетт едва поспевала за ним.

— Ты не боишься выпустить Фа и Би в открытое море?

Он покачал головой.

— Совершенно не боюсь. Ты заметила реакцию Фа: «А мы, куда мы пойдем ночью?» В этом вопросе слышалась тревога. Они уже не любят человека, но еще не умеют без него обходиться.

— Да, — сказала Арлетт. — По-моему, ты прав. Меня удивил вопрос Фа: «Ты принесешь нам рыбу?» Это поразительно. Понятно, Фа, родившийся в неволе, не имел возможности научиться ловить рыбу, но Би?

Севилла толкнул дверь сарая.

— Питер, — спросил он, — мы можем воспользоваться маленькой резиновой лодкой?

— На сколько времени она вам нужна?

— Примерно на час.

— Час она выдержит. Но ее надо будет опять притащить сюда. Она спускает. Думаю, воздух проходит в одном из валиков. Или разошелся шов.

— Договорились.

Севилла вынул правое весло, выгреб несколькими бесшумными ударами левого весла — маленькая резиновая лодка мягко подошла к причалу, и Арлетт шагнула на землю. Он не хотел привлекать внимание корабля прикрытия шумом своего мотора в 5 лошадиных сил, и они с Арлетт на веслах провели в пещеру Фа и Би: добрых полчаса гребли туда и обратно. Они вытащили лодку из воды, отнесли ее на несколько метров в сторону на цементную дорожку и, вернувшись, сели на доски причала. Наступали сумерки, но воздух был все еще теплым.

— Ты скажешь Адамсу, где они?

— Нет.

— Почему?

— Я твердо решил говорить ему о них как можно меньше.

— А Питеру?

— Если положение ухудшится, будет лучше, чтобы он ничего не знал. Я говорю «Питер», но, разумеется, это касается и Сюзи. Мэгги не в счет, ее я завтра отправлю в Денвер. Странно, но я чувствую себя почти виноватым перед ней. И все же мне не в чем себя упрекнуть. Разве только, — усмехнувшись, добавил он, — в чрезмерном терпении.

Дэзи величественно подплыла к ним, держась под самой поверхностью; ее голова появилась над водой, и она уставилась на Севиллу своими ласковыми глазами. В двух метрах за ней плыл Джим. Он явно осмелел...

— Кто эта самка? — спросила Дэзи. — Что она здесь делает?

— Она живет у меня уже давно. Она уплыла, потом вернулась. Самец тоже.

— Она злая.

Севи́лла покачал головой.

— Она ревнивая.

Дэзи обдумала его ответ и сказала:

— Но у меня есть самец. У меня есть Джим.

И так как Севи́лла, не ответив, пожал плечами, она продолжала:

— Она мне сказала, что говорит на языке людей. Это правда?

Арлетт рассмеялась.

— Да она сноб, наша Би!

— Это правда, Па? — повторила Дэзи. — Это правда — то, что она сказала?

— Правда.

— Но я не глухая.

— Нет, Дэзи, ты не глупая.

— Сегодня вечером я хочу учить язык людей. Сегодня вечером, Па.

Севи́лла засмеялся.

— Чтобы учить, надо завтра, завтра и завтра.

А сегодня вечером я устал.

— Ты не хочешь свистеть?

— Нет. Я устал.

— Но по вечерам ты будешь свистеть со мной.

— Сегодня вечером нет, я устал.

Наступило молчание, и она сказала:

— Ты уходишь в свой дом?

— Да.

— Уже?!

— Да.

Дэзи наполовину высунулась из воды и положила свою огромную голову на причал между Арлетт и Севи́ллой. Они ее гладили, ласково, но сильно проводя по голове руками, стараясь при этом не задеть дыхла...

— Я люблю тебя, Па, — сказала Дэзи, закрыв глаза.

— Я тоже тебя люблю.

— Я люблю тебя, Ма, — сказала Дэзи со вздохом.

— Я тоже люблю тебя, Дэзи, — ответила Арлетт.

Вот уже четыре месяца каждый вечер Дэзи делала одни и те же признания, и каждый вечер Арлетт чувствовала себя взволнованной. Это было всегда одно и то же чувство: что-то сжимало ей грудь, какое-то внезапное умиление, грустная нежность и — она не знала почему, где-то в самой глубине души — страх смерти. Она не знала почему, но и в этот момент ей было так жаль Дэзи. В Дэзи, однако, не было ничего трагического. Она была молодой, крепкой, здоровой. Арлетт подняла плечи, словно вся тяжесть мира давила на них. «Что за мир, что за люди и какая мерзость! Бог знает, почему эти животные так любят нас. В нас ведь нет ничего приятного. Нет, нет, — тотчас же убедила она себя, — мне не следует так думать. Я поступаю, как Фа и Би, всех людей сваливаю в одну кучу».

Какой-то чудовищный шум потряс воздух. Казалось, он надвигается из-за дома. Они подняли головы, в этот момент появился вертолет и на высоте примерно в 50 метров пролетел над гаванью. Внезапно раздалась неторопливая мощная очередь из тяжелого пулемета — Севи́лла пригнул к земле Арлетт и, накрыв ее своим телом, бросился на доски причала. Но стреляли не по ним. Он отчетливо увидел, как трассирующие пули огненным пунктиром обрамляли вертолет. Вертолет набрал высоту, развернулся и исчез в сумерках.

— Идем, — сказал Севи́лла, — мы потребуем кое-каких объяснений.

Они бегом поднялись по бетонной дорожке. В это мгновение появился Питер, прокричал:

— Адамс радирует!

Севи́лла отдыхался, пока Питер с карандашом в руке расшифровывал радиограмму. Закончив, он вырвал из записной книжки листок и протянул Севи́лле.

«Группа В теперь в курсе дела. Опасность этой ночью. Просим вас принять на остров отряд прикрытия».

Севи́лла взял у Питера карандаш и написал:

— Стреляя, вы себя обнаружили.

Питер зашифровал, передал, принял ответ, расшифровал его и отдал листок Севилле.

«Огонь вызван необходимостью. Группа В могла забросать гавань гранатами. Повторяю свое предложение».

Севилла написал:

«Нет. Оборону обеспечу сам».

Питер зашифровал, передал радиogramму и встал:

— Я был в сарае. Я подумал, что стреляют в вас.

— Я тоже, — сказала Сюзи.

Севилла не ответил. Он нацарапал на обороте последней радиogramмы: «Отключите подслушиватель Эла», — и подал ее Питеру. Питер кивнул и ушел. Севилла повернулся к женщинам.

— Никто не должен звонить по телефону и зажигать свет. Где Мэгги?

— У себя, — ответила Сюзи.

— Пока оставьте ее в покое. Мы перекусим на террасе и все будем спать на крыше. Принесите одеяла, бетон — не перина.

— Пока еще светло, — сказала Сюзи, — я пойду приготовлю бутерброды.

Оставшись наедине с Арлетт, Севилла взял ее за руку и вышел с ней на бетонную дорожку, ведущую к гавани. Арлетт вполголоса спросила:

— Разве не лучше оставить Питера охранять порт?

— Лучше, но я боюсь. Эти люди — профессионалы. Они могут обнаружить и убить Питера, прежде чем он их заметит.

— Убить? — спросила глухим голосом Арлетт.

Севилла посмотрел на нее:

— Убили же они Боба. Почему бы не убить и Питера? Или нас? Для этих людей человеческая жизнь ничего не значит. Ни одна, ни две, ни сто жизней. Они сделают все, лишь бы заставить замолчать Фа и Би. А заодно и нас. До 13 января.

— До 13 января, — повторила Арлетт. Глаза ее расширились от ужаса.

— Срок ультиматума истекает тринадцатого. Когда будет объявлена война, истина никому не будет

нужна. Итак, у нас остается пять дней, чтобы заставить заговорить Фа и Би.

— Ты рассуждаешь так, как будто уже знаешь, что они тебе скажут.

Севилла взглянул на нее:

— Не знаю. Но догадываюсь. — И прибавил: — И ты тоже.

— Да, и я тоже... — с трудом повторила Арлетт.

Мурашки пробежали у нее по коже, волосы зашевелились на голове, по спине тек пот, и в то же время она чувствовала, как холодеют ее руки. Она хотела потереть их и заметила, что они дрожат. Она спрятала руки за спину, выпрямилась и приглушенно произнесла:

— Есть ли смысл ночевать на крыше?

— Думаю, что да. Когда мы уберем лестницу, нас нельзя будет застать врасплох. Бетонный бортик защитит нас от прицельного огня. А для нас, если придется стрелять, все будет как на ладони.

— Слушаюсь, капитан Севилла, — с улыбкой сказала Арлетт.

Но чувствовала она себя вымотанной: ноги ослабли, еще немного, — и она лишится чувств. Севилла внимательно посмотрел на нее, обнял за плечи и прижал к себе. Она обмякла, уткнулась головой ему в плечо и прошептала:

— О Генри, Генри!..

— Пойдем, — сказал он, — подготовимся. Не надо ничего бояться.

Через некоторое время вся лаборатория сидела на террасе за столом и, не говоря ни слова, ужинала в наступившей темноте. Мэгги была совершенно обессилена. Питер и Сюзи ни о чем не спрашивали. Их молчание означало: раз мы больше не пользуемся вашим доверием и даже не имеем больше права видеть Фа и Би, не говорите нам ни о чем, мы-то уж, конечно, не будем стараться узнать чего бы то ни было. В сгустившихся сумерках Севилла едва мог различить белые пятна их лиц. Он с нежностью смотрел на них. Сюзи, Питер, как много они для него значат! Он чувствовал себя виноватым перед ними не

потому, что молчал, а потому, что подвергал их опасности, их, едва начинающих жить. «А Майкл? — подумал он. — Майкл в тюрьме. Парадоксально, но из всех нас он, может быть, единственный, кто останется в живых».

— Питер, — тихо позвал он. — Что они дали нам из оружия?

— Ручной пулемет, автомат, четыре винтовки М16 и гранаты.

— Кто умеет стрелять?

Питер, Сюзи и Арлетт подняли руки.

— Сюзи, сумеете ли вы обращаться с винтовкой?

— Я стреляла по мишени из карабина с оптическим прицелом.

— Я тоже, — сказала Арлетт.

— Принцип один и тот же. Питер, ручной пулемет или винтовку?

— Безразлично.

— Ну что ж, пусть у часового будет ручной пулемет. Проектор работает?

— Да.

— Он понадобится. Оденьтесь в темное. Принесите одеяла, по два каждому, электрические фонарики, питье, бинокль, плащи и, конечно, передатчик.

Стало тихо.

— Когда мы начнем устраиваться? — через некоторое время спросил Питер.

— Как только стемнеет.

Севилла почувствовал, что его тормозят. Он открыл глаза и ничего не увидел — ночь была безлунная. Питер шепнул ему на ухо:

— Четыре часа, ваш черед, все в порядке. — Наступила тишина. Тихий, едва слышимый голос Питера продолжал: — Если вы действительно проснулись, я пойду посплю. Чертовски трудно сидеть в темноте с открытыми глазами. Дайте мне вашу винтовку. Ручной пулемет в боевом положении стоит у надувного матраца.

— Проведите меня туда, — сказал Севилла. — Боюсь, что я неправильно ориентируюсь.

Он пошарил вокруг себя руками, схватил винтовку, протянул левую руку в направлении, откуда доходил голос его помощника, и, ничего не найдя, вытянул руку чуть дальше, пошарил ею в пустоте, встретил плечо Питера, соскользнул ладонью вниз и крепко схватил его за руку. Он ощутил, как его тащат вперед, и насчитал шесть шагов, прежде чем его правая нога натолкнулась на надувной матрац. Севилла почувствовал на щеке дыхание Питера:

— Пулемет лежит на бортике крыши. Осторожно, предохранитель снят. Проектор слева от вас, примерно в метре, вытянув руку, вы дотянетесь до него.

Севилла выпустил руку Питера, его слегка покачивало. Питер тихим голосом продолжал свои разъяснения. Теперь лишь его шепот связывал Севиллу с миром. Он испытывал странное ощущение ирреальности, ему казалось, что не Севилла, а кто-то другой переживает эти мгновения.

— Через несколько минут, — сказал Питер, — вам покажется, что вы видите на черном фоне темно-серый силуэт «Кариби». Но это лишь так кажется, я в этом быстро убедился. Вы уверены, что совсем проснулись?

Севилла лег на надувной матрац, вытянулся:

— Идите спать, Пит, все в порядке.

Он услышал удаляющиеся шаги Питера, затем легкий шорох одеял, и все смолкло. Тишина поглотила его, и сразу же мрак показался еще чернее. Ни ветерка, тепло, море такое тихое, что не слышно даже плеска волны о причал. 8 января, ночь, он лежит здесь, не двигаясь, во фланелевых брюках и пуловере, в воздухе чуть сыровато, какая-то влажная истома, но цемент крыши еще отдает накопленное за день тепло. Пахнет йодом, солью и безжизненной, мертвой сухостью скал. Накануне он прожил одну из обычных ночей своей жизни. Если он дотянет до 80 лет, ему остается прожить — сейчас прикинем — ровным счетом девять тысяч двадцать пять дней и столько же ночей, довольно мало в общем-то, даже по самому оптимистическому подсчету. Но теперь уже об этом не стоило и думать; все было решено тогда, когда он

понял накануне, на какой невероятный риск шел Голдстейн, согласившись служить посредником. В ту секунду он решил сказать «да» и в тот же вечер, после обстрела вертолета группы В, он перешел из будничного дня своей жизни в ночь, которая, возможно, станет последней. «Ну что ж, в конце концов это не так уж на меня действует. Главное не в том, чтобы жить любой ценой, а в том, чтобы знать, за что умираешь. Если меня убьют этой ночью, то кто скажет, удалась мне моя жизнь или нет? Кто вправе ответить? Каков критерий? Слава? Но слава увенчивает и безголосых певцов, и бесталанных актеров, и глупых политиков, и ученых-шарлатанов. Конечно, я могу сказать, что я по крайней мере что-то создал. Я человек, который заставил говорить животных. Однако, вероятно, Прометей тоже радовался, что дал людям огонь, прежде чем узнал, на что они его употребили. Калибан в «Буре» говорит Просперо: «Меня вы научили говорить на вашем языке. Теперь я знаю, как проклинать, — спасибо и на этом!»*. Я вспоминаю, как на меня подействовала эта фраза, когда я впервые прочел ее. Она буквально «бросилась» на меня из текста. В ней заключена была вся судьба человеческая — человек, все портящий, все оскверняющий, обращающий лучшее в худшее, мед в желчь, хлеб — в пепел. И я тоже могу сказать: «Господи, я научил животных говорить, и все, что из этого извлекло человечество, — это новое оружие для своего же уничтожения». Правой рукой Севилла опирался на приклад пулемета, ствол лежал на бортике крыши. Но если он услышит тревожный шум, куда он будет целиться? По какой цели он будет стрелять? Он мог бы, конечно, включить прожектор, но тогда он себя обнаружит, станет мишенью. Какая чудовищная бессмыслица: без света он беспомощен, включив свет, он будет убит. Ночь и вправду до жути темная, без ответов, без единой ясной зоны, без переходов от антрацитной черноты к серым тонам. Так вот каков он, этот мир, когда

* Перевод Мих. Донского. В. Шекспир, Собрание сочинений, т. 8, М., 1960, стр. 139.

спят сто восемьдесят миллионов американцев, — черный, пустой, бесформенный, как бы настоящий прообраз подвергнутой атомной бомбардировке планеты, лишенной человеческой жизни. Это было почти невымыслимо — планета Земля без людей, без единого человека, который мог бы вспомнить о великодушных вещах, созданных людьми, или о религиях, в которые они верили, или о боях, которые они учиняли, — и о той, к которой они сейчас готовились, — без истории, потому что на ней больше не будет историка. Для христианина какая чудовищная мысль — бог, создавший человека, и сам себя уничтожающий человек, лишаящий бога творения его. Для неверующего же — невозможное разбазаривание земных надежд человека. Индивидуальная смерть, по сути дела, ничего не значит, во всяком случае, ее можно принять, как принимает ее вьетнамец, защищая свою землю и свое достоинство, или даже как солдат морской пехоты, без всяких идеалов, просто как профессиональный риск (показывая тем самым, как невысоко ценит он и собственную жизнь). Но полное искоренение рода человеческого, такое, чтобы ничего не осталось после тебя: ни трудов, ни потомков, — это невыносимая мысль, — самоуничтожение в таких масштабах не укладывается в человеческом сознании. Впрочем, именно здесь и таится опасность, никто в это не верит. Даже те, кто толкает нас к войне, не способны представить свою собственную гибель. Смерть для них — это смерть других. Севилла спрятал левую руку за борт и правой рукой на мгновение зажег фонарик: в ослепительном, вызывающем резь в глазах свете появился циферблат его часов. Он прищурился: пять часов. Они уже не придут.

Должно быть, он забылся на несколько секунд, может быть, на несколько минут. Он вздрогнул, он услышал звук, который походил на легкий всплеск, вызываемый маленькой, натолкнувшейся на какое-то препятствие волной. То ли дуновение ветра, то ли это просто Дэзи и Джим в гавани. У дельфинов довольно беспокойный сон. Они не перестают плавать даже во сне или в полусне. Они непрерывно движутся по вер-

тикали, потому что через определенные промежутки времени поднимаются на поверхность, чтобы дышать.

Севилла прислушался, но во тьме было почти невозможно локализовать шум. Рядом с собой он слышал дыхание спящих, но этот звук он слышал с самого начала и все время отметал как лишённый значения. Сейчас же, когда он прислушивался, максимально напрягая слух, смутная и лишённая ритма какофония дыханий вторглась ему в уши, непроницаемая, такая же сильная и раздражающая, как радиопомехи. Снова послышался едва различимый, легкий всплеск, но доносился ли он из гавани или из какого-либо пункта острова, вокруг которого плескалось море: малейшее углубление в скалах и малейшее движение воды вызывали бесконечную цепь звуков. Севилла протянул руку влево, натолкнулся на прожектор и ощущал его до тех пор, пока не нашел пальцами выключатель. «А что, если в гавани их нет, а они у меня за спиной, за домом? Один луч прожектора, и они меня обнаружат, они будут видеть меня, оставаясь невидимыми, и тогда достаточно метко брошенной гранаты». Севилла чувствовал, как волнение овладевает им, его нервы были напряжены, ладони вспотели, но в то же время он ощущал, что отдает себе ясный отчет во всем. Держа указательный палец левой руки на выключателе, он прислушивался. Ему мешало не дыхание спящих, а какой-то более близкий, сильный и ритмичный шум — биение его собственного сердца, глухие его удары сотрясали ребра и отдавались в висках. Без всякого перехода темнота за несколько секунд стала менее плотной, и на этот раз без всякой иллюзии он различил силуэт «Кариби», ее темно-серую мачту на фоне мрака. Он отчетливо услышал один за другим два довольно громких всплеска. Откуда доносились они? Из-за дома? С причала? Из-за «Кариби»? Он надавил пальцем на кнопку, но еще не решался включить свет.

И вдруг один за другим, осветив порт, взметнулись два огромных ослепительных снопа пламени, сопровождаемых взрывами такой силы, что Севилла по-

чувствовал, как дом под ним заходил ходуном. Он ощутил довольно сильный удар по левой руке, и все. Он включил прожектор: «Кариби» исчезла. За спиной он услышал голоса и, не оборачиваясь, закричал:

— Не вставайте! Ползите к бортику!

Он начал стрелять длинными очередями как раз над причалом.

— Куда вы стреляете? — прокричал Питер у него над ухом.

Продолжая нажимать на спусковой крючок, он ответил:

— По протоке! Они могут уйти только этим путем!

Между очередями справа от себя он слышал первые частые трескучие выстрелы винтовок.

Рассвет наступал с невероятной быстротой. Справа Севилла различил Арлетт, слева — Мэгги.

— Мэгги, будьте готовы выключить прожектор.

В этот момент затараторил тяжелый пулемет. Первые трассирующие пули упали в воду довольно далеко от входа в узкую протоку и начали зигзагами подбираться к нему.

— Адамс вступил в бой, мы не мешаем ему нашими прожекторами? — прокричал Питер.

Севилла отпустил спусковой крючок.

— Нет, не думаю, но все же свяжитесь с ним...

Он сделал знак Сюзи, и она перестала стрелять. Все равно стрелять было бесполезно — тяжелый пулемет тщательно прочесывал протоку, огневые пункты прочерчивали правильные диагонали сверху вниз, снизу вверх. Но был ли это действительно эффективный огонь? На какой глубине пули теряли убийственную силу? Он почувствовал боль в левой руке, рука кровоточила, она распухла и ныла.

— Ты ранен? — с тревогой спросила Арлетт.

— Да нет, — ответил Севилла, оглядываясь по сторонам. Он протянул руку и поднял какой-то обломок. — Пустяки, — сказал он с иронией, — это всего лишь кусок нашей бедной «Кариби».

— Адамс просит погасить прожектор и пойти взглянуть, — кричал Питер. — Что делать?

— Ступайте, — устало сказал Севилла, — опасности, во всяком случае, уже нет.

«Взглянуть? Да на что там смотреть?»

Все молчали до тех пор, пока не вернулся Питер. Так как вместе с рассветом поднимался туман, казалось, что ночь рассеивается темными лохматыми клочьями. Через несколько минут высокий силуэт Питера появился на бетонной дорожке. Он шел с трудом. Взойдя на террасу, он поднял голову и снизу взглянул на Севиллу. В сером утреннем свете его лицо выглядело бледным и осунувшимся. Он сказал прерывающимся голосом:

— Фа и Би... Оба.

— Что?

— Разорваны на куски.

Арлетт вздрогнула:

— Но это не...

Севилла сильно сжал ей запястье, и она замолчала.

— Радируйте Адамсу, — сказал Севилла.

14

Адамс стоял на причале, засунув руки в карманы, вытянув голову вперед. Он не успел побриться, и его подбородок и щеки казались грязными. То, что было «Кариби», представляло собой теперь лишь грудку обломков под водой и на воде. Взрыв действовал довольно капризно: он начисто разнес мачту, но весь алюминиевый кухонный блок покоился на глубине трех метров, такой же целехонький, такой же блестящий, как будто его только что собрали. Два водолаза в перчатках были заняты тем, что собирали со дна и складывали на растянутом на причале тенте куски, оставшиеся от дельфинов. Хотя солнце едва лишь поднялось и было свежо, сладковатый и приторный запах, исходивший от этих останков, вызывал тошноту. Люди, вылавливавшие куски, старались затем, складывая, подогнать их друг к другу, как будто игра-

ли в какую-то разрезную мозаику. Когда они допускали ошибку, Питер, который тоже натянул перчатки, нагибался, чтобы внести исправление. Белая рубашка и марлевая повязка, закрывавшая нижнюю часть лица, придавали ему вид хирурга.

— Я вижу только два трупа, — сказал вначале молча наблюдавший за всем происходящим Адамс. — Где же Дэзи?

Севилла прищурился.

— Вчера вечером, когда она приплыла в гавань, Би укусила ее и прогнала.

— И она удрала? Нет худа без добра. С другой стороны, она, вероятно, так напугана взрывом, что вы ее не скоро увидите.

Севилла покачал головой и ничего не ответил, а затем произнес:

— Я полагаю, что это работа «людей-лягушек».

— Пойдемте, — сказал Адамс. — Здесь нечего оставаться.

Они сделали несколько шагов по направлению к дому, Адамс остановился и сказал:

— А что говорят обо всем этом Питер, Сюзи и Мэгги?

— Они ничего не понимают и пока не задают никаких вопросов. Мэгги уезжает сегодня утром в Денвер.

— Прекрасно. Лучше держать их в стороне от всего.

— Вы нашли их трупы? Надеюсь, что это не наши выстрелы...

Адамс криво улыбнулся, от чего его небритое лицо показалось еще более осунувшимся и суровым:

— Успокойтесь, это наш калибр. Это не ваше конфетти.

Он добавил, понизив голос:

— Только подумайте, какая неслыханная смелость! Они знали, что мы охраняем фарватер. Сделав свое дело, они почти не имели шансов уйти живыми.

Он помолчал и сказал:

— Итоги первого сражения: два дельфина, два человека.

— Это ужасно, — произнес Севилла, стискивая зубы.

— Это глупо. И тем более глупо, что В так же убежден, как и мы, в том, что он верно служит Соединенным Штатам. В его глазах мы — предатели. А мы считаем его сумасшедшим, мы думаем, что он самым безумным образом недооценивает силу ответных ударов.

Севилла посмотрел на него.

— Даже если вам недостает свидетельства Фа и Би, разве вы не могли бы сообщить президенту о своих подозрениях относительно роли, которую их заставили сыграть?

— Мы это сделали.

— И о покушении на Фа и Би, поскольку оно подкрепляет ваши подозрения.

— Мы это сделаем. Но от этого ему будет мало пользы. В политике подозрение еще не оружие. На президента оказывают сейчас чудовищное давление. И у него нет ничего, что бы он мог противопоставить со своей стороны. Даже общественно-го мнения. Вы знаете результаты последнего опроса?

— Нет.

— О них сообщили вчера вечером по телевидению. Пятьдесят восемь процентов американцев приемлют идею войны с Китаем.

— Это чудовищно.

Адамс снова кисло улыбнулся.

— Нет недостатка в кандидатах в трупы.

— Я хотел бы задать вам один вопрос, — сказал Севилла, внимательно глядя на Адамса своими темными глазами. — Все ли ваши люди разделяют ваше мнение о том, что происходит и готовится?

Было видно, что Адамс колеблется.

— Отнюдь нет. Есть две тенденции даже на самом высоком уровне. И одна из них заключается в поддержке позиции В.

— Не исключено, таким образом, что люди из вашего окружения постоянно информировали В обо всем касавшемся Фа и Би?

— К сожалению, это не исключено, — сказал Адамс, опуская глаза.

Через мгновение он поднял голову, посмотрел на маленькую гавань и на водолазов, которые вылезали на берег, закончив свою работу.

— Ну что же, — сказал он, — во всяком случае, как бы то ни было, теперь все кончено.

Севилла посмотрел на него. У Адамса был усталый, поникший вид, и одновременно чувствовалось, что им овладевает какое-то страшное успокоение. На земле остались считанные мирные дни, но по крайней мере он, Адамс, может заключить свой личный маленький мир с В. Два дельфина, два человека — это не в счет, мелкие потери в маленькой ссоре двух ведомств. В выигрывал, и теперь, поскольку В выигрывал, Адамс мог спокойно присоединиться к мнению большинства. Укрыться за спиной шефов. С абсолютной чистой совестью.

— Должен ли я вызвать полицию? — сказал Севилла, нарушив молчание.

— Ни в коем случае, — поторопился ответить Адамс. — Исчезновение Фа и Би должно остаться в тайне. К тому же я уже связался с полицией и объяснил причины ночной перестрелки: мы обнаружили отряд кубинских диверсантов, пытавшихся пробраться к берегам Флориды, и разделались с ними. — Поскольку Севилла молчал, он продолжил: — Очевидно, это мешает вам получить страховую премию за «Кариби». Но я думаю, наше ведомство сможет возместить все убытки.

Севилла смерил его взглядом.

— Я не прошу ничего.

— Как всегда, донкихотствуете, Севилла?

И добавил, не дождавшись ответа:

— Я сделаю несколько снимков мертвых дельфинов и покину вас. Хотите ли вы сохранить оружие?

— Как вам угодно.

— Оставьте его у себя, хотя бы на время. Но мне кажется, вам уже не грозит никакая опасность.

— Вы собираетесь снять вашу заградительную охрану вокруг острова?

— Конечно, на мой взгляд, в ней теперь нет необходимости. — И он добавил секунду спустя: — Что же касается оружия, то, имей я ваш остров и ваши деньги, знаете ли вы, что бы я сделал? Я построил бы себе противоатомное убежище прямо здесь, среди скал. Что бы ни случилось, у вас было бы больше шансов выжить.

Севилла взглянул на него: какой цинизм! И каким естественным он кажется Адамсу! Сто, сто пятьдесят, двести миллионов американцев подохнут в самых диких условиях, а я, несмотря ни на что, я выживу. Потому что у меня есть деньги. А значит, есть и право делать все, что угодно, с моими деньгами, например, употребить их на то, чтобы спасти свою шкуру во всеобщей бойне. И главное, вся Америка меня одобрит: во имя прав личности и свободы предпринимательства.

— Я могу взять с собой трупы дельфинов, — сказал Адамс безразличным тоном.

Севилла поморщился.

— Нет.

— Что вы собираетесь с ними делать? Бросить в море?

— Нет.

— Почему?

— Акулы. Я не хочу, чтобы их сожрали акулы. — Он добавил: — Я оболью их бензином и сожгу.

— Сгорят, как буддийские монахи, — сказал Адамс с усмешкой.

Севилла отвел глаза в сторону.

— Прощу прощения, — сказал Адамс. — Я забыл, как вы были привязаны к этим животным.

Из остатка поленьев, лежавших в гостинной, — все приходилось привозить с материка, даже дрова, — Питер сложил костер так, чтобы дым не шел в сторону дома, сложил его совсем на другом конце острова, куда никто никогда не ходил, так как там ничего не было, кроме острых камней и скал, где вода в непогоду постоянно бурлила, забрасывая в трещины и впа-

дины хлопья белой грязной пены, похожей на комки хлопка-сырца. Пришлось сделать несколько рейсов с железной тачкой, чтобы привезти останки обоих дельфинов и уложить их, орудия лопатой, на поленьях. Севилла, бледный, со сжатыми зубами, вылил на поленья две канистры бензина. Затем, держа в вытянутой руке длинную, зажженную с одного конца сосновую ветку, он коснулся ею основания костра и тотчас же отбросил. Раздался сильный взрыв, и пламя вспыхнуло до высоты одноэтажного дома, оглушающе громко затрещало и зашипело сало, горящие капли которого отлетали на несколько метров в сторону. Питер и Севилла попятились, от костра валялись клубы густого черного дыма с маслянистыми синими пятнами, и, хотя они оба стояли с наветренной стороны, их рты и носы наполнились отвратительным запахом паленого мяса и жира. Севилла видел, как Питер посмотрел на него и открыл рот, но он не расслышал ни звука, так как треск огня и шипение жарившегося мяса заглушали голоса. Севилла закрыл глаза. Время сделало скачок назад. Капитан Г. С. Севилла, военный переводчик на Нюрнбергский процесс, с ужасом слушал показания свидетеля. Штурмбаннфюрер концлагеря Кульмхоф сумел установить, действуя на ощупь, интуитивно, наилучшее расположение вязанок дров и идеальные размеры рвов: пятьдесят метров — длина, шесть метров — ширина, три метра — глубина. На дне рва по его приказу прокладывались канавки, по которым животный жир стекал в чан. Пропускная способность была колоссальной. Восемь тысяч трупов за сутки, следовательно, значительно больше, несмотря на сельскую простоту установки, чем пропускная способность огромного крематория Биркенау-Освенцима, где, однако, в минуты «пик», когда требовалось уничтожить за минимально короткое время четыреста тысяч венгерских евреев, параллельно со строго хронометрированным промышленным конвейером (ни секунды просто, начиная с момента, когда две тысячи евреев вводились в газовую камеру, до того момента, когда сорок шесть минут спустя они превращались в дым,

оставляя фабрике побочные продукты, методически собираемые по ходу конвейера: одежда, кольца, золотые зубы, волосы, жир, предназначенный для изготовления мыла) использовали так же, хотя только в случае крайней необходимости, полдюжины рвов кульмхофского образца, но шли на это неохотно, скрепя сердце, из-за кустарного разбазаривания побочных продуктов. Эсэсовец, оберштурмбаннфюрер Рудольф Гесс, комендант лагеря Освенцим, взглянул на председателя трибунала своими опустошенными глазами и сказал тусклым голосом: «30 июня 1944 года фюрер подписал «окончательное разрешение» еврейского вопроса. Лично я, господин председатель, отравил газом всего лишь полтора миллиона евреев, но если прибавить примыкающие малые экспериментальные лагеря — Кульмхоф, Вольдек и Треблинка, то общее количество достигнет шести миллионов мирного населения, подвергнутых пыткам, раздетых, голодных, отравленных газом и обращенных в пепел за период с 1941 по 1945 год». Перевозки евреев, отправляемых в Освенцим, имели право на первоочередность от одного конца «третьего рейха» до другого, поезда пропускались даже раньше эшелонов с боеприпасами и продовольствием, шедших на Восточный фронт. Гитлер ставил превыше всего самую гигантскую в истории операцию геноцида.

Сердце Севиллы сжалось, и его захлестнула волна стыда. Мы собираемся работать чище, гораздо чище. Одна водородная бомба, взрываясь на высоте тридцати пяти километров, выделяет такое огромное количество тепловой энергии, что она может испепелить все в радиусе от ста до ста сорока километров. Четыре водородные бомбы, взорвавшиеся одновременно на той же высоте, уничтожат все формы жизни на поверхности в сто пятьдесят тысяч квадратных километров. Радиоактивное облако от одной кобальтовой бомбы может превратить в пустыню площадь в три раза большую, чем Великобритания. Согласно нашим подсчетам, джентльмены, достаточно тридцати тысяч мегатонн, чтобы уничтожить семьсот миллионов китайцев.

— Пойдемте, — сказал Севилла, тронув Питера за локоть. — Нам нечего больше здесь делать.

Питер положил лопату на тачку, стал к ней спиной, словно брался за ручки носилок, и потащил тачку за собой по каменистой земле. Пedaлeкo от дома он остановился, выпрямился и посмотрел на Севиллу:

— Разрешите задать вам несколько вопросов?

Севилла остановился перед ним и посмотрел ему прямо в глаза:

— Если это те вопросы, о которых я догадываюсь, то не задавайте их. Я не смогу на них ответить. Как вы понимаете, дело не в недостатке моего к вам доверия, я должен так поступить, чтобы оградить вас и Сьюзи от опасности, поверьте мне. Вам лучше ничего не знать.

— А вы сами? — сказал Питер. — Разве вам не грозит опасность?

Севилла поморщился:

— Адамс думает, что нет, что все кончилось, что удовольствуются дельфинами, я же склонен считать, что он ошибается.

Питер расправил плечи.

— В таком случае почему я не должен разделить эту опасность с вами?

Севилла сделал жест рукой.

— Не разделяя их, вы мне поможете их избежать.

— Каким образом? — спросил Питер с жаром.

— Выполняв то, что я попрошу вас сделать, и не задавая вопросов.

— Вы что-то от меня скрываете! — воскликнул Питер. — Разве до сих пор я не исполнял ваших распоряжений, не задавая никаких вопросов?

Севилла положил ему руку на плечо и улыбнулся:

— Вот именно, так и продолжайте. Слушайте, Пит, время не терпит, вы хотите мне помочь? Тогда вот что надо делать. — Он опустил руку. — Во-первых, вы возьмете резиновую лодку, отвезете Мэгги на материк и посадите ее в самолет. Сьюзи будет вас сопровождать. Во-вторых, следите, не увлекутся ли за вами на мате-

рике. Смотрите в оба. Эти люди знают свое дело, им известны все секреты слежки. В-третьих, я дам вам чек на ваше имя, который вы иккасируете в вашем банке.

Питер нахмурил брови.

— Почему чек на мое имя? Почему не чек на ваше имя с доверенностью, подписанной вами, как обычно?

— Потому что ваш счет, Пит, я полагаю, не находится под надзором, чего я, по всей вероятности, не могу сказать о своем, потому что я не верю в соблюдение тайны банками и потому что чек, о котором идет речь, — крупный чек. Вы удовлетворены?

Когда Севилла сошел с фарватера, чтобы проникнуть в грот, он вынул из воды весла, положил одно из них в паз на кормовом круге и принялся грести кормовым веслом. Арлетт на носу маленькой резиновой лодки была наготове, чтобы вторым веслом отталкивать головную часть суденышка от двух скалистых уступов, между которыми оно скользило, то и дело застревая, чуть ли не становясь поперек. Севилла проплыл так метров двадцать, затем громко крикнул:

— Гребите назад!

И Арлетт сильно начала грести. Он сделал несколько мощных и частых ударов своим веслом и, заставив лодку резко описать полукруг, подал ее назад, и это позволило войти против течения в низкую темную впадину, из которой, казалось, не было выхода. Влажная стена, покрытая ракушками и плесенью, выросла перед лодкой чуть ли не сразу и преградила путь, но, еще не достигнув стены, Севилла снова сделал крутой поворот на 180 градусов, на этот раз влево, и проскочил в рукав, такой узкий и такой низкий, что пришлось согнуться в три погибели. Грести здесь было уже нельзя. Арлетт на носу зажгла мощный электрический фонарь. Севилла вытянул руки в стороны и упирался изо всех сил ладонями в стены расселины, заставляя двигаться лодку вперед под всплеск мелких разбегавших-

ся волн. Время от времени валики лодки терлись о выступы прохода с опасным шумом. Севилла замедлил движение, ему все время казалось, что лодка вот-вот застрянет, зажата между двумя выступами скал. Арлетт слышала в темноте его дыхание. Это был самый тяжелый и тревожный момент. Потом Севилла сказал вполголоса:

— Ну вот и добрались! — и лодка проскользнула в грот, сделав внезапно резкий поворот так, как будто ее выбросило из расселины. Это был круглый, низкий, просторный зал, своды которого обладали правильностью кладки подземелья средневекового замка, потолок имел форму совершенно правильного купола, если не считать нескольких трещин, сквозь которые просачивался синеватый свет. От фарватера грот был отделен всего лишь толщиной одной из своих стен, и, однако, требовалось больше получаса, чтобы добраться до него по лабиринту проходов. Севилла положил на место кормовое весло, Арлетт медленно обводила лучами фонаря поверхность воды. Ни Фа, ни Би нигде не было видно. Мрак и тишина. Вода была спокойной, муарово-черной, и только мелкие концентрические круги продолжали разбегаться от лодки к стенам грота.

— Фа! Би! — позвал Севилла. В голосе его звучало беспокойство. Эхо подхватило и несколько раз перебрало под сводом этот зов, затем тишина снова сомкнулась, нарушаемая только каплями, падавшими с кормового весла в воду.

— Не может быть, чтобы они уплыли, — сказал Севилла. — Даже если они испугались, я не могу в это поверить.

Арлетт повернулась к нему. Она продолжала шарить фонарем по воде, держа его в руке и направляя на подножие стены. Севилла видел ее силуэт, казавшийся особенно маленьким, в двух метрах от себя, а слева — ее огромную тень, отбрасываемую на скалу.

— Тебе не кажется, что их могли убить «люди-лягушки»?

— Нет, нет, — сказал Севилла. — Как они могли обнаружить грот? Откуда они могли узнать о его су-

ществовании? До него трудно добраться днем, а ночью он вообще недоступен.

— Но Фа и Би могли сами ночью выплыть на фарватер.

Севи́лла покачал головой.

— Это маловероятно. — И он продолжал спускаясь две-три секунды: — Но даже и в таком случае благодаря своему сонару они обнаружили бы пловцов на очень далеком расстоянии, несмотря на темноту, в то время как у этих людей не было никакой возможности знать, что дельфины здесь, к тому же эти люди были всего лишь исполнителями, они получили задание точное и ограниченное: уничтожить все, что было в гавани. Остальное их не интересовало.

— Тогда, — ответила Арлетт, — Фа и Би испугались, взрыв был для них ужасным потрясением, и они уплыли.

Наступило долгое молчание. В гроте было очень прохладно, на плечи и спину Севи́ллы со сводов падали капли воды. Он сказал подавленным голосом:

— Я надеюсь, что нет. Боже мой, я бы не пережил этой потери.

Несколько минут он не произносил больше ни слова. В тишине, наступившей в гроте, было что-то зловещее. Севи́лла ждал в безмолвии, опустив голову на грудь. Странная вещь, в эти мгновенья он больше думал о судьбе двух дельфинов, чем о судьбе мира.

— Ты помнишь, — сказал он вполголоса, — как мы сменяли друг друга ночью на плоту в бассейне, чтобы Фа не чувствовал себя одиноким?

— Да, — отозвалась Арлетт. — Мы опускали руку в воду, и он тотчас же принимался ее покусывать, а ранним утром он клал свою большую голову на плот, наклоняя ее немного набок, и смотрел на нас. Какие у него были милые круглые глаза, два живых шарика.

Севи́лла слушал голос Арлетт и думал:

«А теперь пора плыть обратно. Конеч. Нечего больше оставаться в этой яме».

Но хотя в руках у него уже было кормовое весло и нос лодки уже был направлен к проходу, он не трогался с места. Что-то сжимало ему грудь, и он

испытывал такое парализующее чувство, как будто в одно мгновение у него отняли самое драгоценное, как будто бы сразу бесследно исчезла большая часть его жизни, главная, многолетняя, ежедневная забота. Паническое беспокойство, когда Фа и Би отказывались есть, часы и часы исследований, внимание, постоянно направленное на то, чтобы наблюдать и сопоставлять, даже в моменты отдыха.

— Поплыли, — произнес он. — Нет смысла оставаться здесь. Я чувствую себя погребенным заживо. Там, на свету, нам будет легче.

Арлетт нацелила свой фонарь на вход в расселину, но Севи́лла не пошевелился, его правая рука бесильно лежала за спиной на весле, не сжимая его, голова наклонилась набок, взгляд был направлен на нос лодки, чтобы контролировать движение. Время шло. Он подумал с горечью: «Как странно, я был так уверен этим утром, что они заговорят, я даже взял с собой магнитофон, единственное, чего я никак не предполагал, — это их бегства, а теперь всему конец, включая надежду предотвратить войну. Какая чудовищная нелепость, судьба мира зависела от того, что произошло в мозгу двух дельфинов, когда раздался взрыв, от вывода, который они сделали, а теперь, верх нелепости, В будет стараться нас прикончить, опасаясь, что у нас все-таки было время поговорить с ними».

— Поплыли, — сказал он в третий раз, и рука его сжала рукоятку весла.

Перед носом лодки, залитым светом фонаря Арлетт, что-то выбросилось из воды, отбросив огромную тень до самой вершины купола; за этой свистящей, шумной, веселой, хлопающей по воде фигурой последовала другая, чуть меньше.

— Фа! Би! — воскликнул вне себя Севи́лла. И тут начались высокие скачки, брызги, резкий скрип зубами, напоминавший смех, танец, когда на три четверти выброшенное из воды тело почти скользит по поверхности, поддерживаемое вертикальными ударами хвоста.

— Генри! — крикнула Арлетт задыхающимся от радости голосом. На этот раз нельзя было ошибиться, это был прежний неистово-радостный прием, безгра-

ничная привязанность, неисчерпаемый восторг, любовь, которая не в состоянии выразить себя целиком.

— Фа! Би! — кричал Севилла. — Где вы были?

— Здесь! Здесь! — кричал Фа своим пронзительным голосом. — Мы здесь все время. Мы слушаем. Арлетт наклонилась, положила руку на плечо Севиллы и произнесла одним дыханием:

— Мой дорогой! Он говорит по-английски!

Это была правда, Фа говорил по-английски, он ничего не забыл!

— Где здесь?

— Здесь, — сказала Би. — Мы не двигаемся. Кончик носа наружу, все тело в воде.

— Но почему? Почему? — сказал Севилла.

Фа положил голову на валик лодки.

— Мы говорим друг другу. Может быть, они приходят нас убить. Может быть, они друзья. Может быть, нет.

Так, значит, вот что! Недоверие, сомнение, глубокие травмы, нанесенные человеческой ложью существам, не ведающим, что такое порок.

— Но мы вас любим! — сказал Севилла.

— Я знаю, — сказала Би. — Я слышу. Я слышу, когда ты говоришь о Фа.

«Я слышу» вместо «я слышала», «когда ты говоришь» вместо «когда ты говорил». Их английский за полгода, однако, значительно оскудел. Как у покоренных народов, язык которых перестают преподавать в школах, слова удерживаются крепко, а синтаксис беднеет. Появилось что-то детское в конструкции фраз, и дельфиний акцент звучал как никогда раньше.

Би высоко выпрыгнула из воды и упала около лодки, чтобы обрызгать Севиллу.

— Перестань, Би! — крикнула Арлетт. — Здесь слишком холодно, чтобы играть.

— Я слышу, — сказала Би смеясь. — Ма горит о Фа, Ма не говорит о Би.

— Я люблю тебя, Би, — сказала Арлетт.

— Ма забывает Би, — сказала Би, и в свете фонаря лукавый огонек блеснул в глазах дельфинки.

Фа не говорил больше ничего. Положив голову на

валик лодки, он зажмурил глаза, блаженно ощущая прикосновение руки Арлетт.

— Би, — сказал Севилла, — объясни мне. Ты не забыла язык людей?

— Когда никто не слушал, мы с Фа говорили. Мы не хотим забывать.

— Почему? Раз вы не хотели больше говорить с людьми.

— Чтобы сохранить. А также, — добавила она сразу же, — чтобы научить детей.

Севилла осторожно взял из кармана своей куртки маленький магнитофон на батарейках, соединил контакты и вынул микрофон. Странная логика. Человек — дурное существо, но его язык остается хорошим, если не использовать его для общения с людьми: приобретение, имеющее ценность само по себе, вещь, которую надо сохранить и даже передать потомству, своего рода социальное преимущество, обладанием которого Би, кстати, хвасталась накануне перед Дэзи.

— Би, — сказал Севилла, — ты любишь Па и Ма?

— Да.

— А других людей?

— Нет. Другие люди нехорошие.

— Почему? Что они сделали? — спросил он, наклоняясь к Би.

— Они лгут. Они убивают.

Великолепное резюме, подумал Севилла. Вся история человечества в четырех словах. От начала начал до 1973 года. До дня, когда человечество, как клоун, схватив самого себя за горло, переборщило и испустило дух.

— Как они лгут? — сказал Севилла.

Фа повернул голову и посмотрел.

— Вначале с Ба это было забавно. Но после самолета они лгут, они убивают. Даже нас они пытались убить.

— Объясни, Би, — попросил Севилла.

— Нет, я! — возбужденно воскликнул Фа. — Вначале вместе с Би, до самолета, они надевают на нас ремни. На ремнях — мина. Они показывают старый пустой корабль, далеко, очень далеко. Мы плывем, мы

плывем. Около корабля мы ныряем, подходим под самое дно, поворачиваемся на бок, мина идет на корабль.

— Погоди, Фа, не так быстро. Соприкоснувшись с кораблем, мина высвобождается из ремней и пристает к кораблю?

— Да.

— Как она пристает?

— Как ракушка к скале.

— А ты, что ты затем делаешь?

— Я плыву. Далеко-далеко.

— Я тоже, — сказала Би. — У меня тоже ремни и мина. Моя мина тоже идет на корабль. Я тоже плыву с Фа.

Би рассмеялась.

— Почему ты смеешься?

— Вначале Ба говорит: Би плывет положить мину. Но я говорю — нет. Я говорю: вместе с Фа, или я не поплыву. Тогда Фа один, говорит Ба. Вместе с Би, или я не поплыву, говорит Фа. Люди очень сердятся. Они говорят: Би в один бассейн, Фа в другой. Тогда я больше не ем. И Фа тоже. Два дня, и люди уступают.

— Фа, — сказал Севилла, — в какое место на дне корабля ты помещаешь мину?

— Посередине.

— А ты, Би?

— Посередине. Рядом с миной Фа.

Очевидно, вторая мина — холостая. Она требовалась лишь для того, чтобы удовлетворить желание дельфинов не расставаться.

— А потом? — спросил Севилла.

— Мы плывем и плывем. А корабль делает «буф!». Очень громко, как вчера ночью. Другой день Ба говорит: вы видите корабль, догоните его. И корабль плывет быстро, очень быстро, но Би и я, мы его догоняем, мы приставляем мину и возвращаемся.

— И корабль взрывается?

— Нет, когда мы догоняем, нет.

— Почему, как ты думаешь?

— Потому что на нем есть люди!

— А потом что еще?

— Каждый день, — сказала Би, — устраивают гонки между лодкой с двумя большими моторами и нами.

— Какими двумя моторами? Какие ты видишь суда лодок?

— Да. Это забавно.

— Почему?

— Лодка плывет быстро, очень быстро, быстрее, чем все корабли.

Фа торжественно вставил:

— Но мы побеждаем.

— Вы проделывали большой путь?

— Когда как. Иногда большой, иногда половину большого, или большой и половина, или два раза большой. Но мы побеждаем. Люди на лодке очень довольны. Они кричат. Они свистят.

— На другой день, — говорит Би, — подводная лодка. Нас берет подводная лодка, отвозит в море, далеко от берегов, и отпускает нас. Ба говорит: плывите час в южном направлении, а потом возвращайтесь в лодку.

— Как вы узнаете, что вы проплыли час?

— Мы знаем. Мы выучили. Половина длинного пути — полчаса. Длинный путь — час. Два раза длинный путь — два часа.

— Вы не ошибаетесь?

— Нет.

— И вы находите подводную лодку?

— Всегда.

— Каким образом?

Фа сказал:

— Ба тоже хочет знать как. Но мы не очень хорошо знаем, мы пробуем воду.

— И в направлении, которое взяла подводная лодка, у воды другой вкус?

— Да.

— Иногда, — сказал Фа, — нам велят искать не подводную лодку, а базу. Это труднее.

— Почему?

— Нужно хорошо знать берега вокруг базы.

— Когда ты не видишь земли, как ты узнаешь, где она?

— По вкусу воды.

— А когда ты видишь землю, что ты делаешь, чтобы найти базу?

— Мне помогает сонар. А ближе — глаза.

На первом месте — вкус. Потом — ухо. Потом — глаз. Он занимает последнее место, от него меньше всего пользы.

— А ночью ты тоже находишь базу?

— Да, но сначала я долго плаваю около базы, слушаю свой сонар.

Надо хорошо знать берег. И собрать с помощью сонара, плавая во всех направлениях, сведения обо всех особых приметах на морском дне, зарегистрировать эти тысячи примет в своей великолепной памяти и иметь их всегда перед собой с величайшей точностью, когда плывешь, не ориентируясь по видимым предметам. Но для Фа это совсем просто.

— Хорошо, — сказал Севилла. — Вернемся к самолету.

— Большое путешествие, — сказала Би.

— Как вы его проделали?

— На носилках. Мне жарко. Я очень сухая, я мучаюсь. Фа тоже. Ба кладет нам на тело мокрые простыни. После самолета — база. Я плаваю на базе, и я плаваю вокруг базы. Но немного. Фа со мною.

— У воды странный вкус, — сказал Фа.

— А потом?

Фа вмешался:

— Ба нас везет на лодке, меня и Би. Ба говорит: вас ждет подводная лодка. Вы поплывете на подводной лодке. Я нет. Один человек вам скажет: сделайте то-то и то-то, и вы сделаете. Я говорю Ба: почему ты не плывешь с нами? Он говорит: такой приказ.

— Какой был вид у Ба, когда он говорил это?

— Грустный. Мы плывем в его лодке.

— Сколько времени?

— Когда я не плыву сам, я не знаю, сколько времени.

— Мало времени или много?

— Много.

— Что происходит, когда вы встречаете подводную лодку?

— Ба выпускает нас в воду, и мы плывем к лодке. Люди берут нас на борт.

— Вам очень трудно было попасть на лодку?

— Да. Очень трудно. Но люди действовали осторожно. И все-таки мне страшно. Внутри лодки очень жарко. Я очень сухой, я мучаюсь.

Би сказала:

— На подводной лодке человек нам говорит...

— Какой человек?

— Человек, который командует.

— На нем форма?

— Нет.

— Каков он из себя?

— Маленький, глаза голубые, волос на голове немного.

— Что он говорит?

— Он держит в руке и нам показывает маленький серый корабль с пушками. Он говорит: «Смотрите как следует. Я выпускаю вас в море. Вы находите этот корабль. Вы поставите мину под середину дна, и вы вернетесь на подводную лодку».

— Сколько времени вы были на подводной лодке?

— Долго. Мы смотрели на маленький корабль.

— Это в первый раз вас просят найти настоящий корабль, показав вам сначала его маленькую модель?

— Нет. На базе мы с Фа делали это часто.

— Вы ошибались?

— Вначале — да. Потом — нет.

— Хорошо. Что происходит затем?

— Люди надели на нас ремни.

— Обычные ремни?

— Нет. Другие.

— И мины?

— Нет, не сразу. «Люди-лягушки» помогают нам выбраться из лодки.

— Под водой?

— Да.

— Каким образом?

— Нас помещают в ящик, его закрывают, он наполняется водой. Ящик открывается в море. Мы выхо-

дим. «Люди-лягушки» держат нас за ремни. Они плывут вместе с нами.

— Долго?

— Нет, они останавливаются и укрепляют мины на ремнях.

— Потом?

— Мы плывем в направлении на север.

— Откуда вы знаете, что это север?

— По солнцу. Когда мы выходим из подводной лодки, середина утра. Мы плывем быстро.

— Сколько времени?

— Длинный путь и половина длинного пути. Я нахожу корабль. Я приближаюсь, и на корабле есть люди. Я говорю Би: ничего забавного, не будет «буф!». — Не будет взрыва?

— Да, я думаю: есть люди, нет «буф!». Би говорит: я обгону тебя. Тогда я плыву, плыву, Па, плыву, как летит птица! Я приплываю раньше Би, я поворачиваюсь на бок, мина идет на корабль, но я остаюсь на мине!

— Ты хочешь сказать, что мина пристала к кораблю, но не отделилась от ремней.

— Да!

— Ты оказался привязанным к кораблю?

— Да! Я боюсь! Я не могу дышать. Я захлебнулся. Я зову на помощь: Би! Би!

— И я, — сказала Би, — зубами перегрызла у Фа ремни под животом. Он свободен.

— Ты не ставишь мину?

— Нет.

— Повтори, ты не ставишь свою мину?

— Нет. Я боюсь. Фа тоже боится.

У Севиллы начали дрожать руки.

— Что ты делаешь со своей миной?

— Я говорю Фа: перегрызи мои ремни зубами. Он перегрызает ремни, и мина падает.

Севилла посмотрел на Арлетт, руки его тряслись, ему не удавалось овладеть своим голосом. Жизнь сотен моряков зависела от крошечной случайности: люди-лягушки закрепили холостую мину на Би, а не на Фа.

— Ремни и мина падают на дно моря?

— Да.

— Потом?

— Я поднимаюсь на поверхность с Фа. Я дышу, и я плыву по направлению на юг. Я плыву быстро-быстро. Я боюсь.

— В каком направлении плывет корабль?

— На север.

— А вы на юг?

— Да, и корабль делает «буф!».

— Ты видишь это?

— На корабле есть люди, и корабль делает «буф!».

— Ты видишь это?

— Я слышу. Я далеко в воде, но я вижу свет. Я слышу взрыв, и я чувствую удар в воде. Я ныряю глубже, я плыву, я боюсь!

— Сколько времени ты плывешь?

— Длинный путь и половина длинного пути. Я пробую воду. Подводной лодки нет: она уплыла.

— Что же дальше?

— Я ее ищу. Фа тоже. Но она уплыла. Уже давно. У воды не тот вкус.

— Тогда Би и я, мы понимаем.

— Что вы понимаете?

— Люди корабля умирают. И Фа и Би тоже умирают с ними, привязанные к кораблю. Человек подводной лодки говорит: все хорошо, они умерли, не надо ждать.

— И тогда?

— Я говорю: люди — нехорошие. Останемся в море. Би говорит: нет, надо вернуться на базу.

— Зачем?

— Чтобы сказать Ба.

— Чтобы рассказать Ба, что произошло? — переспросил Севилла, прилагая все усилия, чтобы говорить спокойно.

— Да. Потому что Ба — наш друг. Но земля далеко. Я плыву, я нахожу землю, но я не нахожу базу. Я не очень хорошо знаю берег. Я плаваю весь конец дня и всю ночь. Я не ем, я плаваю, я очень устаю.

— О, я так устала, — говорит Би. — Вместе с Фа я плыву. Наконец утром я вижу базу. На дамбе стоит Ба. Он нас видит. Он бросается в воду одетый. Мы довольны.

— Затем?

Наступило молчание, казавшееся очень долгим.

— И затем? — терпеливо повторил Севилла.

— Я говорю Ба.

— Ты рассказываешь ему все, что произошло? — сказал Севилла приглушенно и, протянув руку, сильно сжал пальцы Арлетт.

— Да.

— Все?

— Да.

Снова молчание.

— И тогда?

— Ба смотрит на нас. Он очень бледный. Он говорит: это невозможно. Это неправда. Би, ты лжешь. Не надо больше повторять это. Ты слышишь, этого нельзя больше говорить. Он очень бледный. Он дрожит.

— А ты, что ты говоришь?

— Я говорю: это — правда, это — правда, это — правда! — повторила Би с отчаянием.

Она замолчала снова.

— И затем?

— Затем я понимаю, что Ба нам не друг. Мы говорим: с Ба мы больше не говорим. С людьми мы больше не говорим.

Севилла повернул выключатель магнитофона и посмотрел на Арлетт.

— Ну что же, в таком случае все ясно. Боб рассказал то, что он узнал, людям В прежде, чем они его прикончили. И теперь так они тебе и поверят, что Фа и Би не говорили с нами!

— Они знают, что этого не было, — сказала Арлетт спустя несколько секунд. — Ведь они же должны были перехватить вчера все радиопереговоры между тобой и Адамсом?

— И сочли, что мы ведем их для отвода глаз.

— Хорошо, предположим, что они их истолковали именно так. Предположим, что они думают, что

у Адамса имеется теперь магнитофонная лента с записью показаний дельфинов. В таком случае мы также уже ничем не рискуем.

— Совсем наоборот. Они считают, что дельфины прикончены. Для того чтобы эта запись приобрела значение свидетельства, необходимо чтобы мы были живы и могли подтвердить ее подлинность.

— Па, — сказала Би, — мы хотим говорить.

— Сейчас, Би, — ответил Севилла, кладя руку ей на голову. — Па говорит с Ма.

— А потом с Би?

— А потом с Би.

— Так ты думаешь, что люди В вернутся...

Севилла сказал тихо и четко:

— Да, этой ночью. Они вернутся этой ночью.

Наступила тишина, и затем Арлетт ответила:

— Если ты так думаешь, то Адамс тоже должен так думать. В таком случае почему он снял свой заградительный отряд?

Севилла стиснул руки и пожал плечами:

— О, Адамс! Адамс поставил на две карты, — продолжал он, стараясь побороть волнение в голосе. — Положение Адамса было с самого начала двусмысленным, потому что он действовал от имени ведомства, где одни — сторонники истины, другие — за ее уничтожение. Адамс поставил сначала на истину. Когда же Фа и Би «погибли», он решил, что лагерь истины проиграл, и он ставит теперь на молчание.

— Фа и Би не погибли, — сказал Фа.

— Конечно, нет, — сказал Севилла.

— Ты сказал, что Фа и Би погибли.

— Так утверждают недобрые люди.

— Но это неправда, — сказал Фа с беспокойством.

— Да, Фа, конечно, это неправда.

Севилла посмотрел на Арлетт и подумал, какую ужасную власть непреложной истины имеют слова над дельфинами, надо быть очень осторожными.

— Ты убежден, — сказала Арлетт, — что теперь Адамс сделал ставку на молчание. И что это должно означать?

— Утром был момент, когда Адамс себя выдал: он

предложил мне сохранить оружие. Зачем мне его оставлять, если мне не грозит больше никакой опасности?

— Но он — чудовище!

— Ну, нет, — сказал Севила, — не совсем. Он относится к нам с некоторой долей симпатии, и у него еще бывают проблески человечности.

И добавил спустя мгновение:

— Доказательство: в последний момент он не смог вынести того, что выдает нас людям В безоружными. Он решил оставить нам шанс. — Севила усмехнулся. — Очень маленький шанс.

Севила вынул кормовое весло, положил его на дно резиновой лодки, взял электрический фонарь из рук Питера и направил спон лучей на дельфинов.

— Фа! Би! — произнес он громко и добавил, когда они высунулись наполовину из воды и оба одновременно положили головы на валики. — Ведите себя тихо. Я должен поговорить с Питером.

Взгляд Питера переходил с одного дельфина на другого.

— Фа и Би? — глуховато произнес Питер. — А этот крупный дельфин сегодня утром?..

— Дикий дельфин, прирученный Дэзи.

Питер кивнул головой:

— Я начинаю многое понимать.

Севила направил на него луч света. Питер прищурился. Севила опустил фонарь, свет скользнул по груди юноши, его светлое, открытое, простодушное лицо, освещенное косым лучом, приобрело внезапно необычную резкость и возмужалость, даже две ямочки на щеках чуть повыше уголков губ казались более глубокими и суровыми, подбородок выдался вперед, сухожилки шеи обрисовались четко, как у атлета в момент напряжения сил, все черты стали резче и суровее, даже глаза, глубже запавшие под надбровными дугами, стали не такими мальчишескими.

— Питер, — сказал Севила, — я привез вас сюда, в грот, прежде всего для того, чтобы показать вам,

что Фа и Би живы. Я хочу, чтобы позднее, если это потребуется, вы могли бы засвидетельствовать, что вы их видели живыми утром 9 января, то есть на следующий день после того, как взрыв уничтожил «Кариби». Извините меня, что я увез вас от Сюзи, едва только вы высадились, но я хочу поговорить с вами в спокойной обстановке, здесь, в гроте, не опасаясь электронного шпионажа. Теперь, когда Адамс предоставил им полную свободу в выборе средств, эти господа пустят в ход все свои таланты. Итак, первый вопрос: была ли установлена за вами слежка?

— Да.

— Начиная с какого момента? На море? Или как только вы ступили на сушу?

Питер отрицательно покачал головой и сказал громко, даже как-то весело и задорно:

— Нет, гораздо хитрее! Они отлично знают, что на берегу я первым делом отправляюсь разыскивать на стоянке свой форд. Так вот, стоило мне подойти к ней, как я увидел, что до моего форда нельзя добраться, он со всех сторон заставлен машинами, расположенными самым невероятным образом; дежурному понадобилось целых полчаса на то, чтобы его высвободить, и у распорядителя было достаточно времени позвонить куда следует. Когда я, наконец, выехал, я заметил довольно далеко за собой черный дожд, за дождем еще голубой оулдсмобил, затем старый и довольно грязный крайслер неопределенного цвета, потом еще один дожд. Да, я забыл, вернемся на стоянку. Я искал на ней глазами ваш бьюик. К нему так же не пробиться, как к моему форду. Однако вы его поставили всего позавчера вечером, и согласно вашей просьбе его вымыли — на дверцах есть еще следы от струек воды, — парням на стоянке пришлось, наверно, изрядно потрудиться после мойки, чтобы загнать машину в самый дальний угол. Просто даже смешно видеть ваш чистенький бьюик в куче этих грязных колымаг, которые стоят там, не трогаясь с места, месяцами. Тут-то для меня и начало кое-что проясниться.

Севила посмотрел на Питера. Он казался таким юным, таким веселым, был так горд своим умением

наблюдать и делать выводы. Еще слава богу, что его не похитили вместе с Сюзи там, на материке.

— Они уверены, что этим вечером мы все попадем к ним в лапы, — сказал Севилла с настойчивостью в голосе. — Наступило время нам расстаться.

Питер посмотрел на него с недоумением, обескураженно.

— Нет, Питер, не задавайте вопросов. Нет ничего тяжелее для меня, чем необходимость отослать вас, но это действительно абсолютно необходимо. Нам четверым грозит смертельная опасность. Мы должны бежать и скрыться. И времени у нас в обрез. Ночью мы покинем остров. Вы в маленькой лодке отправитесь на материк. Я возьму большую. Я не хочу вам говорить, куда я поеду. Но вы и Сюзи, вот что вы должны сделать: вы возьмете с собой только самые необходимые вещи, затем ленты с записью свистов Дэзи, все, что мы успели сделать на острове; вы возьмете еще два письма: одно для Мэгги, чтобы она знала, что ей тоже необходимо скрыться, и как можно скорее, другое, очень важное, для Голдстейна. Как только вы убедитесь, что за вами нет слежки, вы должны отправить оба эти письма. Но я забегаю вперед. Когда вы доберетесь до материка, ни в коем случае не показывайтесь на стоянке, отправляйтесь на ближайшую ремонтную станцию; ручаюсь, что вы найдете там «великолепную машину», продающуюся по случаю, вы ее купите.

Питер нахмурился.

— Я дам вам все, что необходимо, — сказал Севилла. — Гоните всю ночь, утром, на другой станции, я вам советую — продайте машину, даже за убыточную цену, и купите новую в другом гараже и проделайте такую же операцию по крайней мере еще раз. Вы доберетесь до Канады, из Канады вы отправитесь в Европу. Я думаю, что на границе не возникнет никаких осложнений, вас преследует не ФБР, а ведомство, которое, конечно, не посвящает ФБР в свои секреты. Я знаю, что вы собираетесь сказать, Питер, но я должен вам возместить убытки за нарушение контракта, и вы, вне всякого сомнения, заслужили после всей

проделанной нами вместе работы год спокойной жизни где-нибудь в Европе.

— Простите, — сказал Питер, — но выплата подобного рода неустойки не предусмотрена в моем контракте.

Севилла улыбнулся;

— Ну что же, это пробел, который я хочу восполнить. Во всяком случае, что вы прикажете мне делать со всеми этими деньгами?

Питер некоторое время смотрел на него молча.

— Я хочу задать вам вопрос. Один-единственный. Должен ли я взять с собой оружие?

— Это вопрос, — произнес Севилла, — на который вы должны ответить сами. Я не знаю, как далеко заходит ваше уважение к человеческой жизни.

Питер распрямил плечи и посмотрел Севилле в глаза.

— Я задам этот вопрос иначе. Если они нападут на наш след и сумеют нас захватить, как по-вашему, станут они нас пытаться, чтобы заставить говорить?

— Думаю, что да.

— И Сюзи тоже? — спросил Питер прерывающимся голосом.

Севилла нахмурился.

— Поверьте мне, они не станут делать различия.

Нигде в доме не зажигали света, окна и двери были закрыты, лишь иногда на мгновение, собирая вещи, включали электрический фонарик. На террасе над головами людей простирался нависший свод огромных черных туч, неподвижный, удушающий, без единого серого просвета. Ночь обещала быть такой же темной, как накануне. Севилла испытывал странное чувство в сумерках, которые давили и ступались с каждой минутой. Вчетвером, одетые во все темное, — женщины были в брюках, — они сновали из дома на террасу, с террасы на пристань, бесшумно готовясь к отплытию. Они ходили босиком и иногда обменивались шепотом едва слышными словами. Четыре тени, все менее и менее различимые в наступающем мраке,

скользящие навстречу друг другу, расходящиеся в разные стороны, встречающиеся снова, удаляющиеся и вновь приближающиеся. Вначале Севилла узнавал своих спутников по силуэтам: Арлетт — самая маленькая, Питер — самый большой, Сюзи — средняя между ними, — но даже это различие сглаживалось, исчезало, мрак стер и поглотил силуэты, движение замедлилось. Теперь Севилла улавливал чье-то присутствие, лишь услышав вблизи себя дыхание. Рука прикоснулась к его груди. Он схватил ее. Рука Питера. Голос прошептал ему на ухо:

— Мы кончили, пора двигаться.

— Питер, — торопливо сказал Севилла, — я видел, что вы взяли револьвер. Мой совет — возьмите лучше гранаты. Когда несколько противников выскакивают вооруженными из машины, спасает только граната.

Сзади Арлетт, дыша ему в шею, шепнула:

— Сюзи хочет с тобой попрощаться.

Рука коснулась его плеча. Это была Сюзи. Она сказала ему на ухо тихо, вкладывая в слова всю душу:

— Желаю удачи, Генри. Желаю удачи.

Она впервые назвала его по имени, он почувствовал, что она берет его лицо в свои ладони, наклонилась, она прижала губы к его щеке и повторила одним дыханием и с той же проникновенностью:

— Желаю удачи, Генри.

Она отняла руки. Послышалось короткое сдавленное рыдание. Он понял, что женщины обнялись.

Севилла вздохнул всей грудью: добрая воля, забота о других, глубокая привязанность — все это тоже есть в человеке. Рука Питера скользнула вниз по его плечу, он поймал ее и сильно сжал.

— Пит, — сказал он тихо, припав губами к уху юноши, — я беру у вас маленькую лодку, чтобы поехать за Фа и Би.

Он сделал два шага к гавани, кто-то приблизился к нему. Знакомый запах волос, свежесть рук. Это Арлетт. У Арлетт невероятный слух, за метр от него она все расслышала. Она прижалась к нему, дотянулась до его уха:

— Я поеду с тобой, Генри.

Они проникли в расселину, где узкая лента воды образовывала бесчисленные зигзаги. Арлетт только изредка на мгновение приходилось зажигать фонарь. Уже в третий раз за сегодняшний день Севилла проделывал этот путь, он знал его почти весь на ощупь, как знаешь темный коридор в доме, где прошло детство. По мере того как они все дальше проникали в скалу, он испытывал глубокое чувство облегчения и безопасности. Что-то подобное, вероятно, испытывали доисторические люди, когда они обнаруживали извилистую пещеру на склоне холма, даже если им приходилось сначала выгнать оттуда медведей, чтобы завладеть этим убежищем. Рогатины и топоры против клыков и когтей. Но стоило сражаться со стайей мохнатых «стопоходящих» великанов, чтобы завладеть их теплой, темной, глубокой и недоступной берлогой, где, прижавшись друг к другу, слившись в единую, источающую тепло человеческую грудь, будущие владыки и разрушители планеты чувствовали себя столь же огражденными от ужасных опасностей внешнего мира, как во чреве матери.

— Ты можешь не гасить фонарь, — сказал Севилла громко, отталкиваясь двумя руками от скалистых стен последнего прохода, чтобы проникнуть в грот. Возможность снова громко говорить и видеть все вокруг представилась какой-то новой, неизведанной еще радостью.

— Фа! Би! — воскликнул он. Дельфины вынырнули около лодки, веселые, игривые, оживленные. — Нет, нет, не брызгайтесь, — крикнул Севилла, — нам предстоит долгий путь ночью по морю, мы замерзнем, если будем мокрыми. И слушайте: на фарватере и в море ни одного слова, ни одного слова на языке людей, говорите только свистами. Перед нами враг, справа и слева — враг.

Арлетт рассмеялась, это был ее первый смех за два дня.

— Дорогой, — сказала она с возбуждением, которого не могла подавить, — ты говоришь, как главнокомандующий, и у тебя также военные тайны, невероятнее всего то, что даже я не знаю, куда мы поплывем.

— Куда? На Кубу, — сказал он. — Я только об этом и думаю со вчерашнего дня. Мне даже казалось, будто я это тебе уже сказал. Отсюда, от Ки-Уэст, до Марианао едва сто пятьдесят километров. Куба — самое близкое иностранное государство и к тому же единственная страна в Латинской Америке, где то обстоятельство, что вы лишены американского паспорта, служит своего рода рекомендацией. Единственное также, откуда мы можем легко добраться самолетом до Праги, может быть, с кубинскими паспортами. Наша цель ясна: если нас не успеют схватить, оказаться вместе с Фа и Би до 13 января в одной из европейских столиц, чтобы во всеуслышание провозгласить истину. Мы провозгласим ее, если за это время Голдстейн не получит моего письма и не сумеет убедить Смита при помощи записи, сделанной сегодня утром. Мне кажется, что эта записка и сообщение о том, что мы с Фа и Би находимся в Праге, должна заставить Смита бить отбой. Мне не хотелось бы созывать пресс-конференцию, дабы рассказать о страшных вещах, творимых секретными службами в нашей стране. Будет вполне достаточно, если Смит заявит, что комиссия, изучавшая обстоятельства взрыва на «Литл Рок», сочла его гибель результатом несчастного случая.

В крошечной тьме обе лодки снова стояли рядом. Моторы были подняты. Весла лежали на валиках. Говорить приходилось вновь еле слышным шепотом. Севилла опять почувствовал тревогу, испытанную им несколько часов назад, когда дельфины сказали, что Боб знал все. Севилла ждал, когда Питер кончит укладывать свои мешки в маленькой лодке. Ожидание угнетало его, нервы были взвинчены, в висках стучало, под мышками струился пот, бездействие становилось невыносимым. Арлетт взяла его за руку, он тотчас же высвободил ее, ладонь была вся мокрая. А Питер никак не может закончить, он всегда такой скрупулезный, такой педантичный. Безумное нетерпение овладело Севиллой, гнев, смешанный с паникой. Он открыл рот — но сдержал себя. Наклонился к носу лодки и замер,

как загипнотизированный. На него смотрел светящийся диск бортового компаса, как дружеский знак в океане темноты, единственно прочная и надежная точка во враждебном мире. И внезапно он вспомнил. Лето 1944 года. Нормандия. За изгородью во время ночной атаки светящиеся стрелки его наручных часов как будто вспыхнули и четко выделились в угрожающем смертном мраке. И тогда он почувствовал облегчение, все стало на свои места, разум вновь вступал в свои права. «Тодд, возьмите десяток человек, отправляйтесь разведать, что там у ручья, который слышится в глубине долины, и, если вам придется стрелять, не стреляйте друг в друга». Ощущение кошмара, когда надо двигаться вслепую и попадаешь все время в ловушки. Дьявольские нормандские изгороди. За каждой — немецкий пулемет, великолепно замаскированный, выжидающий в абсолютной темноте. Каждый раз от моего авангарда ничего не оставалось. Они умели сражаться. Прохладные руки Арлетт легли ему на затылок, он почувствовал ее губы около своего уха:

— Питер готов.

— Ну что ж, тронулись, — сказал Севилла.

Где-то что-то треснуло, внезапно, громко, как разорвавшийся парус. Но нет, это безумие пускаться в море среди сплошного тумана, когда ничего не видно и ничего предварительно не разведано.

— Подождем, — сказал он, — вели ему подождать.

Он перегнулся через валик и осторожно хлопнул два раза по поверхности воды. Секунду спустя его пальцы коснулись теплой гладкой массы, он провел рукой: они оба были здесь. Он негромко свистнул подельфину: «Фа! Би!» Странно, как хорошо вписывается свист в порывы ветра и плеск воды, разбивающейся о скалы. Что должны думать там эти люди, прильнувшие к своим аппаратам?

— Фа, Би, ты поплывешь по фарватеру до выхода в открытое море.

— А потом?

— Может быть, там есть корабль, лодка. Может быть, «человек-лягушка». Ты вернешься и скажешь.

Тишина и затем свист Фа.

— Есть «человек-лягушка». Он плывет к нам. Что я делаю?

— Ты его оглушишь.

— О нет, — сказал Фа. — Я его оглушаю, он то нет, и он умирает. О нет.

— Ты его не оглушишь — он нас убивает.

Снова тишина и свист Би.

— Я перегрызаю его трубку зубами. Он поднимается наверх. Я ударяю его слегка сзади, и я выбрасываю его на скалы.

Великолепный отказ от насилия: вывести противника из строя, но сохранить ему жизнь.

— Хорошо, — сказал Севилла.

Они исчезли, и он представил себе их обоих скользящими в черной воде. Сонар обрисовывает перед ними все препятствия так же четко, как если бы они их видели. Они плывут — вытянутые вперед, стройные, скользящие, как стрелы, толкаемые могучими, гибкими, экономными движениями хвостового плавника бесшумно, не оставляя за собой ни завихрений, ни ям, такие же неуловимые, как сама вода, вонзающиеся в нее легко и свободно, составляющие с ней единое целое. При такой скорости их вес превращается в грозное оружие — сто шестьдесят — двести килограммов мускулов в оправе из эластичной кожи, управляемые мозгом, таким же искусственным, как у человека, но контролируемым добротой.

Несколько секунд спустя Севилла почувствовал, что дельфины снова у него под рукой. Фа свистнул.

— Такая же лодка, как твоя. Резиновая. Но только больше.

— Лодка плывет?

— Нет, стоит на якоре, у входа.

Стоят на страже, подстерегая их, преграждая путь. Люди должны были понять — и подслушивая по радио и когда радио замолчало, — что они готовятся к бегству.

Севилла задумался. Губы Арлетт коснулись его щеки:

— Питер говорит, что надо подойти и атаковать их, забросав гранатами.

Севилла на ощупь нашел ухо Арлетт:

— Нет. Скажи ему, что нет. Надо видеть, куда бросать гранаты. И если будет схватка, то убитые будут с обеих сторон. С нашей тоже.

Он опять погрузился в молчание, время шло, пот струился по его ладоням.

— Что я делаю? — сказал Фа.

— Как поставлена на якоре лодка?

— Веревка и что-то на конце.

— Веревка? Ты уверен? Не цепь, веревка?

— Да.

Севилла выпрямился.

— Ты ныряешь. Ты перегрызаешь веревку зубами. И ты тянешь лодку тихо-тихо.

— Куда?

— Направо. Там есть течение. Надо его найти.

— Би его найдет, — сказала Би.

Они исчезли. Губы Арлетт снова коснулись щеки Севиллы.

— Как только лодка начнет двигаться, они это почувствуют.

Севилла провел ладонью по лицу Арлетт, поднял прядь ее волос, склонился к уху и произнес еле слышно:

— Нет, ночь очень темная, ориентиров не видно.

Он окунул правую руку в воду и подумал: «Если они и заметят, то поздно, они сядут где-нибудь на камни, потеряв координаты и, даст бог, продырявив в нескольких местах лодку».

Он склонился за левый борт и пошарил рукой, ища руку Питера. Когда он дотронулся до нее, он почувствовал, что Питер к нему наклоняется.

— Питер, если Фа и Би сумеют все сделать как надо, то по выходе из фарватера в море плывите на веслах в течение часа, держа все время влево, затем включите мотор, через пять минут выключите его, внимательно прислушайтесь, включайте снова и делайте так все время.

Наступила тишина. Затем Питер сказал:

— Если путь открыт, почему не воспользоваться этим сразу и не включить мотор на полный ход?

— Нет, — энергично возразил Севилла, — где-нибудь, конечно, стоит основной катер или лодка, они дадут туда сигнал по радио, сонар сразу же выловит ваш мотор, и через минуту вы будете настигнуты. Как вы знаете, в эти воды рыбаки заходят редко.

— Па, — свистнула Би, — где твоя рука?

Севилла погрузил руку в воду, и Би потерялась о нее.

— Очень забавно, — сказала она, — лодка плывет, они ничего не чувствуют.

— Они говорят между собой?

— Нет, — сказал Фа, — они не говорят. Лодка плывет. Они не говорят.

Би фыркнула. Севилла перегнулся за левый борт.

— Питер, — сказал он шепотом. — До свидания!

И в то же мгновение с одной лодки к другой в темноте через валики, в молчании потянулись четыре руки, сначала на ощупь искавшие друг друга, затем несколько секунд никак не хотевшие разомкнуться. Севилла проглотил слюну, его сердце яростно билось. Странная вещь, каждая минута становилась такой напряженной, что она исчезала прежде, чем кончалась; несколько секунд — и настоящее становилось прошлым, которое надо было уже искать в памяти.

— Отчаливайте, Пит, — прошептал Севилла.

Он слышал, как тот развернулся, взял разгон.

Би свистнула:

— Я ему помогу.

Севилла вдел свои весла и начал осторожно грести. Но почти тотчас же вынул их. Фа толкал лодку сзади. Севилла свистнул:

— Не торопись, Фа.

Он вынул одно весло, отдал его Арлетт и сказал:

— Следи, чтобы мы не наткнулись на берег.

Но Фа толкал лодку по правильному курсу, корректируя свой путь с такой точностью, как будто он все ясно видел перед собой.

При выходе в открытое море сильный порыв южного ветра ударил по лодке, и она закружилась и запрыгала по волнам. Севилла, гребя веслом по левому бор-

ту, выравнивал курс до тех пор, пока стрелка компаса не стала указывать на юг. Он свистнул.

— Фа, ты можешь держать путь все время на юг?

— Конечно, могу, — ответил Фа.

— Позови Би.

— Я здесь, — сказала Би.

Лодка пошла быстрее: очевидно, Фа и Би стали толкать ее вместе. Севилла положил весло Арлетт на дно, но не выпускал свое из рук. Он сел и почувствовал, как к нему прижалась Арлетт, положила ему голову на плечо. Ее волосы касались его лица. Би свистнула:

— Па, почему ты не включаешь мотор?

Севилла нагнулся, он ничего не видел. Он даже не слышал их — так бесшумно они плыли. Они, должно быть, толкали лодку с двух сторон, там, где задние валики соединяются с кормовой частью. Он свистнул:

— Позже, Би. Мы еще очень близко, у них есть машины, которые слышат шум моторов. Ты устала?

Би издала свист, похожий на смех, за которым последовал такой же смех Фа. Уже давно Фа и Би не были так счастливы. Толкать по воде триста килограммов — лодку, сидевших в ней людей и мотор — не представляло для них никакого труда. Это была игра, самая чудесная из игр. Долгая неожиданная прогулка в открытом море с Ма и Па! Они понимали значение того, что делали: они помогают добрым богам бежать от злых богов. Все снова встало на свои места.

Севилла спросил:

— Сколько времени вы сможете толкать?

Дельфины обменялись свистами, и Фа сказал:

— Длинный путь и половина длинного пути.

Севилла взглянул на светящийся циферблат своих часов. Десять часов тридцать пять минут. Допустим, час. Надо учитывать склонность Фа к хвастовству. В одиннадцать часов тридцать пять минут он включит «Меркьюри». Начнется самое опасное. Он пошлет Фа на две мили вперед, Би будет плыть на две мили позади лодки, сонары обоих дельфинов смогут обнаружить подозрительные суда и лодки. Сейчас, бесшумно скользящий по морю в крошечной тьме ночи, Севилла был

так же неуловим, как рыба. Его могли засечь лишь сонары на баках военно-морского флота США, столь чувствительные, что они улавливают на расстоянии нескольких миль дыхание кита и фонтаны выбрасываемой им воды. Но, во всяком случае, подумал Севилла, дыхание дельфинов нельзя даже сравнивать с этими шумами. Он опустил руку за борт, и его пальцы почувствовали сильный напор бурлящей воды.

— Великолепно, — сказал он тихо, — они толкают нас со скоростью по крайней мере в десять узлов.

Арлетт ничего не ответила, молчание казалось бесконечным, по вздрагиванию ее тела он понял, что она плачет, прижавшись к его шее. Он положил левую руку на ее плечо. Он ждал. И внезапно он подумал: вчера, всего лишь вчера Голдстейн приехал на остров, кажется, что прошло так много времени, а на самом деле — так мало: день, ночь, день, и к середине второй ночи они потеряли все — у них нет больше «Кариби», нет пристани, нет дома, нет острова и даже нет родины. «Но, по правде сказать, это мне безразлично, сейчас не время цепляться за свою личную маленькую конуру — если будет атомная война, нам все равно не сохранить ничего, в том числе и самой планеты. Абсурдность всего этого приводит в отчаяние. Когда дерутся животные, они делают это, чтобы добыть пищу или защитить свои владения, но никогда они не замысливают уничтожения всего рода и земли, по которой ходят».

Арлетт шепнула ему на ухо:

— Ты думаешь, что у нас есть шансы вырваться?

Он ответил успокаивающим тоном:

— Я думаю, что да.

Он сидел за рулем на надувном сиденье. Арлетт рядом. Глаза его были устремлены на компас, левая рука сжимала весло, он мог в любой момент одним-двумя взмахами придать лодке правильное направление, но в этом не возникало необходимости. Как удавалось дельфинам толкать лодку все время точно на юг, ни разу не сбиваясь с курса, несмотря на порывы ветра, сносившие лодку в сторону, и косые длинные волны, которые захватывали их самих?

Арлетт выпрямилась.

— Я не боюсь умереть, — сказала она порывисто, — я боюсь, что нам не удастся ничего сделать.

— Мы все сделаем, — твердо ответил Севилла.

В действительности он далеко не был в этом уверен, им могло и не повезти. Он не был настолько наивен, чтобы верить в неизбежность победы всякого справедливого дела, но он не мог позволить себе роскошь быть пессимистом. Перед ним был лишь один путь — бороться и надеяться. С ними была истина, способная не дать миру погибнуть. Фа и Би, еще раньше их, только из любви к людям,несли Бобу в изнуряющей двадцатичетырехчасовой гонке эту истину. Боб отказался от нее. И этой ночью, в эту минуту в Карибском море человеку давался последний шанс. Огромность ставки в этой игре внезапно поразила Севиллу, он ни разу не представлял себе еще всего с такой четкостью. И как будто она следила за ходом его мыслей, Арлетт сказала ему на ухо с дрожью в голосе:

— Если мы добьемся успеха, тогда благодаря нам...

Она не закончила фразу. Он повторил про себя: «Благодаря нам...» — с чувством сомнения, так, словно, будучи человеком, он оставался причастен против своей воли к человеческому безумию и жестокости, даже когда он боролся с ними. Он слушал, как вода с плеском ударяется о валики резиновой лодки; когда нос, поднятый волной, опускался в провал, от удара трещал разборный деревянный пол у него под ногами. Воздух был теплым, и таким же теплым было Карибское море. Опуская в него руку, он не чувствовал холода. Оно простиралось вокруг них, темное, с глубинами, полными жизни, достаточно богатое рыбой, чтоб кормить веками индейцев и белых, если бы последние не сочли более удобным истребить первых. Он не слышал Фа и Би, они не обнаруживали себя ничем, кроме ритмичного шума дыхания, когда они поднимали головы на поверхность и вбирали воздух.

— Благодаря нам, — сказал он вполголоса, — или благодаря человечности дельфинов?

Политика и литература

(Вместо послесловия)

Юрий Жукэв

Кресту лучших, наиболее глубоко мыслящих французских писателей надо сказать, что им свойственна острая заинтересованность в решении важнейших проблем современности, и прежде всего проблемы войны и мира. Это хочется подчеркнуть особо именно сейчас, когда буржуазные идеологи буквально лезут из кожи вон, пытаясь уговорить литераторов держаться в стороне от политики, посвящать свои досуги лишь копанию в закоулках собственной души и формальным изысканиям.

В 1967 году в Париже вышли в свет несколько интереснейших политических романов видных писателей, которые сочли своим долгом активно включиться в борьбу против сил войны, угнетения и реакции, прежде всего — против американского империализма.

Роман Робера Мерля «Разумное животное» — один из них. Сам Мерль охарактеризовал этот роман в предисловии к нему как «политико-фантастический»; однако содержание его настолько актуально, что читатель воспринимает это произведение не как фантастику, а как предупреждение о той страшной угрозе человечеству, которую представляют собой действия американской военицины.

Стремясь подчеркнуть актуальность угрозы, которую навлекает на весь мир американская военицина, Мерль вмещает действия, развертывающиеся в романе, в точные рамки времени: события начинаются 28 марта 1970 года и заканчиваются в ночь с 8 на 9 января 1973 года.

Напомним о том, что многие писатели, и прежде всего Карел Чапек в своем знаменитом пророческом

романе «Война с саламандрами», уже трактовали подобный полуфантастический сюжет, Робер Мерль заявил в том же предисловии:

«Работая над книгой тридцать лет спустя после Чапека, я не должен был выдумывать, как он, одаренного разумом морского млекопитающего — наука достигла большого прогресса, и теперь мы знаем, что животное, действовавшее в мире фантазии Чапека, существует в реальной действительности: это дельфин*...

«Иностранная литература», 1968, № 8

Андре Стиль

Новый роман Робера Мерля является одним из первых произведений — и этим он выделяется из общего потока литературы наших дней, — где используются самые передовые завоевания молодой науки — психологии животных... Мы найдем в нем драматическую реальность нашего мира, все те политические и прочие проблемы, от которых каждое утро, когда мы открываем газеты, мучительно сжимается и бьется наше сердце...

Речь идет о дельфинах. И о людях. И не о каких-нибудь, а о тех, которые призваны решить проблемы, которые касаются нас всех. Об ученых, о стратегах. В этой книге вопросы поставлены со всей остротой, доведены до конца: насколько интенсивна сообразительность животного, его способность чувствовать, до какой степени могут понять его люди? Как далеко может зайти сегодня бесчеловечность полицейского контроля, доносов, науки, обращенной во зло?

«Юманите», 7 декабря 1967 года

* Французская пресса, комментируя роман, подтверждала, что уже сейчас США тратят 500 миллионов долларов в год на научные работы с дельфинами, имея в виду их возможное использование в войне. (Прим. автора.)

РОБЕР МЕРЛЬ

(род. 29/VIII 1908) — французский писатель. По профессии Мерль — филолог, специалист по английской литературе, в настоящее время он профессор Парижского университета.

С именем Робера Мерля советские читатели впервые встретились в 1952 году в журнале «В защиту мира»: там печатались отрывки из его романа «Смерть — мое ремесло» (вышел в 1963 году в Издательстве иностранной литературы). Эта книга — обвинительный акт против фашизма. Мерль рассказал в ней о воспитании, жизни и кровавых злодеяниях коменданта Освенцима нацистского палача Рудольфа Ланга.

Мерль выстрадал свои антифашистские убеждения, на себе испытал, что такое война. Он видел ад Дюнкерка и три года провел в немецком плену. Трагические впечатления войны легли в основу его первого романа «Уикенд на берегу океана» (1949), который был удостоен высшей литературной награды Франции — Гонкуровской премии (опубликован на русском языке в 1969 году в издательстве «Художественная литература»).

Пьеса «Сизиф и смерть» (опубликована в журнале «Иностранная литература», 1955, № 4) — остроумная полемика с экзистенциалистской философией, утверждение принципов активного гуманизма. Яркий антирасистский роман «Остроз» (вышел в Издательстве иностранной литературы в 1963 году) в условной форме исторической притчи показывает борьбу колониальных народов за освобождение. Документальное повествование «Монкада, первая битва Фиделя Кастро» (опубликовано издательством «Прогресс» в 1967 году) — волнующий рассказ о революционной борьбе героического народа Кубы.

Содержание

От автора	5
Разумное животное	9
Политика и литература (Вместо послесловия)	
Юрий Жуков, Андре Стил . . .	380

Мерль Робер. РАЗУМНОЕ ЖИВОТНОЕ. Роман. Пер. с франц. Н. Разговорова и Л. Токарева. М., «Молодая гвардия», 1969. 384 с. (Б-ка современной фантастики. Т. 17). И(Фр.)

Редактор Б. Клюева. Художественный редактор Л. Белов. Технический редактор И. Егорова. Сдано в набор 18/VI 1969 г. Подписано к печати 7/X 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага №1. Печ. л. 12 (усл. 20,16). Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 215 000 экз. Зак. 1105. Цена 1 р. 21 к. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушеская, 21.

9 р. 94 к.

МОЛОДЫЕ РАДЫ